

**ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ**

ПАЛАДИНЫ

РОССИЙСКОЙ

ИМПЕРИИ

ТОМ СОРОК ШЕСТОЙ

2023

Дорогие наши читатели! «Исторический вестник»
продолжает свою работу. Мы благодарны вам
за неослабевающий интерес к нашему журналу,
надеемся и впредь радовать вас новыми
открытиями и уникальными публикациями.

Журнал издается при попечении
Российского исторического общества.

ISSN 2306-4978

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ПАЛАДИНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Разведчики, дипломаты, путешественники

ТОМ СОРОК ШЕСТОЙ

Под общей редакцией Т.Ю. Кобищанова

МОСКВА, 2023

Компьютерный набор редакции.
Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 27.12.2023 г. Формат 84×108 1/16.
Усл.-печ. л. 28. Заказ № 22853.

Адрес редакции: 119071, Москва, Ленинский просп., 15А
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 3 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2023

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут
не совпадать с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-
макета в типографии ООО «Сам Полиграфист», издательство «Onebook.ru».
Адрес: 129090, Москва, Волгоградский просп., д. 42, корп. 5.
E-mail: info@onebook.ru. Сайт: www.onebook.ru

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

А.Э. Титков
главный редактор, кандидат исторических наук

И.Я. Керемецкий
зам. главного редактора, художественный редактор

К.А. Давыденко
технический редактор

Т. Лефко
редактор английской версии

Е.А. Радзиевская
ученый секретарь

Т.И. Маляренко
корректор

Редакционный совет

М.В. Баранов
кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»

С.П. Брюн
генеральный директор Новгородского государственного объединенного музея-заповедника

Р.Г. Гагкуев
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН

В.З. Голдман
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Университета
Карнеги-Меллона

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Ph.D. in History

Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor

Kseniya A. Davydenko
Technical Editor

Todd Lefko
Editor of the English Version

Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Tatyana I. Malyarenko
Proofreader

Editorial Board

Mikhail V. Baranov
Ph.D. in Philosophy, President of ANO «Runivers»

Sergei P. Brun
Executive Director of the Novgorod State United Museum-Reserve

Ruslan G. Gagkuev
D. Sc. (History), Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy
of Sciences

Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University,
History Department

А.А. Горский

доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института российской истории РАН

С.В. Девятков

доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Д.Р. Жантиев

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

С.М. Исхаков

доктор исторических наук, заместитель председателя Секции «История социальных реформ, движений и революций» Научного совета РАН по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории

Г. Кантор

доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж

С.А. Кириллина

доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

Т.Ю. Кобищанов

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

И.В. Курюкин

доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ

Г.Н. Ланской

доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ

Anton A. Gorskiy

D. Sc. (History), Professor, Deputy Director of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History

Sergey V. Deviatov

D. Sc. (History), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty

Dmitriy R. Zhantiev

Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Salavat M. Iskhakov

D. Sc. (History), Vice-Chairman of the Section «History of Social Reforms, Movements and Revolutions» of the Scientific Council of the Russian Academy Sciences on the Fundamental Issues of Russian and Foreign History

Georgy Kantor

D. Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford

Svetlana A. Kirillina

D. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University

Taras Y. Kobishchanov

Ph.D. in History, Associate Professor at the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies

Igor V. Kurukin

D. Sc. (History), Professor at the Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department

Grigoriy N. Lanskoj

D. Sc. (History), Professor of the Department of Foreign Regional Studies at the faculty of International Relations, Politology and Foreign Regional Studies of Russian State University for the Humanities

- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- С.В. Орлов**
кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- К.А. Панченко**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, академик РАН
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, главный редактор журнала «Исторический вестник»
- А.А. Улунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамаен-Анттила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет
- В.В. Хутарев-Гарнишевский**
кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Московского государственного института культуры

-
- Gail D. Lenhoff**
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey**
Ph.D. in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez**
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Stepan V. Orlov**
Ph.D. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of the History of Social Movements and Political Parties at Moscow State University, Historical Faculty
- Daniel Panateri**
Ph.D. in History, Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Constantin A. Panchenko**
D.Sc. (History), Professor of the Institute of Asian and African Studies of the Moscow State University (Department of the Middle Eastern History)
- Efim I. Pivovar**
Chairman of the Editorial Board of the Historical Reporter, D. Sc. (History), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Academician of Russian Academy of Sciences
- Alexey E. Titkov**
Ph.D. in History, Editor-in-Chief of the Historical Reporter
- Arutyun A. Ulunyan**
D.Sc. (History), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila**
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies
- Vladimir Hutarev-Garnishevsky**
Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State Institute of Culture

ОТ РЕДАКЦИИ

ПЕРВОПРОХОДЦЫ И ЧАСОВЫЕ ИМПЕРИИ

Чему посвящен представленный номер журнала? Четырехвековой истории российского проникновения на Азиатский и Африканский континенты? Сопровождавшей это проникновение светской и церковной дипломатии, разведке и шпионажу? Специфике жанра российских тревелогов, начавшегося с паломнических «хождений» и, пройдя через путевые заметки и бюрократические отчеты, вознесшегося до вершин высокой литературы? Или перед нами просто портреты плеяды путешественников, дипломатов, разведчиков, ученых, лиц духовного звания, причем многие из них естественным образом совмещали разнообразные занятия? Ожидаемый ответ на эти вопросы: «и тому, и другому, и третьему». Но не только. На наш взгляд, через вереницу портретов вырисовываются контуры российского ориентализма Нового времени, истории накопления и систематизации им знаний по географии, общественно-политическому состоянию, этнографии и лингвистике стран Востока. Российское академическое и «прикладное» востоковедение XVIII–XIX вв. было поначалу весьма наивным, потом все более многоопытным, оставаясь во многом самобытным, но преимущественно созвучным ориентализму европейскому.

«Ориенталистский» взгляд (в значении, которое было введено в научный оборот Эдвардом Саидом¹) был характерен для российских путешественников на Восток, начиная с допетровских времен. Однако у отечественного ориентализма была своя специфика. Московское княжество, превратившееся в XVI в. в Московское царство, развивалось на пограничье исторического Востока и Запада. В чем-то российский опыт можно сравнить лишь с судьбой королевств Иберийского полуострова. За исключением северных окраин российская государственность формировалась с XIII в. под доминированием Востока: Золотой Орды; затем,

¹ Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006.

с XV в. — в борьбе с ее осколками: Казанским и Крымским ханствами и в ставшем продолжением этой борьбы противостоянии с Османским государством. В конце XV в. Москва бросила вызов Стамбулу за право считаться наследником Византийской империи и на протяжении почти столетия училась у своего южного соседа, восприняв у того ряд социально-политических институтов: от поместного дворянства до стрелецких корпусов². XVII в. стал эпохой нового взгляда на Восток, амбициозных идей «православного ренессанса» и «православной реконкисты». Именно в это время активизировались «хождения» к Святым местам Палестины и контакты с единоверцами (потенциальными союзниками) внутри Османской империи. Реформы Петра I, нацеленные на модернизацию страны, перестроили российскую военную машину по западному образцу, нацелив ее на экспансию по различным направлениям, в том числе на юг и на восток. В начале XVIII в. Россия предприняла военные вторжения на Османские Балканы (1711 г.), в Центральную Азию и Восточный Туркестан (1713–1714 гг.), в Иранский Прикаспий (1722–1723 гг.). В большинстве первые попытки дальней экспансии оказались неудачными. Царства Востока стали пятиться и рушиться под российским натиском лишь с конца XVIII столетия, и динамика их падений ускорилась в последовавшие полтора века, пока не была прервана Русско-японской войной.

Однако за время этой экспансии европеизированная российская элита приучилась свысока, хотя и с пристальным интересом вглядываться в восточные реалии, изучая их и описывая, прикидывая, как их использовать в практическом смысле, и делая пространные умозаключения. Ощущение своего превосходства изначально подпитывалось чувством исповедания единственно истинной православной веры, что являлось лейтмотивом «хождений» паломников-россиян XVI–XIX вв.

² См.: *Нефедов С.А.* Реформы Ивана III и Ивана IV: османское влияние // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 30–53.

и сохранялось у действовавших за рубежом клириков Российской церкви вплоть до Новейшего времени. По мере вестернизации российских элит XVIII — начала XX в., в которых появился мощный западноевропейский субстрат, в их высокомерном отношении к Востоку зазвучали новые ноты. Акцент стал делаться не на религиозном, а на цивилизационном различии; не на ложности веры, а на «отсталости» и «непросвещенности» восточных народов, «инертности» и «деспотизме» их правителей. В духе европейской интеллектуальной традиции того времени восточные общества стали рассматриваться как архаичные и слабые, которым либо придется прозябать на обочине исторического прогресса, либо быть вовлеченными в него силой и волей Запада. В XIX в. Восток окончательно превратился в поле соперничества ведущих европейских держав, и Россия принимала в этой борьбе самое непосредственное участие. Государственные интересы диктовали практические цели и задачи, которые ставились перед исследователями Востока.

Можно по-разному проводить градацию российских путешественников, разведчиков и дипломатов, подвизавшихся в афро-азиатском мире XVII–XX столетий. Можно выделить из них тех, кто отправился на Восток по светским, а кто — по религиозным мотивам. Обозначить их основные занятия (что не всегда бывает просто). Разделить по географическому принципу, регионам их пребывания. Последний способ лег в основу структуры этого номера журнала. Ближний Восток всегда занимал (и продолжает занимать) особое место в истории Российского государства и общества: по причинам как геополитическим, так и религиозно-духовным. Первый блок исследований посвящен тем россиянам (вне зависимости от их этнической принадлежности), кто «приближал Ближний Восток», изучая его и отстаивая там интересы своей страны. Превращение России в сверхдержаву глобализировало сферу ее интересов, расширив до границ Азиатского континента и за океаны. Этой группе исследователей «дальних стран и берегов» посвящен второй блок статей.

Однако в данном редакционном вступлении нам бы хотелось обозначить две категории российских подданных, чья история легла в основу материалов сборника. Первая из них — «первопроходцы». Вереница людей, отправлявшихся в малознакомые либо вовсе не изведенные доселе страны, открывается описанием хождения иеромонаха Арсения Суханова, в 1649–1653 гг. совершившего путешествие к Святым местам Палестины «по государеву указу и по благословению патриарха». Статья С.А. Кириллиной раскрывает двойственную функцию миссии Суханова, совмещавшей цели как чисто религиозного, так и военно-стратегического характера. Почти тем же маршрутом, в составе армии великого везира, в 1799–1800 гг. проследовал из Стамбула в Сирию и Египет российский дипломат Энрико Франкини, выполняя задачи, поставленные перед ним императором Павлом I. Истории этой экспедиции, печально завершившейся для самого Франкини, посвящена статья Т.Ю. Кобищанова.

Целая плеяда российских «первопроходцев» принадлежала к Казанской востоковедной школе. Статья Р.М. Валеева, Д.Е. Мартынова и Р.З. Валеевой посвящена экспедициям, которые в первой половине XIX в. казанские востоковеды совершали на Ближний Восток, в Иран, Центральную Азию и Китай. Еще одна работа, написанная Р.М. Валеевым и Д.Е. Мартыновым с соавторстве с Ю.А. Мартыновой, дает анализ ранее не публиковавшихся дневников экспедиции Н.Ф. Катанова в Семиречье и Восточный Туркестан (1890–1891 гг.). Цель экспедиции была преимущественно этнографическая и лингвистическая, однако ее результаты были важны для российских властей, желавших укрепиться на западной периферии Цинской империи.

Отважные российские «первопроходцы» осваивали и дальние рубежи Восточной Азии. Статья А.А. Маленковой посвящена секретным миссиям, которые ориенталист, директор Азиатского департамента МИД Н.И. Любимов совершил в разгар Первой опиумной войны в Пекин (1841–1842 гг.), а в 1845 г. — в Западный Китай, причем туда ему пришлось

пробираться под именем купца Хорошева. Неутомимая жажда познаний и открытий привела известного отечественного востоковеда Н.А. Невского на о. Тайвань, где он осуществил пионерское изучение языка аборигенного племени цюу. Принадлежащее перу А.С. Каимовой описание этого путешествия являет образ Н.А. Невского не только как кабинетного ученого, но и как полного энтузиазма полевого исследователя.

Особую категорию «первопроходцев» составляли моряки и совершавшие дальние плавания путешественники. Причем речь идет не только о первооткрывателях новых земель и стран. Тревелогии пользовались неизменным интересом читающей публики, и наиболее богатым на произведения этого жанра для России оказалось XIX столетие. Опубликованные воспоминания о путешествиях Ю.Ф. Лисянского, В.М. Головнина, других отечественных мореплавателей открывали для читателей новые миры, включая юг Африканского континента (статья В.В. Грибановой). Таинственный мир Южной Азии — Индии и Ланки — повлиял на мировоззрение многих представителей отечественной духовной элиты. Исследование А.Л. Сафроновой раскрывает воздействие буддизма и культуры Южной Азии на творчество целой плеяды российских философов, ученых, писателей-прозаиков и поэтов, композиторов и живописцев.

По мере того как для России «открывались» новые земли и горизонты, на смену «первооткрывателям» приходили люди другого склада: «часовые» империи, поставленные нести службу на дальних аванпостах ее присутствия. Перед этими «дозорными» стояли иные приоритеты: представлять Российское государство в местах своего постоянного пребывания, следить за соблюдением его интересов, бороться с явной или потенциальной опасностью, исходившей от других держав. Практически всегда то были государственные служащие, подчас действовавшие в составе миссий, подчас — в одиночку.

Крупнейшей российской дипломатической миссией на Востоке было посольство в Константинополе. Перипетиям становления постоянного

представительства России на Босфоре и формирования в Стамбуле русской военной разведки в эпоху Петра I посвящено исследование М.М. Якушева. Пять поколений спустя, в 30-е гг. XIX в., Россия чувствовала себя на Ближнем Востоке гораздо более уверенно. Не удовлетворившись захватом Северного и Восточного Причерноморья, Санкт-Петербург стремился проникнуть вглубь османских владений. Рассматривая себя в качестве союзника и покровителя султана Мехмеда II, император Николай I и российское правительство, как доказывает в своей работе Д.Р. Жантиев, уделяли особое внимание сирийским провинциям, направив туда группу опытных разведчиков и дипломатов. Еще через несколько десятилетий, во второй половине XIX столетия Россия имела в Сирии уже «немаловажные интересы». Статья Е.М. Копотя освещает долгий период пребывания на посту генерального консула в Бейруте К.Д. Петковича (1869–1896 гг.), описывая дипломатические успехи и провалы этой неоднозначной фигуры. На противоположном краю Средиземноморья, в марокканском Танжере, на рубеже XIX–XX вв. нес свою вахту В.Р. Бахерахт, первый министр-резидент и консул Российской империи в марокканском Танжере, «русский часовой на страже Гибралтарского пролива», как он сам себя называл. В это время борьба ведущих европейских держав за Марокко обострилась, и в статье В.В. Орлова демонстрируется, насколько непросто Бахерахту было отстаивать престиж и интересы своей страны в Дальнем Магрибе.

Религиозная внешняя политика являлась отдельным направлением российского проникновения на Восток. Несколько исследований представленного сборника посвящены отечественным чиновникам, сочетавшим на Ближнем Востоке охрану государственных и церковных интересов. Статья А.Т. Урушадзе дает представление о том, какое значение российский МИД придавал прошедшим в 1866 г. выборам армянского католикоса в русле политики интеграции Армянской церкви в политико-правовое пространство империи. Важным приложением к статье является выписка из путевого журнала российского эмиссара на этих выборах М.Е. Чиляе-

ва. Деятельность известного дипломата и востоковеда А.Г. Яковлева, с 1897 по 1907 г. служившего Генеральным консулом России в Иерусалиме, в значительной степени была связана с борьбой за Святые места Палестины. Автор посвященной А.Г. Яковлеву статьи Ф.В. Георги сопровождает биографическое исследование публикацией еще одного ценного источника: фотоальбома сотрудников консульства Российской империи в Иерусалиме. Советская власть, публично порвавшая с наследием царской России, во многом продолжила прежнюю политическую традицию. Это подтверждает работа Е.М. Копотя, в которой освещается попытка вмешательства советского правительства и Московского патриархата в происходившие в 1958 г. выборы предстоятеля Антиохийской церкви.

Отечественное востоковедение, развиваясь в лоне Российской империи, затем СССР и, наконец, современной России, в ходе своей эволюции достаточно существенно дистанцировалось от востоковедения западного и все же пребывало в процессе постоянного с ним диалога. К концу XX в. обе эти школы в должной мере овладели необходимым научным инструментарием гуманитарного знания и порвали с наследием европоцентристского «ориентализма». Изолированность и ограниченность ресурсов отечественного востоковедения, неравномерность развития его различных направлений³, на наш взгляд, делают еще более значимой роль его отдельных представителей, как кабинетных ученых, так и работавших на Востоке «практиков».

А.Э. Титков

Главный редактор журнала «Исторический вестник»

Т.Ю. Кобищанов

Ответственный редактор номера, член редакционного совета

³ См.: Кузнецов В.А. Российское востоковедение: вызовы и перспективы развития в новой реальности. М.: Изд-во «МГИМО-Университет», 2023.

EDITORIAL

PIONEERS AND THE WATCH OF THE EMPIRE

What is this issue of the magazine dedicated to? The four-century history of Russian penetration of the Asian and African continents? Secular and ecclesiastical diplomacy, intelligence, and espionage? The specifics of the genre of Russian travelogues, which started with pilgrimage «walks» and evolved into travel notes and bureaucratic reports, eventually becoming high literature? Or simply portraits of travelers, diplomats, intelligence officers, scientists, and clergymen, many of whom naturally combined a variety of duties? The expected answer to these questions is – all of these. But not only. In our view, the series of portraits illustrate the development of Russian orientalism during the Modern Era. They depict the history of accumulation and systematization of knowledge on geography, socio-political issues, ethnography, and linguistics of the Eastern countries. Russian academic and «applied» orientalism of the 18th–19th centuries initially displayed a lot of naivety but gradually became more experienced, remaining largely original but also largely conforming to European orientalism.

The «Orientalist» view, as defined by Edward Said¹, was prevalent among Russian travelers to the East from pre-Petrine times. However, Russian orientalism had its own unique characteristics. The Moscow principality, which transformed into the Moscow tsardom in the 16th century, developed on the border of the historical East and West. In some ways, the Russian experience can only be compared to the fate of the kingdoms of the Iberian Peninsula. Except for the northern regions, the formation of Russian statehood happened in the 13th century under the influence of the East, especially the Golden Horde. Later, in the 15th century, it was marked by the struggle against its parts, namely the Kazan

¹ Said E. Orientalism. Western conceptions of the Orient. SPb.: Russky Mir, 2006.

and Crimean Khanates, and the confrontation with the Ottoman state, which became a continuation of this struggle. At the end of the 15th century, Moscow challenged Istanbul's claim as the heir to the Byzantine Empire. For almost a century, Moscow learned from its southern neighbor and adopted several socio-political institutions, including the local nobility and *streltsy*². In the 17th century, there was a new perspective on the East, with ambitious ideas of the «Orthodox Renaissance» and the «Orthodox Reconquista». During this time, pilgrimage «walks» to the Holy Places of Palestine and communication with co-religionists within the Ottoman Empire, who were potential allies, intensified. Peter the Great's reforms aimed to modernize Russia and rebuild its military along Western lines, with an aim to expand in various directions, including south and east. In the early 18th century, Russia made military incursions into the Ottoman Balkans (1711), Central Asia, and East Turkestan (1713–1714), as well as the Caspian Iran (1722–1723). However, the initial attempts at long-range expansion were mostly unsuccessful. The kingdoms of the East only began to stagger and collapse under the Russian onslaught from the end of the 18th century, and the dynamics of their decline continued to accelerate for the next century and a half, until it was halted by the Russo-Japanese War.

During the period of expansion, the Russian elite who had been Europeanized, developed a habit of viewing Eastern realities with a sense of superiority, while also showing a keen interest in studying and describing them. They attempted to figure out how to make practical use of the knowledge gained from these studies and made lengthy inferences as well. The initial sense of superiority was driven by the belief that their Orthodox faith was the only true one, which was the central theme of

² See: *Nefedov S.A. Reforms of Ivan III and Ivan IV: Ottoman influence // Voprosy Historii. 2002. № 11. P. 30-53.*

Russian pilgrims' «walks» from the 16th to the 19th century. This belief was also upheld by the clerics of the Russian Church who worked abroad until the late Modern Era. In the 18th and early 20th centuries, as the Russian elites became increasingly Westernized, they began to hold an arrogant attitude toward the East. Rather than focusing on religious differences, the emphasis shifted to civilizational differences. The Eastern peoples were viewed as «backward» and «unenlightened», with their rulers seen as exhibiting «inertia» and «despotism». This view was in line with the European intellectual tradition of the time, which saw Eastern societies as outdated and weak. They were either to be left to languish on the margins of historical progress or brought into it by the power and will of the West. In the 19th century, the East became a battleground for the leading European powers, with Russia taking an active role in that. Practical goals and objectives were set for researchers of the Orient based on state interests.

Russian travelers, intelligence officers and diplomats who worked in the Afro-Asian world between the 17th and 20th centuries can be categorized in different ways. One way is to differentiate those who traveled to the East for secular reasons from those who did so for religious reasons, and to outline their main occupations, which can be a challenging task. Another way is to group them geographically, based on the regions in which they were active. This latter method was used to structure this issue of the journal. The Middle East has always occupied a special place in the history of the Russian state and society, for both geopolitical and religious-spiritual reasons. The first part of this issue is dedicated to Russians (regardless of their ethnicity) who studied the Middle East and defended their country's interests there. Russia's transformation into a superpower has expanded the scope of its interests, reaching the borders of the Asian continent and beyond the oceans. The second part of the issue is dedicated to researchers who explored «distant lands and shores».

In this editorial introduction we would like to highlight two groups of Russian individuals whose experiences form the basis of the content of this issue. The first group is known as the «pioneers.» The list of people, who traveled to little known or unknown countries, opens with the story of Hieromonk Arseny Sukhanov, who, between 1649 and 1653, traveled to the Holy Places of Palestine «by order of the Tsar and with the blessing of the Patriarch». The article by S.A. Kirillina reveals that Sukhanov's mission served both religious and military-strategic purposes. Almost by the same route, in 1799–1800, as part of the Grand Vizier's army, the Russian diplomat Enrico Franchini traveled from Istanbul to Syria and Egypt to fulfill the tasks assigned to him by Emperor Paul I. The details of this expedition, which ended tragically for Franchini, are discussed in the article by T.Y. Kobishchanov.

A group of Russian pioneers belonged to the Kazan School of Oriental Studies, and their expeditions to the Middle East, Iran, Central Asia and China in the first half of the 19th century are the subject of an article by R.M. Valeev, D.E. Martynov, and R.Z. Valeeva. Another paper, written by R.M. Valeev and D.E. Martynov along with Y. Martynova, analyzes previously unpublished diaries of the N.F. Katanov expedition to Semirechye and Eastern Turkestan (1890–1891). The purpose of the expedition was mainly ethnographic and linguistic, but its results were also important to the Russian authorities who wanted to consolidate themselves on the western end of the Qing Empire.

Russian explorers also ventured into the far reaches of East Asia. The article by A.A. Malenkova is dedicated to N.I. Lyubimov, an orientalist and director of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, who conducted secret missions to Beijing during the height of the First Opium War (1841–1842) and to Western China in 1845, where he had to use the name of a merchant, Khoroshev, to gain entry. Another renowned Russian orientalist, N.A. Nevsky had an insatiable thirst for knowledge

and discoveries, which led him to study the language of the aboriginal Tsou tribe on the island of Taiwan. The journey of N.A. Nevsky is described vividly by A.S. Kaimova, who portrays him not only as a desk scientist but also as an enthusiastic field researcher.

Sailors and long-distance travelers played a crucial role as pioneers. However, it is not just about discovering new territories. The reading public in the 19th century was deeply interested in travelogues, making it the richest period in Russia for works of this genre. Memoirs of voyages by Russian navigators like Y.F. Lisyansky, V.M. Golovnin, and others opened new worlds for readers, including the southern regions of the African continent (the article by V.V. Griбанова). The mysterious lands of South Asia such as India and Lanka influenced the worldview of many people in Russian religious establishments. The research by A.L. Safronova reveals the impact of South Asian culture and Buddhism on the works of a group of Russian philosophers, scientists, prose writers, poets, composers, and painters.

As Russia expanded its territories, a new type of people replaced the «pioneers» — those who were tasked with guarding the empire's distant outposts. These «guards» had other priorities — to represent Russia in their places of residence, to protect its interests, and to defend against obvious or potential threats coming from other governments. They were primarily government officials, sometimes working as part of missions and other times operating alone.

The largest Russian diplomatic mission in the East was the embassy in Constantinople. M.M. Yakushev's work covers the establishment of permanent Russian representation on the Bosphorus and the formation of Russian military intelligence in Istanbul during the era of Peter the Great. Five generations later, in the 1930s, Russia was much more confident in the Middle East. Having captured the Northern and Eastern Black Sea coasts, St. Petersburg sought to penetrate deeper into Otto-

man dominion. Emperor Nicholas I and the Russian government viewed themselves as allies and patrons of Sultan Mehmed II. D.R. Zhantiev's work shows that they paid special attention to the Syrian provinces, sending a group of experienced intelligence officers and diplomats there. A few decades later, in the second half of the 19th century, Russia already had a «significant interest» in Syria. K.D. Petkovich served as Consul General in Beirut from 1869–1896 and E.M. Kopotya's article covers his controversial diplomatic successes and failures during this period. On the opposite end of the Mediterranean, in Moroccan Tangier, at the turn of the 19–20th centuries, V.R. Baheracht, the first Minister Resident and Consul of the Russian Empire, referred to himself as the «Russian guard of the Strait of Gibraltar». He had to defend the prestige and interests of his country in the Far Maghreb, a challenging task given the intense struggle of the leading European powers for Morocco, as described by V.V. Orlov.

Additionally, Russia had a religious foreign policy that involved penetrating into the East. Several articles in this issue focus on Russian officials who protected both state and church interests in the Middle East. A.T. Urushadze's article sheds light on the Russian Foreign Ministry's emphasis on the Armenian Catholicos elections in 1866, aligning with the policy of integrating the Armenian Church into the empire's political and legal framework. The article includes an extract from the travel journal of the Russian emissary, M.E. Chilyaev, who witnessed the election. A.G. Yakovlev, a famous diplomat and orientalist, was the Russian Consul General in Jerusalem from 1897 to 1907, and his work was primarily associated with the struggle for the Holy Places of Palestine. F.V. Georgi, the author of the article about A.G. Yakovlev, accompanies his biographical study with the publication of another valuable source — a photo album of the employees of the Consulate of the Russian Empire in Jerusalem. The Soviet regime, which publicly renounced Tsarist Rus-

sia's legacy, continued several previous political traditions. E.M. Kopot's work highlights the Soviet government and the Moscow Patriarchate's attempted interference in the 1958 election of the Primate of the Antiochian Church.

Russian oriental studies, which developed in the Russian Empire, then the USSR, and finally modern-day Russia, have significantly distanced themselves from Western oriental studies. However, they have remained in constant dialogue throughout its evolution. By the end of the twentieth century, both schools had mastered the necessary scientific tools of humanitarian knowledge and moved away from the legacy of Eurocentric «Orientalism». The isolation and limited resources of Russian Oriental studies, the uneven development of its various directions³, in our opinion, makes the role of its individual representatives, both cabinet scientists and «practitioners» working in the East, even more significant.

Alexey E. Titkov

Editor-in-Chief of the Historical Reporter

Taras Y. Kobishchanov

Editor of the Issue, Editorial Board Member

³ See: *Kuznetsov V.A. Russian Oriental Studies: Challenges and Prospects of Development in the New Reality*. Moscow: MGIMO-University Publishing House, 2023.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИБЛИЖАЯ БЛИЖНИЙ ВОСТОК

- С.А. Кириллина.** По государеву указу и по благословению патриарха: иеромонах Арсений на Ближнем Востоке 24
- М.М. Якушев.** Становление русской дипломатии и разведки на Босфоре в 1700–1720 гг. 48
- Т.Ю. Кобищанов.** Война Энрико Франкини: российский агент в османском походе на Египет (1799–1800 гг.) 68
- Д.Р. Жангиев.** Сирийские провинции Османской империи в фокусе российской дипломатии и разведки (1831–1840 гг.) 116
- Е.М. Копоть.** «Россия имеет в Сирии немаловажные интересы...»: четверть века на посту генерального консула в Бейруте К.Д. Петковича (1869–1896) 132
- А.Т. Урушадзе.** «Заговорить тем языком, который приличен России»: выборы армянского католикоса 1866 г. в путевом журнале М.Е. Чилиева 172
- Ф.В. Георги.** Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев. Биографические материалы 200
- Е.М. Копоть.** Политтехнолог поневоле: архимандрит Иоанн (Вендланд) в деле избрания Антиохийского патриарха Феодосия (Абурджели) (1958–1970) 238

В ДАЛЕКИХ ЗЕМЛЯХ, НА ДАЛЬНИХ БЕРЕГАХ

- В.В. Орлов.** «Неуклонно стоять на страже Гибралтарского пролива...»: В.Р. Бахерахт и военно-морское присутствие России в Марокко в XIX — начале XX в. 272
- В.В. Грибанова.** Южная Африка в описаниях российских моряков XIX в. 298
- А.Л. Сафронова.** Буддийский мир Южной Азии в трудах и творчестве российских ученых и деятелей культуры XIX — начала XX в. 324
- Р.М. Валеев, Р.З. Валеева, Д.Е. Мартынов.** Научные путешествия казанских востоковедов в Азиатскую Россию и на Зарубежный Восток (первая половина XIX в.) 346
- А.А. Маленкова.** Секретные миссии Николая Ивановича Любимова в империю Цин в 40-х гг. XIX в. 378
- Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова, Р.М. Валеев.** Николай Федорович Катанов в Семиречье и Синьцзяне (1890–1891) 392
- А.С. Каимова.** Н.А. Невский (1892–1937) на Тайване. 412

ИСТОЧНИКИ

- Ф.В. Георги.** Фотоальбом сотрудников консульства Российской империи в Иерусалиме из собрания Национальной библиотеки Израиля. 434

CONTENTS

INTELLIGENCE OFFICERS, DIPLOMATS AND TRAVELLERS

Editor Taras Y. Kobishchanov

BRINGING CLOSER THE MIDDLE EAST

- Svetlana S. Kirillina.** By Order of the Tsar and with the Blessing of the Patriarch: Hieromonk Arseny in the Middle East 24
- Mikhail M. Yakushev.** Establishment of Russian Diplomatic Presence and Russian Military Intelligence in Constantinople in 1700–1720 . . 48
- Taras Y. Kobishchanov.** Enrico Franchini’s War. Russian Agent in the Ottoman Campaign Against Egypt (1799–1800) 68
- Dmitriy R. Zhantiev.** Syrian Provinces of the Ottoman Empire in the Focus of Russian Diplomacy and Intelligence (1831–1840) 116
- Evgeny M. Kopot’.** K.D. Petkovich: «Russia has Significant Interests in Syria...» Quarter of a Century as the Consul General in Beyrouth (1869–1896) 132
- Amiran T. Urushadze.** «Speak in the language that is appropriate for Russia»: the Election of the Armenian Catholicos in 1866 in the Travel Journal of M.E. Chilyaeva 172
- Fedor V. Georgi.** Consul General in Jerusalem Alexander Yakovlev. Biographical Materials. 200
- Evgeny M. Kopot’.** A Spin Doctor Unwilled: Archimandrite John (Wendland) in the Election of the Antiochian Patriarch Theodosius VI (Abou Rjaileh) (1958–1970) 238

IN DISTANT LANDS, ON DISTANT ISLANDS

- Vladimir V. Orlov.** «To Stand Steadfastly on Guard of the Strait of Gibraltar...»: V.R. Bacheracht and the Naval Presence of Russia in Morocco in the 19th – early 20th Centuries 272
- Valentina V. Gribanova.** South Africa in the Descriptions of Russian Sailors of the 19th C. 298
- Alexandra L. Safronova.** The Buddhist World of South Asia in Russian Academic and Cultural Tradition of the 19th – early 20th Centuries 324
- Ramil M. Valeev, Roza Z. Valeeva, Dmitry E. Martynov.** Scientific travels of Kazan Orientalists to Asian Russia and the Foreign East (the first half of the 19th C.) 346
- Anastasia A. Malenkova.** Secret Missions of Nikolai Ivanovich Lyubimov to the Qing Empire in the 1840s. 378
- Dmitry E. Martynov, Yulia A. Martynova, Ramil M. Valeev.** Nikolai Fedorovich Katanov in Semirechye and Xinjiang (1890–1891) 392
- Anna S. Kaimova.** Nikolai A. Nevsky in Taiwan (1892–1937) 412

SOURCES

- Fedor V. Georgi.** Photo Album of Employees of the Consulate of the Russian Empire in Jerusalem Deposited in the National Library of Israel. 434

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.017

С.А. Кириллина

ПО ГОСУДАРЕВУ УКАЗУ И ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ПАТРИАРХА: ИЕРОМОНАХ АРСЕНИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

XVII столетии увидел свет поразительный историко-литературный памятник — «Проскинитарий» Арсения Суханова¹, один из лучших образцов отечественной паломнической литературы. Условия для его появления

¹ [Суханов А.]. Проскинитарий Арсения Суханова с рисунками и планом: 1649–1653 гг. / Подгот. текста Х.М. Лопарева; ред. и предисл. Н.И. Ивановского // Православный Палестинский сборник. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1889. Т. VII. Вып. 3 (21) (далее — Суханов). О публикациях «Проскинитария», полемической литературе и библиографии посвященных Суханову работ см.: Пономарев С.И. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах. Материалы для библиографии. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1877. С. 9–10. Об Арсении Суханове см. труды отечественного историка С.А. Белокурова (1862–1918): Белокуров С.А. Арсений Суханов. Исследование. Ч. I. Биография Арсения Суханова. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1891; он же. Арсений Суханов. Исследование. Ч. II. Сочинения Арсения Суханова. Вып. первый. 2-е изд. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1894. Из свежих работ см.: Житенев С.Ю. История русского православного паломничества в X–XVII веках. М.: Индрик, 2007. С. 369–402; Богданов А.П. Арсений Суханов, дипломат и мыслитель XVII в., наш современник // NOVOGARDIA. № 1. 2019. С. 244–266; он же. Почему «Третий Рим»? Арсений Суханов о месте России в мировом православии // Диалог со временем = Dialogue with time: альманах интеллектуальной истории. 2020. Вып. 70. М.: Аквилон, 2020. С. 72–85.

сложились благодаря кипучей деятельности незаурядного восточнохристианского религиозного деятеля — Иерусалимского патриарха Паисия (1645–1660 гг.), человека государственного ума и неумных политических амбиций². В 1649 г. он прибыл к «благочестивому и христолюбивому великому государю... Алексею Михайловичу всеа России» бить челом о милостыне для Гроба Господня³. Поклоняясь русским церковным святыням, глава Иерусалимского патриархата попутно занялся активным дипломатическим маневрированием, настойчиво внушая царю и патриарху Московскому Иосифу (1642–1652 гг.) мысль о несогласии «в чинах и обрядах русской церкви с церковию восточною»⁴. В итоге на Восток для ознакомления с греческой церковной практикой был делегирован заслуживающий доверия надежный человек — «строитель» (настоятель) московского Богоявленского монастыря иеромонах Арсений.

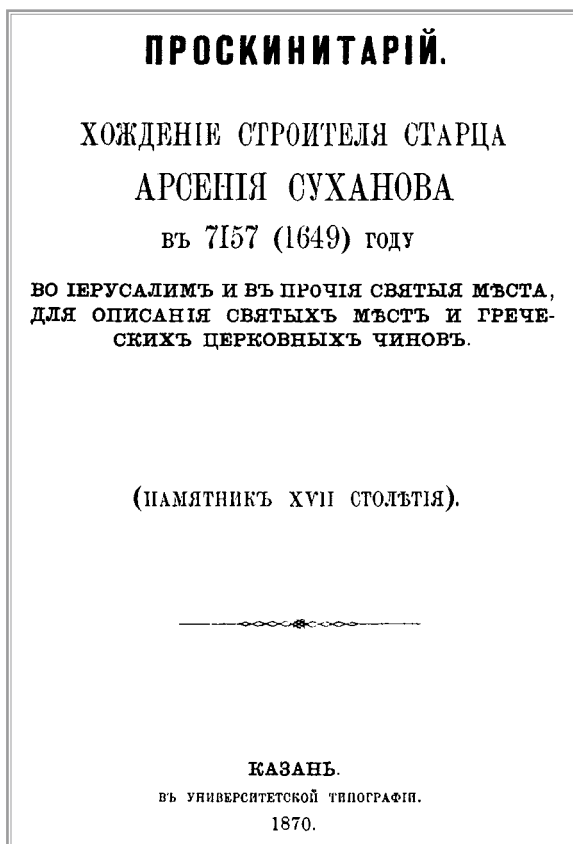
В российскую историю Арсений (в миру Антон Путилович) Суханов (ок. 1600–1668) вошел как заметный церковный деятель и искусный дипломат, исполнявший деликатные поручения двух царей — Михаила Федоровича (1613–1645 гг.) и Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) — и четырех патриархов — Филарета (1619–1633 гг.), Иоасафа I (1634–1640 гг.), Иосифа и Никона (1652–1666 гг.). В юности постригшись в монахи, он прошел долгий путь служения церкви и государству. Поначалу он подвизался в коломенском Голутвинском монастыре, откуда перешел в московский Чудов монастырь. Будучи в услужении у патриарха Филарета в последний год его жизни, Арсений принимал участие в церковных соборах и приемах послов иностранных государств.

Навыки полемиста — знатока догматической и богослужбной казуистики, а также опыт переговорщика и разведчика он начал накапливать почти за десять лет до своего путешествия в Святую землю, в 1637–1639 гг., во время пребывания в Кахетии в составе посольства князя Федора Федоровича Волконского (ум. в 1665 г.), направленного туда для переговоров с царем Теймуразом I (1606–1648 гг.). Находившимся

² О нем см.: *Панченко К.А.* Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке (XVI — начало XIX века). М.: Изд. центр ИСАА при МГУ, 1998. С. 84–85.

³ [*Иона Маленький*]. Повесть и сказание о походе в Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы по реклому Маленького, 1649–1652 гг. // Православный Палестинский сборник. СПб., 1895. Т. XIV. Вып. 3 (42). С. 29.

⁴ *Ивановский Н.И.* [Предисловие] // *Суханов*. С. III. Весьма вероятно, что именно Паисий сыграл роль идейного вдохновителя церковной реформы, инициированной патриархом Никоном в 50-х гг. XVII в. (*Панченко К.А.* Османская империя и судьбы православия на Арабском Востоке. С. 84).

Издание Проскинитария Арсения Суханова 1870 г.

в делегации духовным лицам было вменено в обязанность «отсмотрение и исправление православной христианской веры в Грузии»⁵. Оба данные Арсению Суханову особые указы носили секретный характер: «веры их рассмотреть и разведать гораздо — какова у них вера и нет ли у них в чем розни», а также «расспросить про все и разведати всякими мерами подлинно: какова их земля и сколь просторна, на скольких верстах и сколько в ней городов, и сколь людна, и каковы люди, и какие в ней узорочья (здесь: богатства. — С.К.), и любят ли Теймураз-царя»⁶. Дальнейшая жизнь иеромонаха Арсения была полна драматических перипетий, многотрудных путешествий с целью выполнения конфиденциальных заданий политического и религиозного плана. Венцом его карьеры уже после возвращения из Палестины в 1653 г. стали почетная должность келаря Троице-Сергиевой лавры и заведование московским Печатным двором.

⁵ Ивановский Н.И. [Предисловие] // Суханов. С. I.

⁶ Цит. по: Пересветов Р.Т. По следам находок и утрат. М.: Советская Россия, 1961. С. 249.

Вернемся к паломническому путешествию Арсения Суханова. В 1649 г. он в свите Иерусалимского патриарха Паисия покинул Москву и добирался до Иерусалима долго, почти на два года задержавшись в Яссах, откуда дважды ездил с дипломатическими поручениями в российскую столицу. Летом 1651 г. он приплыл в Стамбул. Далее его путь пролегал через Средиземноморье (острова Хиос и Родос), Египет (Александрию, Рашид [Розетту], Каир⁷, Думьят [Дамиетту]) и Яффу. В Святом граде он пробыл семь месяцев и вернулся с Ближнего Востока в Москву через Малую Азию, Грузию и Кавказ в начале лета 1653 г. Итогом этого странствия стало известное под кратким названием «Проскинитарий» (с греч. «Поклонник») «Хождение старца Арсения Суханова во Иерусалим и в прочие святые места для описания святых мест и греческих церковных чинов», сочинение, представлявшее собой жемчужину российской путевой литературы XVII в.⁸

Долговременное хождение иеромонаха Арсения в Святой град облегалось тем, что он не страдал «лингвистической глухотой», как многие паломники, посещавшие Святую землю. Будучи высокообразованным и начитанным человеком, для которого мудрая сентенция «Якоже корабль без гвоздй не составляется, тако инок без почитания книжного»⁹ была непреложной истиной, он владел польским, латынью и греческим¹⁰, что служило более чем полезным подспорьем в его вояжах.

В непредвиденных стрессовых ситуациях Арсений Суханов стремился сохранять выдержку и самообладание, а опасности пути не недооценивал. Хотя сам он беспрепятственно добрался морем из Стамбула до Египта, «блюдясь разбойников» и следуя «криво, а [не] прямым путем»¹¹,

⁷ Когда Арсений Суханов прибыл в Каир, воодушевленные приездом посланца «государя царя» Алексея Михайловича патриарх Александрийский Иоанникий Киприот (1645–1657 гг.) и архиепископ Синайский Иоасаф (1617–1660 гг.) приняли его с подобающим почетом. Ему было сказано: «Слава тебе Господи, что от такой дальней страны видим тя (тебя. — С.К.) ... от Москвы никто здесь не бывал, токмо при царе Иоанне Васильевиче посол был» (Суханов. С. 36–37).

⁸ О жанрово-стилевой специфике и структурно-композиционных особенностях этого литературного памятника, ознаменовавшего начало нового этапа в эволюции русской путевой литературы, см.: Жарова И.Ю. «Проскинитарий» Арсения Суханова: историко-литературная основа и жанрово-поэтическое своеобразие текста. Дисс. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 2013, а также ее опубликованные работы на эту тему.

⁹ Белокуров С.А. «Арсений Суханов». Речь, произнесенная 27 октября 1891 г. пред защитой диссертации С. Белокуровым // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1892. Т. I. № 3. URL: <http://nasledie.russportal.ru/index.php?id=history.belokurov01> (доступ 10.09.2023).

¹⁰ По поводу знания Сухановым греческого языка см.: Суханов. С. 117.

¹¹ Суханов. С. 24, 20.

однако ущерб от них понес значительный. Из Рашида он отправил с греческим капитаном в османскую столицу на хранение верному человеку часть своего багажа, которую посчитал необходимым скрыть от посторонних глаз, так как, по его свидетельству, «осматривают накрепко везде... и мыто емлют большое; а се и страх был, чтобы не отняли всего»¹². Помимо соболиных шкурок, книг и денежной записки в посылке находились собранные иеромонахом разведывательные данные — «листы чертежные разных земель, и тетради всякие», а также «отписки» — донесения царю и патриарху Иосифу, которые надлежало переправить «с торговыми людьми» в Москву¹³. Только в Иерусалиме Суханов узнал, что коробка с ценным содержимым досталась в качестве трофея морским разбойникам — «франкам»¹⁴, а посему недобрым словом поминал грабителей.

Сопряженные с паломничеством финансовые издержки ложились нелегким бременем на плечи поклонников, и иеромонах Арсений, хотя и царский посланник, не был исключением. Государев человек, знавший счет казенным деньгам, он скрупулезно фиксировал прохождение одного за другим многочисленных таможенных барьеров, как пограничных, так и внутренних, сопровождавшееся дотошным досмотром багажа и взиманием пошлин¹⁵. При этом, по его воспоминаниям, «мытники» действовали напористо и без лишних слов облегчали паломнические кошельки.

Только достигнув границу османских владений, расчетливый Суханов во время таможенного досмотра корабля «турчанами начальными» решил путем частичного переодевания уклониться от уплаты пошлины. В целях конспирации пытаясь выдать себя за османского подданного — грека, он водрузил на голову чалму и уселся на капитанский мостик «по турски, подобрав ноги»¹⁶. Картина выглядела анекдотичной, поскольку на нем было «чернеческое платье», а из-под тюрбана торчали волосы. Да и сам Арсений прекрасно понимал, сколь малоубедительным был его маскарад: «Мочно было мене им узнать, понеже образ мой от их всех отличился — русской; а се и чалма на мне не так, как на них, всех греков, и всяких чинов головы бриты на голо, и старцы, которые проезжают, те снизу волосы все круг головы подбривают; аз же не подбриван»¹⁷. Османские таможенники было попытались с псевдогреком заговорить, но,

¹² Там же. С. 34.

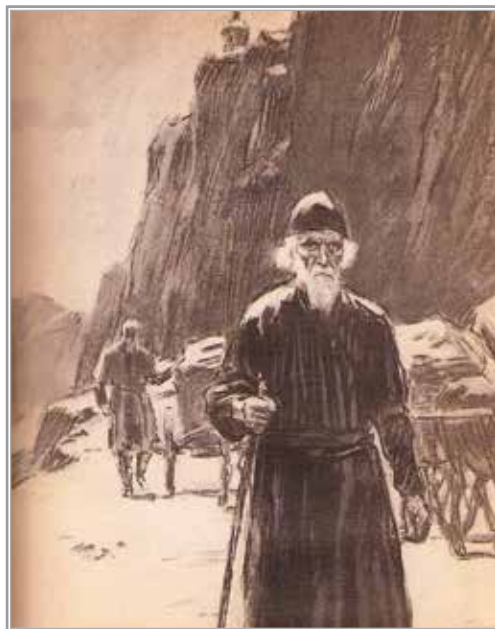
¹³ Там же. С. 34, 75.

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Там же. С. 14, 18, 31, 34, 36, 49, 92, 93, 94, 99, 100, 101.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 9.

Старец Арсений. Иллюстрация О.И. Гроссе из книги Р.Т. Пересветова
«По следам находок и утрат» (М., 1963)

поскольку тот хранил гробовое молчание, в конце концов оставили его в покое. Счастливый финал этой истории путешественник связывал как с заступничеством «Человеколюбца Бога», который его «грешного закрыл... от нечестивых турков», вложив им «мглу во очию»¹⁸, так и с доброжелательностью корабельной команды и попутчиков — купцов-мусульман, которые его не выдали.

«Проскинитарий» иеромонаха Арсения включает в себя ожидаемые структурные элементы паломнического хождения как литературного жанра — методичное перечисление пунктов маршрута и сакральных объектов с доскональным их описанием, фиксацией их размеров и расстояний между ними. Однако пристальное внимание старца Арсения к топографии и рельефу местности зачастую далеко отходит от религиозной сосредоточенности и приобретает подчеркнуто утилитарный, прагматический характер. Тщательно просеивая, обдумывая и взвешивая информацию, Суханов фиксирует увиденное с такой поразительной дотошностью и под таким специфическим углом зрения, что его «Поклонник» начинает походить на отчет прошедшего специальную подготовку лазутчика, совершающего рейд в тылу врага. К примеру, когда Арсений достиг самого опасного отрезка пути из Яффы в Иерусалим,

¹⁸ Там же. С. 8.

что в Иудейских горах, где шансы нападения бедуинов возрастали многократно, он наметанным глазом разведчика оценил этот участок как зону вероятной атаки и высказал ряд соображений тактического плана: телегами не проехать, только «верхом выюками»; поскольку местами даже два коня разминуться не в состоянии, то обороняющим богомольцев «ратным людям» следует двигаться пешим ходом, предпочтительно по гребням расселины, а всадникам охраны — передвигаться по близлежащим оврагам и буеракам¹⁹.

А вот как неожиданно выглядит Святой град и его ближние окрестности в восприятии Суханова, не восторженного поклонника, а опытного «военного аналитика»: «Иерусалим весь стоит на камени; в стены кладен камень большой, 13 рядов до зубцов, где на ровном месте, а инде больше; поземнаго бою мало, инде есть, а инде нет; и то мелкия окна пищальныя, а пушка не вместится; а больших окон нету по всему граду... и пушек нет ни одной; а по граду сделаны два хода: один на верху у зубцов, а другой в полустене ход; а бой в полустене мелкой же, а по стене лествица (лестница. — С.К.) надобна на город сажен трех, где на низких местах. А камени около града тьмы тем[ь] всякаго большаго и малаго, на пример града ко взятию, и палаток около града по полям, по садам, каменных много. Врата градныя все обиты железными досками накрепко. ...Тут же подле дороги гора высока, а подле — самой город; с той горы в город из мелкаго ружья возьмет, а из большаго снаряду может с нея чрез стену в город бить. ...Стены гораздо крепки и высоки, толсты; камень дикой великой кладен; около его ров каменной и широк и глубок; пушек медных у ворот и по башням и по стенам, много больших и малых»²⁰.

В своих оценках стратегических пунктов и укрепленных районов Суханов демонстрирует недюжинные знания военного дела и тактики ведения боевых действий, конструкций и способов использования фортификационных сооружений, а также основ баллистики. «От Чернаго моря проток в Белое море, якоже река великая, — пишет он про Босфор, — мню, яко из самопала добраго перестрелить. ...[На подходе к Царьграду в] городках поземнаго бою нет, но только средний, и то редко, да верхний от зубцов»²¹. Не менее показательны выдержки из описания бухты Золотой Рог и Стамбула: «Затон великий, якобы версты на две и больше длиною, а поперег (поперек. — С.К.) из пищали перестрелить. ...По всему городу

¹⁹ Там же. С. 51.

²⁰ Там же. С. 134, 135.

²¹ Там же. С. 10, 11.

и по башням поземного бою нет, но только у верхних зубцов. ...Внутри Царяграда и Галаты²² по самую стену все здания и проходу подле стены нет для обороны во время войны»²³. Не приходится сомневаться, что, совершая паломничество и выполняя «особыя щекотливыя поручения политического характера»²⁴, старец Арсений одновременно занимался целенаправленным сбором разведанных²⁵. Недаром он так сокрушался, когда сгинули заранее приготовленные для доставки в Москву планы и чертежи османских городов, гаваней и крепостей.

Сведения «агентурного» характера мы встречаем и в других паломнических описаниях, в частности, в путевых записках паломника начала XVIII в. иеромонаха Иполита Вишенского²⁶, однако именно «Поклонник» старца Арсения представляет собой кладезь подобной информации.

По мнению авторов пространной аннотированной библиографии трудов русских путешественников по христианскому Востоку Т. Ставрру и П. Вейсенсея, в «Проскинитарии» Арсения Суханова отразилось «присущее России стремление к религиозной независимости и, более того, ощущение собственного духовного превосходства, которые нарастали и крепили на протяжении XVII столетия»²⁷.

С.А. Зеньковский в монографии о религиозном кризисе XVII в. и расколе Русской церкви детально рассматривает религиозно-философские воззрения Арсения Суханова, отрицавшего, по словам эксперта, «право греков на исключительный авторитет в делах веры», и заключает, что «умелая и удачная аргументация Суханова еще больше утвердила русских православных людей как в правильности их мнения о высоком призвании и православии русской церкви, так и в их недоверии к современному греческому авторитету в делах веры»²⁸.

²² Галата — исторический район в европейской части Стамбула.

²³ Суханов. С. 11, 12, 13.

²⁴ Ивановский Н.И. [Предисловие] // Суханов. С. III.

²⁵ Насыщенность «Проскинитария» Суханова данными военно-стратегического характера просто поразительна. См., к примеру, пассажи об оборонительных сооружениях и их оснащении: Суханов. С. 7, 18–19, 22–23, 26; об османском флоте, включая описание кораблей, доков, верфей и морских арсеналов: там же. С. 14, 18, 27–28.

²⁶ [Вишенский И.]. Путешествие иеромонаха Иполита Вишенского в Иерусалим, на Синай и Афон (1707–1709 гг.) // Православный Палестинский сборник. СПб., 1914. Т. XXI. Вып. 1 (61). С. 14, 18–22, 24–25, 32, 37, 64, 85 и др.

²⁷ Stavrou T.G., Weisensel P.R. Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Columbus: Slavica Publishers, 1986. P. XXXVII.

²⁸ Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М.: Церковь, 1995. С. 177, 178; о Суханове см.: там же. С. 175–178, 204.

Действительно, в дружном хоре российских паломников-писателей XVI–XVIII вв. со свойственным им подчеркнутым грекофильским настроением голос Арсения Суханова в его «Поклоннике» звучит явным диссонансом. Совмещая богомолье в Святой земле с государевым наказом и живописуя жизненный уклад, нравы и обычаи единоверной греческой братии, он, в сущности, брал на себя роль строгого и бескомпромиссного ревизора восточной греческой церкви²⁹.

Неусыпная бдительность старца Арсения при выявлении признаков неблагочестия в среде греческого священничества и монашества, придирчивая дотошность при фиксировании различий между принятыми в Московии и на Ближнем Востоке богослужебными порядками, свидетельствовавшими, по его твердому убеждению, о неоспоримом превосходстве русского благочестия, выводила святогробцев из себя. «Арсений... сидит в келье, все пишет про нас чернецов, — перешептывались негодовавшие иерусалимские монахи-греки, — ту... книгу хочет царю подать; добро бы... патриарх те его книги взял да сожжет»³⁰. Поводов для подобных слухов у них было в избытке, коль скоро у привыкшего к суровому церковному благочинию русского иеромонаха-дипломата набралось вдоволь претензий к единоверцам-грекам, по его наблюдениям, не особо утруждавшим себя строгим соблюдением уставов³¹.

Отслеживавший в Святом граде каждый шаг патриарха Паисия и его окружения³² царский посланник наблюдал за тем, как отчаянно конфликтуют между собой иерусалимский предстоятель и его замест-

²⁹ Неприятие Сухановым единоверных церковников — греков только подогрел категорический отказ архимандрита Иерусалимского подворья в Стамбуле принять его на постой то по причине отсутствия свободного места, то под предлогом поразившего город «мора». То, что ему пришлось платить за наем «порожних хором», а не воспользоваться ожидаемым радушием и гостеприимством братьев во Христе, сподвигло Арсения на полную раздражения тираду: «Старцы лихи, говорят сладко, только не смотри на то, горько будет» (Суханов. С. 14–15).

³⁰ Там же. С. 74.

³¹ Подробно о нареканиях Арсения Суханова в отношении культово-обрядовой практики греков см.: Суханов. С. IX, 42–48, 54–55, 60–62.

³² В своих описаниях бытия святогробцев и патриарха Паисия Суханов был введлив до крайности. В качестве примеров приведем две характерные зарисовки: в Иерусалиме на праздник святого Саввы «на утрени патриарх сходил для нужи из церкви на третьей песни, и паки пришел, а на осмой песни паки сошел, и не бывал и не служил того дни»; в Великую субботу после службы «поставили трапезу. И ели все хлеб и мало вина, а патриарх пошел к себе в келью, а ел ли там, или нет, того неведомо, понеже от нас скрывался; ведают ближние его люди келейные» (Суханов. С. 54, 88).

Вид часовни Св. Гроба в храме Гроба Господня в Иерусалиме снаружи и изнутри.
Гравюра XVII в. из изд.: J.B. Nolin. *La Terre Sainte autrefois terre de Chanaan
et de Promission divisée selon ses douze tribus...*

ник — эпитроп, так что даже османскому «градоначальнику» пришлось лично вмешаться в их дразги, «чтоб их помирить»³³. Не забыл Суханов упомянуть и о вспыльчивом нраве Паисия, который «велел бить арапина христианина по щекам и в голову, потом плетью по лицу... неведомо за какую вину»³⁴.

Бесила старца Арсения неспособность святогробцев поддержи-
вать мало-мальский порядок в святых местах. Согласно его фактурно-
му описанию, на Пасху 1652 г. во время торжественного богослуже-
ния в храме Гроба Господня ситуация совершенно вышла из-под кон-
троля: «И зык и шум и угнетение и крик непомерной... На литургии
причащались многие телу и крови Христовой, ...митрополит, прижався
к жертвеннику, подавал, а не знает, кому дает: исповедовался или нет,
верной, или неверной, крещен или не крещен, еретик или православ-
ной; токмо они емлют, а он подает, а неведомо кому»³⁵. В столпотво-
рении пострадал даже сам Иерусалимский предстоятель Паисий: по
словам Суханова, «патриарх на великий день литургии не служил; как

³³ Там же. С. 60.

³⁴ Там же. С. 65–66.

³⁵ Там же. С. 88–89.

в субботу вышел с огнем от гроба Христова, и тамо миром его угнеташу и ногу, сказывают, отдавили; насилу в субботу отслужил»³⁶. Таким же хаотичным и безалаберным выглядело, в подаче старца Арсения, празднование Рождества в запруженном богомольцами храме Рождества Христова в Вифлееме: «В церкви великой яко был въезжий двор, и крик, и шум, и хлеб продают, и в дудки играют, и робята шумят, кричат, играют, свистят, скачут во всей церкви всякие люди»³⁷. Старца Арсения все это «позорище», никак не соответствовавшее чинному богослужению в московских церквях, нервировало до предела. Он не сдержался и строго выговорил клирикам за «нерадивость», а виновившиеся перед послом греческие священники тут же, пользуясь моментом, стали молить его походатайствовать перед московским царем, чтобы тот профинансировал реставрацию ветшающей храмовой кровли³⁸. Последующий за слезной просьбой диалог с участием игумена возмутил Суханова до глубины души: «И Арсений говорил: ...если Государь уведает, что вы из церкви сделали конюшню, чаю, государь не велит покрыть. ...а игумен говорил Арсению: а ты того не сказывай Государю, а если скажешь, то ведомо, что Государь не пожалует. Арсений говорил, ты мне лгать велишь[!]»³⁹

Со страстью проповедника, переходя то и дело на прокурорский тон, старец Арсений изобличает греков во лжи и лукавстве, поскольку уверен в том, что те порой намеренно сгущают краски, чтобы убедить потенциальных христоролюбивых спонсоров в своем приниженном положении и заставить их расщедриться. «А иные греки лгут на турков, вымогают милостыню, — детализирует Суханов, — будто и чалмы им турчин велит носить, а манатей (монашеских мантий. — С.К.) и клобуков будто не велит носить; и то все ложь; сказывают тому, кто того не знает; а мы то видехом своими очами. Турки их в том не неволят»⁴⁰.

«Несоответствия» в церковных и внебогослужебных облачениях греческого священничества и монашества старец Арсений отслеживал с маниакальным упорством. К его вящему неудовольствию, в Иерусалиме предписанный стиль одежды священнослужителей нарушался повсеместно. «А попы и диаконы и чернцы молодые, иные и старые не

³⁶ Там же. С. 88.

³⁷ Там же. С. 57.

³⁸ О плачевном состоянии храма во времена визита Арсения Суханова см.: *Суханов*. С. 168.

³⁹ Там же. С. 57–58.

⁴⁰ Там же. С. 59.

пострижены многие, — пенял им Суханов, — и служат и платье чернечское носят, все без мантий и клобуков»⁴¹.

Фигура высокопоставленного московского гостя — сурового и непреклонного иеромонаха, никогда не показывавшегося на людях с непокрытой головой, служила святогробцам, расстилавшим перед ним «ковры благочиния», неммым укором. Намек на то, что их внешний вид не подобает чину, был воспринят. К удовольствию педантичного Суханова, Иерусалимский патриарх Паисий «застыдился того, что Арсений в клобуке всегда ходит, приказал и всем своим чернцам постриженным и непостриженным ходить в клобуках»⁴². Далеко не всем членам святогробского братства такое нововведение пришлось по нутру, и кое-кто стал косо поглядывать на царского посланника. «И того дни, — отмечал посол-богомалец, — за столом и церкви у вечерни все старые и молодые старцы в камилавках⁴³, и все меж себя смеются, что не обыкли тому, а иные и роптали на Арсения; от тебя де нам то; мы де прежде сего и не знали того»⁴⁴. Начав с клобуков, неутомимый Суханов продолжил тему в отношении архиерейских облачений, критикуя митрополитов за то, что те отправляют литургию без богослужебных головных уборов и вообще в своем гардеробе их не держат («Все без шапок, понеже шапок кроме патриарха никто нигде не носит, и нет у них, и не бывало»⁴⁵).

Последней каплей, переполнившей чашу терпения визитера из Московии, стало то, что православный клир Палестины в быту пользовался головными уборами, которые он принял за мусульманские тюрбаны («Ходят все в чалмах, и на обедни неслужащие в алтаре в чалмах стоят»)⁴⁶. Именно тогда он поставил единоверцам на вид, что они незаслуженно винят турок-османов, которые якобы их принуждают носить чалмы. В пример православным клирикам в качестве укора старец Арсений привел католических монахов, которые, как и греческие попы и иноки, никакого принуждения касательно облачений со стороны османских властей не испытывали, но, в отличие от греков, к мусульманам не поддаживались («Ходят в своем платье совершенно и неизменно,

⁴¹ Там же. С. 68.

⁴² Там же.

⁴³ В данном случае слово «камилавка» употреблено в качестве синонима слова «клобук».

⁴⁴ Суханов. С. 54.

⁴⁵ Там же. С. 82.

⁴⁶ Там же. С. 50, 51.

а чалмы отнюдь не носят но в манатях, и в клобуках, и в рясах долгих... по своему чину... хотят»)⁴⁷.

Другая не менее болезненная для старца Арсения тема связана с отсутствием у святогробцев надлежащего рвения в соблюдении предписаний в отношении постов. Недовольство открытой критикой Суханова Иерусалимскому патриарху приходилось сдерживать, коль скоро он рассчитывал на его посредничество в вопросе получения щедрого финансового вспомоществования от русского царя. Так, иеромонаху Арсению, привыкшему к куда более изнурительным постам, чем на христианском Востоке, претило то, что иерусалимский владыка Паисий и его приближенные по средам, пятницам и в Великий пост потребляли еду и питье с сахаром, при изготовлении которого, как явствует из источника, использовались яйца⁴⁸. Когда же в Великий пост в патриаршей трапезной подали «коливо с сахаром»⁴⁹, Паисий предусмотрительно велел «впредь... сахару не класть», сопроводив свое распоряжение комментарием, предназначенным для ушей царского посланника: «Я де по се время не ведал, ажно де сказывают тут яйца кладут, и то де ныне сведал»⁵⁰. «А для того говорил, — комментировал Суханов происходящее, — что слух ему прошел, что Арсений все пишет, что они ни делают, и будто на Москве его тем сахаром оглашал Арсений»⁵¹.

Для поддержания имиджа набожного постника Паисий, принимая Суханова в своей келье, демонстративно выпил неподслащенный напиток. «Принесли ему шербету чашу, — зафиксировано в “Проскинитарии”, — и он спросил: нет ли тут сахару? И они сказали: нету; и он патриарх говорит: я де право теперь сведал, что с яицы, сказывал мне египтянин, как де варят сахар: ино-де в котел 1,000 яиц положат»⁵². Однако сколько бы ни пытался иерусалимский предстоятель оправдаться перед старцем Арсением и внушить ему, что скоромились он и его братия по незнанию, тот его слова на веру не принял. «И то все он нарочком так го-

⁴⁷ Там же. С. 59.

⁴⁸ В дни поста (дни говения) церковным уставом запрещается скоромная пища, т.е. пища животного происхождения (мясные и молочные продукты, яйца).

⁴⁹ Коливо (кутья) — каша из различных злаков (риса, пшеницы, полбы, ячменя, перловки и т.п.) с сухофруктами, подслащенная сахаром или медом.

⁵⁰ Суханов. С. 73.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Основной компонент яичной скорлупы — карбонат кальция — используется в качестве сырья при рафинировании сахара. По всей вероятности, в Египте при производстве сахара из сахарного тростника яичная скорлупа задействовалась, однако деталями соответствующего технологического процесса мы не располагаем.

ворид, — заключил иеромонах, — отводя тот стыд от себя, что ел наперед того; а впредь станет ли пить с ним (сахаром. — С.К.) или нет, неведомо. А то ведомо, что все едят и пьют»⁵³.

В целом у Арсения Суханова упреков к греческим единоверцам накопилось предостаточно. При этом он не менее критично относится к палестинским арабам-православным, подтверждением чему служит его описание арабских братьев во Христе, присутствовавших в храме Гроба Господня на пасхальных торжествах: «Мужи, и жены, и девки, и младенцы, а все из разных мест и из дальних деревень, которыя живут с турками вместе и у турков, а церкви и попа у них нет; токмо на пасху приходят в Иерусалим, и тут причащаются; ...токмо называют себя христианами»⁵⁴.

Артикулируемые Арсением Сухановым замечания в адрес восточных единоверцев, ремарки, в которых, по замечанию издателя «Проскинитария» Н.И. Ивановского, «сказывается оскорбленное чувство религиозного русского человека XVII столетия»⁵⁵, звучат порой иронично, а подчас желчно и язвительно. Тем не менее следует признать, что предвзятое отношение иеромонаха к восточным единоверцам в целом и к греческим в частности «до некоторой степени приглушалось его статусом царского посланника, к которому греки относились с максимальным почтением»⁵⁶.

Резкий до крайности в вероисповедных и ритуальных вопросах Арсений Суханов, когда дело касалось протокола и церемониала, проявлял дипломатическую невозмутимость, хотя не единожды во время приемов ему приходилось подолгу сидеть на полу в неудобной позе. Он лишь пунктуально фиксировал свои наблюдения: «Обедал у патриарха [Паисия] паша⁵⁷ в сенях больших; на земли посланы ковры во всю палату и подушки цветныя и завесы. Паша пришел и сел в окне на патриаршем месте, а патриарх на лавке подле его; потом [паша] сел на земли, а па-

⁵³ Суханов. С. 73. При этом у царского посланника, неотрывно следившего в Иерусалиме за пищевыми пристрастиями святогробских монахов, употребление ими алкоголя упреков не вызывало. Старец Арсений и сам не раз в патриаршей палате вместе с владыкой Паисием распивал чарку-другую горячительного (там же. С. 61, 62).

⁵⁴ Там же. С. 89.

⁵⁵ Ивановский Н.И. [Предисловие] // Суханов. С. IX.

⁵⁶ Панченко К.А. Старообрядец в Леванте: Османский мир начала XVIII века в описании русского паломника Ивана Лукьянова // Мадх. Восхваление. Исааку Моисеевичу Филадельфийскому посвящается. М.: ИД «Ключ-С», 2008. С. 345.

⁵⁷ Паша — сановник высшего ранга в Османской империи.

триарх с левой руки его сел на земли же»⁵⁸. Ничто не ускользает от всевидящего ока старца Арсения: и то, что предстоятель Иерусалимской церкви, принимая армянского патриарха, кушает с ним вместе «с одного блюда», и то, что Паисий в одиночестве принимает пищу «на особом столике», а когда трапезничает в своей келье с братией «или в дороге ест с одного блюда со всеми»⁵⁹.

Статус царского посланника, обязывавший старца Арсения общаться с представителями «недружественных» деноминаций, обусловил его тактичное поведение при контактах с католиками и отсутствие в «Проскинитарии» нелюбезных выпадов в сторону культово-обрядовой практики латинян, соперников православия в многолетней борьбе за контроль над святынями Палестины. Так, приняв приглашение предстоятеля Иерусалимской церкви посетить вместе с ним Вифлеем на католический праздник трех царей-волхвов (день Богоявления), Суханов воспринял церковную органную музыку с подобающим дипломату хладнокровием («И как пришли в церковь, учили франки играть в органы; а патриарх пришед в костел кланялся иконам»⁶⁰). Устроенный же «римскими начальными старцами» торжественный банкет хотя и был хлебосольным («и есть и пить было много»), однако иеромонаха он не особо впечатлил, поскольку патриарх и «франки» пировали, сидя за столами, а Арсению, к его большой досаде, определили место в закутке — на «скамье в заседке»⁶¹.

В то же время в основе сдержанного отношения старца Арсения к адептам армяно-григорианской церкви скорее всего лежала его нескрываемая грекофобия. Его наблюдения относительно паломников-армян в основном касаются искренности и глубины их веры. Его поражала их благочестивая истовость (армяне «благоговение имут ко гробу Христову и ко святым местам»⁶²; патриарха, проповедующего на Голгофе, «слушают со безмолвием и со слезами»⁶³). Гармоничными, несмотря на зычность, показались Суханову армянские песнопения: «Поют все по своему языку; ...а громки гораздо, и глас разсыпается; ...и как ударяют (в кимвалы⁶⁴. — С.К.) с пением воедино глас и согласно гораздо, то с пе-

⁵⁸ Суханов. С. 59–60.

⁵⁹ Там же. С. 69, 279.

⁶⁰ Там же. С. 56.

⁶¹ Там же. С. 56–57.

⁶² Там же. С. 165.

⁶³ Там же. С. 64.

⁶⁴ Кимвал — ударный музыкальный инструмент, состоящий из двух металлических тарелок.

нием не отлично нимало»⁶⁵. Однако все примечающий царский эмиссар усмотрел, что во время торжественного хода армянского клира и поклонников в храме Гроба Господня процессия без остановки прошла мимо места, где «патриарх греческий служил»⁶⁶. Как царев посланник, старец Арсений был приглашен на прием, устроенный Иерусалимским первоиерархом Паисием в честь высоких гостей — трех армянских патриархов. Все было чинно и благородно: изысканная еда, степенные беседы и совместная прогулка. Однако, когда все закончилось, Суханову донесли: «Патриарх армянской спрашивал про Арсения, что не пришел руки целовать, не любит де нас»⁶⁷. Так что в случае с автором «Проскинитария» до сердечного расположения к армянам было далеко.

Повествуя о христианских паломниках на Святой земле в целом, старец Арсений практически остается в одиночестве в своем мнении относительно этической стороны нанесения ими вреда религиозно-культурным памятникам Палестины. Из века в век любители реликвий и памятных сувениров причиняли значительный урон святыням, не задумываясь о моральном аспекте своих деструктивных действий. Суханов же подобного вандализма не одобряет. «А в дверях гроба Христов поставлены были столбцы, якобы притолоки, — пишет старец Арсений о Кувуклии. — ...И те столбцы попорчены, исколупаны от людей приходящих; емлют тайно на благословение. ...та лавочка самороднаго камня, на нем же лежало тело Христово, обложена вся белым мрамором, досками, для того, что если бы не было тако оклеено мрамором, ино все разнесено было бы; понеже на всяко лето (каждый год. — С.К.) и ныне приходят православнии христиане, також и еретицы зовоми, а вси хотят взять на благословение того камня и прочих святых мест, и приходят целовать с шилами и с долотцами, и тайно колупают; а еслиб повелено (здесь: разрешено. — С.К.) было, иноб толикими леты многими, не токмо ту лавочку, или полатку, еже есть гроб Христов, разнести, но и всю бы гору ту до основания разнесли; також того ради и гора Голгофа вся мраморами оклеяна»⁶⁸.

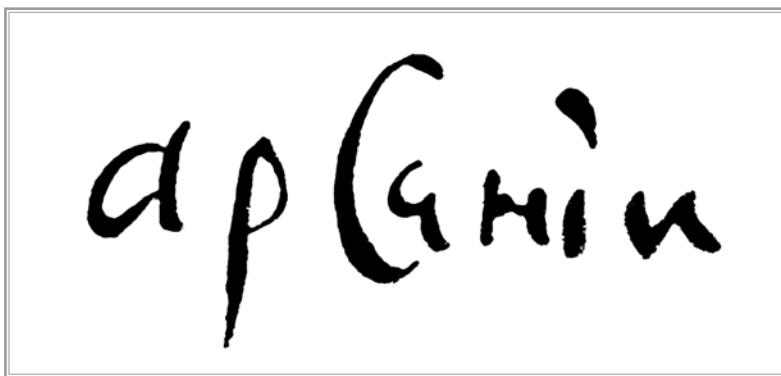
По понятным причинам в этноконфессиональной картине христианского Востока, как она представлена в «Проскинитарии», наиболее колоритно прописаны единоверные греки, коль скоро именно за ними

⁶⁵ Суханов. С. 63.

⁶⁶ Там же. С. 64.

⁶⁷ Там же. С. 68.

⁶⁸ Там же. С. 147–148.

Автограф Арсения Суханова. Источник: Р.Т. Пересветов
«По следам находок и утрат» (М., 1963)

наблюдать был послан Суханов, и менее рельефно — представители инославных христианских общин. Еще меньше интереса он проявляет к доминирующему мусульманскому окружению. Тем не менее и в этом случае иеромонах Арсений, находясь в пределах османских владений, доносит до нас примечательные детали, касающиеся исламских реалий. Конечно, как истово верующий христианин, он резко негативно отзывался о «еретическом» мусульманском вероучении, а пророка Мухаммада нарекает «студным (гнусным. — С.К.)»⁶⁹. Однако это не мешает ему подмечать те стороны исламской культово-обрядовой практики, которые вряд ли могли заинтересовать других писателей-паломников. Так, став свидетелем коллективного моления на кораблях находившегося на Родосе османского флота, Суханов акцентирует внимание на том, что молитва на закате состоит из трех *ракатов*⁷⁰: «И по вся вечера, как солнце зайдет, все завопят, стоя: Алла, алла, алла! — по трижды гласом великим всем войском, и на всякой катархе (галере. — С.К.) со гласом знаменщик и знамя наклоняет. То у них молитва»⁷¹. Он также фиксирует разницу в направлении, которое соблюдают христиане и мусульмане при совершении молитвы (в иерусалимской мечети с оттиском стопы

⁶⁹ Там же. С. 8. Главная претензия старца Арсения к исламу состоит в том, что его адепты не признают догмат о распятии Христа и его воскрешении. «Турки (в данном случае — мусульмане. — С.К.), — свидетельствует Суханов, — называют Христа Бога нашего простым человеком, святым пророком, а не богом, ...а говорят будто Христа не распинали, но вознесли на небо, ...и нас называют богохульниками» (там же. С. 193).

⁷⁰ *Рак'ат* (араб.) — цикл молитвенных поз и движений, сопровождаемых произнесением молитвенных формул, которые следуют друг за другом в строго фиксированном порядке.

⁷¹ Суханов. С. 28.

Иисуса Христа, согласно «Проскинитарию», «кланяются христиане на восток, а турки на поддни [на юг. — С.К.]»⁷²).

Суханов инстинктивно уловил «иконоборческий» характер ислама, который, как подчеркивает М.Б. Пиотровский, «не допускает изображение в сферу духовного искусства, всячески оберегая догмат о единстве Бога от изобразительных соблазнов»⁷³, когда писал о благоговейном отношении мусульман к деве Марии (Марьям) и ее месту упокоения⁷⁴. «[Они] богородичен гроб почитают..., почитают... — читаем в “Поклоннике”, — в четверток (четверг. — С.К.) вечер и пяток (пятницу. — С.К.) по утрам до полудня, приходят турки (здесь: мусульмане. — С.К.) и жены их с детьми, и для того образов тут не держат, понеже турки образов... не любят, ругаются им и разбивают их»⁷⁵.

Сооружение на месте Вознесения Христова невероятно наблюдательный старец Арсений идентифицирует как мечеть. Он дает точное описание постройки («На середине... двора теремец каменный осмерик, сиречь осмь стен; всякая стена от угла до угла по великому саженю»⁷⁶ и на всех стенах своды сведены якоб подзоры мрамором белым, а на углах по странам по столбику мрамора белаго, итого 14 столпов, и сводом сведен якоб шатер»⁷⁷) и упоминает о том, что внутри его располагается михраб⁷⁸: «И тут в теремце, иде же камень со стопою Христовою, на полуденной (южной. — С.К.) стене сделано место, идеже кланяются турки приходя, мужи и жены, и дети»⁷⁹.

Перемещаясь из одного культурно-географического ареала в другой, иеромонах Арсений не перестает восхищаться культовым зодчеством мира ислама. Его завораживает «исламская составляющая» городского пейзажа Стамбула, разбросанные по семи холмам старого го-

⁷² Там же. С. 193.

⁷³ *Пиотровский М.Б.* О мусульманском искусстве. СПб.: Славия, 2001. С. 58.

⁷⁴ Арсений Суханов называет три ключевые иерусалимские святыни, которым поклоняются мусульмане наряду с христианами: Вифлеемскую пещеру — место рождения Иисуса Христа, место его вознесения на Елеонской горе и гроб девы Марии в Гефсиманской пещере, особо выделяя при этом подчеркнутый пиетет последователей пророка Мухаммада, особенно женщин, к «Пресвятой Богородице» (*Суханов.* С. 193, 185–186).

⁷⁵ Там же. С. 193, 186.

⁷⁶ Великая сажень = 244 см.

⁷⁷ *Суханов.* С. 192.

⁷⁸ Михраб — ниша в стене, ориентированной в сторону Мекки, а точнее, Каабы — главного святилища ислама, обозначающая направление, в котором обращены лица совершающих молитву мусульман.

⁷⁹ *Суханов.* С. 193.

рода бесчисленные мечети «со столпами (минаретами. — С.К.) дивными»⁸⁰. «На тех холмах, — фиксирует свои впечатления Суханов, — ставлены мечети, велики и высоки, ...и украшены... драгоценным мрамором всяким и резьми видами превидными, несказанною мудростью и ценою великою; ...стоят... от всех домов живущих (жилых домов. — С.К.) выше, покрыты все свинцом; а около их столпы высокие, у иных по шти (шесть. — С.К.)⁸¹, и по четыре, и по три, и по два, и по одному... Да на них же в их праздник зажигают паникадилы с маслом во всю ночь. И когда пяток первой молада месяца⁸², таже зажигают. Будет паникадил по сту, и по двести и по триста, и больше у одной мечети, светятся в нощи, яко звезды на небеси»⁸³.

На пути из Рашида в Каир глаз старца Арсения радуют разбросанные по нильским берегам архитектурные «доминанты» — мусульманские культовые строения: «Островов много по обе стороны; деревни часты...; все здание кирпичное, ...а везде мечети стройныя, ...каменные и кирпичныя, провозгласницы (минареты. — С.К.) высокия»⁸⁴.

В Иерусалиме, обозревая со стороны «заповедную территорию» на горе Мориа (ал-Харам аш-Шариф)⁸⁵ и сравнивая ее с «городом в городе», Суханов дает ей краткую, но емкую характеристику: «Те две церкви учинены мечетями ныне и огорожены палатами высокими, якобы город; а оне обе стоят внутри тех стен: святая святых к полудню у стены, а Иеро⁸⁶ на середке, а около их якобы поле великое, все выслано каменем; ...а на той ограде семеры ворота великия яко градныя, украшены чудным каменем писаным, и во всех горят кандилы с маслом скляничныя»⁸⁷.

⁸⁰ Там же. С. 17.

⁸¹ В Стамбуле есть только одна мечеть с шестью минаретами — мечеть султана Ахмеда I, известная как Голубая мечеть, которая была построена в 1609–1616 гг.

⁸² Имеется в виду «ночь наблюдения за новой луной» (*лайлат ар-пу'иа*) — ночь перед началом поста в месяц рамадан.

⁸³ Суханов. С. 16.

⁸⁴ Там же. С. 35.

⁸⁵ На ал-Харам аш-Шариф находятся «мечеть купола скалы» (*масджид куббат ас-сах-ра*) и «отдаленнейшая мечеть» (*ал-масджид ал-акса*) (в терминологии паломников соответственно — «храм Соломонов», или «Соломонова церковь», и «церковь Святая Святых»).

⁸⁶ Иеро (от греч. *hieros* — «священный») — одно из наименований храма Соломона («церковь Соломонова, Иеро зовома еллинским языком») (Суханов. С. 135). Название Иеро со значением «святилище» Арсений Суханов применяет в отношении «мечети купола скалы».

⁸⁷ Суханов. С. 137–138. Подробное описание «Соломоновой церкви» и ее истории см.: там же. С. 135–137.

В целом, как отмечалось выше, исламская тематика попадает в фокус внимания Арсения Суханова лишь эпизодически, и связанная с ней рассеянная по тексту «Проскинитария» информация извлекается по крупицам, что ни в коей мере не умаляет ее историко-культурной и научной ценности.

Возложенное на Арсения Суханова царем и патриархом поручение — «осмотрение святых мест и греческих церковных чинов» — иеромонах исполнил с тщанием и энтузиазмом, что предопределило посылку его в 1654 г. (уже при патриархе Никоне) с новой миссией — на Афон, откуда он доставил в Москву ценнейшие рукописные и печатные книги как религиозного, так и светского характера. В 1665 г. Арсений Суханов вернулся из своего последнего путешествия на Восток. При проектировании Воскресенского собора Ново-Иерусалимской обители были задействованы как привезенная им из Иерусалима модель храма Гроба Господня, так и словесное описание этой христианской святыни в «Проскинитарии».

Возвращаясь к плоду первого хождения Арсения Суханова на Восток, отметим, что этноконфессиональный османский мир в подаче иеромонаха предстает перед нами то ярким, самобытным и экзотическим, то приземленным и даже мрачным. В его «Проскинитарии» уживаются ксенофобия и толерантность, восхищение иными культурными ареалами и неприятие инаковости. При этом старец Арсений стремится не только обозначить политико-религиозные реалии посещаемого общества, но и по мере знаний и возможностей проникнуть в их суть. Как паломник, он полон переживаний и испытывает сердечную боль за судьбу православия на Ближнем Востоке, а как царский посланник, он решительно отстаивает российские государственные и церковные интересы. Его индивидуально-авторская позиция — это позиция «истового московского книжника с любимой теорией о третьем Риме — Москве»⁸⁸, а его мировоззренческие представления основываются на идее первенства России в мировом православии.

⁸⁸ Белокурова С.А. «Арсений Суханов». URL: <http://nasledie.russportal.ru/index.php?id=history.belokurov01> (доступ 10.09.2023).

REFERENCES

1. *Belokurov S.A.* Arseny Sukhanov. Research. Part I. Biography of Arseny Sukhanov [Arsenij Suhanov. Issledovanie. Chast' I. Biografija Arsenija Suhanova]. University Printing House, Strastnoy Boulevard, Moscow, 1891. 614 p.
2. *Belokurov S.A.* «Arseny Sukhanov». Speech delivered on October 27, 1891 before the Defense of the Dissertation by S. Belokurov // Theological Bulletin [«Arsenij Suhanov». Rech', proiznesennaja 27 oktjabrja 1891 g. pred zashhitou dissertacii S. Belokurovym // Bogoslovskij Vestnik] Vol. I. No. 3. Sergiev Posad, 1892. P. 519–531.
3. *Belokurov S.A.* Arseny Sukhanov. Research. Part II. The works of Arseny Sukhanov. Issue one. 2nd ed. [Issledovanie. Chast' II. Sochinenija Arsenija Suhanova. Vypusk pervyj. 2e izd.] University Printing House, Strastnoy Boulevard. Moscow, 1894. 369 p
4. *Bogdanov A.P.* Arseny Sukhanov, Diplomat and Thinker of the 17th Century, Our Contemporary [Arsenij Suhanov, diplomat i myslitel' XVII v., nash sovremennik] // NOVOGARDIA. No. 1. 2019. P. 244– 266.
5. *Bogdanov A.P.* Why «the Third Rome»? Arseny Sukhanov on Place of Russia in the World Orthodox Christianity // Dialogue with Time: An Almanac of Intellectual History [Pochemu «Tretij Rim»? Arsenij Suhanov o meste Rossii v mirovom pravoslavii // Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii]. Issue 70. Aquilon. Moscow, 2020. P. 72–85.
6. [*Iona Malen'kiy*]. The Story of the Journey to Jerusalem and Tsargrad of the Hierodeacon from the Holy Trinity-St. Sergius Monastery Iona named Malen'kiy, 1649–1652 / Ed. by S.O. Dolgov // Orthodox Palestinian Collection [Povest' i skazanie o pohozhdenii v Ierusalim i vo Car'grad Troickogo Sergieva monastyrja chernogo diakona Iony po reklomu Malen'kogo, 1649–1652 gg.] // Pravoslavnyj Palestinskij Sbornik]. Vol. XIV. Issue 3 (42). St. Petersburg, 1895. XI. 68 p.
7. *Panchenko K.A.* The Ottoman Empire and the Fates of Orthodoxy in the Arab East (16th – Early 19th Century) [Osmanskaja imperija i sud'by pravoslavija na Arabskom Vostoke (XVI – nachalo XIX veka)]. Izd. centr ISAA pri MGU. Moscow, 1998. 160 p.

8. *Panchenko K.A.* Old Believer in the Levant: Ottoman World of the Early 18th Century in the Description of the Russian Pilgrim Ivan Lukyanov // Madh. Praise. Dedicated to Isaac Moiseevich Fil'shtinsky [Staroobryadec v Levante: Osmanskij mir nachala XVIII veka v opisanii russkogo palomnika Ivana Luk'yanova // Madh. Voskhvalenie. Isaaku Moiseevichu Fil'shtinskomu posvyashchaetsya]. Klyuch-S. Moscow, 2008. P. 339–350.
9. *Peresvetov R.T.* In the Footsteps of Finds and Losses [Po sledam nahodok i utrat]. Sovetskaja Rossija. Moscow, 1961. 264 p.
10. *Piotrovsky M.B.* About Islamic Art [O musul'manskom iskusstve]. Slavija, St. Petersburg, 2001. 148 p.
11. *Ponomarev S.I.* Jerusalem and Palestine in Russian Literature, Science, Art and Translations. Materials for the Bibliography [Ierusalim i Palestina v russkoj literature, nauke, zhivopisi i perevodah. Materialy dlja bibliografii]. Tipografija Imperatorskoj Akademii Nauk. St. Petersburg, 1877. 128 p.
12. *Stavrou T.G., Weisensel P.R.* Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century. Columbus: Slavica Publishers, 1986. 925 c.
13. [Sukhanov A.] Proskinitarium by Arseny Sukhanov with Drawings and a Plan: 1649–1653 / Preparation of the text by Ch.M. Loparev. Ed. and preface by N.I. Ivanovsky // Orthodox Palestinian Collection [Proskinitarij Arsenija Suhanova s risunkami i planom: 1649–1653 gg. / Podgot. teksta Ch.M. Lopareva. Red. i predisl. N.I. Ivanovskogo // Pravoslavnyj Palestinskij Sbornik]. Vol. VII. Issue 3 (21). Tipografiya V. Kirshbauma. St. Petersburg, 1889. XVII. 390 p.
14. [Vishensky I.]. The Journey of Hieromonk Hippolyte Vishensky to Jerusalem, Sinai and Mount Athos (1707–1709) // Orthodox Palestinian Collection [Puteshestvie ieromonaha Ippolita Vishenskogo v Ierusalim, na Sinaj i Afon (1707–1709 gg.) // Pravoslavnyj Palestinskij Sbornik]. Vol. XXI. Issue 1 (61). St. Petersburg, 1914. LVI. 196 p.
15. *Zenkovsky S.A.* Russian Old Believers. Spiritual Movements of the 17th Century [Duhovnye dvizhenija semnadcatogo veka]. Cerkov'. Moscow, 1995. 528 p.
16. *Zharova I.Y.* «Proskinitari» by Arseny Sukhanov: Historical and Literary Basis of the Study and Genre and Poetic Originality of the Text [«Proskinitarij» Arsenija Suhanova: istoriko-literaturnaja osnova i zhanrovo-pojeticheskoe svoeobrazie teksta]. PhD Thesis (Philological Sciences). Moscow, 2013. 257 p.

17. *Zhitenev S.Y. History of Russian Orthodox Pilgrimage in the 10th – 17th Centuries [Istorija russkogo pravoslavnogo palomnichestva v X–XVII vekah]*. Indrik. Moscow, 2007. 480 p.

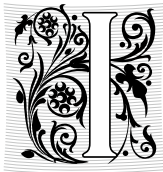

Ключевые слова:

Османская империя, Святая земля, паломничество, Арсений Суханов.

Svetlana S. Kirillina

BY ORDER OF THE TSAR AND WITH THE BLESSING OF THE PATRIARCH: HIEROMONK ARSENY IN THE MIDDLE EAST

In 1649, the actual head of the Epiphany Monastery in Moscow, Hieromonk Arseny Sukhanov (c. 1600–1668) was sent to the Middle East and made a pilgrimage to the Holy Land by order of the Tsar Aleksey Mikhailovich and with the blessing of Patriarch Joseph of Moscow. During his travels, which lasted until 1653, he successfully fulfilled the task to learn more about the Greek Orthodox ritual practice. This important mission was entrusted to him by the Russian Sovereign and the First Hierarch of the Russian Orthodox Church. This journey is described in his book entitled «Proskinitarium» («Pilgrimage Guide»), a masterpiece of Russian travel literature, which has an indisputable historical and cultural value. The ethno-confessional world of the Ottoman Empire, as it is presented by the pilgrim-writer, is vibrant, diverse, and multicultural. «Proskinitarium» also includes a valuable information of military and strategic nature. As a pious Christian, Arseny Sukhanov stood up for the «true faith», and as a Tsar's envoy, he persistently defended Russian State and Church interests and protected the honor of his Motherland.

Key words: Ottoman Empire, Holy Land, Pilgrimage, Arseny Sukhanov.

Svetlana A. Kirillina — D.Sc. (History), Professor, Head of Department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

Кириллина Светлана Алексеевна

доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории
стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.001

М.М. Якушев

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ДИПЛОМАТИИ И РАЗВЕДКИ НА БОСФОРЕ В 1700–1720 гг.

В начале XVIII в. российско-османские отношения вышли на новый уровень. В 1699 г. в османскую столицу было направлено посольство думного дьяка¹ Е.И. Украинцева² и дьяка И.П. Чередеева, которых сопровождала эскадра из военных кораблей, причем от Таганрога до Керчи ее провожал русский царь Петр I, что придавало дипломатической миссии особую важность. Вместе с тем русские уполномоченные ехали не как послы, а как чрезвычайные посланники, поскольку статус миссии не соответствовал поставленным целям³.

¹ Думный дьяк — дворцовый чин; высокопоставленное должностное лицо, ведавшее делопроизводством в Боярской думе и важнейших органах управления (приказах). В структуре Боярской думы он был четвертым после других думных чинов: боярина, окольничего, думного дворянина.

² В 1689–1697 гг. Е.И. Украинцев возглавлял Посольский приказ — центральное правительственное учреждение, ведавшее отношениями с иностранными государствами.

³ Теплоу В.А. Русские представители в Царьграде, 1496–1891. СПб., 1891. С. 10; *Он же*. Представители европейских держав в прежнем Константинополе. СПб., 1890.

3/14 июля 1700 г. между Русским царством⁴ и Высокой Портой⁵ был подписан Константинопольский мирный договор, или соглашение о перемирии сроком на 30 лет, по которому османский султан Мустафа II (1695–1703 гг.) признал право московского двора на Азов с прилегающими землями Приазовья и вновь построенными крепостями. С российской стороны трактат подписали уполномоченные Е.И. Украинцев и И.П. Чередеев, с османской — великий визирь (садразам) Кепрюлю Амджазаде Хаджи Хюсейн-паша (1697–1702 гг.).

По Константинопольскому трактату 1700 г. Россия впервые получила право иметь в османской столице постоянного посланника, которому будут предоставлены все права и преимущества, дарованные эмиссарам других европейских держав «для творения и продвижения на данных делах, когда надобно будет резиденту царского величества у Блистательной Порты пожить» (13 статья)⁶.

Константинопольский мирный договор 1700 г. укрепил международный престиж русского правительства и позволил царю Петру I заявить о претензиях на ведущие роли в европейской политике.

Посольство Е.И. Украинцева сопровождали два толмача — Д. Петров (греческий, молдавский, валашский и турецкий языки) и П. Кучумов (турецкий и татарский языки), в последний момент заменивший переводчика турецкого и татарского языков С. Тонкачева⁷, а «во дворянах и для толмачевания турецкого языка» В.А. Даудова⁸. После окончания дипломатической миссии Е.И. Украинцева и И.П. Чередеева в Константинополе (Стамбуле) остались не имевшие дипломатического ранга переводчик С.Ф. Лаврецкий, который был назначен главой дипломатического представительства, подьячий⁹ Посольского приказа Г. Юдин и толмач Д. Петров, которым предписывалось быть послушными переводчику и «противности ни в чем никакой не чинить»¹⁰, причем срок их пребывания в османской столице зависел от прибытия чрезвычайного

⁴ Русское царство, Московское царство или Россия — наименование Русского государства с 1547 по 1721 г.

⁵ Высокая Порта или Блистательная Порта — принятое в истории дипломатии и международных отношений наименование правительства Османской империи.

⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). СПб., 1804. Т. IV. С. 71–72.

⁷ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1699. Д. 4. Л. 5; Там же. Кн. 27. Л. 5.

⁸ Там же. Кн. 27. Л. 4 об.; 1699. Д. 4. Л. 24, 92.

⁹ Подьячий — дворцовый чин; помощник дьяка.

¹⁰ РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. Кн. 27.

(великого) посла с ратификацией мирного договора, а после вручения им ратификации султану, получения ответной грамоты и отпускнуой аудиенции у падишаха переводчику и подьячему следовало покинуть Константинополь. Вскоре на смену тяжело заболевшему, «впавшему в немощь» и вскоре умершему Г. Юдину¹¹ в османскую столицу был направлен подьячий Посольского приказа М.Р. Ларионов¹² в сопровождении толмача А. Постригичева (турецкий и итальянский языки). Позднее М.Р. Ларионов и С.Ф. Лаврецкий стали вместе управлять дипломатической миссией в Константинополе до приезда чрезвычайного посла.

В начале 1701 г. комнатный стольник¹³ князь Д.М. Голицын (1701–1702 гг.) был командирован в османскую столицу в качестве чрезвычайного и полномочного посла «с подтвердительной от государя грамотой на договор»¹⁴. В посольство Д.М. Голицына включили двух толмачей: К.П. Турченинова (турецкий и татарский языки) и И.И. Волошенина (греческий и молдавский языки)¹⁵, а также переводчика турецкого С. Максимова, присоединившегося к ним на пути в Адрианополь.

В начале XVIII в. Россия впервые в истории османо-российских отношений получила возможность учредить постоянное дипломатическое представительство при османском правительстве.

В конце 1701 г. в Османскую империю в качестве чрезвычайного и полномочного посланника был направлен стольник П.А. Толстой (1701–1714 гг.) «для своих великого государя государственных дел»¹⁶. П.А. Толстой стал первым постоянным русским посланником при османском правительстве. Вместе с тем, согласно полномочной грамоте, его главной задачей являлось поддержание мирных и дружественных отношений между двумя державами. В начале 1702 г. П.А. Толстой церемониально въехал в Адрианополь (Эдирне), где располагалась резиденция султана Мустафы II, а в конце 1703 г. после янычарского бунта и восшествия на престол Ахмеда III (1703–1730 гг.) русский посол торжественно переехал в Константинополь вместе со своей свитой.

¹¹ Там же. 1700. Д. 2. Л. 4.

¹² Там же. Д. 4. Л. 3.

¹³ Стольник (ближний, комнатный) — дворцовый чин, затем придворный чин; высокопоставленное должностное лицо из ближайшего окружения государей, цариц и патриархов. По росписи чинов начала XVIII в. среди чинов стольник стоял на пятом месте после думного дьяка.

¹⁴ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке // Сборник Московского главного архива Министерства иностранных дел. Вып. 2. М., 1881. С. 22–27.

¹⁵ РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1701. Д. 5. Л. 375.

¹⁶ Там же. Л. 1.

Российский посланник в Османской империи П.А. Толстой.
Художник Иоганн Готфрид Таннауэр

Дипломатические отношения с Османской империей во многом зависели от переводческой подготовки штатных и внештатных сотрудников российской дипломатической миссии в Константинополе. Переговоры русских дипломатических представителей с Высокой Портой, как правило, велись на итальянском языке через перевод, так как итальянский являлся языком международного дипломатического общения в Константинополе. Кроме того, все тексты русско-османских трактатов имели копии на итальянском языке. Функциональные обязанности переводчиков и толмачей, служивших в Константинополе, во многом совпадали. Основное различие состояло в том, что переводчики имели право переводить письменные документы, а толмачи — устную речь. Переводчиков для русских послов при османском дворе выбирали из владевших греческим, итальянским или латынью, т.е. языками, на которых велись переговоры с Портой. Толмачи на разговорном уровне знали языки народов, живших на территории Османской империи: греческий, турецкий, арабский, татарский, молдавский, валахский. Роль драгоманов в османской столице не ограничивалась устным или письменным переводом с иностранных языков или работой с зашифрованными документами. Российские дипломаты направляли их с поручениями к великому визирю, реис-эфенди¹⁷, кяхья-бею¹⁸ и другим

¹⁷ Реис-эфенди — министр иностранных дел Порты.

¹⁸ Кяхья-бей — министр внутренних дел Порты.

османским сановникам, чтобы передать информацию, договориться о церемониальном визите, публичной аудиенции или вручить протокольные подарки. Дворян и переводчиков также направляли в Перу¹⁹ к европейским дипломатам с различными поручениями и на переговоры с османскими сановниками, на встречи с секретными агентами и информаторами русского правительства, а также посещали «для проведывания» султанский и визирский дворы. Толмачам подобные служебные задания давали значительно реже. Помимо переводчиков со знанием итальянского языка российскому правительству требовались переводчики со знанием греческого языка для поддержания контактов с представителями греческой общины, Иерусалимского и Константинопольского патриархатов и семьей греков-фанариотов Маврокордато, служивших великими драгоманами Порты и имевших значительное влияние в османской столице.

Следует заметить, что появление П.А. Толстого на берегах Босфора вызвало неприятное удивление, как в османских правительственных кругах, так и в европейском дипломатическом корпусе, так как иностранные послы недоумевали, для чего московскому двору понадобился постоянный дипломатический представитель при незначительном числе российских подданных во владениях султана и при ничтожности торгового оборота России с Османской империей. По словам П.А. Толстого, «не только пред цесарским (австрийским. — М.Я.) и французским, но и пред иными послами и житие мое у них зело им не любо»²⁰. П.А. Толстой отметил, что «роль представителей иностранных держав в прежнем Константинополе была, за редким исключением, крайне тяжела и зачастую полна унижений всякого рода: ссорясь друг с другом, стремясь всеми возможными способами подорвать в глазах Порты прочих своих сотоварищей, они сами роняли себя во мнении турок, которые не стеснялись общаться с ними самым унижительным способом, а иноземные послы терпеливо выносили даже побои, за которые им же приходилось еще откупаться, зная очень хорошо, что в большинстве случаев их собственные правительства отступятся от них из-за выгод торговых или политических и не отомстят за нанесенные оскорбления»²¹.

¹⁹ Пера — историческое (греческое) название района Константинополя, где проживали европейцы и располагались европейские посольства.

²⁰ Тепло В.А. Русские представители в Царьграде, 1496–1891. С. 12.

²¹ Там же. С. 12–13.

Вид Константинополя. Гравюра XIX в.

Вместе с П.А. Толстым в Османскую империю были направлены дворяне посольства И.П. Толстой (старший сын посла) и В.И. Блеклый, подьячий Посольского приказа И.В. Небогатов, переводчик латинского, греческого и итальянских языков М. Арсеньев, а также два толмача: К.И. Македонский (турецкий и татарский языки) и И.И. Волошенин (греческий и валашский языки)²², прослужившие в Константинополе свыше десяти лет. В середине 1702 г. М. Арсеньев заболел и П.А. Толстой написал главе Посольского приказа Ф.А. Головину (1700–1706 гг.), что переводчик «зело болезнует, и вскорости ему оздороветь» не представляется возможным, причем в дальнейшем упомянутый переводчик неоднократно жаловался на различные болезни и состояние здоровья: «терпел долговременные скорби, и болезни, и очную слепоту тяжкою»²³. В конце 1703 г. к П.А. Толстому с грамотами и письмами и «для переводу с греческого на словенский» прибыл Ф. Константинов²⁴. В 1708 г. в Константинополь был направлен переводчик латинского и греческого языков А. Почайнов²⁵, в 1710 г. — переводчик итальянского и греческого языков В. Курдевский²⁶, переводчик греческого языка И. Гречанинов²⁷

²² РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1702. Д. 1. Л. 1–2.

²³ Там же. 1706. Д. 3. Л. 403 об.

²⁴ Там же. 1703. Д. 3. Л. 495 об.

²⁵ Там же. 1709. Д. 1. Л. 37–37 об.

²⁶ Там же. 1711. Д. 7. Л. 264 об.

²⁷ Там же. 1713. Д. 25. Л. 1–2.

и переводчик латинского и греческого языков П. Сафонов²⁸, в 1711 г. — переводчик греческого и латинского языков А. Ботвинкин, переводчик немецкого языка С. Волков и переводчик турецкого и греческого языков А. Васильев «для переводу турецких и греческих писем»²⁹.

Российское правительство нуждалось в более точных и объективных сведениях, которые возможно было собрать лишь при наличии сети своих информаторов, корреспондентов и тайных агентов на Босфоре, называемых «секретными осведомителями», «особыми осведомителями» или «тайными приятелями». Важную роль в контактах между российским дипломатическим представительством и османским правительством играли посольские секретари и переводчики, например, штатные сотрудники европейских дипломатических представительств в Константинополе.

В начале XVIII в. сбором информации секретного и конфиденциального характера для русского правительства занимались сотрудники российской дипломатической миссии из числа на месте принятых иностранцев, некоторые из которых переходили на русскую службу или тайно работали на российское правительство.

Для решения проблемы нехватки переводчиков иностранных языков П.А. Толстой привлек на русскую службу иностранцев. В делопроизводственных документах Посольского приказа встречаются имена И. Суда и П. Ратка.

П.А. Толстой обратил внимание, что в иностранных посольствах были переводчики с турецкого языка. При переводе текста на старосманском (турецком) языке П.А. Толстому приходилось прибегать к услугам посредников, которым не всегда можно было полностью доверять, а тем более дать им переводить секретную информацию. В этой связи остро встал вопрос поиска переводчика турецкого языка или языкового обучения сотрудников российской дипломатической миссии.

Одним из первых переводчиков, привлечших внимание русского посла, был Н. Барка³⁰, племянник консула Рагузинской республики Л. Барки-старшего (ум. 1708 г.) и родной брат рагузинского консула

²⁸ Там же. 1719. Д. 6.

²⁹ Базарова Т.А. Русские дипломаты при османском дворе. Статейные списки П.П. Шафирова и М.Б. Шереметева 1711 и 1712 гг. СПб., 2016. С. 238.

³⁰ В дипломатической корреспонденции рагузинца Н. Барку называли «Кирьяковым» или «Чернышевым», чтобы «прозвища его не признали» и «не прознали про его родство» с Л. Баркой, так как «родственники его с тем же прозвищем живут в Царьграде» / РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1711. Д. 7а. Л. 5.

Российский посол в Османской империи П.П. Шафиров.
Неизвестный художник по оригиналу нач. XVIII в.

и переводчика английского посольства Л. Барки-младшего³¹. Н. Барка перешел на русскую дипломатическую службу в 1706 г. П.А. Толстой отмечал, что Н. Барка «изрядно знает язык турецкой, и писать и читать может по-турецки изрядно, к тому же знает язык латинской, греческой и по-словенски знает немного»³². Н. Барка занимался пересылкой посланий в Порту и писем через своего брата английского переводчика Л. Барку и рассматривался как потенциальный резидент при османском дворе после отъезда русских эмиссаров, однако в 1712 г. он скончался.

В 1709 г. на дипломатической службе появился Г. Теста, которого П.А. Толстой «перезвал от посла голландского». П.А. Толстой писал, что Г. Теста — «человек умный и в языках искусный», «в своем деле достойный, знает языки турецкой, итальянской и греческой изрядно и может служить здесь по достоинству»³³. Г. Теста занимался пересылкой писем через своего брата, венецианского переводчика Ф. Теста³⁴. Г. Теста, сидевший в заточении в Семибашенном замке Константинополя вместе с П.А. Толстым, П.П. Шафировым и М.Б. Шереметевым, рассматривался как потенциальный корреспондент при османском

³¹ В дипломатической переписке рагузинца Л. Барку называли «Макарием».

³² РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1706. Д. 3. Л. 287–288.

³³ Там же. 1709. Д. 1. Л. 509.

³⁴ Архив Санкт-Петербургского института истории (СПБИИ) РАН. Ф. 83. «Походная канцелярия А.Д. Меншикова». Оп. 3. Кн. 1. Л. 21 об.

дворе после их отъезда. По мнению П.П. Шафирова, упомянутому переводчику «одному здесь остаться... невозможно, ибо здешний подданный и уроженец»³⁵. Вскоре Г. Теста не выдержал напряженности враждебной обстановки, которая сопровождалась угрозами нового тюремного заключения, и в 1713 г. «за болезнь, а паче от страха» попросил отставки от службы³⁶.

Параллельно с Г. Теста в Константинополе служил еще один переводчик, рагузинец Ф. Беневени³⁷, «принятый на русскую службу» П.А. Толстым в 1708 г., разделивший с ним два тюремных заключения в Семибашенном замке и рекомендованный П.П. Шафирову. Ф. Беневени служил переводчиком «в тамошних делах со всякою верностью и радением, не щадя живота своего в опасных случаях»³⁸. Первоначально он был привлечен как переводчик итальянского языка, персидского и татарского языков, позже он освоил османский язык³⁹.

Российскому дипломатическому представительству в Константинополе информацию предоставляли переводчик голландского посольства В. Тейлс, переводчик английского посольства П. Бьянка, переводчик французского посольства Д. Форнет, секретарь шведского посольства Т. Функа и секретарь голландского посольства Ж.Б. Савар⁴⁰.

Основными поставщиками секретной информации и агентурных сведений русскому правительству были посол Нидерландов в Константинополе Я. Колиер, а также влиятельные представители царьградского духовенства: Иерусалимские патриархи Досифей II (1669–1707 гг.) и Хрисанф (1707–1731 гг.)⁴¹, папский нунций архиепископ К. Галани. Многих осведомителей к русской службе привлек П.А. Толстой⁴². В. Тейлс и К. Галани помимо рекомендаций и ценных советов могли оказать помощь в доставке к царскому двору зашифрованных посланий. Вместе

³⁵ Там же. Л. 21 об.

³⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. «Походная канцелярия А.Д. Меншикова». Оп. 3. Кн. 1. Л. 21 об.; РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1711. Д. 7а. Л. 154.

³⁷ В дипломатической переписке рагузинца Ф. Беневени называли «Флорием Лазаревым».

³⁸ Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М., 1986. С. 12.

³⁹ РГАДА. Ф. «Дела о Посольском приказе и служивших в нем». Оп. 138/1. Д. 45. Л. 5.

⁴⁰ В дипломатической корреспонденции француза Ж.Б. Савара называли «Ионой» или «Серафимом».

⁴¹ РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1707. Д. 3. Л. 89 об., 157 об.

⁴² Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714 гг.). М., 1990. С. 137.

Российский посол в Османской империи М.Б. Шереметев. *Неизвестный художник*

с тем в секретной инструкции майору И. Натали рекомендовалось на английского посла сэра Р. Саттона «вовсе не надеяться» и осторожно обходиться с его переводчиком Л. Баркой, так как у российского внешнеполитического ведомства не было уверенности, что действия англичан при Порте будут полезны российским интересам.

За услуги секретным агентам, работавшим на российское правительство, полагались крупные «денежные дачи»: голландскому послу Я. Кольеру и великому драгоману Порты И. Маврокордато (1709–1717 гг.) «по 1000 венецианских золотых червонцев», В. Тейлсу — на издержки его во время пребывания в компании султана в 1715 г., куда он «для престоережения интересов его царского величества ездил», и на другие его чрезвычайные расходы — «пятьсот червонных золотых»⁴³.

Кроме дипломатических целей, перед русским послом ставились задачи разведывательного характера. Первыми информаторами П.А. Толстого были православные греки, затем ему удалось склонить к сотрудничеству переводчиков и секретарей европейских посольств в Константинополе. Он создал и постепенно увеличивал круг лиц из османских сановников, которые были готовы предоставлять важную информацию русскому правительству за денежное вознаграждение. П.А. Толстой

⁴³ Базарова Т.А. Две поездки майора Иеронима Натали в Стамбул: дипломатические контакты России с Османской империей в 1715–1718 гг. // Вестник Волгоградского университета. Серия 4. 2019. Т. 24. № 1. С. 88.

установил связи с английским послом Р. Саттона (1702–1716 гг.) и голландским послом Я. Колиером (1694–1725 гг.), а также великим драгоманом Порты А. Маврокордато (1673–1709 гг.), которые давали ценные советы и делились полезной информацией. П.А. Толстой должен был иметь тайную корреспонденцию с молдавским князем Д. Кантемиром.

П.А. Толстому пришлось противостоять французскому послу Ш. Ферриолю (1699–1711 гг.), пользовавшемуся авторитетом среди коллег по дипломатическому корпусу и обладавшему значительным влиянием на высокопоставленных османских чиновников. Однако общение с большинством европейских послов, аккредитованных в Константинополе, проходило в атмосфере недоверия и подозрения.

После смерти султана Мустафы и по восшествии на трон его брата Ахмета тогдашний садразам Чорлулу Дамат Али-паша (1706–1710 гг.) на встрече с русским послом П.А. Толстым заявил, чтобы «от его царского величества прежний, с братом настоящего султана учиненный 30-летний мир вновь подтвержден был», который был возобновлен 3/13 января 1710 г.⁴⁴ В ноябре 1710 г. султан Ахмед III объявил войну России, обвинив ее в строительстве крепостей на территории Османской империи и присутствии русских войск в Польше.

Фактически Константинопольский трактат действовал до неудачного для России Прутского похода Петра I в 1711 г., окончившегося заключением Прутского мирного договора (12/23 июля 1711 г.), по которому русское правительство вынуждено было согласиться вернуть османскому правительству Азов с прилегающей близлежащей территорией, уничтожить вновь отстроенные укрепления, крепости и города, в том числе Таганрог, не вмешиваться во внутреннюю политику Польши и ограничиться сухопутной торговлей с Портой⁴⁵. Россия также потеряла право иметь постоянного дипломатического представителя в Константинополе.

В конце 1711 г. османский падишах Ахмед III предъявил российскому правительству требования, в случае невыполнения которых угрожал продолжить боевые действия. В апреле 1712 г. в османской столице был подписан договор о возобновлении и подтверждении условий Прутского трактата при посредничестве английского и голландского послов в Константинополе⁴⁶. Однако политическая ситуация вскоре измени-

⁴⁴ ПСЗРИ. Т. IV. С. 468–469.

⁴⁵ Там же. С. 715–716.

⁴⁶ Там же. С. 824–829.

Осада крепости Азов. Гравюра Адриана Шхонебека. 1696 г.

лась и английское правительство решило убедить Порту начать войну против русского правительства. В ноябре 1712 г. по наущению шведского короля Карла XII падишах Ахмед III объявил войну России, однако военные действия так и не начались. 13/24 июня 1713 г. был подписан Адрианопольский мирный договор сроком на 25 лет, повторявший условия Прутского трактата, по которому российское правительство должно было вернуть Порте Азов с примыкающей к нему территорией и срыть другие крепости на Азовском море. По Адрианопольскому договору 1713 г. Россия вновь лишилась права иметь постоянного дипломатического представителя в Константинополе.

В течение нескольких лет дипломатические контакты между Портой и российским правительством осуществлялись через командирование эмиссаров с дипломатическими поручениями «без характера» (вручения кредитивных грамот). В 1712 г. в Константинополь в качестве чрезвычайного посла с ратификационной грамотой на мирный трактат был отправлен стольник А.Ф. Лопухин⁴⁷. Его сопровождал переводчик турецкого и татарского языков М. Тевкелев, который «по-турски и по-арабски умеет изрядно говорить и переводит»⁴⁸, а «ради письма,

⁴⁷ Базарова Т.А. Статейные списки русских послов при Высокой Порте 1711–1714 гг.: история создания и перспективы изучения // Вспомогательные исторические дисциплины. 2014. Т. 34. С. 78–93.

⁴⁸ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. «Походная канцелярия А.Д. Меншикова». Оп. 3. Кн. 8. Л. 231.

также и толмачества турецкого языка велено при нем, стольнике, быть Посольской канцелярии подьячему И.В. Небогатову⁴⁹. В 1713 г. в османскую столицу в качестве чрезвычайного посла с ратификацией на мирный трактат был направлен ближний стольник Д.А. Бестужев-Рюмин. В состав посольства вошел толмач турецкого и татарского языков К.М. Нагаев⁵⁰. Российское правительство надеялось, что Порта разрешит оставить в османской столице если не посла, то хотя бы резидента или посольского секретаря. В 1714 г. секретарем миссии был назначен дьяк А.Т. Протопопов, прибывший с подьячим Г. Ивановым (итальянский и латинский языки)⁵¹, сменившим подьячего Б. Меншова, однако, ввиду того что Порта отказалась его принять, А.Т. Протопопов был вынужден в том же году покинуть Константинополь вместе с чрезвычайными и полномочными послами П.П. Шафировым (1711–1714 гг.) и М.Б. Шереметевым (1711–1714 гг.).

В 1715 и 1718 гг. подполковник И.М. Натали⁵² был дважды направлен в Константинополь в качестве чрезвычайного посланника⁵³ «без характера» с царскими грамотами⁵⁴. Его сопровождал толмач турецкого языка К. Дмитриев. В начале пребывания в Константинополе И. Натали османские власти всячески его притесняли и ограничивали передвижение по городу, в частности у его дома был поставлен «отряд янычар из восемнадцати человек и трех чаушей»⁵⁵, внезапно его «секвестировали» в собственном доме, чтобы он «не мог ни с кем иметь коммуникации», а причина подобного «утеснения» была в том, чтобы он «усматривать не мог турецких поступок, имея оные великое подозрение» в его приезде, а принимали его так, как «будто бы царское величество открытый был неприятель Порты»⁵⁶. Однако после получе-

⁴⁹ Переводчики и переводы в России конца XVI — начала XVIII столетия. Материалы Международной научной конференции. Москва, 29–30 сентября 2021 г. Вып. 2; Т.А. Базарова. Толмачи русских дипломатов в Стамбуле в первой четверти XVIII в. С. 17.

⁵⁰ РГАДА. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/1. 1713. Д. 15. Л. 19.

⁵¹ Там же. 1714. Д. 8. Л. 173.

⁵² Там же. Ф. «Приказные дела новых лет». Оп. 2. 1716 г. Д. 27; Оп. 2. 1718 г. Д. 58.

⁵³ Базарова Т.А. Две поездки майора Иеронима Натали в Стамбул... С. 84–97.

⁵⁴ В 1709 и 1712 гг. рагузинец майор И. Натали, поступивший на русскую службу, был дважды командирован в Константинополь: сначала для передачи царских грамот П.А. Толстому, затем — для доставки царских грамот послам П.П. Шафирову и М.Б. Шереметеву / РГАДА. Ф. «Приказные дела новых лет». Оп. 2. 1716 г. Д. 27; Оп. 2. 1718 г. Д. 58.

⁵⁵ Чауши (чабуши) — приставы или посыльные.

⁵⁶ Базарова Т.А. Две поездки майора Иеронима Натали в Стамбул... С. 89.

Азовская икона Пресвятой Богородицы

ния дорогостоящих мехов «стоявшие на карауле чауши» стали более благосклонны, «свободно и невозбранно тайным образом» выпускали его приближенных «для известных корреспонденций»⁵⁷. Примечательно, что его родной брат М.М. Натали также находился на русской службе в чине поручика.

В 1718 г. османский эмиссар Мустафа-ага приехал к царю Петру I с предложением, чтобы чрезвычайный посланник России принял участие в качестве посредника на мирных переговорах Порты с Австрией и Венецией во время Пассаровицкогo конгресса, завершившего четырехлетнюю войну (1714–1718 гг.). В ответной грамоте султану Ахмеду III Петр I сообщил, что русским представителем на переговорах будет капитан лейб-гвардии И. Горохов, которому были даны инструкция и полномочия «не токмо на оном конгрессе для медиации присутствовать, но при дворе Вашего Величества ради предостережения интересов наших и общего блага пребывать»⁵⁸. Позже И. Горохов должен был проследовать в Константинополь, однако по дороге в османскую столицу он тяжело заболел и так и не добрался до места назначения.

Одной из важнейших задач российского правительства было укрепление дипломатического присутствия России в Османской империи. В османской столице должен был находиться дипломатический пред-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РГАДА. Ф. «Приказные дела новых лет». Оп. 2. 1718 г. Д. 110.

ставитель, который бы защищал интересы российских подданных и содействовал сохранению мира с Высокой Портой.

В 1718 г. в Константинополь в качестве чрезвычайного и полномочного посланника был направлен стольник А.И. Дашков (1718–1721 гг.). В полномочной грамоте указывалось, что его главной задачей являлось сохранение мирных и дружественных отношений между двумя государствами, «засвидетельствование истинной дружбы» и «обнадеживание твердого и нерушимого содержания» трактатов. В состав посольства вошли подьячие Посольского приказа И.В. Небогатов, Д. Васильев и Ф. Сеньюков, а также толмач турецкого языка К. Дмитриев. В 1720 г. на службу был принят переводчик-рагузинец А. Магрина.

В инструкции, выданной А.И. Дашкову, ему предписывалось «при дворе Его Салтанова Величества пребывать тамо впредь до Его Царского Величества указа, ввиду отсутствия при Порте российского министра»⁵⁹.

А.И. Дашкову были даны «секретные статьи», в которых большое внимание было уделено получению информации через «известных приятелей» — переводчика голландского посольства В. Тейлса и голландского посла при османском дворе Я. Колиера. А.И. Дашков должен был иметь тайную корреспонденцию с трансильванским князем Ф. Ракоци, секретную информацию получать от архиепископа К. Галани, но не сообщать представителю Святого Престола о секретных делах.

Во время приема А.И. Дашкова у садразама Невшехирли Ибрагим-паши (1718–1730 гг.) великий визирь выступил с инициативой незамедлительно утвердить и закрепить «вечный мир» между Россией и Портой. По словам садразама, падишах Ахмед III поручил ему передать А.И. Дашкову, чтобы Петр I без промедления наделил его полномочиями для подписания «вечного мира»⁶⁰. Французский посол при османском дворе Жан-Луи Д'Юссон, маркиз де Боннак (1716–1724 гг.) из-за серьезных разногласий между Францией и Австрией способствовал укреплению мирных связей между Османской империей и Россией, в то время как австрийский и английский послы в Константинополе интриговали против русского правительства и пытались испортить его отношения с Портой⁶¹.

⁵⁹ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 260.

⁶⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8. 1720 г. Д. 4. Л. 20–24.

⁶¹ Никифоров Л.А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. С. 286.

На совещании российского правительства было решено наградить французского посла маркиза де Боннака⁶². Петр I писал канцлеру Г.И. Головкину (1709–1734 гг.), «в решение на доклад о турецких делах», чтобы А.И. Дашков при подписании трактата с Османской империей «старался бы прежде всего вечный мир заключить»⁶³.

Согласно 9-й статье, одной из главных целей было нахождение при османском правительстве русского посланника или резидента «для содержания постоянной дружбы и верной корреспонденции и пересылки»⁶⁴. В случае несогласия османского правительства включить в текст трактата пункт о пребывании в Константинополе русского резидента или посланника А.И. Дашкову предписывалось добиться дозволения иметь там хотя бы секретаря или консула, чтобы постоянный русский представитель был аккредитован при Порте, соглашаясь даже на то, чтобы он жил за свой собственный счет, не получая денежного пособия, которое предназначалось иностранным эмиссарам, пребывавшим в османской столице.

5/16 ноября 1720 г. Россия подписала с Османской империей Константинопольский трактат «вечного мира», условия которого для русского правительства были лучше, чем условия Прутского (1711 г.) и Адрианопольского (1713 г.) договоров. С российской стороны трактат подписал уполномоченный А.И. Дашков, с османской — садразам Невшехирли Ибрагим-паша. По условиям Константинопольского мирного договора 1720 г. стороны обязались не строить укрепления на территории в районе Азова, а также в Поднепровье.

По Константинопольскому мирному договору 1720 г. Россия вновь получала право иметь дипломатического представителя в османской столице наравне с другими европейскими государствами (12-я статья).

Таким образом, в 1700–1720 гг., несмотря на чинимые Портой и европейскими дипломатами трудности, Россия осуществляла в османской столице активную дипломатическую и разведывательную деятельность, которой занимались не только русские чрезвычайные послы и посланники, но и дьяки и подьячие Посольского приказа, а также секретари, переводчики и толмачи русской дипломатической миссии в Константинополе. Кроме того, разведывательной деятельностью занимались

⁶² АВПРИ. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8. 1720 г. Д. 1. Л. 3–5 об.

⁶³ Там же. Ф. «Внутренние коллежские дела» («ВКД»). Оп. 2/7. 1720 г. Д. 1. Л. 123.

⁶⁴ Там же. Ф. «Сношения России с Турцией». Оп. 89/8. 1720 г. Д. 2. Л. 33–34.

также представители иностранных духовных и дипломатических представительств в османской столице, предоставлявшие российскому правительству секретные агентурные сведения о внутренней и внешней политике Османской империи. Пополнение штата русской дипломатической миссии в Константинополе шло путем командирования туда как специалистов из Москвы и Санкт-Петербурга, так и за счет приема на службу иностранных драгоманов и секретарей.

В начале XVIII в. российско-османские дипломатические отношения активизировались и потребовали подготовки специалистов со знанием европейских и восточных языков. Интенсификация двусторонних связей во многом стала результатом подписания Константинопольского трактата 1700 г. и Константинопольского трактата 1720 г.

По итогам заключения упомянутых мирных договоров и благодаря победам на полях сражений Россия закладывала основы дипломатического присутствия на Босфоре, укрепляя политическое влияние в Черноморском регионе и усиливая свои позиции на международной арене. Тайное изучение и дипломатическое разведывание Османской империи шло в рамках развития внешнеполитической деятельности России на восточном направлении.

REFERENCES

1. *Artamonov V.A.* Russia and Polish–Lithuanian Commonwealth after the Poltava victory. 1709–1714 [Rossiya i Rech Pospolitaya posle Poltavskoy pobedy. 1709–1714 gg.]. Moscow, 1990 (in Russian).
2. *Bazarova T.A.* Russian diplomats to the Ottoman court: Stateynye spiski (Reports of ambassadors) of P.P. Shafirov and M.B. Sheremetev in 1711 and 1712. Research and documents [Russkie diplomaty pri osmanskom dvore: Stateynye spiski Petra Shafirova and Mikhaila Sheremeteva v 1711 i 1712 gg. Issledovaniya i teksty]. St. Petersburg, 2016 (in Russian).
3. *Bazarova T.A.* Stateynye spiski (Reports of ambassadors) of Russian ambassadors at the Sublime Porte of 1711–1714: History of creation and prospects of study [Stateynye spiski russkikh poslov pri Vysokoy Porte v 1711–1714 gg.: Istoriya sozdaniya i perspektivy izucheniya] // Auxiliary historical disciplines [Vspomogatel'nie istoricheskie distsipliny]. St. Petersburg, 2014. Vol. 34. pp. 78–93 (in Russian).
4. *Bazarova T.A.* Two missions of major Hieronimus Natalie to Istanbul: Diplomatic contacts between Russia and the Ottoman empire in 1715–1718 [Dve poezdki mayora Ieronima Natali v Stambul: Diplomaticheskie kontakty Rossii s Osmanskoj imperiej v 1715–1718 gg.] // Volgograd university newsletter [Vestnik Volgogradskogo universiteta]. Sect. 4. Volgograd, 2019. Vol. 24. № 1. pp. 84–97 (in Russian).
5. *Krylova T.K.* Russian diplomacy on Bosphorus at the beginning of the 18th century (1700–1709) [Russkaya diplomatiya na Bosfore v nachale XVIII v. (1700–1709 gg.)] // Historical notes [Istoricheskie zapiski]. 1959. Vol. 65. pp. 249–277 (in Russian).
6. *Krylova T.K.* Russian–Turkish relations during the Great Northern War [Russko-Turetskie otnosheniya vo vremya Severnoy voyny] // Historical notes [Istoricheskie zapiski]. 1941. Vol. 10. pp. 250–279 (in Russian).
7. *Nikiforov L.A.* Russian foreign policy in the recent years of the Great Northern War. The Peace Treaty of Nyshtadt [Vneshnyaya politika Rossii v poslednie gody Severnoy voyny. Nishtadtskiy mir]. Moscow, 1959 (in Russian).

8. *Теплов* V.A. Representatives of the European powers in the former Constantinople [Представители европейских держав в прежнем Константинополе]. St. Petersburg, 1890 (in Russian).
9. *Теплов* V.A. Russian representatives in Constantinople. 1496–1891 [Русские представители в Цар’граде. 1496–1891 гг.]. St. Petersburg, 1891 (in Russian).

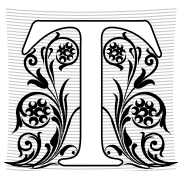

Ключевые слова:

Россия, Высокая Порта, Константинопольский мирный договор 1700 г., Константинопольский мирный договор 1720 г., Д.А. Голицын, П.А. Толстой, А.И. Дашков, дипломатия и разведка.

Mikhail M. Yakushev

ESTABLISHMENT OF RUSSIAN DIPLOMATIC PRESENCE AND RUSSIAN MILITARY INTELLIGENCE IN CONSTANTINOPLE IN 1700–1720

The paper is devoted to the development of Russian diplomatic presence and the establishment of Russian military intelligence in Constantinople within Russian diplomatic relations with the Ottoman Empire from the signing of the Peace Treaty of Constantinople of 1700, when Russia obtained the right to have a permanent diplomatic representative in the Ottoman capital, to the signing of the Peace Treaty of Constantinople of 1720, when Russia returned this right and began to strengthen its political positions in the international relations.

Key words: Russia, Sublime Porte, the Peace Treaty of Constantinople (1700), the Peace Treaty of Constantinople (1720), Dmitrij Golitsin, Piotr Tolstoj, Alexej Dashkov, diplomacy, intelligence.

Mikhail M. Yakushev — Ph.D. in History, First Secretary of Historical and Documentary Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

 Якушев Михаил Михайлович

кандидат исторических наук,
первый секретарь Историко-документального департамента
Министерства иностранных дел Российской Федерации

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.002

Т.Ю. Кобищанов

ВОЙНА ЭНРИКО ФРАНКИНИ. РОССИЙСКИЙ АГЕНТ В ОСМАНСКОМ ПОХОДЕ НА ЕГИПЕТ (1799–1800 гг.)

Правящие элиты Московского царства не были моноэтничными. Многие знатные российские роды гордились своим скандинавским, литовским, тюркским и иным происхождением, при этом в подавляющем большинстве их члены исповедовали православие и в быту говорили на русском языке¹. Ситуация изменилась в XVIII в. Проводимая Петром I (1682–1725 гг.) модернизация потребовала привлечения значительного числа специалистов из Западной Европы. Расширение Российского государства все более превращало его в полиэтничную и многоконфессиональную империю. Интеграции западноевропейского дворянства в состав правящего «благородного» сословия способствовала веротерпимая политика, намеченная Петром I и продолженная его преемниками².

¹ Отдельные полки иноземного строя под командованием офицеров из Западной Европы и небольшое число служивших царю представителей мусульманского привилегированного сословия (в частности, из сохранявшего автономию Касимовского ханства) лишь подчеркивали общую конфессиональную и языковую монолитность московской знати.

² Цветаев Д. Положение иноверия в России: Историческое обозрение. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1904. С. 7–8.

Проникшаяся идеями Просвещения немецкая принцесса София Фредерика Августа Ангальт-Цербстская, в результате дворцового переворота ставшая российской императрицей Екатериной II (1762–1796 гг.), значительно расширила политику толерантности; некоторые ее положения были распространены даже на старообрядцев, мусульман и иудеев³. Не все представители новой европейской знати охотно шли на службу царскому правительству. Большая часть польско-литовской шляхты, попавшей под власть Санкт-Петербурга в результате разделов Польши (1772–1795 гг.), сохраняла оппозиционность, неоднозначной была и политическая позиция остзейского немецкого дворянства. Вместе с тем в XVIII в. значительно выросло число выходцев из знатных родов Западной Европы, переезжавших на восток континента с целью поступить на российскую службу. Многие из них проявили себя на дипломатическом поприще, в том числе стали первопроходцами в военно-политическом проникновении России на Арабский Ближний Восток.

Первым в этом ряду следует назвать Ивана Войновича (ум. 1791), представителя переселившегося в Далмацию знатного сербского рода. В годы Архипелагской экспедиции (1769–1774 гг.) Войнович примкнул к вошедшему в Средиземноморье российскому флоту, в 1772 и 1773 гг. участвовал в боевых действиях у сирийских берегов, в частности в осаде и последовавшей оккупации Бейрута (июль 1773 г. — январь 1774 г.). Офицерский чин и знание итальянского языка, а возможно, и распространенного в Средиземноморье *lingua franca* сделали Войновича главным переговорщиком с арабской знатью. В сирийских хрониках из всего состава российской эскадры упоминается только *кунт Джуванни*⁴ («граф Иван»).

Во второй половине XVIII столетия интерес России к Арабскому Востоку развивался волнообразно, усиливаясь в годы войн и ослабевая в мирные периоды. В следующий раз после Архипелагской экспеди-

³ См.: *Ершова О.П.* Старообрядчество и власть. М.: Уникум-центр, 1999; *Арапов Д.Ю.* Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII — начало XX в.). М.: МПГУ, 2004.

⁴ *Аш-Шихаби ал-амир Хайдар Ахмад.* Тарих Ахмад баша ал-Джаззар (История Ахмад-паши ал-Джаззара). [Бейрут], [1955]. С. 52; *Трад 'Абдаллах ибн Михаил.* Мухтасар тарих ал-асакифа ал-лазина ракку мартабат риасат ал-кахнут ал-джалила фи мадинат Байрут (Краткая история епископов, возведенных в высокий сан первосвященников города Бейрута). Бейрут, 2002. С. 96; *Йанни Джирджи.* Тарих Сурийа (История Сирии), Байрут фи-л-мусаннафат ал-'арабийа. Нусус мухтара (Бейрут в арабских сочинениях. Сборник текстов) / Под ред. Йусуфа Хури. Бейрут, 1995. С. 114.

ции Санкт-Петербург обратил внимание на Арабский мир в 1780-е гг.⁵ В 1782 г. императрица Екатерина II озвучила своему австрийскому коллеге Иосифу II (1780–1790 гг.) план раздела Османской империи, а уже в 1783–1785 гг. континентальную и островную Грецию, юг Балкан, важнейшие порты Восточного Средиземноморья покрыла сеть из 15 российских консульств. В арабских провинциях предполагалось открытие генеральных консульств в Александрии и Сайде, вице-консульств — в Дамаске и Бейруте. На все должности глав этих дипломатических представительств были назначены российские служащие иностранного происхождения.

Наиболее известна из них фигура барона Конрада Тонуса, австрийского офицера, в 1785 г. ставшего первым российским консулом в Александрии. В начале Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Екатерина II поручила барону Тонусу произвести в Египте «диверсию»: заключить сепаратный договор с правившими страной бейями, уроженцами Грузии, Северного Кавказа и юга России. Заинтересовавшись предложением, бейи отказались выдать барона османским властям и стали ждать, появится ли в Средиземном море обещанная российская эскадра. Однако намеченная Вторая Архипелагская экспедиция в ходе данной войны так и не состоялась, и Тонус поплатился за это жизнью.

Генеральным консулом в Сирии был определен уроженец Тосканы Карло (Шарль) Ферриери, вице-консулом в Дамаск — секунд-майор Дмитрий Мазгана⁶, в Бейрут — капитан Реджис Коронелли. Ферриери и Коронелли были членами итальянских семей, уже подвизавшихся на российской дипломатической службе: родственники первого занимали консульские посты в Салониках, Смирне и Порто-Феррайо (о. Эльба), второго — на о. Хиос. Впрочем, из всех определенных в Сирию консулов до места назначения добрался, причем с большим опозданием, только Карло Ферриери. Сделать успел он крайне мало. 13 августа 1787 г., через три месяца после прибытия итальянца в Сайду, началась война, и российское дипломатическое присутствие в Османских владениях было спешно свернуто.

Новый этап российского интереса к Арабскому Востоку был вновь связан с войной, но на этот раз Санкт-Петербург и Стамбул выступали не как противники, а как союзники. Вторжение французской армии

⁵ Подробнее см.: *Кобищанов Т. Ю.* Греческий проект Екатерины II и Сирия // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение.* 2017. № 2. С. 3–25.

⁶ Отец декабриста, члена Общества соединенных славян П.Д. Мазгана (1802–1843).

Портрет Селима III. Художник Константин Капидаглы. 1803 г.

в Османский Египет в июле 1798 г. было расценено султаном Селимом III (1789–1807 гг.) как вероломное предательство. Дополнительными аргументами, повлиявшими на внешнеполитическую переориентацию османских властей, стали действия в Восточном Средиземноморье английской эскадры Горацио Нельсона, а в Черном море — российской эскадры Ф.Ф. Ушакова. Под угрозой блокады Дарданелл и Босфора Высокая Порты⁷ в сентябре 1798 г. объявила войну Французской республике⁸. Практически незамедлительно союзный российско-османский флот двинулся на завоевание французских владений в Адриатике. Весной 1799 г. в поход на Сирию и Египет стала готовиться основная султанская армия под командованием *садразам*⁹ Йусуфа Зийа-ад-дина-паши (1798–1805 и 1809–1811 гг.) по прозвищу Кёр («Слепой»)¹⁰.

⁷ Порты или Высокая Порты (*Баб-и али* — осм. «Высокие врата») — резиденция садразам (великого везира) и с 1654 г. место заседаний Имперского совета. В конце XVIII в. термин стал употребляться в значении правительственного учреждения, управления великого везира, а в XIX в. — как обозначение османского правительства.

⁸ Подробнее см.: *Кобищанов Т.Ю.* Преодолевая старые обиды: Османский путь к подписанию союзного договора с Россией в 1798 г. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 98. С. 1–30.

⁹ Садразам — глава Высокой Порты, в европейской традиции обычно именовался «великим везиром». Выступал в качестве личного представителя султана с чрезвычайно широкими полномочиями.

¹⁰ В молодости Йусуф лишился глаза во время игры в *джерид* (метание дротиков во время скачки).

Русская эскадра Ф.Ф. Ушакова в Константинопольском проливе.
Художник М.М. Иванов. 1798 г.

Вхождение в союзнические отношения предоставило Англии и России уникальную возможность направить своих представителей в султанскую армию. Османским властям было нелегко на это пойти. Мнение значительной части стамбульского руководства выразил один из отставных сановников, заявивший, что прежде европейцы «знали магометанскую Державу только по войне с нею, то есть, наружно: а ныне по союзам узнают ее внутренно; что кажется ему всего опаснее»¹¹. Турки осознавали свою зависимость от военной поддержки союзников, не доверяли им и боялись их. Среди чиновников в османском правительстве и в султанском окружении бытовала версия, что союзные державы готовят территориальные захваты: Англии должны достаться Родос и Кипр, а России — Молдавия и Валахия¹².

Однако российские и британские дипломаты были настойчивы в требовании назначить уполномоченных агентов в действующую армию. Как докладывал посланник в Стамбуле В.С. Томара¹³ императору Павлу I (1796–1801 гг.): «ничто не представляет столько внутреннее существенное состояние Империи Оттоманской, как приключения на походе с армиею Верховнаго Визиря»¹⁴. Сопротивление османских вла-

¹¹ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 90 «Константинопольская миссия». Оп. 1. Д. 1415. Л. 65 об.–66. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/12 октября 1799 г.

¹² АВПРИ. Ф. 89 «Сношения России с Турцией». Оп. 8. Д. 896. Л. 85 об. Реляция В.С. Томары от 17/28 октября 1799 г.

¹³ *Василий Степанович Томара* (1740–1813) — российский дипломат греко-украинского происхождения. Деятельно участвовал в заключении в 1783 г. трактата о принятии Каргли-Кахетинским царством российского протектората. В 1797–1802 гг. состоял на должности посланника в Константинополе.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 892. Л. 58 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 16/27 июня 1799 г.

стей удалось сломить, и 12 апреля 1799 г.¹⁵ Томара сообщал царю, что считает необходимым отправить с войсками «верного и способного» человека в официальном статусе драгомана¹⁶, который «мог бы быть каналом верных известий и сообщений... с [османским] главнокомандующим»¹⁷. На эту позицию посланник рекомендовал коллежского асессора Энрико Франкини¹⁸.

Итальянский род Франкини (Franchini) принадлежит к числу наиболее знатных семей севера Италии, первые его упоминания относятся к 1066 г. Энрико происходил из ветви, проживавшей в старинном тосканском городе Пистойя¹⁹. Его отец Пьедро в российских формулярных списках упоминается под титулом графа²⁰, но в перечне выдающихся семейств Пистойи род Франкини значится как просто дворянский²¹. Нам известно, что Пьедро был по образованию врач, а впоследствии служил генеральным консулом Венецианской республики на Кипре. Как минимум часть его сыновей, выросших в итальяно-турецко-грекоязычной среде, продолжила карьеру отца. В 1776 г. Франческо Франкини (род. 1757) начал работать в венецианской дипломатической миссии. В декабре 1797 г., после ликвидации Республики, Франческо «со всеми родственниками»²², в число которых входил его брат Антонио (род. 1770), перешел на французскую службу. Решение оказалось неудачным. В ноябре 1798 г. весь персонал французского посольства был арестован османами. Почти два десятилетия спустя, в ноябре 1817 г. Ан-

¹⁵ Даты в основном тексте статьи указаны по григорианскому календарю.

¹⁶ Драгоман — от араб. *тарджуман*, в османском произношении *терджюман* — «переводчик». В Средние века слово с различной вокализацией перешло в основные европейские языки. В Османской империи на должности главных драгоманов Порты вплоть до 1821 г. преобладали этнические греки. Нежелание мусульманской верхушки изучать европейские языки сделало драгоманов незаменимым каналом связи османского правительства с европейскими державами. Многие из драгоманов превратились в значимые политические фигуры, для некоторых эта позиция стала ступенью к занятию должности господарей Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии).

¹⁷ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1413. Л. 6. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/13 апреля 1799 г.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Один из уроженцев Пистойи, Франческо Франкини (1805–1875), стал известным политиком, борцом за объединение страны и министром образования в первом итальянском правительстве.

²⁰ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД (Департамент личного состава и хозяйственных дел). Оп. 464 «Формулярные списки». Д. 3451. Л. 1 об.

²¹ *Capponi V. Biografia Pistoiese o notizie della vita e delle opera dei Pistoiesi. Pistoia: Forni, 1878. P. 199–202.*

²² АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Д. 3451. Л. 1 об.

тонио поступил работать в российское посольство в Стамбуле на должность помощника 1-го драгомана²³, а весной следующего года позицию 1-го драгомана российской миссии занял Франческо²⁴.

Антонио и Франческо были не первыми представителями семейства, кого судьба привела на российскую службу. В 1785 г. «при Константинопольской миссии студентом» был определен средний из братьев Франкини: 16-летний уроженец Пистойи Энрико, «не имевший крепостных дворянин Тосканского герцогства»²⁵. Об уровне полученного им образования сложно судить. С одной стороны, вышедшие из-под его пера документы являют человека, со страстью и много пишущего, обладавшего пытливым умом и острым взглядом. Его язык образен, словарный запас разнообразен, а определения точны; сквозящая в них ирония иногда доходит до сарказма. В некоторых местах Франкини демонстрирует познания в древней и средневековой истории Ближнего Востока, а также в географии²⁶. Писать Франкини предпочитал на родном итальянском, однако свободно владел турецким и *османлы*²⁷, а также неплохо — французским и греческим языками.

Мало что сулило молодому человеку успешную карьеру. Его родственники трудились на пользу Венеции; других близких, кто мог бы оказать протекцию в российском посольстве, у Франкини не было. Однако в 1787 г. началась очередная Русско-турецкая война, и 18-летний Энрико был отправлен из Стамбула в Италию. Сперва он находился во Флоренции при царском посланнике в Тоскане Деметрио (Дмитрии) Моцениго²⁸, а затем его определили в качестве «переводчика и секретаря... для заготовления нужных вещей для ожидаемого в Средиземноморье флота и бывшей там флотилии»²⁹. В 1790 г. он был «Всемиловитейше пожалован в актуариусы»³⁰. Это была низшая должность в Коллегии иностран-

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 3454. Л. 1 об.

²⁵ АВПРИ. Ф. ВКД (Внутренние коллежские дела). Оп. 2/6. Д. 143. Л. 116.

²⁶ См., напр.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 35 об. *Journal de voyage du Drogman Frankini. Nicomédie, 26 Mai/06 Juin 1799.*

²⁷ Османлы (османский, османо-турецкий язык) — искусственно созданный государственный язык Османской империи. Относится к тюркским языкам, хотя лексически состоял на 80–90% из слов арабского и персидского происхождения.

²⁸ *Деметрио Моцениго (1723–1793)* — член знатного венецианского рода. Оказывал помощь России во время войны с Турцией 1768–1774 гг. С 1780 г. — генеральный консул в Пизе, с 1785 г. — посланник при Тосканском дворе.

²⁹ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 116.

³⁰ Там же.

ных дел, соответствовавшая младшему гражданскому чину коллежского регистратора (14-й в Табели о рангах), однако карьера итальянца вышла, наконец, на бюрократическую траекторию. В этот же период, в 1787 и 1790 гг., Энрико был отмечен начальством денежными наградами.

Балтийская эскадра С.К. Грейга так и не выступила в поход вокруг Европы, завязнув в Русско-шведской войне 1788–1790 гг., и боевые действия против турок в Средиземноморье пришлось в одиночку вести греческой добровольческой флотилии Ламброста Кацониса³¹. В сражении при о. Андрос 6–7 мая 1790 г. большая часть судов Кацониса была уничтожена, но сам флотоводец спасся. В начале 1791 г. в Вене он встретился с В.С. Томарой, от которого получил деньги на создание новой эскадры. Очевидно, в это время к Кацонису присоединился и Франкини. В его послужном списке сообщается, что актуариус «в 1791м для пользы высочайшей службы купил с прочими в Триесте кутер³², который употребляем был потом во флотилии и на свою часть заплатил 2 000 венских гульденов»³³. Официально Франкини состоял в должности «секретаря и провиантмейстера» под началом Василия Томары, а после того, как 29 декабря 1791 г. Россия заключила с Османской империей Ясский мир, остался в том же качестве «под командою господина полковника³⁴ Ламбро Качиони»³⁵. Базой флотилии являлся Порто-Майо на Пелопоннесском п-ове Мани (Майна). С 1776 г. Порта признавала автономию Мани, управлявшегося беями греческого происхождения. 5 июня 1792 г. повстанческая база в Порто-Майо была разгромлена османским флотом; Франкини, очевидно, пытался бежать, но попал в плен к правителям Мани («майотам»). Российское посольство не бросило своего служащего, выкупив его за 850 «голландских червонных»³⁶. После 17 ме-

³¹ Ламброс Кацонис (1752–1805) — национальный герой Греции. На стороне России сражался против турок в войне 1768–1774 гг. В следующую войну 1787–1791 гг. сперва на Черном море, а в 1788 г. — в Адриатическом организовал греческие добровольческие флотилии. В 1792 г. продолжил боевые действия самостоятельно в Ионическом и Эгейском морях, был разбит. В 1794 г. осел в России, где в Крыму основал поместье и винный завод Ливадия.

³² Куттер — одномачтовое судно с косым парусом. Использовалось преимущественно для посыльной и разведывательной службы.

³³ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 116.

³⁴ 29 июля 1790 г. Ламброс Кацонис был произведен в полковники, однако в 1792 г. действовал против турок не как российский офицер, а как «король Спарты».

³⁵ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 116.

³⁶ Голландский червонец — полулегальная золотая монета, чеканившаяся в России с 1735/1768 по 1867 г. В официальных документах именовалась «известной монетой», а ее штемпеля — «секретными штемпелями».

святцев, проведенных во флоте, а затем в неволе, актуариус вернулся на службу в посольство.

Заняв пост посланника в Константинополе (28 мая 1797 г.), Василий Томара стал оказывать явную протекцию своему давнему знакомому. Франкини получил должность 2-го драгомана посольства³⁷, а 3 августа 1798 г. императорским указом был произведен в 8-й чин коллежского асессора³⁸, разом перешагнув 5 ступеней в Табели о рангах. Столь стремительный карьерный взлет был объяснен событиями 6–7-летней давности: «за бытность его [Франкини] во флотилии, в прошедшую с турками войну... за плен у турков и за понесенные убытки»³⁹. Назначение весной 1799 г. российским представителем-«драгоманом» при ставке великого везира должно было стать новым этапом в карьерной лестнице Франкини. Не имея времени дожидаться Высочайшей апробации, Томара 22 мая нанес прощальный визит отправлявшемуся в поход Йусуфу Зийа-паше. На этой встрече он лично представил и рекомендовал сад-разаму российского агента⁴⁰. На церемонии представления Франкини заговорил с Зийа-пашой на турецком, в результате чего получил разрешение общаться с ним, минуя переводчика⁴¹.

Царь отнесся к представленной В.С. Томарой кандидатуре благосклонно: «Отправление Драгомана Франкини в лагерь при верховном визире МЫ весьма одобряем, поручая вам снабдить его всеми нужными наставлениями, дабы чрез посредство его могли вы доставлять к нам верные и обстоятельные сведения, о действиях воинских, равно как и о способах, которыя неприятель в том крае иметь может, и о состоянии онаго и положении в разсуждении самой Порты»⁴². Кроме обязанности писать подробные отчеты в посольство, перед Франкини была поставлена секретная задача не допустить переговоров между Бонапартом и Йусуфом Зийа-пашой, в том числе касавшихся обсуждения судьбы французских граждан, попавших под арест в Сирии и других частях империи⁴³. При

³⁷ АВПРИ. Ф. 180 «Посольство в Константинополе». Оп. 517/1. Д. 223. Л. 72. Канцелярская цидула В.С. Томары в КИД от 16/27 января 1800 г.

³⁸ АВПРИ. Ф. ВКД. Оп. 2/6. Д. 143. Л. 116.

³⁹ Там же.

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1413. Л. 119–120. Реляция В.С. Томары от 11/22 мая 1799 г.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 892. Л. 21 об. Traduction des lettres du Dragoman Frankini. Nicomedie, 27 Mai 1799.

⁴² АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1409. Л. 61–61 об. Рескрипт Павла I В.С. Томары от 2 мая 1799 г.

⁴³ Там же. Д. 1413. Л. 122 об.–123. Инструкции, данные Энрико Франкини 15 апреля 1799 г.

контактах с садразамом и другими высшими чинами Порты Франкини должен был им всячески демонстрировать, что Россия, действуя в Средиземноморье, руководствуется в первую очередь интересами своего османского союзника⁴⁴.

Рассмотрим по порядку, как Франкини выполнил поставленные перед ним задачи.

Сведения о «состоянии онаго края»

К поручению вести описание Османской империи Франкини отнесся с ответственностью облеченного высоким доверием мелкого чиновника и со страстью южного холерического темперамента. В первые дни похода он досконально фиксировал все встречавшиеся на его пути города и небольшие местечки. Начальные страницы дневника изобилуют картинами природы, перечислением городских строений и инфраструктуры, разбором этнического состава жителей, характеристикой их ремесленных занятий и сельскохозяйственного производства⁴⁵. Датированное 6 июня живописание Измита (греческой Никомедии) занимает почти 4 листа⁴⁶, отдельный большой пассаж посвящен заполнившим город стаям бродячих собак и отношению к ним со стороны местного населения. Однако постепенно энтузиазм путешественника угас.

Уже пару недель спустя коллежский асессор оправдывался перед В.С. Томарой, что физически не может писать больше двух страниц в неделю, несмотря на то что имеет достаточно собранного материала. «Все препятствует регулярной работе», — жаловался он⁴⁷. Ежедневный переход войск обычно не превышал 4–5 часов, но на деле на него уходило вдвое больше времени, а то и сверх того. Вельможи, которым постоянно требовалось менять мулов, несущих их носилки, останавливались на привалы-йемеклики, длившиеся по 2–3 часа. В пути и на остановках Франкини старался знакомиться и завоевывать доверие османских са-

⁴⁴ Там же. Л. 123. Инструкции, данные Энрико Франкини 15 апреля 1799 г.

⁴⁵ См., напр.: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 34–35 об. Journal de voyage du Drogman Frankini. Kartal, Aquilla, Pendik, 22 Mai/ 02 Juin; Nicomédie, 26 Mai/06 Juin 1799.

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 35 об.–37. Journal de voyage du Drogman Frankini. Nicomédie, 26 Mai/06 Juin 1799.

⁴⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 893. Л. 20. Lettre du Drogman Frankini. Hanni Hosrew Pascia, 13/24 Juin 1799.

новников и военачальников. В результате, сообщал российский агент, хотя его день начинался в 3 утра, на бумажную работу почти не оставалось времени⁴⁸.

В этих обстоятельствах донесения российского агента не стали короче, сместился фокус его интересов. Самые подробные отчеты касались состояния войск, встреч с османскими должностными лицами, переговоров с англичанами и французами. Причины переноса внимания от описания областей, через которые проезжал Франкини, к внутренней жизни османского лагеря понятны. Поначалу российский драгоман не был допущен в ближний круг садразама и других вельмож; однако по мере того, как перед коллежским асессором открывались входные пологи высоких шатров, окружающий мир терял свои четкие очертания. Города и села Анатолии и Сирии, через которые проходила армия, сменяли друг друга, сливались воедино и требовалось какое-то экстраординарное событие, чтобы Франкини счел его заслуживающим включения в дневник или в донесение начальству в Стамбуле.

При этом российский агент не был отрешенным наблюдателем. На страницах его дневника и в докладных записках в Константинополь нередко сквозит неподдельное сочувствие египетским феллахам, ограбленным поборами французов, сирийским крестьянам и горожанам, страдавшим от вымогательств османских властей. «Чудовищное и продажное правление пашей использует возможности, которые предоставляет им неограниченная власть, лишь для их собственного обогащения, — писал коллежский асессор, — Порта — слишком далеко, она закрывает на это глаза либо просто не видит, но, несомненно, проводит абсолютно разрушительную политику, которая закончится грядущим полным упадком плодородных провинций, столь подходящих для наиболее выгоднейшей торговли, провинций, чьи плоды, богатства и искусства составляли некогда замирать от восхищения»⁴⁹.

При этом не следует преувеличивать политическую прозорливость Франкини, его прогнозы были не всегда точны. Особенно часто чиновник ошибался, когда строил предположения о планах неприятеля. Летом 1799 г. он долго не верил в реальность бегства Наполеона из Египта, видя в том военную хитрость генерал-аншефа. Весной следующего года он страдал садразама высокой вероятностью новой французской экс-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906. Л. 6 об. Bulletin de Nouvelles. Saassa, 4/15 Octobre 1799.

педиции на Ближний Восток, «еще более значительной, чем та, которую предпринял Бонапарт»⁵⁰.

Немощь государственных институтов, корыстолюбие, жестокость и эгоизм лиц, облеченных властью, нищета большей части населения — перо Франкини оставило множество зарисовок, живописующих атмосферу общественно-политического неустройства. Увиденное и пережитое итальянцем в Анатолии, Сирии и Египте складывалось в общую картину неизлечимого кризиса империи. В последних его письмах появляется метафора, прямо перекликающаяся с образом «больного человека Европы», введенным в обиход три десятилетия спустя императором Николаем I. «Османская Порты, — писал 12 июля 1800 г. российский «драгоман», — похожа на умирающего, который угнетен своей болезнью и едва подает признаки жизни; телодвижения лишь увеличивают его немощь, вместо того, чтобы восстановить его силы. Степень заболевания позволяет ему понять собственное состояние, но истощение не оставляет надежды на излечение; его лекари являются его палачами»⁵¹.

«Положения в разсуждении самой Порты»

Франкини называл себя «первым россиянином, который проехал столь большое расстояние по Азии», добавляя, что сумел «добиться уважения у жителей посещенных городов и деревень Османской империи, равно как у нации, которой имеет честь служить»⁵². Конечно, коллежский ассессор не знал ни о миссии Арсения Суханова (1600–1668), ни других паломников, посещавших Ближний Восток по зову сердца и по воле пославшего их начальства, как церковного, так и светского⁵³. Однако несомненно, что Энрико Франкини стал первым российским чиновником, преодолевшим путь от Стамбула до Сирии и Египта не просто с ведома османских властей, но обладая официальным статусом и находясь в окружении высших должностных лиц империи. На протяжении всего похода Франкини пользовался особым благорасположением садразама.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 24 об. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffé, 15/26 Mai 1800.

⁵¹ Там же. Д. 917. Л. 36. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffé, 1/12 Juillet 1800.

⁵² Там же. Д. 922. Л. 48 об. *Lettera di Dragomano Franchini*. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.

⁵³ См.: Кириллина С.А. Очарованные странники. Арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М.: Ключ-С, 2010.

Это отношение российский чиновник заслужил по праву. Уже на второй остановке после отхода армии из Стамбула, в Измите (Никомедии), не выдержав трудностей, принял решение вернуться в Стамбул английский представитель майор Ричард Флетчер⁵⁴. Следующий же британский агент, Джон (Джек) Филип Мориер (1776–1853), прибыл в османскую ставку 31 января 1800 г. и пробыл там всего 5 месяцев, успев за это время побывать во французском плену⁵⁵. В июне Мориер объявил садразаму о своем решении вернуться в Стамбул. В этой связи Йусуф Зийа-паша поинтересовался у Франкини, не собирается ли тот также его покинуть. Российский агент поспешил успокоить главу Порты, что будет «следовать за ним, невзирая на все тяготы и опасности его похода, как по воле начальства, так и по собственному влечению»⁵⁶. Очевидно, что проявленные Франкини стойкость и верность долгу вызывали уважение как у самого садразама, так и других османских сановников. В октябре 1799 г. встречи Франкини с великим везиром стали «беспрерывными»⁵⁷. В следующем месяце перед коллежским асессором открылись новые возможности. Болезнь главного драгомана Димитрия Караджа⁵⁸, — кстати, глубоко засекреченного российского платного агента⁵⁹, — помешала тому присутствовать на встрече Кёр-паши и бри-

⁵⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 892. Л. 22. Traduction des lettres du Dragoman Frankini. Nicomedie, 27 Mai 1799. Британский врач Уильям Уитмен, выгораживая соотечественника, сообщал, что Флетчер прервал поход из-за болезни (*Wittman W. Travels in Turkey, Asia-Minor, Syria, and Across the Desert into Egypt During the Years 1799, 1800, and 1801 in Company with the Turkish Army and the British Military Mission. London: Richard Phillips, 1803. P. 11*).

⁵⁵ *Lane-Poole Stanley. Morier, John Philip // Dictionary of National Biography. Vol. 39. London: Smooth, Elder & Co., 1894. P. 52.*

⁵⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 917. Л. 34. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 1/12 Juillet 1800.

⁵⁷ Там же. Д. 897. Л. 123 об. Traduction d'une lettre du Drogman Frankini. À un quart de lieuë de Jaffe, 26 Octobre/ 6 Novembre 1799.

⁵⁸ *Димитрий Караджа* (ум. 1800 г.) — член знатного греко-фанариотского рода, притязавшего на княжеский титул. Семья Караджа возвысилась в Византии при императоре Алексее Комнине (1081–1118 гг.) и получила исключительные позиции в османский период. Начиная с конца XVI в. многие представители династии занимали посты константинопольских патриархов, господарей Молдавии и Валахии, драгоманов флота и главных драгоманов Порты.

⁵⁹ Димитрий Караджа получал от В.С. Томары ежегодно 1 тыс. пиастров, что было в 5 раз меньше, чем его родственник Иоаннис («Янко») Караджа (1770–1829), будущий главный драгоман (с 1808 г.), а в 1799–1800 гг. — драгоман флота, именовавшийся в российских секретных донесениях кодовым именем «лучший канал» (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 921. Л. 19. Шифрованное письмо В.С. Томары Павлу I от 16/27 февраля 1800 г.). Помимо поставки информации, Димитрий Караджа использовал любую возможность, чтобы помочь России. Например, при переводе письма Бонапарта,

танского коммодора Сиднея Смита. Неумелые попытки лиц из окружения обоих командующих осуществлять перевод породили сумятицу. «Комплименты, скорее, походили на оскорбления»⁶⁰, — иронизировал Франкини. В воцарившейся путанице российский представитель предложил свои услуги переводчика, которые были с радостью приняты.

Отношения садразама и российского драгомана становились все более доверительными. Между ними происходили довольно частые встречи. Очевидно, что Зийа-паша стремился использовать Франкини как дополнительный источник информации. Во время похода османское командование получало известия не только из Стамбула, но и из Европы. В частности, находившийся в Париже османский посол Али-эфенди сообщал о царившем там общественном недовольстве и разладе, о страданиях французов по причине войны со Второй коалицией и мятежных настроениях в массах⁶¹. Йусуф Зийа-паша интересовался ходом событий на других театрах военных действий и поздравлял российского представителя с успехами фельдмаршала А.В. Суворова и адмирала Ф.Ф. Ушакова⁶². Глава Порты просил Франкини, который получал как письма из российского посольства, так и европейские газеты, сообщать ему об обстоятельствах сражений, названиях взятых городов и крепостей, о потерях сторон, включая убитых, раненых и взятых в плен⁶³.

При этом очевидно, что садразам использовал драгомана не только как источник информации, но и как агента влияния. Донесения Франкини доходили в Стамбул неисправно. Посланник В.С. Томары признавался императору Павлу, что, не получив от своего агента пять писем подряд, решил, «что Порты их удерживает»⁶⁴. В итоге реляции приходили в целостности и сохранности, и дипломат склонился к мнению, что причиной задержки были логистические проблемы. Однако, как отмечал Франкини, если правительственные депеши достигали Сирии за

адресованного садразаму, он исключил строки, в которых генерал-аншеф обвинял Павла I во враждебности исламу и поддержке врагов мусульман: Мальтийского ордена и греческого православия (АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1415. Л. 56 об.).

⁶⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 906. Л. 13 об.–14. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

⁶¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 892. Л. 71 об. *Extrait des lettres du Drogman Frankini*. Vesir Han, 2 Juin 1799.

⁶² Там же. Л. 72. *Extrait des lettres du Drogman Frankini*. Vesir Han, 2 Juin 1799.

⁶³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 893. Л. 19. *Lettre du Drogman Frankini*. Hanni Hosrew Pascia, 13/24 Juin 1799.

⁶⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 4 об. Реляция В.С. Томары № 73 от 1/12 ноября 1799 г.

2–3 недели, то письма из российского посольства он получал не ранее чем через 40–50 дней после их отправки⁶⁵. Причиной задержек были перлюстрации корреспонденции османскими властями как в ставке садразама, так и в Стамбуле. Франкини своими глазами видел, как *раис-эфенди*⁶⁶ задерживал отправку его писем, «отправляя их обратно в свою сумку»⁶⁷.

На Кёр-пашу в Стамбул постоянно поступали обвинения в коррупции («любостяжании», как писал В.С. Томара)⁶⁸, в частности в распродаже его подчиненными провианта и фуража, что приводило к недовольству войск⁶⁹. Также садразама обвинили в том, что за взятку в 125 тыс. пиастров он приказал отпустить арестованных в Сирии и на Кипре французских подданных. Глава османской внешнеполитической службы, писал российский посланник: «пересказывал сам сие с великим негодованием на Визиря... ибо бесчестной Визирь, прибавил Рейс-Ефенди, не уделит мне ни одного мешка из взятых им денег»⁷⁰. Главной же претензией, предъявляемой Кёр-паше, было медленное продвижение его армии⁷¹.

Зная, что донесения Франкини читаются в султанском дворце Топкапы, садразам стремился создать у драгомана максимально благоприятное впечатление о себе. На протяжении похода российский драгоман несколько раз получал от главы Порты подарки: коня⁷², золотую шкапулку, инкрустированную бриллиантами, стоимостью 2 тыс. пиастров⁷³,

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 226. Л. 276 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa. 30 Aprile/11 Maggio 1800.

⁶⁶ Раис-эфенди (*раис уль-куттаб* — осман. «глава писцов») — возглавлял работу секретарей и писцов Высокой Порты и был ответствен за переписку садразама с другими столичными и провинциальными чиновниками, а также за сношения с иностранными державами.

⁶⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 226. Л. 276 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa. 30 Aprile/11 Maggio 1800.

⁶⁸ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1415. Л. 10–10 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/12 сентября 1799 г.; Д. 1469. Л. 23 об.

⁶⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 894. Л. 83. Реляция В.С. Томары Павлу I от 15/26 августа 1799 г.

⁷⁰ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1415. Л. 10 об.–11. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/12 сентября 1799 г.

⁷¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 894. Л. 83. Реляция В.С. Томары Павлу I от 15/26 августа 1799 г.

⁷² Там же. Д. 893. Л. 19 об. Lettre du Drogman Frankini. Hanni Hosrew Pascia, 3/24 Juin 1799.

⁷³ Там же. Д. 916. Л. 75 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 23 juin/ 4 juillet 1800.

Садразам или великий везир. *Неизвестный греческий автор. Около 1809 г.*

соболиную шубу⁷⁴, отрезы ценных тканей⁷⁵. После того, как Франкини был ограблен под Эль-Аришем османскими солдатами, садразам прислал ему в качестве компенсации сперва 79, а затем 100 золотых венгерских цехинов⁷⁶, что превосходило стоимость утерянного имущества. По словам российского агента, он отказался взять золото, «не желая разминивать на него» хорошие отношения с главой Порты⁷⁷.

Очевидно, сам Йусуф Зийа-паша изначально не отдавал предпочтения ни одной из союзных держав. Россия силами адмирала Ушакова вместе с османским флотом завоевывала занятые французами Ионические острова, Англия же разгромила французскую эскадру в бухте Абу-Кира, установила блокаду Египетского побережья и активно помогала в обороне Акки, — действия обеих держав представлялись садразаму

⁷⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 226. Л. 275. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa. 30 Aprile/11 Maggio 1800.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 912. Л. 20 об. Lettre du Drogman Frankini. Billbeys, 12/23 Fevrier 1800.

⁷⁶ Цехин (цекин, секин) — венецианская золотая монета, весом около 3,9 г. Иногда цехины назывались «дукатами». Чеканились также в итальянских государствах, в Австрии и Османской империи. Имели широкое хождение на Ближнем и Среднем Востоке вплоть до границ Индии.

⁷⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 912. Л. 36. Journal de voyage. Notes 9/20 Janvier 1800.

полезными интересам Порты. С течением времени он отошел от равно благожелательного и нейтрального отношения к союзникам. Явное нежелание России отправить флот и войска на поддержку его армии, двигавшейся в Египет, заставило Кёр-пашу «соглашаться с англичанами неоднократно ему твердившими о худом расположении России к империи Оттоманской, чему он прежде верить не хотел», — такие сведения передали В.С. Томаре его информаторы⁷⁸.

После поражения при Гелиополисе (20 марта 1800 г.) внешнеполитические симпатии садразама вновь переменялись. Не было тайной, что французы разорвали мирные Эль-Аришские соглашения по причине отказа британцев эти соглашения ратифицировать. Как отмечал Франкини, отныне «каждый в османской армии полагал находящихся в этих местах англичан, можно сказать, состоявшими на службе у французского генерала [Клебера]»⁷⁹. Военная катастрофа под Каиром поставила под угрозу не только карьеру, но и саму жизнь великого везира. Османские сановники попадали в опалу или даже подвергались смертной казни за куда меньшие провалы. Однако 1 мая 1800 г. в ставку прибыл *хатт-и шериф*⁸⁰, в котором подтверждалось пребывание Йусуфа Зийа-паши в должности садразама. Глава Порты, пребывавший в апатии после поражения, заметно воспрял духом⁸¹. В приложенном к хатт-и шерифу письме *каиммакама*⁸² подчеркивалось, что высочайшее решение было принято, опираясь как на доклады садразама, так и на письма русского драгомана в османской армии⁸³. Инвестиции Кёр-паши в отношения с Франкини принесли свои дивиденды.

В начале июня 1800 г. Димитрий Караджа умер, и Франкини стал выполнять функции главного драгомана⁸⁴. «Сия неслыханная доверенность к надворному советнику Франкинию, яко слуге вашего императорского Величества, — писал В.С. Томара Павлу I, — доказывает отличные в нем способности и природныя дарования к трактованию с турка-

⁷⁸ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1415. Л. 119. «Записка константинопольских вестей и разглашений». Первая половина октября 1799 г.

⁷⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 27. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 15/26 Mai 1800.

⁸⁰ Хатт-и шериф (осман. «Высокое предписание») — официальный документ, написанный султаном либо содержащий султанскую резолюцию.

⁸¹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 24. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 15/26 Mai 1800.

⁸² Каиммакам (от араб. «местоблюститель», «заместитель») — помощник садразама, замещавший его на время отсутствия в столице.

⁸³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 24. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 15/26 Mai 1800.

⁸⁴ Там же. Л. 64. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 5/16 Juin 1800.

Капудан-паша. Из книги Уильяма Уитмана. 1803 г.

ми»⁸⁵. В начале июля 1800 г. Франкини уже удостоился чести сидеть на одном ковре рядом с садразамом. Это происходило на виду у всех, что российский драгоман особо подчеркнул в своем донесении⁸⁶.

Хорошие отношения у Франкини сложились также с командующим османским флотом, *капудан-пашой* Кючюк Хусейн-пашой (1757–1802), прибывшим в июне 1800 г. в Яффу. Надворный советник отмечал, что ежедневно проводил за разговорами с капудан-пашой по 2–3 часа⁸⁷. В российском агенте флотоводец, очевидно, стремился найти независимого и объективного свидетеля произошедшего разгрома, который не будет ни пресмыкаться перед его рангом, ни пытаться представить события в выгодном для себя свете. На последней встрече с Франкини капудан-паша был предельно откровенен, что поразило российского агента. «Правдивая точность, наблюдаемая в его суждениях, безусловно отличает его от кого бы то ни было из его соотече-

⁸⁵ Там же. Д. 915. Л. 15 об. –16. Реляция В.С. Томары Павлу I от 16/28 июня 1800 г.

⁸⁶ Там же. Д. 917. Л. 38 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 1/12 Juillet 1800.

⁸⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 72. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 23 Juin/4 Juillet 1800.

Раис-эфенди. *Неизвестный греческий автор. Около 1809 г.*

ственников», — отдавал ему должное Франкини. Кючюк Хусейн-паша «бранил свое правительство, ...бросившее армию без средств, которые могли бы обеспечить успех операций, здешнюю казну он нашел пустой, а все министерство — состоящим лишь из двух лиц, *кехайя-бея* и *раис-эфенди*, так что, если один из них заболает или умрет, его некем будет заменить»⁸⁸. Весьма презрительно флотоводец отозвался и о рекрутах, которые поставляют в армию провинциальные паши. Покидая лагерь, капудан-паша настойчиво просил Франкини писать ему обо всем, что тот сочтет важным, обещая, в свою очередь, отвечать незамедлительно⁸⁹. Также при расставании Кючюк Хусейн-паша составил для В.С. Томары письмо, в котором отмечал «усердие, способности и преданность наилюбезнейшего Франкини, драгомана Российского двора в имперской ставке»⁹⁰.

Что касается других высших чиновников Порты, находившихся в армии великого везира, то Франкини пользовался явным расположением главы канцелярии садразама, раис-эфенди Расиха Мустафа-паши. В 1793–1794 гг. Мустафа-паша по поручению Селима III возглавил по-

⁸⁸ Там же. Л. 73. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 23 Juin/4 Juillet 1800.

⁸⁹ Там же. Л. 73 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 23 Juin/4 Juillet 1800.

⁹⁰ Там же. Л. 80. Письмо Капудан-паши Томаре от 5 сафара 1215 г. (12/24.06.1800).

сольство в Санкт-Петербург, по окончании миссии составил восторженное сочинение о военно-административном устройстве северного соседа⁹¹ и с тех пор считался представителем «пророссийской» группировки в Стамбульском правительстве. Упомянутый Дж. Мориер считал, что Расих-паша был подкуплен Россией и явно действовал в ее интересах⁹². Коммодор Сидней Смит предупреждал Мориера, чтобы тот был по этой причине чрезвычайно осторожен при общении с раис-эфенди⁹³. Во время похода Расих-паша неоднократно оказывал российскому представителю помощь, в частности распорядился выделить из своей личной конюшни солому для его лошадей, чтобы они не передохли с голоду⁹⁴.

Напротив, с другим членом Высокой Порты, первым *дефтердаром*⁹⁵ *челеби*⁹⁶ Рашидом Мустафой-эфенди, отношения у Франкини не сложились. В середине 1790-х гг. в Стамбуле Мустафа-эфенди энергично взялся за наполнение бюджета, проведя ряд реформ в османском военном и финансовом управлении. Эти санкционированные Селимом III нововведения, нацеленные на упразднение корпуса янычар и учреждение военного сбора, вызвали широкое народное недовольство. В.С. Томара отмечал, что дефтердар «войсками столько же ненавидим как Публикою Цареградскою», впрочем «из всего Министерства в Лагере Султан почитает его одного человеком не менее способным как усердным»⁹⁷. В другом донесении российский посланник указывал, что Селим III считал Рашида Мустафу-эфенди «лучшим человеком» в отправленной на отвоевание Египта армии⁹⁸. При дворе дефтердару покровительствовавали мать правителя, *валиде-султан* Михр-и Шах (1745–1805), и ее могущественный фаворит, глава черных евнухов Йусуф-ага Мюхюрдар (ум. 1807). Придворный летописец садразама 'Иззет Хасан-эфенди

⁹¹ Желтяков А.Д. Русско-турецкие культурные связи // Россия и Восток. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2000. С. 118–119.

⁹² Morier J.P. Memoir of a Campaign with an Ottoman Army in Egypt from February to July 1800. London: Wilson & Co., 1801. P. 37.

⁹³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 14 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 7/18 Mai 1800.

⁹⁴ Там же. Д. 892. Л. 23. Traduction des lettres du Dragoman Frankini. Nicomedie, 27 Mai 1799.

⁹⁵ Первый дефтердар (башдефтердар) — главный казначей Османской империи. Находился во главе финансового ведомства, имел под своим началом дефтердаров отдельных частей империи.

⁹⁶ Челеби — османское почетное звание, использовавшееся вплоть до конца XVIII в. применительно к высокообразованному человеку, богослову или писателю.

⁹⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 5. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/13 июля 1800 г.

⁹⁸ Там же. Д. 914. Л. 3 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 3/15 мая 1800 г.

ад-Дарендели характеризовал Рашида Мустафу-эфенди как «человека с мягким и кротким характером»⁹⁹.

Рашид Мустафа-эфенди являлся постоянным объектом эпистолярных нападков Франкини, в которых смешались личная неприязнь и политическое соперничество: дефтердар, наряду с *кехая-беем*¹⁰⁰ Османом-эфенди, считался сторонником пробританской ориентации Порты. Уничтожение османской армии в марте 1800 г. удвоило энергию российского агента в его личной войне с дефтердаром. Если верить донесениям Франкини, то Рашид-эфенди нес чуть ли не единоличную ответственность за случившуюся катастрофу. «Дефтердар-эфенди столь доверился заверениям французов в своей искренности и дружбе, — писал Франкини своему начальству, несомненно зная, что его корреспонденция будет перлюстрироваться османами, — что именно он посоветовал сняться лагерем из Эль-Ариша и идти вперед без припасов; он отдал приказ по всем портам Леванта приостановить дальнейшую отправку продовольствия, что они должны были доставить, и продавать уже собранное в счет мираи¹⁰¹, как если бы то было его собственное имущество; до последнего момента этот министр был убежден, что Клебер¹⁰² неукоснительно будет выполнять свои обязательства»¹⁰³. Критика Франкини была частично справедлива и подтверждалась даже британцами. Дж. Мориер, в целом положительно отзываясь о челеби Мустафе-эфенди, признавал, что «плохая организация снабжения во время похода — его вина»¹⁰⁴.

Зная о благожелательном отношении султана и его матери к Рашиду-эфенди, садразам отправил его в столицу, «чтобы детально сооб-

⁹⁹ *Ад-Дарендели Иззет Хасан-эфенди*. Аль-хамла аль-фарансийа 'ала Миср фи дау' махтут 'усманий. Махтута «Зийа-наме» ли-д-Дарендели (Французское нашествие на Египет в свете османской рукописи «Зийа-наме» ад-Дарендели). Иссл. и пер. Джамала Са'ида Абд ал-Гани. Каир: Аль-Хай'а аль-Мисрийя аль-'амма ли-ль-китаб, 1999. С. 260.

¹⁰⁰ Кехая-бей (он же *катхода*, *кетхуда-и садр-и али*) — заместитель садразама, управлявший внутренними делами. Первоначально катхода не имел официального статуса, считаясь помощником великого везира, однако его канцелярия была крупнейшей по численности персонала.

¹⁰¹ Мираи (от осман. «эмирский») — часть податей, поступавшая непосредственно в государственную казну.

¹⁰² *Жан-Батист Клебер* (1753–1800) — французский генерал, главнокомандующий экспедиционным корпусом после отъезда Бонапарта из Египта 22 августа 1799 г.

¹⁰³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 28 об.–29. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 15/26 Mai 1800.

¹⁰⁴ *Morier J.P. Memoir of a Campaign with an Ottoman Army*. P. 37–38.

щитъ обо всех произошедших событиях»¹⁰⁵. Также дефтердар должен был получить согласие правителя на снаряжение новой армии взамен разгромленной. Особое внимание придворного летописца ад-Дарендели этой миссии свидетельствует о значении, которое придавалось ей в османской ставке. Рашид Мустафа-эфенди полностью справился с поставленной задачей, что вызвало ярость и досаду Франкини. В донесении В.С. Томары российский агент не скрывал своих эмоций: «Разрушенные до основания гипотезы и ложные принципы ошибочной политики Челеби Мустафа-эфенди, дефтердара, были не менее фатальны для Порты, чем [французское] вторжение в Египет. Опыт, полученный им от французов на переговорах в Эль-Арише и Сабиль уль-Аламе, а также в деле под Матарья, должен был бы открыть ему глаза. Вместо этого, тупоумный наблюдатель уничтожения армии в[еликого] везира, собрать которую Османской империи стоило миллионы и привело к разорению всей Азии, ...он бежал, сел на корабль, направился в столицу и убедил правителя, что причиной постигшей армию катастрофы стало какое-то недопонимание, что этот генерал [Клебер. — Т.К.] не мог действовать иначе в подобных обстоятельствах, и его поведение вполне допустимо, и что он, несомненно, эвакуируется как только прибудут паспорта [от союзных держав на выезд. — Т.К.]. Турки легко верят в то, что их устраивает»¹⁰⁶, — горько резюмировал Франкини.

Справедливости ради следует сказать, что в отношении другого высокопоставленного османского чиновника пробританской ориентации, катходы садразама Османа-эфенди, у Франкини помимо обвинений находились и добрые слова. Коллежский ассессор отметил мужество Османа-эфенди, проявленное в битве при Гелиополисе. Во время всеобщего хаоса он побежал от наступавших французских колонн не назад, а вперед, в сторону Каира, добрался до пригорода Матарийя, где объединился с избравшими этот же путь Насух-пашой, Ибрахим-беем и еще несколькими военачальниками, собрал сколько мог турецких солдат и мамлюков и ворвался с ними в египетскую столицу¹⁰⁷.

Вообще на страницах дневника и в письмах Франкини упоминается немало военных и гражданских служащих османской администрации, к большинству которых он относился весьма критично. «Каждый боит-

¹⁰⁵ Ад-Дарендели. Зийа-наме. С. 293.

¹⁰⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 917. Л. 36–36 об.

¹⁰⁷ Там же. Д. 915. Л. 49 об. Journal de voyage du Drogman Frankini. 10/21 Mars 1800.

ся, — описывал коллежский ассессор атмосферу, царившую в ставке сад-разама, — что кто-то другой доложит о его поведении»¹⁰⁸, и сановники наперебой писали в столицу донесения, выгораживавшие себя и очернявшие других¹⁰⁹. Его искреннее возмущение вызывали и некоторые поступки региональных должностных лиц.

Одним из описанных коллежским ассессором примеров вымогательства взяток стал случай, произошедший в Измите. Некая женщина легкого поведения и дурной репутации поселилась в лучшем армянском квартале города. Несколько дней спустя, сговорившись с городским судьей-кади, она дала себя ему там обнаружить. Хусейн-паша, наместник провинции, «не пожелал оставить подобное бесчестье безнаказанным» и обложил штрафом каждую армянскую семью, проживавшую по соседству, в соответствии с ее благосостоянием. Женщине же лишь было предписано съехать. Следующей жертвой, очевидно, должен был стать греческий квартал, куда попыталась переселиться упомянутая дама. Впрочем, наученные примером православные поспешили заранее «прийти к согласию» с пашой¹¹⁰.

Жадность и недалководидность османских чиновников, лишивших Порту поддержки арабского населения, стала, по мнению Франкини, одной из причин бесславного бегства султанской армии из Египта. Воплощением подобной примитивной алчности Франкини считал своего недруга первого дефтердара Рашида-эфенди, который, по его словам, «наделал ошибок и как министр, и как полномочный представитель [султана], и как управляющий финансами»¹¹¹. «Его расчет увеличить общие поступления, — возмущался Франкини, — отправкой ста пятидесяти *дели*¹¹² собирать подати с арабских деревень, кои столь щадили французы, скандальным и предвзятым допросом копт-

¹⁰⁸ Там же. Д. 897. Л. 87 об. Lettre chiffrée du Drogman Frankini. Ghiok Meydan, 25 Septembre/6 Octobre 1799.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 897. Л. 37. Journal de voyage du Drogman Frankini. Nicomédie, 26 Mai/06 Juin 1799.

¹¹¹ Там же. Д. 916. Л. 28 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 15/26 Mai 1800.

¹¹² Дели (дала, далатийа — осман. «безумные», «отчаянные»), они же *диванкан*, либо *диванкар* (осман. «бешеные»). Это прозвище давалось с конца XV в. кавалерийским отрядам, набиравшимся из выходцев из Османской Румелии, славившимся как своей отвагой, так и недисциплинированностью. В конце XVI в. отряды дели появляются в Анатолии; в XVIII в. вышедшие из повиновения диванкан начинают терроризировать местное население. Попытка Селима III реформировать их организацию оказалась безуспешной, лишь в 1829 г. части дели были упразднены.

ских писцов и каирских шейхов о доходах Египта, запланированным проектом обложения каждого пальмового дерева ежегодным налогом в один пиастр, и, наконец, выплатой трех тысяч кошельков Клеберу за счет жителей Каира, заставил возненавидеть само имя турка до такой степени, что те же арабы, которые ранее встречали нас с распростертыми объятиями и криками радости, которые терпели наше пребывание в их жилищах, которые снабжали нас всеми необходимыми припасами и любой гуманитарной помощью, те же арабы чуть позже закрывали перед нами двери в их хижины, а по нашему возвращению наслаждались прискорбным и тягостным зрелищем, которое представляла собой убегающая османская армия, и чуть ли не отказывали нам в малой толике воды, несмотря на то, что мы готовы были платить за нее вперед»¹¹³.

Командование османской армии погрузилось при этом в «роковую летаргию»¹¹⁴, а чиновники, направленные наблюдать за эвакуацией французов из Каира: Мустафа-паша и *нузуль-эмини*¹¹⁵ Хасан-ага, — пренебрегли своими обязанностями. Первый, находясь в египетской столице, целиком и полностью доверился французскому генерал-аншефу и «занимался лишь поиском способов обогатиться, пока французы не оставят этот город». Второй, попав под влияние интервентов, также убеждал начальство, что «Клебер является другом Порты, который желает восстановить прежнюю дружбу, существовавшую между двумя правительствами»¹¹⁶.

«Действия воинския»

Описание османской армии занимает одно из центральных мест в дневнике и донесениях Франкини. По сути, российский агент действовал как военный разведчик, детально фиксируя состояние сил союзника, которому в скором времени вновь предстояло стать противником. Однако к этим описаниям следует относиться с известной осторожностью.

¹¹³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 28 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 15/26 Mai 1800.

¹¹⁴ Там же. Д. 915. Л. 19. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 30 Avril/ 11 May 1800.

¹¹⁵ Нузуль-эмини — османский чиновник, отвечавший за продовольственное снабжение армии.

¹¹⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 915. Л. 18 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 30 Avril/ 11 May 1800.

Часть их базируется на личных впечатлениях Франкини, в других случаях он транслирует данные, полученные от османских чиновников.

К примеру, при выступлении османского войска из Стамбула Франкини описывает свиту и личную охрану садразама, включая 5 янычарских орт сопровождения¹¹⁷. Российский агент с самого начала похода состоял в свите великого везира и никаких оснований не доверять этим сведениям нет. Напротив, в донесении Франкини от 19 марта 1800 г. содержится детальный анализ состава османской армии, подошедшей к Каиру. Коллежский ассессор не просто приводит поразительно точные цифры по численности и этническому составу каждого из корпусов, к которым сам он доступа не имел¹¹⁸. Сомнение вызывает и общая оценка численности армии в 65 180 человек, не считая примерно 15 тыс. человек невооруженной obsługi¹¹⁹. Эти цифры, даже если они были доведены до сведения российского агента лицами из окружения садразама, представляют значительный интерес.

Организация османами военного похода вызывала постоянную критику Франкини. Российский агент отмечал хроническую «нехватку артиллерии, амуниции и припасов»¹²⁰. «Еще с нашего отправления из Константинополя, — писал Франкини, — и на протяжении всего перехода до Хамы и даже до Дамаска, в лагере ощущался чувствительный недостаток припасов, фуража и дров. Начиная же с Дамаска — абсолютная нехватка всего»¹²¹. Войскам выдавались заплесневелые сухари, лошадям — вместо ячменя просо в количестве $\frac{2}{5}$ от полагавшегося пайка. Стоимость обычных продуктов взлетела многократно, а дрова продавались «в маленьких связках, как если бы то были розы»¹²². Совершенно отвратительно было организовано и продвижение войсковых частей. Преодоление горных перевалов и переправа через реки превращались в подобие боевых операций и влекли за собой тяжелые потери. Вот как Франкини описывал путь армии по теснине между быстрой речкой Сакара и отрогами гор Тавра: «Другого места прохода не было, и там лошади, повозки, войска, верблюды смешались и стали сталкиваться друг с другом. Падение людей друг на друга, наглость албанцев и дели, пистолетные выстрелы в толпе,

¹¹⁷ Там же. Д. 2256. Л. 5 об. Traduction des notes jointes à la relation du Drogman Frankini de 9/20 Mai 1799.

¹¹⁸ Там же. Д. 915. Л. 56 об. —61. Etat de l'Armée Ottomane le 8/19 Mars 1800.

¹¹⁹ Там же. Л. 56—61. Etat de l'Armée Ottomane le 8/19 Mars 1800.

¹²⁰ Там же. Д. 916. Л. 12. Lettre chiffrée du Drogman Frankini. Kankie 8/19 Mars 1800.

¹²¹ Там же. Д. 906. Л. 57. Nouvelles du Camp près de Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

¹²² Там же. Л. 57 об. Nouvelles du Camp près de Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

густая пыль, поднимаемая порывистым ветром, бьющее в глаза солнце — все способствовало нарастанию ужаса и опасности. Множество людей, мулов, верблюдов и повозок устремлялись вниз и пропадали в реке; были раненые, несколько человек оказалось искалечено»¹²³. В письмах Франкини османская армия предстает плохо управляемым морем разнузданной солдатни, готовым прийти в волнение по самому ничтожному поводу. По-хорошему, ее следовало бы распустить, сообщал он в зашифрованном письме начальству¹²⁴. Долгие остановки, во время которых войска маялись бездельем, еще сильнее расшатывали дисциплину. Столкновения между солдатами из различных частей происходили чуть ли не ежедневно. Преувеличенные людской молвой, в Стамбуле ходили рассказы о подлинных побоищах между армейскими корпусами, в которых «убито было до двух тысяч человек с обеих сторон»¹²⁵.

Возможность увидеть султанскую армию в бою впервые выдалась Франкини еще в районе г. Эскишехир в северо-западной Анатолии, когда Йусуф Зийа-паша решил покарать одного из непокорных местных властителей. 12 дней 14-тысячный отряд османов безуспешно штурмовал небольшой островок, который обороняли 400 человек¹²⁶. Описания этого столкновения, равно как и всего похода отправлялись Франкини в Стамбул и внимательно анализировались как в российском посольстве, так в Высокой Порте. В результате иллюзий относительно шансов турецкой армии одержать победу над французским экспедиционным корпусом не было ни у османов, ни у их союзников. В ноябре 1799 г. В.С. Томара доносил императору Павлу о «худой надежде правительства турецкаго на армию Верховнаго Визиря, о которой по справедливости нельзя сомневаться чтоб разбита не была при первой встрече с французами»¹²⁷.

Подобные настроения разделял и сам садразам Йусуф Зийа-паша. Еще в начале октября 1799 г. в зашифрованном сообщении из Дамаска Франкини докладывал, что «великий визирь чувствует свою малую способность к доверенному ему предприятию, видит, что один миг

¹²³ Там же. Д. 897. Л. 37 об. *Journal de voyage du Drogman Frankini. Nicomédie, 26 Mai/06 Juin 1799.*

¹²⁴ Там же. Л. 88. *Lettre chifrée du Drogman Frankini. Ghiok Meydan, 25 septembre/6 Octobre 1799.*

¹²⁵ АВПРИ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 1413. Л. 10 об.

¹²⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 893. Л. 57–57 об. *Lettre du Drogman Frankini. Ak Schéher, 18/29 Juin 1799.*

¹²⁷ Там же. Д. 897. Л. 1 об. Реляция В.С. Томары от 1/12 ноября 1799 г.

может стать решающим для его жизни и судьбы, ищет способ удержаться и находит его только в [заключении] конвенции и урегулировании египетского вопроса любым путем. Это ему тем более подходит, что лагерь его пребывает в беспорядке, армия вследствие дезертирства сократилась до горстки людей, а его собственным военным талантам доверяют мало»¹²⁸. Три месяца спустя садрамам на личной встрече с Франкини признался, что османская армия не выдержит первого же серьезного столкновения с французской, и эта баталия решит судьбу Египта. Даже кратное численное превосходство не могло воодушевить главу Порты. «Говорят, что французы успевают сделать четыре выстрела в минуту, а мои войска — только один, — делился опасениями Кёр-паша, — что мой лагерь составлен из самых разных людей, а французский — из отобранных»¹²⁹.

Первое столкновение с французской армией состоялось в декабре 1799 г. в форте Эль-Ариш, прикрывавшем доступ в Египет. Франкини оставил достаточно подробное описание штурма этой крепости¹³⁰, тем более что Йусуф Зийа-паша хотел, чтобы российский представитель воочию увидел триумф османского оружия. Взятие Эль-Ариша, обеспеченное подавляющим численным превосходством османов (450 оборонявшихся против примерно 20 тыс. осаждавших) и мятежом, вспыхнувшим среди гарнизона форта¹³¹, не убедило Франкини в благоприятном исходе всей предстоящей кампании. Однако вскоре в захваченном Эль-Арише были подписаны мирные соглашения, предусматривавшие вывод французских войск из Египта.

20 марта 1800 г. соглашения были разорваны и Ж.-Б. Клебер, собрав практически все имевшиеся в его распоряжении силы, обрушился на армию садрама, расположившуюся лагерем в нескольких часах от Каира. Итоги этого сражения, также досконально проанализированные А.В. Чудиновым¹³², оказались катастрофическими для османов. «Одно-

¹²⁸ Там же. Л. 87–87 об. *Lettre chifrée du Drogman Frankini. Ghiok Meydan, 25 Septembre/6 Octobre 1799.*

¹²⁹ Там же. Д. 912. Л. 37 об. Запись встречи Франкини с великим везиром 9/20 января 1800 г.

¹³⁰ Там же. Д. 908. Л. 42–47. *Journal de voyage du Drogman Frankini. El-Arich, 11/22–18/29 Décembre 1799.*

¹³¹ Ход обороны крепости досконально изучен отечественным исследователем А.В. Чудиновым на базе европейских источников (Чудинов А.В. *Забытая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800.* М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 153–174).

¹³² Чудинов А.В. *Забытая армия.* С. 203–234.

го часа должного сопротивления, — сетовал Франкини, — хватило бы, чтобы уничтожить всех французов в Египте»¹³³. Однако при первом огневом столкновении с противником, а иногда и просто заслышав звуки стрельбы и увидев марширующие французские колонны, османские части обратились в бегство. Франкини вспоминал, что садразам «использовал все, чтобы их остановить, в ход пошли угрозы, раздача золота; но вскоре он заметил, что остался практически один со своими министрами и горсткой людей. Тогда, со слезами на глазах, погруженный в раздумья, он слез с лошади; министры стояли бледные и полумертвые»¹³⁴. Угроза попасть в плен стала очевидна, и сановники бросились спасать свои жизни. «Каждый искал свой экипаж, — продолжал российский агент, — груженных верблюдов, не обращая внимание на состояние армии, одна часть которой еще выдвигалась вперед, а другая уже быстро возвращалась. Нагруженные поклажей войска бежали, не осмеливаясь бросить взгляд назад; крики и угрозы распространяли ужас, и один напал на другого, чтобы быть первым на пути к бегству»¹³⁵. «Я не нахожу достаточно ярких выражений и красок, — продолжал Франкини описывать катастрофу российскому посланнику в Стамбуле, — чтобы описать Вашему Превосходительству царившие в османском лагере смятение и неразбериху, творимые там убийства, грабеж и насилие»¹³⁶. Только случайность не позволила французам захватить руководителей Порты в плен. Так, подытоживал коллежский ассессор, «в течение 10 минут была рассеяна значительная армия, собранная и объединенная ценой огромных и продолжительных трудов и невероятных расходов»¹³⁷.

Описание разгрома Франкини закончил горькой сентенцией, возлагавшей ответственность за поражение не только на османских командующих, но и на морально-психологическое состояние солдат: «Какого успеха в сражении можно ожидать от сборища людей всех возрастов и профессий, набранных без разбору из народа, для которого роковые предсказания безымянных книг безвестных авторов предрекают конец царствования; как только это человеческое скопление единожды бросилось бежать, говоря, что не может ни противиться судьбе, ни сопротивляться воле небес»¹³⁸.

¹³³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 17 об. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe 7/18 Mai 1800.

¹³⁴ Там же. Д. 915. Л. 48 об. *Journal de voyage du Drogman Frankini*. 9/20 Mars 1800.

¹³⁵ Там же. Л. 48 об. *Journal de voyage*. 9/20 Mars 1800.

¹³⁶ Там же. Л. 43 об. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe, 30 Avril/11 Mai 1800.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. Л. 44. *Lettre du Drogman Frankini*. Jaffe, 30 Avril/11 Mai 1800.

Британские союзники

Особое внимание в своих отчетах Франкини уделял Британии. Летом 1800 г. посланник В.С. Томара писал императору Павлу о «трудном положении» «Надворного Советника Франкини в лагере Турецком, ... принужденного скрываться в том от самых аглинских агентов, дабы не воспрепятствовали оным; а из сих каждой лишь только отдохнет африканский воздух, то как обвороженой начинает почитать соперниками своими Россиян паче Французов»¹³⁹. Павел I еще не стал союзником Бонапарта и не начал готовить поход в Индию. «Большая игра», как принято называть российско-британское противостояние на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, еще не началась. Однако именно в период Второй антифранцузской коалиции проявились первые всполохи будущего геополитического соперничества двух сильнейших держав XIX в. Российские и английские военные эскадры впервые одновременно оказались в Восточном Средиземноморье. Османская империя превратилась в арену вооруженной борьбы европейских государств, а султан и его окружение оказались объектом соперничества российской и британской дипломатий. Одним из эпицентров этого противостояния стал шатер садразама Кёр-паши, где Энрико Франкини в одиночку приходилось отстаивать интересы России против прибывавших английских офицеров и дипломатов.

По ходу деятельности Франкини периодически приходилось контактировать с коммодором Сиднеем Смитом (1764–1840) и другими британцами. При внешнем дружелюбии по отношению к партнерам по коалиции отношение к ним у российского чиновника было преимущественно негативным. Это чувство было взаимным. Упоминая генерала Кёлера, направленного в османскую ставку в июле 1800 г., Франкини отмечал: «Он вел себя по отношению ко мне столь учтиво, как ни один другой англичанин, оказывавшийся в этой армии»¹⁴⁰. Смит, в отличие от адмирала Горацио Нельсона (1758–1805), который характеризовался российским агентом вполне благожелательно¹⁴¹, являлся объектом особой нелюбви Франкини. Их близкое знакомство, — а Смит даже довелось ночевать в шатре коллежского асессора, — только усилило взаим-

¹³⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 6–6 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/13 июля 1800 г.

¹⁴⁰ Там же. Д. 917. Л. 33 об. *Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 1/12 Juillet 1800.*

¹⁴¹ Там же. Д. 2257. Л. 2 об. *Lettera di Dragomano Franchini. Tabor. 8/19 Ottobre 1799.*

ную неприязнь. «Существо легкомысленное, подлое, продажное, падкое на искушения и, если его уговорить, готовое на всё»¹⁴², — клеймил драгоман британского коммодора. Симпатизировавший России вышеупомянутый раис-эфенди Мустафа Расих соглашался с итальянцем, что Смит — человек «без имени и состояния, обладающий нетвердым характером, буйный, тщеславный и капризный»¹⁴³, и удивлялся, почему Лондон доверил именно ему столь важную миссию.

Главной причиной неприязни российского представителя стала не личность Смита, а проводимая им политика. «Важная задача [коммодора. — Т.К.], — писал Франкини, — состояла в охране акватории Александрии и Думьята. Однако он не сделал ничего, кроме как всячески злоупотреблял общим доверием»¹⁴⁴. Франкини подозревал Сиднея Смита не просто в небрежности, позволившей Наполеону бежать из Египта, а в «коварном сговоре с французским генералом»¹⁴⁵. Слухи о подозрительном поведении коммодора, если не о его предательстве, подпитывались и британским послом лордом Элгином¹⁴⁶, у которого с Сиднеем Смитом был личный конфликт. Посланник В.С. Томары с нескрываемым удовольствием пересказывал рассказ Элгина, получившего «покаянное письмо» от своего секретаря Джона Мориера, который бежал из османской ставки и после долгих злоключений добрался до Стамбула. Последний якобы признавался, «что с начала своего приезда в Лагерь прельщен был Смитом, предался и служил ему», однако после катастрофы под Каиром «образумился и возымел отвращение к его правилам, видя в согражданах своих шайку людей вскруженных воображением о изящности французов, и до того обуйавших, что во все время пребывания своего с ними не выпил рюмки вина, которая б не была посвящена на здоровье Клебера или другаго французскаго Ироя, и не услышал ни один раз имени Георга III-го»¹⁴⁷.

¹⁴² Там же. Л. 4. Lettera di Dragomano Franchini. Tabor. 8/19 Ottobre 1799.

¹⁴³ Там же. Л. 4 об. Lettera di Dragomano Franchini. Tabor. 8/19 Ottobre 1799.

¹⁴⁴ Там же. Л. 1 об. Lettera di Dragomano Franchini. Tabor. 8/19 Ottobre 1799.

¹⁴⁵ Там же. Л. 3 об. Lettera di Dragomano Franchini. Tabor. 8/19 Ottobre 1799.

¹⁴⁶ Томас Брюс, 7-й граф Элгин (*Elgin*) (1766–1841) — британский дипломат, прямой потомок шотландского королевского рода. С 1791 г. находился на дипломатической службе, выполнял обязанности чрезвычайного посла при Австрийском и Прусском дворах. В декабре 1798 г. получил назначение на должность посла в Стамбуле, куда прибыл 6 ноября 1799 г. Отбывая в январе 1803 г. из Османской империи, Томас Брюс вывез с собой коллекцию античных скульптур и барельефов из Парфенона, ныне украшающую Британский музей.

¹⁴⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 58. Реляция В.С. Томары Павлу I от 16/28 июля 1800 г.

Обвинения в франкофилии и изменничестве коммодора Смита не находят подтверждения и, очевидно, были спровоцированы внутренними интригами между английскими МИДом и военным командованием, а также могущественной Левантийской компанией. А вот что не вызывает сомнения, так это желание британцев отстранить Россию от вмешательства в ближневосточную политику. Франкини отмечал, что «англичане делают все, чтобы не позволить России принять участие в этих делах»¹⁴⁸. В частности, он ссылаясь на слова пленного офицера О.-Н. Бодо¹⁴⁹, что на переговорах в Эль-Арише французские уполномоченные потребовали отстранения российского агента¹⁵⁰, и коммодор Смит, фактически, солидаризировался с ними¹⁵¹. С другой стороны, Франкини явно тревожили попытки британского командования вмешиваться во внутреннюю политику Порты, например на о. Кипр или в Горном Ливане¹⁵².

Британское вмешательство вызывало раздражение садразама, раис-эфенди и других высших османских чиновников. Однако высказывать резкий протест англичанам Порты не осмеливалась, занимая примирительную позицию. Ответные упреки, как правило, передавались в устной форме, письменно же османы заверяли британское командование, «что все просьбы приняты к сведению, и оно получит полное удовлетворение по всем обозначенным пунктам»¹⁵³. Внешне османские сановники оказывали британцам необычайные знаки внимания. «Я всячески выделяю его и оказываю ему почет, — рассказывал садразам о коммодоре Смита, — против обычаев моей империи во время встреч он сидит не на табурете вдали от меня, как должно, когда великие визири принимают представителей христианских дворов, а я приглашаю его на свою софу. Я усаживаю его по правую руку от себя, оказываю ему особое внимание, осыпаю подарками»¹⁵⁴.

¹⁴⁸ Там же. Л. 14–14 об. *Lettre chifrée du Drogman Frankini*. Jaffe 7/18 Mai 1800.

¹⁴⁹ *Огюст-Николя Бодо* (1765–1801) — французский офицер, участник Египетской экспедиции. После сражения при Гелиополисе был направлен Клебером для переговоров с османами, захвачен ими, несмотря на свой статус парламентаря, и последовавшие 5 месяцев провел в плену.

¹⁵⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 14 об. *Lettre chifrée du Drogman Frankini*. Jaffe 7/18 Mai 1800.

¹⁵¹ Там же. Д. 912. Л. 28 об. *Lettre du Drogman Frankini*. El-Arich, 3/14 Janvier 1800.

¹⁵² Там же. Д. 897. Л. 27 об. *Lettre du Drogman Frankini*. Ghiok Meydan, 19/30 Novembre 1799.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. Д. 912. Л. 37 об. Запись о встрече Франкини с великим везиром 9/20 января 1800 г.

Невзирая на эти знаки благосклонности, османское командование не доверяло британскому, в частности, коммодору Сиднею Смиту, подозревая, что англичане самостоятельно проводят сепаратные переговоры с французами¹⁵⁵. Порту пугало не столько то, что Смит «заберет себе всю славу по эвакуации»¹⁵⁶, сколько неясность относительно условий вывода французских войск и будущей судьбы Египетской провинции. Недоверие к обоим союзникам по коалиции подталкивало Порту к поиску возможности вернуть себе власть в Египте мирным путем и к проведению сепаратных переговоров с Францией.

Недопущение сепаратного мира

Статус уполномоченного представителя давал Франкини крайне ограниченные средства влиять на политику Порты. Кроме того, в отличие от Адриатики, в Восточном Средиземноморье российский флот не вел активных боевых действий и не мог усилить голос дипломата звуками пушечных залпов. Однако, оставаясь в ставке великого везира «глазами и ушами» посланника Томары и самого императора Павла I, Франкини делал все от него зависящее, чтобы Османская империя выполняла свои союзнические обязательства.

К примеру, на тайных переговорах с османами осенью 1799 г. одним из намерений Ж.-Б. Клебера было обратить поражение в победу: не просто эвакуировать экспедиционный корпус из Египта, но заключить мирный османо-французский договор и даже заново обратить Турцию против России. В переписке с генерал-аншефом непосредственно участвовал глава Порты, а корреспонденцию доставлял чиновник Мехмед Рушди-эфенди. Когда о сношениях с неприятелем стало известно Франкини, то Йусуф Зийа-паша предпочел сделать Рушди-эфенди «козлом отпущения», приговорив того к ссылке на о. Хиос. Впрочем, служащего не сослали, а укрыли в армянском монастыре в Яффе, и Франкини при содействии В.С. Томары и Сиднея Смита с большим трудом удалось добиться, чтобы Рушди-эфенди все-таки отправили в место его изгнания¹⁵⁷.

В итоге переговоры османских высших чиновников с уполномоченными представителями Ж.-Б. Клебера прошли 16–24 января 1800 г.

¹⁵⁵ Там же. Д. 906. Л. 13. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же. Л. 11 об.-12. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

в захваченном Эль-Арише. На встречах присутствовали от британской стороны Сидней Смит и от российской — Энрико Франкини, но роль последнего оказалась почти декоративной¹⁵⁸. Переговоры шли интенсивно. «Совещания, казалось, были обременительными для обеих сторон, — иронизировал Франкини. — Одно сменяло другое, даже не оставляя времени для размышлений, и статьи соглашения были заключены прежде, чем кто-либо доподлинно осознал заключающуюся в них суть»¹⁵⁹. Участники конвенции были заинтересованы в ее скорейшем подписании. Французы видели в том шанс побыстрее вырваться из ставшего для них ловушкой Египта. Османское командование же, с одной стороны, явно боялось двинуться в Дельту Нила, навстречу грозному врагу, с другой, — как признался Франкини дефтердар-эфенди, — опасалось «роковых происшествий» в собственной армии, стоявшей в пустыне без запасов провианта и налаженного снабжения¹⁶⁰. 24 января был заключен сепаратный осmano-французский договор об эвакуации экспедиционного корпуса. Фактически это означало, что российский агент не выполнил наиболее важную из поставленных перед ним задач.

Позднее, в марте 1800 г. Франкини, если верить его зашифрованному донесению, решился на рискованную провокацию. Раздраженный нерешительностью садразама, не желавшего «пойти на столкновение с французами, даже ценой затягивания ими эвакуации из Каира»¹⁶¹, а также усилиями англичан «сохранить status quo»¹⁶² российский агент якобы вознамерился единолично сорвать Эль-Аришские соглашения. Для этого он заплатил 2 тыс. пехинов *янычар-баши*¹⁶³ ‘Умар-аге, чтобы тот организовал волнения в подчиненном ему корпусе, стоявшем в авангарде почти у самой египетской столицы. Буйное и непредсказуемое поведение янычар привело Порту в замешательство. За советом Кёр-паша обратился к Франкини, и в результате было решено сообщить о происшествии Клеберу, дабы «не навлечь на Османскую Порту обвинений в недобросовестности»¹⁶⁴. В свою очередь Клебер, не зная,

¹⁵⁸ Подробнее об Эль-Аришских соглашениях см.: Чудинов А.В. Падение французского эль-Ариша. Декабрь 1799 г. // Французский ежегодник 2017. М., 2017. С. 55–93.

¹⁵⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 912. Л. 15. Traduction par extrait d'une lettre du Drogman Frankini.

¹⁶⁰ Там же. Л. 34. Journal de voyage, 12/23 Janvier 1800.

¹⁶¹ Там же. Д. 916. Л. 10. Lettre chiffrée du Drogman Frankini. Jaffe 7/18 Mai 1800.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Янычар-баши — командующий янычарским корпусом.

¹⁶⁴ Там же.

В шатре великого везира. Из книги Френсиса Спилсбери. 1799 г.

как обернутся события, и боясь быть застигнутым в городе, вывел войска из Каира¹⁶⁵ и двинул их навстречу османам. Началось сражение, турецкая армия была рассеяна, процесс передачи оккупированных территорий сорван.

Донесение Франкини от 11 мая 1800 г. добавляет деталей к краткому шифрованному сообщению. По его словам, солдаты привилегированных подразделений *дал кылыч*¹⁶⁶, уставшие терпеть «постыдное унижение» от французов, потребовали права войти в Каир «с оружием в руках», даст им на то разрешение верховное командование или нет. Спустя несколько часов в ставке садразама состоялся совет, на котором было решено проинформировать Клебера о настроениях янычар и потребовать от того начать немедленный вывод войск из столицы во избежание столкновения с османскими частями. После этого французский генерал-аншеф якобы и объявил о расторжении перемирия¹⁶⁷.

Данная информация показалась В.С. Томаре столь невероятной, что, получив шифровку, он не осмелился доложить о ней в Санкт-Петербург, решив уточнить у Франкини, правильно ли сотрудники посольства разобрали его депешу. Отдельное недоумение вызвало у посланника, от-

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Дал кылыч (тур. «обнаженные сабли») — элитные части янычарского корпуса, выполнявшие наиболее опасные задачи. Иначе они назывались *серденджечти* и выступали на острие атаки на вражеские позиции или при штурме крепостей.

¹⁶⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 915. Л. 43–43 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe, 30 Avril/11 Mai 1800.

куда его подчиненный взял столько денег на подкуп. Сам Франкини подобным количеством золота не располагал, а никто из лиц, способных одолжить ему подобную сумму, в посольство за возмещением не обращался¹⁶⁸. Однако осенью 1800 г., разбирая бумаги уже к тому времени покойного Франкини, В.С. Томара обнаружил в его счетах сумму в 12 тыс. пиастров, «позаимствованные им у Католических монахов под вексель и выданные в лагере Вер[хов]наго Визиря Янычарскому Аге»¹⁶⁹. А к началу декабря в посольство подоспело и требование монахов погасить этот вексель¹⁷⁰. Томара не стал платить по счету, передав вопрос на усмотрение своего начальства в Санкт-Петербурге.

Итак, перед нами документы, которые претендуют на сенсационность и требуют ответов на ряд вопросов. Насколько приведенная Франкини информация правдива? Действительно ли российскому агенту удалось путем диверсии сорвать Эль-Аришские соглашения, результатом чего стало сражение при Гелиополисе, разгром османской армии и затягивание на полтора года эвакуации французов из Египта?

Постараемся разобраться «за» и «против» этой версии.

Что может говорить в пользу того, что Франкини говорил правду? Во-первых, это его репутация. Защищая своего протеже от подозрений в стяжательстве, В.С. Томара писал в Санкт-Петербург, что Франкини «за все время служения своего не подал причины сомневаться в его честности»¹⁷¹. Имея во время похода немало возможностей обогатиться, надворный советник не оставил после себя никакого состояния, а лишь одни долги¹⁷². Вторым аргументом в защиту служит, безусловно, предьявленный монахами вексель.

Было еще одно обстоятельство, которое можно трактовать в пользу рассказанной Франкини истории. 23 марта, уже после поражения при Гелиополисе, на совещании в деревне Салихия янычар-баши 'Умар-ага высказался за то, чтобы прекратить сопротивление в Египте и уйти в Сирию. «Вследствие этого, — писал 'Иззет Хасан-эфенди, — было сочтено необходимым его покарать и отправить в отставку»¹⁷³. По принятой

¹⁶⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 81. Письмо В.С. Томары Франкини от 4/16 июля 1800 г.

¹⁶⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 225. Л. 145. Письмо В.С. Томары Ф.В. Ростопчину от 1/13 декабря 1800 г.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Там же. Письмо В.С. Томары гр. Ростопчину от 1/13 сентября 1800 г.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ *Ад-Дарендели*. Зийа-наме. С. 299.

Янычар-ага. Художник Пьер Дюфло. 1780 г.

у османов «византийской» манере наказания неугодных сперва ‘Умар-ага 16 апреля¹⁷⁴ был награжден титулом *мирмирана*¹⁷⁵ и назначен комендантом Эль-Ариша. Это позволило отделить янычар-баши от преданных ему солдат и офицеров корпуса, но не могло усыпить его бдительность. Франкини в донесениях обращал внимание на то, что ‘Умар-ага опасался лишиться головы в силу гнева садразама¹⁷⁶. По словам итальянца, новоназначенный комендант Эль-Ариша связался с ним «из своей ссылки», прося хранить их общую тайну и по возможности ему помочь¹⁷⁷. Однако «прошло немного времени, — с тайным удовлетворением констатировал ад-Дарендели, — как окончился отмеренный ‘Умар-аге срок жизни, и предал себя он на милость Аллаха Всевышнего [скончался. — Т.К.]»¹⁷⁸.

Подозрительным здесь кажется то, что ‘Умар-ага был сперва снят с должности, а затем, вероятно, и убит — как бунтовщик. Вряд ли констатация очевидного факта — о необходимости оставить Египет — могла стать основанием для смертного приговора: никто из других высоко-

¹⁷⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 23. Bulletin de Nouvelles. Jaffe 2/12 Avril 1800.

¹⁷⁵ Мирмиран (от *'амир аль-'умара'* — араб. «главный эмир») — османский почетный титул, предоставлялся двухбунчужным пашам и был равен титулу бейлербея.

¹⁷⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 23. Bulletin de Nouvelles. Jaffe 2/12 Avril 1800.

¹⁷⁷ Там же. Л. 10 об. Lettre chifree du Drogman Frankini. Jaffe 7/18 Mai 1800.

¹⁷⁸ *Ад-Дарендели*. Зийа-наме. С. 299.

поставленных сановников и военачальников, бежавших с берегов Нила, так наказан не был. Можно предположить, что были какие-то иные обстоятельства, повлиявшие на участь янычар-паши.

Однако аргументы, заставляющие сомневаться в рассказанной Франкини истории с произведенной диверсией и подкупом 'Умар-аги, более весомые.

Начнем с того, что причина разрыва Эль-Аришских соглашений хорошо известна историкам. Адмирал Джордж Э. Кейт (1746–1823), командовавший британским флотом в Средиземноморье, не имея соответствующих распоряжений из Лондона, отказался признавать отдельные договоренности и пропускать суда с вооруженными французскими солдатами. Дневниковые записи самого Франкини подтверждают, в какой панике пребывало османское командование, получив известия от адмирала Кейта и желая предотвратить возобновление военных действий¹⁷⁹. Достигнутое в Эль-Арише соглашение об эвакуации французов потеряло смысл, и Клебер решил нанести упреждающий удар.

Информации же об угрожавших французам волнениях в янычарском корпусе 18–19 марта 1800 г. нет ни в хронике каирца 'Абд ар-Рахмана аль-Джабарти¹⁸⁰, ни в записях личного летописца великого везира 'Иззет Хасан-эфенди ад-Дарендели¹⁸¹, ни в мемуарах находившегося в те дни в османском лагере Джона Мориера¹⁸², ни в письмах самого Клебера великому везиру и Наполеону Бонапарту¹⁸³. В беседах со своими военачальниками французский генерал-аншеф также не говорил ни слова о том, что поводом к расторжению перемирия стала угроза враждебных действий янычарского корпуса¹⁸⁴.

Российский исследователь А.В. Чудинов связал заявление Франкини с происшествиями начала марта 1800 г. 3 марта на городском базаре произошло столкновение между французскими солдатами и проникшими в столицу янычарами, беспорядки продолжались еще пару дней.

¹⁷⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 915. Л. 20–27. Journal de voyage. 27 Febrier/10 Mars – 7/18 Mars 1800.

¹⁸⁰ 'Абд ар-Рахман Аль-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта (1798–1801). М.: Наука, 1962. С. 250.

¹⁸¹ Ад-Дарендели. Зийа-наме. С. 284–285.

¹⁸² Morier J.P. Memoir of a Campaign with the Ottoman Army. P. 85–90.

¹⁸³ Kléber et Menou en Egypte depuis le depart de Bonaparte (Aout 1799 – Septembre 1801). Documents publiés pour la Société d'histoire contemporaine par M. François Rousseau. P.: A. Picard et fils, 1900. P. 248–252.

¹⁸⁴ Histoire scientifique et militaire de l'expédition française en Égypte. Vol. VII. P.: A.-J. Dénain et Delamare, 1834. P. 362–372.

Жертвы были единичными, однако эти стычки дали предлог французам потребовать отсрочки эвакуации из Каира¹⁸⁵. Франкини в письме от 8 марта упоминал об этих столкновениях, картину которых он собрал «из разных противоречащих друг другу рассказов»¹⁸⁶. Слухи, дойдя до российского агента, гласили аж о 30 погибших французах и 200 турках, пока «дела не были приведены в спокойствие и возвратились к своему первоначальному состоянию»¹⁸⁷.

Крайне подозрительным выглядит и то, что в донесениях Франкини, датированных мартом и апрелем 1800 г., не содержится никаких упоминаний либо даже намеков на произведенную им диверсию. Сообщения о подкупе янычар-паши появляются только в письмах от 11 и 18 мая. При этом 14 марта 1800 г., за несколько дней до баталии под Каиром, российский агент сетовал на безденежье¹⁸⁸, что плохо соответствует его возможностям дать крупную взятку.

Вместе с тем упомянутая Франкини сумма, якобы пошедшая на подкуп Умар-ага, фигурирует в другом майском письме надворного советника, причем опять-таки в связи с францисканскими монахами Святой земли. В сообщении от 26 мая 1800 г. Франкини писал, что Йусуф Зийа-паша потребовал у трех христианских монастырей Иерусалима — католического, православного и армянского — выдать ему заем в 180 тыс. пиастров. Деньги были нужны садразаму на сбор и содержание новой армии. Опасаясь вызвать недовольство союзников, он попросил подкрепить требование займа подписью российского агента. Франкини поставил автограф, но отметил, что практического результата это не возымело: францисканская община оказалась неспособна выдать османским представителям даже положенные ей к выплате 2 тыс. цехинов¹⁸⁹.

Прямых доказательств нет, но, исходя из имеющихся данных, можно сделать следующее предположение. В мае 1800 г. итальянец стал свидетелем и невольным участником истребования значительной суммы денег с иерусалимских монахов, из которых католическая община находилась в наиболее бедственном положении. Со времени Французской

¹⁸⁵ Чудинов А.В. Забытая армия. С. 196–197.

¹⁸⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 915. Л. 96 об. Lettera di Dragomano Franchini. Bilbeys, 25 Febbraro / 8 Marzo 1800.

¹⁸⁷ Там же. Л. 97 об.

¹⁸⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 915. Л. 67 об. Lettera di Dragoman Franchini. Kankié, 3/14 Marzo 1800 г.

¹⁸⁹ Там же. Д. 226. Л. 347 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa. 15/26 Maggio 1800.

революции и крушения династии Бурбонов в Кустодию Святой земли¹⁹⁰ перестали поступать дотации из Франции, а после переноса военных действий в Италию иссяк поток денег и с Апеннинского полуострова. В 1799 г. перестала приходить финансовая поддержка и из союзной Франции Испании. После высадки в Египте экспедиционного корпуса Наполеона Бонапарта, а в особенности после начала Сирийского похода, иерусалимские монахи-францисканцы стали жертвами гонений местных мусульман. Об этом сокрушались даже местные православные иерархи, не забывая, впрочем, подчеркивать, что и их община пострадала за оказанную францисканцам «братскую» помощь¹⁹¹. Немало должен был обеспокоить Франкини и состоявшийся в ноябре 1799 г. визит в Иерусалим коммодора Сиднея Смита. В город коммодор вступил под развевавшимся Юнион Джеком с изображенными на нем крестами и пообещал францисканцам взять под британскую протекцию все владения Кустодии в Палестине. Поразмыслив, монахи отказались отдать эту привилегию королю-некатолику¹⁹². При этом, считал Франкини, положение Кустодии после наделавшего шуму визита Смита в Иерусалим лишь ухудшилось¹⁹³.

В этих обстоятельствах Франкини мог договориться с францисканцами о выдаче им векселя под якобы позаимствованную сумму в 2 тыс. цехинов, которые требовал у них садразам. Эту сумму монахи могли получить в российском посольстве в Стамбуле и отдать Йусуфу Зийа-паше в Яффе. Наградой России стала бы признательность Кустодии, которую надворный советник избавил от разорения или репрессий османских властей. О деталях договоренностей между руководством

¹⁹⁰ Кустодия Святой земли (*лат.* Custodia Terræ Sanctæ) — подразделение ордена францисканцев, уполномоченного папой хранить святыни Римско-католической церкви в Палестине. Начиная с 40-х гг. XVIII в. приоритет в покровительстве католическому присутствию на Святой земле принадлежал Франции, однако руководство Кустодии сохраняло интернациональный характер. «Хранителем» (кустодом) традиционно назначался итальянец, его заместителем-«викарием» — француз, поверенным-«прокурором» — испанец.

¹⁹¹ *Неофит Кипрский*. Рассказ Неофита Кипрского о находящихся в Иерусалиме христианских вероисповеданиях и о ссорах их между собой по поводу мест поклонения. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 1. СПб., 1901. С. 28–30; *Максим Симский*. Продолжение истории патриархов. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 2. СПб., 1904. С. 90–92.

¹⁹² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 912. Л. 16–16 об. Traduction par extrait d'une lettre du Drogman Frankini.

¹⁹³ Там же. Д. 906. Л. 15 об. Nouvelles du Camp près de Jaffe, 8/19 Novembre 1799.

Кустодии и российским агентом судить трудно. Однако во взаимоотношениях царских властей и католиков Средиземноморья к тому времени уже случился знаменательный прецедент: Павел I за полтора года до того принял титул Великого магистра ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского ордена). Так почему бы российскому императору, а не его британскому коллеге в скором времени было не стать и покровителем католиков Иерусалима?!

Возможно, воспоминания о произошедших в начале марта столкновениях янычаров с французами в Каире и информация об опале и скоропостижной кончине янычар-паши навели Франкини на мысль: а что, если представить себя в качестве спускового рычага начавшегося необратимого процесса?! Поскольку сепаратную конвенцию Порты с командованием французского корпуса в Египте не удалось предотвратить, то отчего не получить лавры того, кому довелось разрушить перемирие, хотя бы ценой гибели всей османской армии?! Покойный Умар-ага уже не мог опровергнуть слова российского агента, и Франкини был вправе рассчитывать на награду и похвалу со стороны начальства в Стамбуле, а то и в самом Петербурге.

Конечно, речь идет о предположениях, мы никогда не узнаем, что было в мыслях у российского чиновника, спасшегося с остатками османского войска из Египта в Палестину. В защиту Франкини можно лишь сказать, что год похода сказался на нем крайне тяжело, а бегство через Синайскую пустыню нанесло мощнейший удар по его физическому и психологическому состоянию.

Последние недели

К лету 1800 г. Франкини уже не представал тем полным энтузиазма и здоровья 30-летним карьеристом, который год назад покинул Стамбул. Да и, судя по его письмам, все османское командование к тому времени являло плачевное зрелище. «Действительно, — писал он, — испытывать физические и моральные неудобства четырнадцати месяцев похода, подвергаться опасностям всех ужасов несчастливой войны, вдыхать грязные испарения и получать нездоровую пищу, — все это привело в жалкое состояние лиц, сопровождающих это правительство. В[еликий] визир, мучимый лихорадкой, чувствует себя более-менее сносно не более пяти дней кряду. Кехайя-бей, едва оправившись от серьезной болезни, переживает тяжелый рецидив, сейчас у него все

еще идет кровь. Рашид-эфенди, замещающий дефтердара, ни единого дня не чувствует себя хорошо. Я даже ничего не говорю о других эфенди и служащих, большую часть которых едва можно узнать. Армия не избежала ни злокачественной лихорадки, ни чумы, которая начала проявлять себя в пору, когда обычно она прекращается... Нет никого, — заключает Франкини, — кто не предпочел бы изгнание своему существованию в этой армии»¹⁹⁴.

Кульминацией года испытаний стало бегство с остатками османских войск в Палестину. Непосредственно перед переходом через пустыню Франкини потерял связь со ставкой садразама и, как сообщал в посольство, «среди криков и угроз, в суматохе убегающих, оказался в окружении разбойников, готовых на любое преступление»¹⁹⁵. Не видя ни одного знакомого лица, боясь стать жертвой произвола османских солдат или попасть в рабство к бедуинам, коллежский асессор договорился с подразделением дал кылыч о предоставлении ему защиты на условии выплаты 3 тыс. пиастров¹⁹⁶. На оказавшемся в беспомощном положении европейце стремились нажиться все: предоставившие ему гарантии безопасности янычарские командиры; охранявшие по ночам палатку солдаты; племенные шейхи, предоставившие убежище и верблюдов; османские служащие, заботившиеся о размещении в Газе и Яффе; лица, втрядорога продававшие еду драгоману и его слугам и корм для его лошадей и верблюдов. По словам Франкини, цена стакана воды в пустыне доходила до 20 пиастров¹⁹⁷ — столько же приставленный к нему янычар зарабатывал за месяц. Всего за время перехода от Каира до Яффы коллежский асессор утверждал, что потратил более 5 тыс. 700 пиастров, подробный отчет о чем он предоставил в посольство¹⁹⁸. Недостающие деньги он занял уже в Палестине у раис-эфенди, выдав взамен расписку от имени своего начальника¹⁹⁹. Российский агент в целости добрался до Яффы, но лишился в пути лошадей и практически всего имущества, включая «вещи первой необходимости, остаться без которых означает выйти за рамки всяких приличий»²⁰⁰.

¹⁹⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 917. Л. 39–39 об. *Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 1/12 Juillet 1800.*

¹⁹⁵ Там же. Д. 922. Л. 45. *Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.*

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. Л. 51 об. *Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.*

¹⁹⁸ Там же. Л. 51–52 об. *Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.*

¹⁹⁹ Там же. Л. 46. *Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.*

²⁰⁰ Там же. Л. 46 об.–47. *Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.*

Неимоверная дороговизна продуктов питания, царившая в Яффском лагере²⁰¹, усугубляла финансовое положение драгомана. А оно было отчаянным. По сути, Франкини пришлось заново заниматься снаряжением своей маленькой миссии, начиная практически с нуля. Письма этого периода балансируют на грани шантажа и мольбы. К психологическому стрессу, бытовым неудобствам, безденежью добавились и проблемы со здоровьем²⁰². У российского агента, произведенного к тому времени «за отличное усердие в службе и рачительное отправление должности»²⁰³ в чин надворного советника²⁰⁴, резко упало зрение. После бегства через пустыню он пожаловался на болезнь глаз²⁰⁵. В результате сперва 18 мая²⁰⁶, а затем 12 июля 1800 г. Франкини направил начальству прошение отозвать его из османской ставки, «учитывая, — писал он, — подорвавшееся здоровье, мою глазную болезнь, ежедневные опасности, которым я подвергаюсь, злокачественную лихорадку и чуму»²⁰⁷. Впрочем, если немедленный отзыв был невозможен, надворный советник просил предоставить ему четырех янычар и помощника, которому можно было бы доверить копировать документы, ни в коем случае не османского подданного. «Это позволит мне вздохнуть с облегчением, а в случае болезни найдется кто-нибудь, кто позаботится о моих бумагах»²⁰⁸, — обосновывал он свою просьбу.

Под Яффой и в целом в Палестине продолжалась эпидемия чумы, позволившая Бонапарту годом ранее совершить один из своих эффектных поступков, запечатленных кистью Антуана-Жана Гро. Но-

²⁰¹ Там же. Л. 47. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.

²⁰² Там же. Л. 52 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800..

²⁰³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 224. Л. 25. Канцелярская цидула КИД Томаре от 15 марта 1800 г.

²⁰⁴ Императорский указ от 14 февраля 1800 г. был доведен до сведения Франкини в апреле того же года (АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 921. Л. 51. Письмо В.С. Томары гр. Панину от 1/13 апреля 1800).

²⁰⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 922. Л. 47 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800. Дж. Мориер во время перехода через Синайскую пустыню также жаловался на глаза, которые начали болеть от нестерпимого блеска белого песка и мельчайших песчинок, поднимавшихся в воздух от малейших порывов ветра и от тысяч ног людей и животных (*Morier J.P. Memoir of a Campaign with an Ottoman Army. P. 43*).

²⁰⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 922. Л. 49 об. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa, 7/18 Maggio 1800.

²⁰⁷ Там же. Д. 917. Л. 39 об. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 1/12 Juillet 1800.

²⁰⁸ Там же.

Бонапарт посещает зараженных чумой в Яффе 11 марта 1799 г.
Художник Антуан-Жан Гро. 1804 г.

вая вспышка заболевания произошла в ноябре 1799 г. в еврейском квартале Иерусалима²⁰⁹. Очевидно, именно Святой город стал очагом распространения болезни. В июне 1800 г. Франкини писал, как в его доме остановился русский паломник о. Варлаам, возвращавшийся с поклонения храму Гроба Господня. Расположившись в комнатах, странник почувствовал легкое недомогание, которое быстро приняло тяжкую форму. Была диагностирована чума, и на третий день больной скончался. Страх заражения заставил российского агента перебраться в другой дом²¹⁰. Расходы на переезд и съем нового жилья Франкини покрыл, заняв 2500 пиастров у раис-эфенди²¹¹. На закупку нового конского экипажа, палатки и пр. он запросил у начальства еще 7–8 тыс. пиастров²¹². «Впрочем, — писал он посланнику Томары, — я готов просить В[аше] П[ревосходительство] о немедленном отзыве, если мое пребывание в лагере представляется дорогостоящим и ненужным»²¹³. При этом, требуя немалые суммы, сам Франкини не забывал баловать своего шефа небольшими подарками. Например, в начале июля 1800 г. отправил посланнику полюбившееся ему 20-летнее кипрское

²⁰⁹ Там же. Д. 907. Л. 59 об. Nouvelles du Camp près de Jaffe, 21 Novembre/2 Décembre 1799.

²¹⁰ Там же. Д. 916. Л. 65. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 5/16 Juin 1800.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же. Д. 917. Л. 40. Lettre du Drogman Frankini. Jaffe 1/12 Juillet 1800.

²¹³ Там же.

десертное вино командария, «совершенного качества, лучшее из тех, что можно найти»²¹⁴.

В.С. Томара не оставался глух к мольбам и проявлял заботу о своем протееже. В июне 1800 г. он выслал Франкини три пары увеличительных очков²¹⁵, а в августе согласился выделить дополнительно 7 тыс. пиастров для покупки нового походного экипажа взамен утраченного. Обосновывая траты, посланник писал императору, что «сохранение без ущерба влияния нашего в Правительстве турецком требует продолжения пребывания при Визире драгомана Российскаго»²¹⁶. В письме вице-канцлеру графу Н.П. Панину посланник делал акцент на известном как самому В.С. Томаре, так и его предшественнику В.П. Кочубею «безкорыстии» Франкини: «ибо в положении его при правительстве, которое всем торгует, легко было бы ему избыточествовать, а не нуждаться»²¹⁷. В результате рачительный Павел I распорядился выдать «надворному советнику Франкинию» только 3 тыс. пиастров на экипаж, а также повысить его месячное жалованье с 500 до 800 пиастров²¹⁸.

В последние дни жизни Энрико Франкини наконец-то появляется на страницах сторонних источников. На протяжении всего похода он оставался фактически «невидимой фигурой»: его имени не упоминают ни турок ад-Дарендели, ни британцы Джон Мориер и Сидней Смит, ни французы Ж.-Б. Пусьельг и Луи Ш.-А. Дезе. Однако «представитель России»²¹⁹ «синьор Франкини»²²⁰ фигурирует в сочинениях членов греческой монашеской колонии в Иерусалиме (так называемого «Свято-гробского братства»): архимандрита Максима Симского (ум. 1810), драгомана Иерусалимской патриархии и патриаршего наместника Прокопия Назианзина (1776–1822), за блестящее владение арабским языком прозванного турками «Араб-оглу» («Сын араба»), и в несколько более

²¹⁴ АВПРИ. Ф. 180 «Посольство в Константинополе». Оп. 517/1. Д. 4770. Л. 121. Lettera di Dragomano Franchini. Giaffa. 28 Giugno/9 Luglio 1800.

²¹⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 916. Л. 84. При этом В.С. Томара не преминул упомянуть их цену: 200, 150 и 90 пиастров за пару.

²¹⁶ Там же. Д. 917. Л. 14 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 1/13 августа 1800 г.

²¹⁷ Там же. Д. 921. Л. 3 об. Письмо В.С. Томары гр. Панину (без даты).

²¹⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 1. Л. 116. Рескрипт Павла I от 29 июля 1800 г.

²¹⁹ *Прокопий Назианзин Арабоглу*. Попираемый Иерусалим. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 2. СПб., 1904. С. 183.

²²⁰ *Максим Симский*. Продолжение истории патриархов. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 2. СПб., 1904. С. 92.

позднем труде секретаря патриархии Неофита Кипрского (ум. после 1844). Все эти летописцы отзываются о российском агенте с большой теплотой и признательностью: Максим Симский упоминает о миссии Франкини «защищать греческий монастырь»²²¹, Прокопий Назианзин называет его «помощником» православной общины²²², а Неофит Кипрский — «помощником и заступником» и «выдающимся человеком»²²³.

По сути, надворный советник оказался первым российским чиновником, вмешавшимся в межконфессиональную борьбу за Святые места Палестины. Католическая община Иерусалима находилась в крайней немилости османских властей вследствие французского вторжения в Левант, и противоборство развернулось между армянами и грекоправославными. Как сообщают греческие источники, армянам удалось дать взятку садразаму при посредничестве их соотечественника придворного *саррафа*²²⁴ Киркора²²⁵. В результате Йусуф Зийа-паша якобы издал тайный указ, «разрешающий Армянам беспрепятственно и свободно совершать свое обычное богослужение во всех общих местах поклонения в Иерусалиме, как внутри Иерусалима, в храме, так и вне Иерусалима, в Вифлееме и Гефсимании, воспрепятствующий Грекам препятствовать им в этом»²²⁶. Однако Франкини вместе с драгоманом Караджа, умиленно вспоминал Прокопий Араб-оглу, «вдохновенные божественною ревностью сообщили должное визирю и убедили его уничтожить постановление, которое он дал»²²⁷. Через три дня после этого армянский патриарх Иерусалима умер в Яффе «от горя и болезни»²²⁸, вероятно, от чумы.

Вскоре жертвой эпидемии пал и Франкини. 9 августа 1800 г. у российского драгомана проявились признаки заболевания, и 6 дней спустя он испустил дух. Британский врач Уильям Уитмен прибыл в османский лагерь незадолго до смерти Франкини и упомянул обстоятельства кон-

²²¹ Там же.

²²² Прокопий Назианзин Араб-оглу. Попираемый Иерусалим. С. 183.

²²³ Неофит Кипрский. Рассказ Неофита Кипрского о находящихся в Иерусалиме христианских вероисповеданиях и о ссорах их между собой по поводу мест поклонения. Материалы для истории Иерусалимской патриархии XVI–XIX веков // Православный палестинский сборник. Вып. 55. Ч. 1. СПб., 1901. С. 32.

²²⁴ Сарраф (от араб. *саррафа* — «продавать товары», «менять деньги») — меняла, оценщик монет. Саррафы, являвшиеся исключительно немусульманами, выступали также в качестве ростовщиков.

²²⁵ Неофит Кипрский. Рассказ Неофита Кипрского. С. 31.

²²⁶ Прокопий Назианзин Араб-оглу. Попираемый Иерусалим. С. 182.

²²⁷ Неофит Кипрский. Рассказ Неофита Кипрского. С. 32.

²²⁸ Там же.

чины последнего в своем сочинении²²⁹. О смерти российского агента «от моровой язвы» посланнику В.С. Томаре сообщил член Кустодии Святой земли францисканец о. Габриэль²³⁰. Для самого посланника уход его протееже из жизни стал личной драмой. «Я не в силах изъяснить перед Вашим Сия[тельство]м, — писал он фактическому главе Коллегии иностранных дел гр. Ф.В. Ростопчину (1763–1826), — душевного огорчения, с которым чувствую утрату надв. советника Франкиния»²³¹. Не доставил радости уход российского драгомана и османским властям в Стамбуле. Как писал Томара Павлу I: «Порта зделала привычку получать обстоятельныя новости тамошняго края чрез меня на жизньию покойнаго Франкиния»²³².

Незадолго до смерти надворный советник собрался с силами и уничтожил все имевшиеся у него секретные документы, включая шифры. Что касается остальных бумаг, то, как сообщал В.С. Томара, «за несколько часов перед кончиною, будучи свободен от сильной горячки», Франкини отдал их на хранение симпатизировавшему России бывшему раис-эфенди Расих-эфенди²³³. Своим братьям Энрико оставил «посредственной экипаж, нестоющей 5000 пиастров и многие долги, в числе коих 2000 пиастров надворному советнику Конюшенке»²³⁴.

²²⁹ Wittman W. Travels in Turkey, Asia-Minor, Syria, and Across the Desert. P. 137–138.

²³⁰ АВПРИ. Ф. ВКД. № 2. Р. 15. Оп. 2. Д. 4. Письмо от fr. Gabriele di Madrid, надзирателя монастыря Св. Гроба в Яффе.

²³¹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 225. Л. 99. Письмо В.С. Томары гр. Ф.В. Ростопчину от 1/13 сентября 1800 г.

²³² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 918. Л. 43 об. Реляция В.С. Томары Павлу I от 2/14 октября 1800 г.

²³³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/1. Д. 225. Л. 99. Письмо В.С. Томары гр. Ф.В. Ростопчину от 1/13 сентября 1800 г.

²³⁴ Там же. Л. 145. Письмо В.С. Томары гр. Ф.В. Ростопчину от 1/13 декабря 1800 г.

REFERENCES

1. *Arapov D.Y.* Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossijskoj imperii (poslednyaya tret' XVIII — nachalo XX v.) [The system of state regulation of Islam in the Russian Empire (the last third of the XVIII — early XX century)]. Moscow: MPGU, 2004 (in Russ.).
2. *Chudinov A.V.* Padenie francuzskogo el'-Arisha. Dekabr' 1799 g. [The fall of the French El Arish. December 1799] // Francuzskij ezhegodnik [French Yearbook]. Moscow, 2017. P. 55–93 (in Russ.).
3. *Chudinov A.V.* Zabytaya armiya. Francuzy v Egipte posle Bonaparta. 1799–1800 [The Forgotten Army. The French in Egypt after Bonaparte. 1799–1800]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2019 (in Russ.).
4. *Ersheva O.P.* Staroobryadchestvo i vlast' [Old Believers and power]. M.: Unikum-centr, 1999 (in Russ.).
5. *Kirillina S.A.* Ocharovannyye stranniki. Arabo-osmanskij mir glazami rossijskih palomnikov XVI–XVIII stoletij [Enchanted wanderers. The Arab-Ottoman world through the eyes of Russian pilgrims of the XVI–XVIII centuries]. Moscow: Klyuch-S, 2010 (in Russ.).
6. *Kobishchanov T.Y.* The «Greek Project» of Catherine II and Syria («Gretcheskii project» Ekateriny II i Siriya) // Vestnik Moskovskogo Universiteta, part 13. Oriental Studies. Moscow, 2017. Vol. 2. P. 3–25 (in Russ.).
7. *Kobishchanov T.Y.* Preodolevaya starye obidy: Osmanskij put' k podpisaniyu soyuznogo dogovora s Rossiej v 1798 g. [Overcoming Old Grievances: The Ottoman Way to the Signing of the Union Treaty with Russia in 1798] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal Istoriya [Electronic scientific and educational magazine History]. 2020. Vol. 11. № 98. P. 1–30 (in Russ.).
8. *Zheltyakov A.D.* Russko-tureckie kul'turnye svyazi [Russian-Turkish Cultural Ties] // [Rossiya i Vostok Russia and the East]. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2000. P. 105–138 (in Russ.).

Ключевые слова:

Россия на Ближнем Востоке, Большая игра, борьба за Святые места Палестины, Вторая антифранцузская коалиция, Французская экспедиция в Египет, Энрико Франкини.

Taras Y. Kobishchanov

ENRICO FRANCHINI'S WAR. RUSSIAN AGENT IN THE OTTOMAN CAMPAIGN AGAINST EGYPT (1799–1800)

At the end of the 18th century Russian diplomacy was both young and quite mature. The precision of bureaucratic procedures was naturally combined in it with the adventurism of loner heroes who had mastered hitherto unknown spaces. The names of many Russian pioneering diplomats are forgotten, as happened with the employee of the Embassy in Constantinople, a native of Tuscany Enrico Franchini (1769–1800). Franchini happened to become the first Russian employee in official status to march from Istanbul to Cairo, through Anatolia and Syria. Much was new to him in this short-lived mission in the Middle East. In 1798 for the first time, Russia and Turkey have entered an official alliance. It was Franchini, obviously, who happened to see the beginning of the dispute between Russia and the West over the Holy Places of Palestine and the first flashes of the «Big Game» between St. Petersburg and London for dominance in the Muslim East. Finally, Franchini claimed that it was he who broke the separate Ottoman-French treaty, which led to a new round of hostilities in Egypt. The presented article is devoted to the activities of this extraordinary diplomat.

Key words: Russia in the Middle East, the Big Game, the Struggle for the Holy Places of Palestine, the Second anti-French Coalition, the French Expedition to Egypt, Enrico Franchini.

Taras Y. Kobishchanov — Associate Professor of the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies.

 Кобищанов Тарас Юрьевич

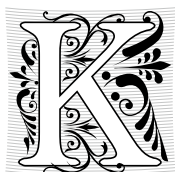
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.003

Д.Р. Жангиев

СИРИЙСКИЕ ПРОВИНЦИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ И РАЗВЕДКИ (1831–1840 гг.)

к началу XIX в. османская Сирия¹ уже неоднократно становилась объектом особого внимания российской внешней политики. Первым значительным проявлением военно-политических интересов Российской империи в отношении сирийских провинций Османской империи стали действия русского флота у сирийских берегов в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1773 г. русский десантный отряд, прибывший с эскадрой капитан-лейтенанта М. Кожухова, после успешной осады овладел Бейрутом и на протяжении нескольких месяцев занимал этот стратегически важный город. Действия русской эскадры и десантных войск проходили тогда при поддержке местных ополчений влиятельного палестинского шейха Дахира ал-Умара и эмира Горного Ливана Йусуфа Шихаба²,

¹ Историческое пространство Сирии (*араб.* Билад аш-Шам) приблизительно соответствует современным территориям Сирийской Арабской Республики, Иордании, Израиля, Палестины и Ливана, вместе взятым. К началу XIX в. на этой территории располагались четыре крупные провинции (эялеты) Османской империи — Дамаск (аш-Шам), Алеппо (Халеп), Сайда и Триполи (Тараблус).

² *Дахир ал-Умар аз-Зейдани* (ок. 1690–1775) — крупный арабский землевладелец в северной Палестине (Галилее), в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в союзе с фактическим правителем османского Египта Али-беом Будут Капаном

которые пожелали стать союзниками России и вступить под ее покровительство ради расширения своих владений³. Но в 1774 г. по условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора русский флот покинул Восточное Средиземноморье, что не позволило сбыться этим честолюбивым надеждам.

Во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. императрица Екатерина II и ее правительство готовили новую экспедицию русского флота в Средиземное море. В тайной дипломатической переписке с эмиром Горного Ливана Йусуфом Шихабом обсуждался переход его владений под российский протекторат в ходе возможного раздела османских владений и реализации «греческого проекта» Екатерины II. Но начавшаяся в 1788 г. война со Швецией не позволила перебросить силы Балтийского флота на Средиземное море⁴.

Первыми постоянными российскими представительствами в османской Сирии должны были стать консульство в Сайде и вице-консульства в Бейруте и Дамаске, учрежденные по повелению Екатерины II в 1785–1786 гг. Однако первые два из них были закрыты с началом Русско-турецкой войны 1787–1791 гг., а третье — в Дамаске — так и не успело тогда открыться. В последующие три десятилетия, вплоть до начала 30-х гг. XIX в., интерес российских властей к Сирии заметно ослабевает. Как в период союзнических отношений с Османской империей в 1799–1802 гг., так и в ходе Русско-турецких войн 1806–1812 и 1828–1829 гг. обстановка в сирийских эялетах находилась на периферии внимания российской дипломатии. Показателен тот факт, что даже в периоды военного союза с Высокой Портой⁵ в конце XVIII — начале XIX в. в сирий-

(1728–1773) выступил против османских властей в Сирии и через посредников наладил взаимодействие с командованием русского флота на Средиземном море.

Йусуф Шихаб (1748–1790) — представитель знатного ливанского рода Шихабов, правитель автономного эмирата Горный Ливан (с 1770 по 1789 г.) под османской властью.

³ Подробнее о действиях русского флота у берегов Сирии в ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. см.: *Кобищанов Т.Ю.* Бейрут под российским правлением. Ч. 2. Осада и оккупация (1773–1774) // *Вестник Российского университета дружбы народов.* Серия: Всеобщая история. 2019. Т. 11. № 1. С. 16–33; *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М., 2011. С. 333–413.

⁴ Подробнее об этом см.: *Кобищанов Т.Ю.* Греческий проект Екатерины II и Сирия // *Вестник Московского университета.* Серия 13. Востоковедение. 2017. № 2. С. 3–25.

⁵ Порта (также Высокая Порта, Блистательная Порта, от османско-турецкого «Баб-и Али» — Высокие врата) — принятое в европейской дипломатической традиции и публицистике наименование правительства Османской империи.

ских провинциях не было ни одного постоянного российского представительства, а защита интересов российских подданных, посещавших Святую землю, возлагалась на нештатных консульских агентов из числа проживавших в Сирии «левантинцев», которые находились в подчинении генерального консула России в Александрии⁶. Только в 1820 г. в связи с ростом числа русских паломников, прибывавших к берегам Святой земли, в Яффе было учреждено постоянное вице-консульство. Российские политические интересы в отношении османских владений в то время были традиционно сосредоточены на Балканах, чему в значительной степени способствовала греческая война за независимость 1821–1829 гг. Однако в 30-е гг. XIX в. ситуация существенным образом изменилась из-за Египетских кризисов 1831–1833 и 1839–1841 гг.

В 1831 г. могущественный и амбициозный наместник (*вали*) Египта Мухаммад Али-паша⁷ воспользовался в качестве предлога конфликтом с наместником соседнего Сайдского эялета Абдаллах-пашой и направил в Сирию армию под командованием своего старшего сына Ибрахим-паши. После взятия сильной крепости Акка и занятия Дамаска (1832 г.) Мухаммад Али-паша потребовал у султана Махмуда II (1808–1839) передать ему под управление все сирийские эялеты. В случае удовлетворения этих требований под властью Мухаммада Али оказалась бы обширная держава, включающая, помимо Египта и Сирии, ранее завоеванные им Аравию и Судан, а также о. Крит, полученный в качестве компенсации за участие египетских войск в подавлении греческого восстания. Несмотря на неудачу греческого похода войск Мухаммада Али-паши из-за вмешательства Великобритании, России и Франции в 1827 г., египетский наместник в начале 30-х гг. XIX в. располагал сильной 200-тысячной армией, обученной по европейским образцам, и сирийский поход был призван не только стать военно-политическим реваншем, но и создать условия для фактической независимости его государства под номинальным османским суверенитетом.

Мятеж Мухаммада Али-паши и особенно продвижение его войск из Сирии в Анатолию в 1832 г., создававшее прямую угрозу османской сто-

⁶ Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М. Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений / Институт востоковедения РАН. М.: Индрик, 2015. С. 15. Левантинцы (фр. *Levantine*) — условное обозначение потомков выходцев из различных европейских стран (преимущественно Италии и Франции), постоянно проживавших в османских владениях и воспринявших многие черты местной культуры.

⁷ Мухаммад Али-паша (ок. 1769–1849) — видный османский государственный деятель албанского происхождения, наместник Египта в 1805–1848 гг.

лице, сделали Россию тактическим союзником ее вчерашнего противника — Османской империи. Как отмечал в этой связи генерал Николай Николаевич Муравьев⁸, направленный тогда императором Николаем I в качестве своего личного эmissара в Константинополь, «России нельзя было оставаться равнодушною зрительницею, — и ни в каком случае не следовало допускать восстания подданного против своего властелина»⁹. Оккупация сирийских эялетов войсками Ибрахим-паши (1832 г.) была воспринята в Санкт-Петербурге как основание для оказания дипломатического давления на Мухаммада Али-пашу, а наступление египетских войск через Анатолию в направлении Константинополя побудило Николая I направить русские войска для защиты османской столицы, султана и его правительства. Мотивы этого стратегического шага Николая I, предпринятого под легитимистским лозунгом защиты законного османского престола, весьма точно изложил в своих воспоминаниях Н.Н. Муравьев: «Завоевание Турции Мехмед-Али-пашою (...) могло бы, с возведением нового лица на престол турецкий, возродить новые силы в сем упадающем царстве и отвлечь внимание и силы наши от дел Европы, а потому Государя особенно занимало удержание Султана на колеблющемся престоле его»¹⁰. Хотя сам Мухаммад Али-паша и отрицал обвинения в намерении свергнуть династию Османов, после разгрома османских войск в генеральном сражении при Конье в декабре 1832 г. было вполне очевидно, что египетский вали был способен как минимум подчинить султана и его правительство своему прямому влиянию и фактически подменить османскую власть своей собственной.

После прибытия эскадры Черноморского флота и десантных войск для защиты Константинополя генерал-лейтенант Н.Н. Муравьев продолжал консультировать османское правительство по военным вопросам и передавать в Санкт-Петербург разведывательные донесения о дислокации войск Ибрахим-паши в Анатолии и Сирии, которая оказалась в то время в фокусе внимания российской дипломатии и военной разведки¹¹. Стратегическое значение сирийских провинций особенно рельефно проявилось в ходе кампаний 1832 и 1833 гг., когда через них

⁸ Николай Николаевич Муравьев (впоследствии — Муравьев-Карский (1794–1866)) — русский военный и государственный деятель, генерал от инфантерии (1853 г.). В 1832–1833 гг. в чине генерал-лейтенанта находился с военно-дипломатической миссией в Константинополе и Египте.

⁹ [Муравьев Н.Н.] Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. II. М., 1869. С. 31.

¹⁰ Там же. Т. III. С. 2.

¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5303. Л. 42.

протянулись сухопутные коммуникации, связывавшие войска Ибрахим-паши с Египтом. В случае перерезания этих коммуникаций египетские войска в Анатолии оказались бы в стратегической «ловушке» за тысячу километров от своего источника снабжения на берегах Нила. Важно отметить, что в первые месяцы 1833 г. перспектива прямого столкновения русских и египетских войск в Анатолии выглядела вполне вероятной¹², а угроза возобновления военного конфликта между Мухаммадом Али-пашой и османским правительством сохранялась и в дальнейшем, несмотря на заключенное в мае 1833 г. перемирие. Этим объясняется то, что Н.Н. Муравьев во время пребывания в османской столице в 1833 г. составил подробное описание Сирии как возможного театра военных действий — с оценкой наиболее удобных маршрутов вторжения с моря (путем высадки десантов на побережье) и по суше, из Анатолии. В качестве оптимального, с военной точки зрения, пункта для высадки войск на сиро-ливанском побережье Н.Н. Муравьев рассматривал г. Тир, поскольку наступление со стороны Тира в обход Ливанских гор позволяло быстро перерезать коммуникации между Дамаском и Египтом¹³. Примечательно, что Н.Н. Муравьев отмечал не только важность проходящих через Сирию торговых путей, но и сакральное значение Святой земли. По его словам, «освобождение и охранение святых мест служило бы достаточною причиною к приобретению сей страны» одним из христианских «венценосцев»¹⁴. Религиозное обоснование интереса к Сирии как к возможному театру военных действий не было характерно для предшествующих десятилетий российской политики (в отличие от идеи оказания помощи православным единоверцам на Балканах), и его появление отражало новые перспективы активизации военно-дипломатической деятельности Российской империи в отношении османских владений.

После подписания Ункяр-Искелесийского договора¹⁵ в июне 1833 г. и завершения пребывания русских войск на берегах Босфора Николай I и его правительство были заинтересованы в подробной информации о по-

¹² Об этом, в частности, говорилось в записке генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича и в переписке командующего Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютанта барона Г.В. Розена. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5305. Л. 4; Д. 5309. Л. 1–15.

¹³ [Муравьев Н.Н.] Турция и Египет в 1832 и 1833 годах. Т. II. С. 81–83.

¹⁴ Там же. С. 80.

¹⁵ Ункяр-Искелесийский договор подписан в Константинополе 26 июня 1833 г. Получил название по местности Ункяр-Искелеси (на азиатском берегу Босфора), где располагался лагерь русских войск. Согласно договору между Россией и Османской империей устанавливались вечный мир и союзнические отношения.

Александр Осипович Дюгамель

ложении дел в Сирии, переданной, по условиям перемирия, под управление Мухаммада Али-паши. Н.Н. Муравьёв лично не посещал сирийские эялеты, но после его возвращения в Россию интерес российской разведки к Сирии явным образом повысился. Сирия стала объектом особого внимания со стороны нового генерального консула России в Египте (резиденция — в Александрии), полковника А.О. Дюгамеля. Александр Осипович Дюгамель (1801–1880) происходил из дворян Лифляндской губернии, отличился в ходе Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и при подавлении восстания в Польше (1830–1831). Ко времени назначения на должность генерального консула полковник А.О. Дюгамель был опытным военным разведчиком, офицером Гвардейского Генерального штаба с блестящим послужным списком в военно-топографическом депо, военном отделении русской миссии в Константинополе, а затем в Главном штабе. В 1833 г. в ходе подготовки и проведения Босфорской экспедиции русских войск полковник А.О. Дюгамель состоял при генерале Н.Н. Муравьёве, успешно провел переговоры с Ибрахим-пашой, а затем продолжил службу в османской столице при главнокомандующем экспедиционным корпусом графе А.Ф. Орлове. После прибытия в Египет А.О. Дюгамель установил доверительные деловые отношения с Мухаммадом Али-пашой и в своих донесениях самым обстоятельным образом характеризовал состояние дел в обширных владениях непокорного османского наместника. В донесении посланнику в Константинополе А.П. Бутенёву 18 (30) сентября 1834 г. полковник Дюгамель отмечал те трудности, с которыми столкнулись египетские власти в Сирии: «Весьма ошибаются, если думают, что могущество Мехмета-Али усилилось благодаря этому приобретению. Я полагаю

совершенно противное; по моему мнению, он ослабил себя тем, что раскинул так широко свои владения, ибо Сирия только поглощает его солдат и деньги, так как только вооруженной силой может он держать в повиновении эту страну»¹⁶. Поездки А.О. Дюгамеля по Египту и Сирии позволяли ему лично оценить состояние государственного управления и вооруженных сил Мухаммада Али-паши, а также настроения среди различных групп местного населения. Российский разведчик и дипломат уделил особое внимание Сирии: прибыв весной 1836 г. из Египта в Бейрут морским путем, он объехал всю страну от Алеппо (Халеба) на севере до Иерусалима и Яффы на юге, после чего вернулся в Александрию. Понимая, что сирийские владения Мухаммада Али-паши в любой момент могут вновь стать театром военных действий в случае возобновления прямого военного противостояния между ним и центральным османским правительством (как это и произошло в дальнейшем, в 1839 г.), российский генеральный консул справедливо отмечал ту ненависть, которую среди жителей Сирии, Ливана и Палестины вызывали обременительные налоги и воинская повинность, которую местные мусульмане воспринимали как невиданное бедственное новшество¹⁷.

Летом следующего, 1837 г. А.О. Дюгамель по распоряжению Николая I покинул Египет для получения нового высокого назначения на должность посланника в Иране¹⁸. Не без сожаления он прощался с Мухаммадом Али-пашой, признавая его выдающиеся личные способности: «Между турками, особенно за последнее время, найдется много таких, которые в совершенстве усвоили себе знание иностранных языков и внешний лоск европейского просвещения, но ни одного из них нельзя назвать гениальным человеком, каким несомненно был Мехмет-Али. Все знают его довольно темное происхождение. Он не получил никакого образования, не умел вовсе писать и читал очень плохо; но у него было то, чего не может дать никакое образование, чуткость в делах, знание людей и ум способный ко всяким высшим соображениям. Он мог бы быть опорой Оттоманской Империи, если б султан сумел привлечь его к се-

¹⁶ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885 г. Вып. 4. С. 517.

¹⁷ Там же. С. 523–524.

¹⁸ После описываемых в данной статье событий А.О. Дюгамель продолжил успешную карьеру на военной службе, выполнял дипломатические миссии в Иране, затем в Молдавии и Валахии, в 1861 г. назначен генерал-губернатором Западной Сибири, дослужился до чина генерала от инфантерии (1861 г.), стал сенатором и членом Государственного совета.

бе»¹⁹. Во время высочайшей аудиенции в Санкт-Петербурге Николай I высоко оценивал заслуги полковника А.О. Дюгамеля и с особым интересом расспрашивал его о Сирии, интересуясь вопросом о том, может ли какая-либо из христианских держав установить прочный контроль над этой страной в случае нового масштабного политического кризиса и развала Османской империи. «Ведь коли Турция развалится, кому-нибудь из нас придется завладеть святыми местами, так как оставлять их в руках мусульман крайне неприлично»²⁰, — заметил при этом император. А.О. Дюгамель был вынужден вежливо возразить государю, отметив, что «христианская армия нашла бы слабую поддержку в Сирии, потому что мусульмане там в огромном большинстве и никогда не будут равнодушно смотреть на утверждение христиан в самом сердце Азии»²¹.

Внимание императора и Военного министерства к ситуации в подконтрольной Мухаммаду Али-паше Сирии в 30-е гг. XIX в., помимо сообщений А.О. Дюгамеля, также подкреплялось донесениями двух других военных разведчиков: подполковника Департамента Генерального штаба Военного министерства Петра Петровича Львова (р. 1802 г.)²² и капитана Генерального штаба Иосифа Францевича Дайнезе (1802–1873)²³. Описание Сирии²⁴, составленное П.П. Львовым по результатам его поездки по стране в 1833–1835 гг., представляет собой уникальный по степени подробности и точности документ, содержащий сведения о географии, населении, системе управления и экономике Большой Сирии. Также П.П. Львов представил в Департамент Генерального штаба составленную им по итогам разведывательной миссии «военно-расспросную карту» — вероятно, первое в российской картографии подробное изображение Сирии, выполненное на основе глазомерной съемки маршрутов²⁵.

¹⁹ Там же. С. 525.

²⁰ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885 г. Вып. 5. С. 83.

²¹ Там же.

²² Подробнее о нем см.: Рыженков М.Р. Русский офицер в Сирии // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М., 1991. С. 173–177.

²³ Иосиф Францевич Дайнезе (итал. Dainese) происходил из итальянских дворян, поступил на российскую службу в 1817 г., приняв русское подданство. В 1847 г. был произведен в генерал-майоры, утвержден в потомственном дворянском достоинстве.

²⁴ [Львов П.П.] Сирия // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX в. М., 1991. С. 182–233.

²⁵ До этого в распоряжении Генерального штаба были только иностранные географические описания и карты ближневосточных арабских владений Османской империи.

Что же касается поездки другого российского военного разведчика, капитана Лейб-гвардии Павловского полка и адъютанта генерал-квартирмейстера Действующей армии И.Ф. Дайнезе, совершенной в 1838 г., то ее итогом стал сохранившийся в Российском государственном военно-историческом архиве «Доклад о Сирии в 1838 г.» («Memoire sur la Syrie en 1838») на французском языке. Капитан И.Ф. Дайнезе в своем докладе сосредоточивал внимание на дислокации войск Мухаммада Али-паши в Сирии и уровне их боеспособности, а также оценивал отношение жителей Сирии к египетским властям и вероятность восстаний, вызванных налоговым гнетом и рекрутскими наборами²⁶.

Ко времени поездки И.Ф. Дайнезе в Сирию (1838 г.) обстановка в стране существенным образом обострялась на протяжении уже нескольких лет из-за рекрутских наборов в египетскую армию, проводившихся сераскиром (главнокомандующим) Ибрахим-пашой среди местного мусульманского населения. Согласно докладу Дайнезе с 1834 по 1836 г. в войска Мухаммада Али-паши было призвано 25 тыс. жителей Сирии, Ливана и Палестины, осенью 1836 г. было принято решение о дополнительном наборе из расчета 15 чел. из каждой сотни мужчин призывного возраста, что позволило набрать еще 18 тыс. человек. В январе 1838 г. наборы в египетскую армию были продолжены²⁷, что воспринималось местными жителями как наихудшее бедствие. Его масштабы можно оценить с учетом того, что все население сирийских эялетов в 30-е гг. XIX в. едва ли превышало 1 млн 200 тыс. человек²⁸. Подполковник П.П. Львов следующим образом описывал стандартную процедуру призыва сирийских мусульман в египетскую армию: «Начальник города или округа, имея повеление об рекрутском наборе, весьма часто без определенного числа людей, выжидает или праздников, или торговых дней и потом, запирая мечети и городские ворота, силою захватывает годную для военной службы молодежь; выкуп зависит единственно от его произвола, и беднейшие семьи часто теряют трех и четырех взрослых работников»²⁹.

Массовое общественное недовольство воинскими наборами, тяжелыми налогами и финансовыми злоупотреблениями, которые, по выражению П.П. Львова, выражали «своеволие безусловной власти,

²⁶ РГВИА. Ф. 444. Оп. 1. Д. 55. Л. 16–24.

²⁷ Там же. Л. 15–16.

²⁸ [Львов П.П.] Сирия. С. 215.

²⁹ Там же.

Иосиф Францевич Дайнезе

направленное к средствам разорения края»³⁰, неоднократно приводило к вооруженным выступлениям против египетских властей в сельских районах Сирии — Хауране (к югу от Дамаска), Палестине, Джэбэль-Ансарие (на северо-западе страны), а также в Горном Ливане. Жестоко подавляя выступления и разоружая местных жителей, войска Ибрахим-паши сохраняли контроль над крупными городами и коммуникациями между ними, но стабилизировать обстановку в Сирии в целом им не удавалось. В связи с этим внимание российских разведчиков, посещавших Сирию в 30-е гг. XIX в., сосредоточивалось на двух основных темах: маршрутах для наступления в Сирию (как с севера, из Анатолии, так и от побережья Средиземного моря) и отношении населения Сирии к египетским оккупационным войскам.

В Санкт-Петербурге вполне оправданно рассматривали сирийские провинции в качестве театра военных действий в ходе будущего нового конфликта между султанским правительством и непокорным наместником Египта. Вместе с тем с учетом растущего интереса к Сирии также со стороны Великобритании и Франции и активизации прозелитической деятельности католических и протестантских миссионеров Николай I стал уделять особое внимание задаче оказания помощи и покровительства православным христианским общинам сирийских провинций. Император живо реагировал на поступавшие в Санкт-Петербург просьбы о помощи со стороны Иерусалимского и Антиохийского православных патриархов в вопросах сохранения контроля

³⁰ Там же.

православных церквей над Святыми местами и противодействия попыткам греко-католиков (униатов) склонить православную паству к переходу в унию с Римско-католической церковью. В целях более эффективного противодействия католической и протестантской пропаганде императору и Священному синоду требовалось более оперативно получать достоверные сведения из Сирии через компетентного и энергичного консульского представителя. В этих целях в 1839 г. по предложению посланника в Константинополе А.П. Бутенева и генерального консула в Александрии графа А.И. Медема в Бейруте было учреждено российское консульство³¹, которое возглавил выдающийся российский востоковед, дипломат и литератор греческого происхождения Константин Михайлович Базили (1809–1884)³². Он родился и провел детство в Константинополе, откуда впоследствии его семья переехала в Россию. Получив образование в знаменитой Нежинской гимназии и Ришельевском лицее в Одессе, Константин Михайлович Базили дружил с Н.В. Гоголем и ко времени назначения на должность консула в Бейруте проявил неординарные литературные способности как автор произведений «Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 годах», «Очерки Константинополя» (1835 г.), «Босфор и новые очерки Константинополя» (1836 г.). Наиболее значительным трудом К.М. Базили, научная ценность которого сохраняется и поныне, стала «Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях», впервые изданная в Одессе в 1862 г.

Хотя главными официальными задачами российского консула в Бейруте были отстаивание интересов православных общин Антиохийского и Иерусалимского патриархатов, а также обеспечение безопасного проезда русских паломников к Святым местам, круг его внимания в Сирии этим, разумеется, не ограничивался, особенно с учетом политической обстановки. К.М. Базили довелось наблюдать в 1839–1840 гг. новую фазу военного конфликта между Мухаммадом Али-пашой и османским правительством (Второй египетский кризис), начавшуюся с пораже-

³¹ С 1820 по 1839 г. единственным консульским представительством России в Сирии был вице-консул в Яффе, подчинявшийся генеральному консулу в Александрии. Об истории российской консульской службы в Сирии в первой половине XIX в. подробнее см.: *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений / Институт востоковедения РАН. М.: Индрик, 2015. С. 13–30.

³² Подробнее о жизни и творчестве К.М. Базили см.: *Смилянская И.М.* К.М. Базили — российский дипломат и историк Сирии // *Очерки по истории русского востоковедения.* Т. IV. М., 1959. С. 52–78.

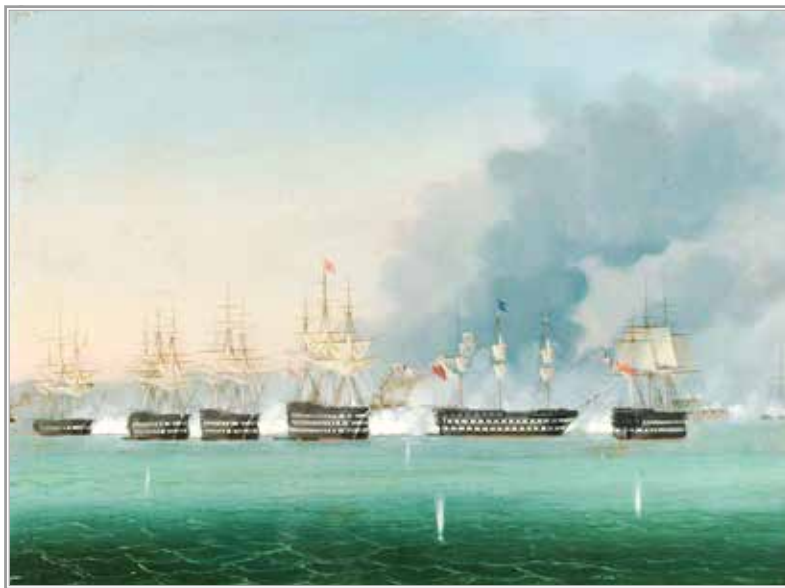

Константин Михайлович Базили

ния правительственной армии в сражении при Незибе (июнь 1839 г.) и завершившуюся осенью 1840 г. британской военной интервенцией³³ и капитуляцией Мухаммеда Али на условиях вывода египетских войск из Сирии, Анатолии и Аравии. Российский консул оставил подробное описание и глубокий анализ событий Второго египетского кризиса (1839–1841) в целом, в том числе мотивации и замыслов Мухаммеда Али-паши, британского и османского правительств. Важно отметить, что в числе причин британской интервенции, официальной целью которой считалось сокрушение военной мощи мятежного египетского наместника и возвращение Сирии под прямое управление султанских властей, К.М. Базили вполне обоснованно отмечал стратегические интересы Великобритании на морских торговых путях между Индией и Восточным Средиземноморьем: «С некоторых лет Англия с беспокойством смотрела на возрастающую силу Мухаммеда Али, владетеля Египта и Сирии, куда пролегают оба ближайшие ее пути в Индию. Она подозревала проекты его на Красное море и на острова Персидского залива. Она домогалась уничтожения паши и изгнания его из Сирии»³⁴.

³³ Интервенция британского флота и десантных войск, действовавших в Сирии совместно с османскими войсками, была предпринята в 1840 г. на основе совместного решения четырех великих держав (России, Великобритании, Австрии и Пруссии) и Османской империи, закрепленного в Лондонской конвенции 3 (15) июля 1840 г. Главной целью военных действий против Мухаммеда Али-паши было принуждение его к эвакуации египетских войск из Сирии (включая Ливан и Палестину) и возвращение сирийских провинций под прямое управление султанского правительства.

³⁴ Базили К.М. *Сирия и Палестина под турецким правительством в историческом и политическом отношениях*. М.: Мосты культуры, 2007. С. 244.

Бомбардировка Акки 3 ноября 1840 г. Художник Джеймс Кеннет Уилсон

В 30-е гг. XIX в. и особенно в ходе Второго египетского кризиса (1839–1841) стратегическое значение Большой Сирии (включая Ливан и Палестину) повысилось и стало объектом пристального внимания России и других европейских великих держав. Официальный Санкт-Петербург с 1833 г. проводил политику поддержки суверенитета Османской империи в конфликте Высокой Порты и Мухаммада Али-паши, полагая, что возвращение Сирии под власть султана представляет собой наилучшее решение в целях сохранения статус-кво. В случае же развития событий по «катастрофическому» сценарию (развал Османской империи под ударами Мухаммада Али-паши) Николай I допускал возможность направления войск в Сирию под лозунгом защиты местных православных христиан в целях недопущения аналогичных односторонних действий Великобритании и Франции. Активизация контактов с православными общинами Сирии и противодействие западному прозелитизму в связи с этим были заявлены как новое направление российской внешней политики на длительную перспективу. Направление в сирийские провинции Османской империи опытных российских разведчиков и дипломатов не только способствовало решению указанных задач, но и положило начало научному изучению Сирии в российском практическом востоковедении.

REFERENCES

1. *Kobishchanov T.Yu.* Bejrut pod rossijskim pravleniem. Chast 2. Osada i okkupaciya (1773–1774) [Beirut under Russian rule. Part 2. Siege and Occupation (1773–1774)] // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya [RUDN Journal of World History. Series: Universal History]. 2019. T. 11. № 1. S. 16–33.
2. *Kobishchanov T.Yu.* Grecheskij proekt Ekateriny II i Siriya [The Greek project of Catherine II and Syria] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie [Moscow University Bulletin. Series 13. Oriental Studies]. 2017. № 2. S. 3–25.
3. *Panchenko K.A.* Blizhnevostochnoe Pravoslaviye pod osmanskim vladychestvom. Pervye tri stoletiya. 1516–1831 [The Middle Eastern Greek Orthodox Community under the Ottoman Domination. The First Three Centuries. 1516–1831]. M.: Indrik, 2012.
4. *Ryzhenkov M.R.* Russkiy oficer v Sirii [Russian officer in Syria] // Siriya, Livan i Palestina v opisaniyakh rossiyskikh puteshestvennikov, konsul'skikh i voennykh obzorakh pervoy poloviny XIX v. [Syria, Lebanon and Palestine in the descriptions of Russian travelers, Consular and Military Reviews of the first half of the 19th century]. M.: Nauka, 1991. S. 168–181.
5. Siriya, Livan i Palestina v opisaniyakh rossiyskikh puteshestvennikov, konsul'skikh i voennykh obzorakh pervoy poloviny XIX v. [Syria, Lebanon and Palestine in the descriptions of Russian travelers, Consular and Military Reviews of the first half of the 19th century]. M.: Nauka, 1991.
6. *Smilyanskaya I.M. K.M.* Bazili — rossiyskiy diplomat i istorik Sirii [K.M. Bazili — the Russian Diplomat and Historian of Syria] // Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya [Essays on the history of Russian Oriental studies]. T. IV. Moscow, 1959. S. 52–78.
7. *Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya E.B.* Rossiya v Sredizemnomor'e. Arhipelagskaya ekspediciya Ekateriny Velikoy [Russia in the Mediterranean. The Archipelago Expedition of Catherine the Great]. M.: Indrik, 2011.

8. *Smilyanskaya I.M., Gorbunova N.M., Yakushev M.M.* Siriya nakanune i v period Mladotureckoj revolyucii. Po materialam konsul'skih donesenij / Institut vostokovedeniya RAN [Syria on the eve and during the Young Turk Revolution. Based on the materials of consular reports / Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences]. M.: Indrik, 2015.
9. *Yakushev M.I.* Antiohijskij i Ierusalimskij patriarhaty i politika Rossijskoj imperii 1830-e – nachalo XX veka [The Antioch and Jerusalem Patriarchates in the policy of the Russian Empire. 1830s – early XX century]. M.: Indrik, 2013.
10. *Zhantiev D.R.* Traditsiya i modernizatsiya na Arabskom Vostoke: reformy v siriyskikh provintsiyakh Osmanskoy imperii (konets XVIII – nachalo XX v.) [Tradition and Modernization in the Arab East: Reforms in the Syrian provinces of the Ottoman Empire (the end of XVIII – beginning of XX century)]. M.: Izdatel'skij centr ISAA pri MGU, 1998.

Ключевые слова:

Сирия, Османская империя, Россия, Мухаммад Али-паша, Египет,
Восточный вопрос.

Dmitriy R. Zhantiev

SYRIAN PROVINCES OF THE OTTOMAN EMPIRE IN THE FOCUS OF RUSSIAN DIPLOMACY AND INTELLIGENCE (1831–1840)

The article deals with the activities of Russian military intelligence officers and diplomats in the Syrian provinces of the Ottoman Empire during the occupation of Ottoman Syria by the troops of the Egyptian governor Muhammad Ali Pasha (1831–1840). The focus of the study is trips to Syria in the 1830s, made by Russian Consul General in Egypt A.O. Dugamel, Colonel P.P. Lvov, Captain I.O. Dainese, as well as the early period of activity of the Russian Consul in Beirut K.M. Bazili. The information they provided on the situation in Syria indicates that Emperor Nicholas I and the government of the Russian Empire paid close attention to the Syrian provinces of the Ottoman Empire and attached great strategic importance to Syria. In the event of the collapse of the Ottoman Empire under the blows of Muhammad Ali Pasha's army, Nicholas I admitted the possibility of sending troops to Syria under the slogan of protecting local Orthodox Christians to prevent similar unilateral actions by Great Britain and France. This plan was worked out until the end of the Second Egyptian Crisis (1839–1841) and the return of Syria under the rule of the Ottoman government. In addition, sending experienced Russian intelligence officers and diplomats to the Syrian provinces of the Ottoman Empire on important missions marked the beginning of the scientific study of Syria in Russian practical oriental studies.

Key Words: Syria, Ottoman Empire, Russia, Muhammad Ali Pasha, Egypt, Eastern Question.

Dmitriy R. Zhantiev — Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies.

 Дмитрий Рустемович Жантиев

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран
Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.004

Е.М. Копоть

**«РОССИЯ ИМЕЕТ В СИРИИ
НЕМАЛОВАЖНЫЕ ИНТЕРЕСЫ...»:
ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА НА ПОСТУ ГЕНЕРАЛЬНОГО
КОНСУЛА В БЕЙРУТЕ К.Д. ПЕТКОВИЧА
(1869–1896)**

Происхождение

К.Д. Петкович родился 28 августа 1824 г. в знатной болгарской семье в местечке Башино Село на р. Вардар в трех километрах от г. Велес (совр. республика Северная Македония)¹. Для получения образования он был отправлен в Россию и в 1842 г. поступил в Ришельевский лицей в Одессе. После его окончания с отличием 21 августа 1847 г. был зачислен на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1851 г. К.Д. Петкович успешно закончил *alma mater* «по разряду Общей словесности». Во время учебы участвовал в составлении болгаро-русского и русско-болгарского словарей. Профессора В.И. Григорович и И.И. Срезневский выделяли его способности и возлагали на него большие надежды в качестве филолога-слависта. В канун Крымской войны он посещает Прагу, Белград, Загреб, Солунь, Афонские монастыри, интересуясь древними памятниками славянской письмен-

¹ *Никодимова Г.* Три документа, свързани с жизненіе път на българския възрожденец Константин Петкович // *Езиков свят — Orbis Linguarum.* 2018. № 1. С. 97–101.

ности. После начала войны молодому слависту пришлось возвратиться в Россию и поступить на дипломатическую службу. «...Обстоятельства завлекли меня не в ту карьеру, для которой я готовил себя», — писал он своему учителю И.И. Срезневскому². По Высочайшему повелению от 20 октября 1853 г. К.Д. Петкович был определен на службу по ведомству Министерства иностранных дел с утверждением в чине коллежского секретаря. После начала военных действий находился в Бухаресте при дипломатической канцелярии главнокомандующего армиями, занимаясь переводами с болгарского, валашского, сербского языков и перепиской с пограничными сербскими начальниками, а «кроме того, исполнял некоторые секретные поручения»³. Одной канцелярской деятельностью его служба не ограничивалась. В 1853 г. «во все время осады в Силистрии находился при Главной Квартире и был посылаем при отрядах в окрестности сей крепости»⁴.

При отступлении русских войск из Дунайских княжеств состоял в качестве переводчика при командовавшем арьергардом генерал-адъютанте И.Р. Анреп-Эльмпте. По прибытии Главной квартиры в Кишинев находился при генерал-адъютанте А.Н. Лидерсе, а потом был командирован в Черновицу и Новоселицу, где оставался 5 месяцев для телеграфной переписки.

Принял присягу на подданство России 23 марта 1855 г. С конца августа 1855 г. по 24 апреля 1856 г. находился при дипломатической канцелярии Южной армии в Одессе, откуда по распоряжению МИД (18 апреля 1856 г.) был командирован в Бессарабию в Комиссию по разграничению России и Турции. После окончания войны приказом министра иностранных дел от 6 апреля 1857 г. был назначен секретарем генконсульства в Рагузе (Дубровник). 27 апреля 1857 г. К.Д. Петкович был пожалован орденом Святого Станислава 3-й степени. Он довольно быстро продвигался по службе. Высочайшим приказом по гражданскому ведомству 24 июля 1858 г. К.Д. Петкович назначен исполняющим должность консула в Рагузе, а 8 января 1859 г. приказом по министерству иностранных дел утвержден в этой должности⁵.

² Цит. по: Горбунова Н.М., Смилянская И.М. Российский дипломат и исследователь Ближнего Востока и Балкан К.Д. Петкович // Восточный архив. 2008. № 18. С. 28.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 159. Оп. 464/1. Д. 2613. Л. 2 об.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 3 об. — 4 об.

На период с 1859 по 1869 г. падает его наибольшая научная активность в сфере славистики⁶.

Из славистов в арабисты

В начале 1869 г. после конфликта с черногорским правителем Николаем I Негошем, К.Д. Петкович был переведен на должность генерального консула в Бейруте, где началась его беспрецедентно долгая 27-летняя сирийская служба, которая закончилась 5 декабря 1896 г. за год до смерти. Увлеченный славист уже во второй раз имел все основания сказать, что обстоятельства «завлекли» его не в ту карьеру, к которой он себя готовил.

Таковы основные вехи его биографии. В существующей отечественной историографии К.Д. Петкович представлен как выдающийся дипломат и исследователь Ближнего Востока, в основном благодаря работе Н.М. Горбуновой и И.М. Смилянской⁷, а также брошюре правнучки дипломата Е.Б. Гончаровой⁸. Привлечение документов Российского государственного исторического архива, Архива внешней политики Российской Империи, Отдела рукописей РНБ, Российского государственного военно-исторического архива, хронологически охватывающих весь период службы К.Д. Петковича в Бейруте (1869–1896 гг.), позволяет существенно дополнить эту сухую характеристику. Кроме того, предлагаемая работа имеет целью впервые ввести в научный оборот ранее не использовавшиеся тексты консульских донесений как самого К.Д. Петковича, так и свидетельства ряда выдающихся фигур русского присутствия на Православном Востоке (М.А. Черкасовой, митрополита Герасима (Яреда), В.Н. Хитрово и др.).

⁶ Петкович К.Д. Исторический очерк сербской православной общины в Рагузе // Русская беседа. М., 1859. № 3. Кн. 15. С. 1–20; Петкович К.Д. Черногорец Марко Мартинович, обучающий русских бояр (присланных Петром Великим в Венецию) мореплаванию и политическим наукам // Морской сборник. 1863. № 6; Путешествия из Вены в Москву в 1665 г. / Пер. с серб. К.Д. Петковича // Русский вестник. 1869. Т. 83. № 9.

⁷ Горбунова Н.М., Смилянская И.М. Российский дипломат и исследователь Ближнего Востока и Балкан К.Д. Петкович // Восточный архив. 2008. № 18. С. 27–34.

⁸ Гончарова Е.Б. Мой прадед К.Д. Петкович: просветитель, дипломат, исследователь славянских стран и Ближнего Востока. СПб., 2013. 39 с.

Константин Дмитриевич Петкович

Болгарская призма сирийского вопроса

Ключевым вопросом российской дипломатии в сиро-ливанском регионе были отношения с православным населением, сосредоточенным в рамках Антиохийской православной церкви. Как справедливо отмечает К.Д. Петкович, «главные опоры и основы нашего влияния на Востоке составляли и составляют еще православие и православные. Где этих основ не имеется, там мы чувствуем себя изолированными и не имеем под собою надежной материальной почвы. Замечено не раз, что православные на Востоке, отступая от православия, делаются жестокими врагами России и усерднейшими приверженцами Запада»⁹. Вторая половина XIX в. для сирийского православия прошла под знаком двух тенденций: греко-арабского противостояния и угрозы распространения протестантизма и католичества. Российские диппредставители зачастую выступали в роли непосредственных участников внутренней жизни патриархата¹⁰. В связи с этим взгляды российского дипломата имели ключевое значение. Важным фактором являлось этническое происхо-

⁹ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 445 об. – 446.

¹⁰ Например, по поводу участия К.М. Базили в выборах патриарха Иерофея в 1850 г. Порфирий (Успенский) отмечал: «Антиохийский Патриарх Иерофей, бывший архиепископ Фаворский, избран старанием Синайского архиепископа Константия и нашего консула Базили» (Порфирий (Успенский), арх. Книга бытия моего. Ч. IV. СПб., 1886. С. 309–310).

ждение генерального консула. Если уроженец Константинополя, сын эмигранта, приговоренного к смертной казни, — К.М. Базили¹¹ — нашел в России «новое отечество», но не забыл о том, что он грек, и явно благоволил высшей фанариотской иерархии во главе с Вселенским патриархом (по его настоянию выбор антиохийского патриарха происходил в Константинополе, а не в Дамаске), то болгарские корни К.Д. Петковича не замедлили о себе знать еще до его прибытия к месту службы. Назначение Петковича на должность состоялось в эпоху нараставшего греко-болгарского противостояния, завершившегося в 1872 г. Константинопольским собором, орос которого объявлял болгарскую церковь схизматической и обличал в ереси филетизма.

Поэтому неслучайно, что летом 1869 г., едва ступив на ливанский берег, К.Д. Петкович, видный деятель болгарского возрождения, имел готовую матрицу для решения спорных вопросов между высшей греческой иерархией Антиохийской церкви и ее арабской частью. В отличие от К.М. Базили, симпатии нового консула были всецело на стороне арабов. В 1869 г. конфликтом, волновавшим весь патриархат уже не одно десятилетие, была проблема замещения вакантной кафедры бейрутской митрополии.

Только направляясь к месту новой службы, К.Д. Петкович «имел случай встретиться в Сирийских портах со многими из духовных лиц и старшин Православных Арабов и говорить с ними о церковной распри»¹². Не успев еще как следует познакомиться со сложными перипетиями левантийской жизни, К.Д. в донесении поверенному в Константинополе Е.Е. Стаалю 18 июня 1869 г. заявлял: «Причины распри *такие же, какие и в Болгарии* (курсив мой — Е.К.): все единогласно жалуются на Патриарха, считая его виновником глубокого невежества, в каком находится ныне духовенство, и жалкого состояния Православия в Сирии...»¹³ Перспективы конфликта рассматривались им также через «болгарскую призму»: «Общее сочувствие арабского духовенства и народа к стремлениям Бейрутской Общины в распри ее с Антиохийским Патриархом может легко расширить границы местного церковного вопроса и сделать из Бейрутского обще-сирийский церковный вопрос *наподобие*

¹¹ Константин Михайлович Базили (1809–1884) — российский консул (1839–1843), генконсул (1843–1856) в Бейруте.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 39. Д. 67. Л. 14 об.

¹³ Там же. Л. 14 об.

Болгарского (курсив мой — Е.К.)...»¹⁴ При этом симпатии консула-славянофила были явно не на стороне греческого патриарха. По его мнению, уладить распрю можно было лишь «устранением всяких поводов к раздражению, а главное, удовлетворением со стороны Его Блаженства справедливых желаний и требований Православных Арабов»¹⁵. Спустя месяц взгляды молодого консула только укрепились: «Сирийский церковный вопрос, возбужденный по поводу избрания Бейрутского Епископа и с некоторого времени начинающий сильно занимать и волновать умы Православного Арабского народонаселения, объясняется и оправдывается, *подобно болгарскому церковному вопросу* (курсив мой — Е.К.), двумя главными причинами: крайним пренебрежением высшего греческого духовенства к духовным и материальным интересам Православных Арабов и пробуждением чувства народности в сих последних...»¹⁶ Всю ответственность за сложившуюся ситуацию он возлагал на греческую иерархию патриархата (невольно давая в том числе и оценку деятельности К.М. Базили, способствовавшего возведению на престол патриарха Иерофея): «Высшее Греческое духовенство в Сирии, не имея ничего общего с местным народонаселением по своему происхождению и языку, смотрит на свою паству как на предмет, доставляющий доходы, заботится главным образом об изыскании средств к увеличению этих доходов, и не только не принимало никаких мер для заведения школ и распространения просвещения между православными сирийцами, но даже, видимо, старалось держать низшее туземное духовенство и народ в глубоком невежестве, считая такое состояние вернейшим ручательством к удержанию в крае своего господства. Эта система, поддерживаемая и теперь Патриархом Иерофеем, привела к тому, что туземные священники как в селах, так и в городах, люди совершенно безграмотные...»¹⁷ Тем больше было удивление консула, когда перед ним постепенно открывалась картина внутренних конфликтов бейрутских нотаблей, стремившихся поставить под контроль *вакуфные*¹⁸ имущества самой состоятельной митрополии, используя для этого знамя борьбы с эллинской ксенократией, и «которые, к несчастью, не все руководятся

¹⁴ Там же. Л. 14–14 об.

¹⁵ Там же. Л. 14 об.

¹⁶ Там же. Л. 24.

¹⁷ Там же. Л. 24–24 об.

¹⁸ Вакф — согласно исламскому праву, имущество, доход с которого полностью или частично идет на цели благотворительности. В мусульманских государствах вакфы учреждались и христианскими жертвователями.

бескорыстными целями и побуждениями в деле об избрании Бейрутского епископа»¹⁹. В конечном итоге болгарину на русской службе пришлось быть арабом больше, чем сами арабы: «Я постарался свидеться с главными лицами общины и убедить их отставить в сторону всякое личное мелочное честолюбие, проникнуться общими интересами церкви и народности...»²⁰

Спустя 20 лет пребывания в Леванте, отношение К.Д. Петковича к православным арабам, которых он в известной степени идеализировал на заре дипломатической карьеры, значительно трансформировалось. В 1891 г. он уже не видел в их движении восстания народного духа, подобного болгарскому: «Из патриарших выборов, продолжавшихся в Дамаске столько месяцев и подавших повод к разным соблазнам не только для Христиан, но и для Мусульман, можно вывести следующую мораль: что Греки и греческие Епископы тверды и настойчивы до крайности в преследовании своих целей, и что в этом они не останавливаются ни перед какими средствами. Православные же Арабы, как старшины, так и Епископы, напротив, оказываются незрелыми, шаткими и не способными возвыситься до сознания высших церковных и народных интересов. Понятие об общем благе, о личном самоотвержении не находит места в их сознании. Они руководствуются скорее минутными впечатлениями, своекорыстными соображениями и выгодами и интересами — настоящими, а не будущими. Нельзя сказать, чтобы такие нравственные качества составляли вообще отличительную черту арабской расы, потому что арабы-мусульмане и христиане других исповеданий вовсе не похожи в этом отношении на православных»²¹. Всю меру ответственности за такое состояние сирийцев он по-прежнему возлагал на греков: «Следует поэтому признать, что дурные качества православных Сирийцев происходят от их воспитания, или, лучше сказать, от недостатка всякого образования и воспитания, а в этом виноваты Патриархи Греки, заинтересованные в том, чтобы держать в глубоком невежестве как духовенство, так и народ»²². Интересно, что полстолетия назад первый российский генконсул в Бейруте грек К.М. Базили видел корни зла там же, где и К.Д. Петкович, но без акцента на национальном вопросе. Как следует из письма К.М. Базили А.Н. Муравьеву от 28 мая 1841 г.:

¹⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 39. Д. 67. Л. 28 об.

²⁰ Там же. Л. 30–31 об.

²¹ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 113. Л. 144–144 об.

²² Там же. Л. 145.

«... Чем короче знакомлюсь с делами края, тем сильнее убеждаюсь в том, что главный источник бедствий Церкви в Сирии — невежество духовенства и его нерадение о духовном воспитании народа»²³.

Начальное образование как основа формирования идентичности занимало важное место в размышлениях всех, кто погружался в жизнь Леванта. К.Д. Петкович отмечал тесную связь между низким уровнем просвещения и сокращением православной паствы патриархата: «Школьное дело в пределах Антиохийской православной Патриархии вообще находится в самом плачевном и безнадежном состоянии, а вследствие этого и само православие находится в большей опасности, чем когда либо, ибо оно, предоставленное самому себе (православные Сирийцы вообще), без надлежащей поддержки и защиты со стороны высшей духовной власти, не в силах бороться с католиками, униатами и протестантами, располагающими огромными средствами и отличающимися необыкновенным рвением и настойчивостью в деле пропаганды. Невежественные массы православного сирийского народа, не находя поучения и наставления ни в храме, ни в школе в духе своей церкви легко поддаются соблазну иноверцев»²⁴. В унисон консулу атеист по взглядам востоковед А.Е. Крымский подтверждал, что «положение здешних православных арабов, составляющих, кстати сказать, большинство, хуже положения католиков и маронитов не только в смысле незащитности перед турками, но и в смысле деморализации. Католики основали здесь колледжи с очень сносной программой, основали также медицинский факультет. У православных нет даже начальных школ порядочных...»²⁵

Таким образом, вопрос о сохранении православия в Сирии превращался в вопрос о реализации образовательных инициатив в регионе.

«Каменная стена» школ Палестинского общества в Бейруте

Одной из немногих практических сторон присутствия Российской империи в сиро-ливанском регионе было осуществление школьной дея-

²³ Переписка Константина Михайловича Базили и Андрея Николаевича Муравьева (1839–1852) / Подгот. текста И.Ю. Смирновой // ППС. Вып. 103. М., 2005. С. 56.

²⁴ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 718–718 об.

²⁵ Цит. по: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р. Неопубликованные письма А.Е. Крымского А.Н. Веселовскому из Бейрута (1897 г.) // Восточный архив. 2021. № 1 (43). С. 31.

тельности Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО) в пределах Антиохийского патриархата. Между консульством в Бейруте и главными деятелями Общества в С.-Петербурге сложились союзнические отношения. Причина сближения К.Д. Петковича и руководства Палестинского общества крылась в их общем взгляде на греческую иерархию региона как основную причину кризиса ближневосточного православия. Приступая к реализации образовательной программы Общества, В.Н. Хитрово²⁶ в письме архимандриту Антонину (Капустину) 13 июня 1883 г. верно подмечал: «Нам приходится поневоле опираться на бейрутского Петковича, который пока всею душою к нам расположен и готов нам помогать, не любя греков»²⁷. Чуть позже, в письме (26 марта 1884 г.) самому консулу В.Н. Хитрово называл его «каменной стеной» Общества, человеком «без заискивания и без задней мысли, преданным делу Палестинского Общества»²⁸. Сообщая о посещении Бейрута М.П. Степанову²⁹, он пишет, что «второго Константина Дмитриевича не найдешь, мало того, хоть по всему побережью прокатись и не найдешь»³⁰. И далее: «Пока Петкович в Бейруте, мы можем быть спокойны...»³¹ Однако насколько формальные декларации высокого начальства совпадали с реальностью, позволяет понять история школ М.А. Черкасовой.

Начало им было положено миссионеркой М.А. Черкасовой в бейрутском квартале Мсайтбе 22 сентября 1887 г. В отсутствие широких торговых связей логично было предполагать энергичную поддержку российской дипломатией данной гуманитарной инициативы. В подобном апологетическом ключе это описывает и позднейшая историография. Как пишет в 1907 г. официальный историограф Общества А.А. Дмитриевский, К.Д. Петкович «принял ее весьма любезно, при-

²⁶ *Василий Николаевич Хитрово* (1834–1903) — член Совета Палестинского Общества (с 1884 г.), секретарь Общества (1889–1903).

²⁷ *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века (1882–1907). Историческая записка, составленная по поручению Совета Общества профессором А.А. Дмитриевским. Вып. 1. СПб., 1907. С. 236.

²⁸ Там же. С. 257.

²⁹ *Михаил Петрович Степанов* (1853–1917) — генерал от кавалерии (1910), член-учредитель Императорского Православного Палестинского Общества (1882), секретарь Общества (1882–1889), в дальнейшем — помощник председателя Общества.

³⁰ *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское... С. 257.

³¹ Там же.

Канцелярия генерального консульства в Бейруте.
Фотография А.А. Гагарина, 1890-е гг.

ложил на первых порах немало стараний к тому, чтобы удобно во всех отношениях устроить ее на новом месте»³². По мнению современного исследователя Н.Н. Лисового, «генеральный консул... помог найти удобное помещение»³³. Н.А. Лагузова и вовсе резюмирует: «Поддержанная на самых первых порах генеральным консулом в Бейруте К.Д. Петковичем школа была вручена М.А. Черкасовой...»³⁴ Однако сохранившиеся архивные источники не только не подтверждают данное представление, но и заставляют его полностью пересмотреть.

Школа, как писала об этом 30 сентября 1887 г. сама М.А. Черкасова, открылась «тихо, скромно и смиренно, то есть без лишнего шума и шумных торжеств, *не было ни Консула, ни Митрополита* (курсив мой — Е.К.); отслужил молебен местный священник, помолились ближайшие прихожане»³⁵. К.Д. Петкович уклонился от присутствия на церемонии, чтобы избежать возможных (и, подчеркнем, маловероятных)

³² Там же. С. 285.

³³ Лисовой Н.Н. М.А. Черкасова и школы Императорского Православного Палестинского Общества в Бейруте / Смелянская И.М. (отв. ред.). Встречаясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие. Сборник статей. М., 2013. С. 446.

³⁴ Лагузова Н.А. Школьная деятельность Императорского Православного Палестинского Общества в 1905–1914 гг. // Иерусалимский Православный семинар. Вып. 3. М., 2012. С. 125.

³⁵ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 32.

запросов со стороны турецких властей по поводу правовых оснований для открытия учреждения.

В своих донесениях в Константинополь и С.-Петербург К.Д. Петкович регулярно подчеркивал необходимость просветительской работы среди православных арабов, их поддержку в борьбе с инославными миссионерами и упрекал высшее греческое духовенство в пренебрежении своими обязанностями в отношении арабской паствы: «Находясь в Сирии на службе около 25 лет, я постоянно обращал внимание, кого следует, на это опасное для нашей Церкви положение дел. К несчастью, Антиохийские Патриархи никогда не думали и не заботились о просвещении православных Сирийцев. Никто из них не находил ненормальным и опасным для православной паствы то, что во всей Антиохийской Патриархии не имеется ни одного православного духовного училища»³⁶. В реальности, как видим, эти благие пожелания не сопровождались активной деятельностью с его стороны, оставаясь достоянием дипломатической почты, и лишь немногим отличались от позиции критикуемых им святогробских архиереев.

Наиболее ярко отношение генконсула характеризует ситуация, произошедшая между ним и учительницей в конце сентября 1887 г. «Перед отъездом в Иерусалим я зашла к нему (К.Д. Петковичу. — *Прим. авт.*) посоветоваться, куда мои вещи поставить, он предупредил мою просьбу, говоря: “Мой дом не для того существует, чтобы вещи ставить”³⁷. “Да я о доме не говорю, я говорю о консульском дворе”. Однако так меня поразило это скаредство, что я оставила вещи в мужской школе»³⁸. Как и следовало ожидать, вещи учительницы были впоследствии украдены. Сложно точно определить, чего в этих полутонах было больше: дворянского, аристократического мировоззрения, снобизма дипломата на многолетней службе или заносчивости его превосходительства действительного статского советника.

«Но что меня поразило более всего, так это то, что консул отрекся мне в глаза от прежде сказанных им слов о доме не для вещей, как будто не мне же в глаза он их и говорил. Я смотрела на него, слушала и ушам своим не верила! Да! Консула у нас — слава России, не только помощи от них нет Русскому делу, но всякий искренно желающий служить Православной Церкви Русской, более всего должен опасаться

³⁶ Там же. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 719 об.

³⁷ Там же. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 38.

³⁸ Там же.

подводных камней именно у подъезда Консульства. <...> Но Бог с ним, в дом его мы редко заглядываем, здесь в Бейруте живу я 5 месяцев, а еще не имела чести выпить у него в семье ни чашки чая, не говоря о завтраке. Вы понимаете, многоуважаемый М.П. (М.П. Степанов. — *Прим. авт.*), что не нужен мне его хлеб, Господь кормит меня, слава и благодарение Ему, и верую, что и впредь Он не оставит меня. Участие дорого»³⁹, — бескомпромиссная характеристика, к которой сложно что-либо добавить.

Спустя три года отношения между главной русской деятельницей на ниве народного просвещения в Бейруте и консулом так и не претерпели положительных изменений. «Вообще он, — писала в 1890 г. М.А. Черкасова о К.Д. Петковиче, — имеет обычай жаловаться, что я не езжу к нему и приглашает даже обедать, или говорит, что приглашает, между тем, мне довелось несколько раз крайне усталой заехать к нему из города, застать его садящимся завтракать, что же Вы думаете. Он не только не пригласил меня, даже заметил: «Разве вы не знаете, что я в 12 часов завтракаю», — и запер мне на носу дверь. И это не один раз случалось, что задерживая делами в городе, заедешь к нему на минуту по делу, и если он за столом, так и проходишь перед дверями около часу в коридоре, где на вас только кавасы с удивлением смотрят, что это де за барыня, что ее за дверями держат пока господа откушают. И после всего этого хватает духа пожаловаться, что я не езжу. Да мне просто совестно, я в жизни своей не видела такого обращения»⁴⁰. Когда учительница обратилась в консульство за помощью в составлении контракта о найме помещения для школы, «еще не понимая по-арабски», то обнаружилось, что генконсул «крайне оскорбляется: мое ли дело нанимать вам дом», «да не нанимать, он нанят, а контракт!» — уточняла Мария Александровна. Особенно она подчеркивала надменный характер отношений действительного статского советника К.Д. Петковича к русским подданным: «Не слышит, кричит как фельдфебель на новобранцев — не мое дело и прочие неприличные грубости»⁴¹.

Разительным образом официальные отчеты об открытии школы отличались от того, что происходило «на земле». Вот как описывал участие консульства К.Д. Петкович в письме к В.Н. Хитрово: «После дол-

³⁹ Там же. Д. 425. Л. 38 об. — 39.

⁴⁰ Там же. Д. 426. Л. 133.

⁴¹ Там же. Д. 426. Л. 131 об.

гих поисков и хлопот” был нанят дом под школу для приходящих девочек за 4,500 пиастров...»⁴². Однако генеральное консульство не только не помогало с поиском и наймом помещения, но скорее противодействовало в этом вопросе. «Более всех помех в открытии школы, равно и в найме квартиры, имела я именно от тех, кто должен был помогать мне в этом...»⁴³, — так характеризует М.А. Черкасова роль российского дипломатического представительства. Парадоксальным образом оба описания являются по-своему правдивыми.

Арабские драгоманы как проблема российской дипломатии

Здесь мы впервые сталкиваемся с теми самыми «подводными камнями» у подъезда консульства — драгоманами, которые пытались нажить-ся при найме помещения для школы и создавали упомянутые консулом «хлопоты». Консульские драгоманы из семьи Шахаде⁴⁴, как пишет М.А. Черкасова, «ненавистны всем почти арабам, но все их боятся и потому льстиво преклоняются пред их малейшим желанием»⁴⁵. Салима Шахаде «все здесь знают за масона, за атеиста и за человека, живущего открыто, заведомо с женою одного православного фотографщика, <...> католичкою, которая и распоряжается всеми делами Консульства посредством Шааде (сына), получая взятки с приходящих к ней и отбирая деньги (жалование) от Шааде, находящегося у нее под башмаком. И это открыто заведомо всем, все знают и все боятся»⁴⁶. Власть своих драгоманов (отца и сына) понимал и сам генеральный консул, который признавался, что «знает давно их за мошенников, но что он не может отослать их...»⁴⁷. «Кажется и консул боится их, — резюмировала М.А., — и здесь

⁴² Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское... С. 285.

⁴³ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. № 425. Л. 36 об. — 37.

⁴⁴ Салим Михаил Шахаде (1848–1907) — видный деятель сирийского возрождения — Нахды. Поступил на службу в русское консульство драгоманом, как и его отец. В течение 17 лет возглавлял православное благотворительное общество в Бейруте. Вступил в Сирийское научное общество в 1868 г. Работал французским редактором в «Хадикат аль-Ахбар» и сотрудником Халиля аль-Хури (*Groiss A. Religious particularism and National integration Religious particularism and National integration: changing perceptions of the political self-identity among the Greek-Orthodox Christians of Greater Syria, 1840–1914. Ph.D. Princetone University. 1986. P. 41–42).*

⁴⁵ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 36 об.

⁴⁶ Там же. Л. 37–37 об.

⁴⁷ Там же. Л. 36 об.

выражаются так: “Лежит консул в люльке (один из Шааде), одна нянька качает его, другая (сын ли, отец) прислушивается за дверьми, заснула ли, чтобы пустить в ход свои машины”⁴⁸. Доведенная до отчаяния, она заявляла, что консул вместе с Шахаде могут стать причиной разорения всего школьного дела в Бейруте.

Забегая вперед, важно отметить, что это было характерным явлением не только для самого К.Д. Петковича, но и для всей дипломатической службы России в регионе. Ни К.Д. Петковичу, ни его преемникам К.Н. Лишину и А.А. Гагарину так и не удалось полностью избавиться от влияния Шахаде. Проблему драгоманов А.Е. Крымский подчеркивает в письме своему учителю А.Н. Веселовскому в 1897 г.: «Нынешний консул кн. Гагарин — человек честный, но совершенно не способный к управлению и во всем зависящий от драгомана, а драгомана все православные проклинают за взяточничество. Я вчера был по делу в консульстве и нечаянно попал на преинтересную сцену: два горца пришли жаловаться на новый непосильный налог (точнее — вымогательство) и униженно просили заступничества у драгомана. Он, зная, что я понимаю уже по-арабски (так как с ним я всегда говорю по-арабски), сказал им: “Подождите, пока придет князь. А я-то что могу сделать?” Но они, очевидно, хорошо понимая положение дел, продолжали кланяться и говорить: “Что там князь! Ты только защити нас!”»⁴⁹ А.А. Гагарин, разбирая наследие К.Д. Петковича, вместе с А.Е. Крымским мечтал «для начала выжить драгомана, торгующего русским правосудием»⁵⁰.

Источники позволяют зафиксировать, что спустя десятилетие это так и осталось в ряду благих пожеланий. Сотрудник ИППО П.И. Рязский в 1906 г. во время инспекции южно-сирийских школ в письме вице-председателю Общества Н.М. Аничкову отзывался о С. Шахаде следующим образом: «... Будучи правой рукой консула, благодаря своим несомненным достоинствам и осведомленности, он пользуется и торгует русским влиянием не без выгоды для своих личных целей, но не всегда с выгодой для русского дела»⁵¹. Как иронично писал А.Е. Крымский о дальнейшей карьере Салима Шахаде: «Всесильный» драгоман «благодаря “незаменимой” его службе в российском консульстве, как фактиче-

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Цит. по: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р. Неопубликованные письма... С. 31.

⁵⁰ Крымский А.Е. Письма из Ливана (1896–1898). М., 1975. С. 60.

⁵¹ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 434. Л. 21.

ский верховод всех дел российского консульства, дожил, стареясь но не дряхлея, до 1907 г.»⁵².

Таким образом, очевидно, что К.Д. Петкович не только не выделялся на общем фоне бейрутских дипломатов, но сложившаяся на рубеже 60–70-х гг. система отношений была унаследована его преемниками и надолго пережила своего создателя. Можно сказать, что здесь мы сталкиваемся с русской версией европейского феномена враждебного отношения к должности, которая стала синонимом ненадежности, неумелости и вероломства и которая образно была названа Дэвидом Урквартом «драгоманией»⁵³. И если английской дипломатии удалось побороть эту болезнь, то российский МИД в Леванте так и оставался долгое время то ли «под башмаком» любовницы С. Шахаде, то ли младенцем в семейной «люльке» драгоманов.

Продолжением этой зависимости от драгоманов-посредников уже греческого происхождения была ситуация с внештатным вице-консулом в Триполи А. Кацефлисом, который был одним из инициаторов триполийской распри в 1887–1890 гг.⁵⁴ В течение трех лет между жителями портовой части города (аль-Мина) и внутренних районов (и региона аль-Кура) шла острая борьба за замещение должности местного митрополита. Церковный конфликт, ставший выражением борьбы группировок внутри триполийской православной элиты, направлялся руками российского вице-консула. В то же время все распоряжения генконсульства в Бейруте в течение трех лет клонились к его прекращению. «Я не перестаю употреблять все свои усилия к примирению враждующих сторон и отклонению угрожающих Православной Церкви опасностей»⁵⁵, — докладывал в посольство о своих действиях в Константинополь К.Д. Петкович. Неоднократные письменные приказания генконсула, а равно как и жалобы антиохийского патриарха Герасима (Протопапаса) на А. Кацефлиса, успеха не имели. Получив предписание бейрутского генконсульства

⁵² Крымский А.Е. История новой арабской литературы (XIX — начала XX века). М., 1971. С. 601.

⁵³ *Cunningham* A. The Dragomans of the British embassy at Constantinople / Eastern Questions in the 19th century: collected essays / by Allan Cunningham; edited by Edward Ingram. Vol. 2. London, 1993. P. 1.

⁵⁴ Подробнее: *Копоть* Е.М. «Триполийская церковная распря» (1887–1890) в контексте русского влияния в Антиохийском патриархате в конце XIX в. (по материалам АВПРИ) // Вестник Московского университета. Востоковедение. Сер. 13. 2012. № 4. С. 83–94.

⁵⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 66–66 об.

«воздерживаться от всякого вмешательства в дела Триполийской церкви», он по-прежнему продолжал «принимать деятельное участие в преследовании Митрополита Софрония путем составления против него разных жалоб...»⁵⁶. В действительности фактором непреодолимой силы для русской дипломатии в Триполи была Рада Кацефлис, вторая жена вице-консула. Нападки Александра Кацефлиса на митрополита Софрония (ан-Наджара) обуславливались «не благом и интересами общины, а личною злобою и мезтью его против Софрония за то, что он лет 25 тому назад отлучил его от церкви за его брак с родной сестрой умершей жены его»⁵⁷. Надо полагать, мезтью не только самого вице-консула, но и его супруги⁵⁸. Тем не менее генконсульство в Бейруте оказывалось бессильным повлиять на действия своего внештатного агента.

По результатам триполийской церковной распри К.Д. Петкович был вынужден признать критический объем «разнообразных невыгод и неудобств, какие представляют для нас наши нештатные консульские Агенты на Востоке из местных жителей. Никакие приказания или инструкции не могут оторвать их от местных дряг и интересов той среды, в которой они родились и выросли. Их личные и семейные интересы и расчеты стоят везде на первом плане и выше служебных обязанностей. Эти Агенты, большая их часть, всегда смотрели и смотрят на свое официальное положение как на средство для охранения и удовлетворения своих личных и семейных интересов и целей и мало думают и заботятся о том, согласны или не согласны таковые стремления и действия с требованиями их официального характера и положения Государства, которые они призваны оберегать в предоставленной им сфере деятельности»⁵⁹. Единственный выход из сложившейся ситуации он видел в том, чтобы лица, «занимающие консульские посты в важных восточных пор-

⁵⁶ Там же. Л. 123–123 об.

⁵⁷ Там же. Л. 66.

⁵⁸ Как доносил в 1897 г. князь А.А. Гагарин, после смерти мужа Рада Кацефлис жила «при старшем своем сыне в Триполи в доме, принадлежащем наследникам Александра Кацефлиса, вместе с братом покойного» и намеревалась отправиться в С.-Петербург для «исходатайствования себе пенсии во внимание долголетней службы мужа почетным Вице-Консулом». Но и.о. генконсула А.А. Гагарину «удалось через сына убедить ее, что она не имеет никакого права на пенсию, и что происходящие от положения Русского Вице-Консула в Турции выгоды скорей принесли пользу ее мужу нежели Русскому Правительству» (АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1345. Л. 47 об.).

⁵⁹ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1337. Л. 100 об. — 101.

товых городах, были русские люди, посылаемые из России, а не назначались из местных жителей»⁶⁰.

Консул и высшие круги Петербурга

Заканчивая тему отношений между деятелями ИППО и К.Д. Петковичем, нельзя не отметить, что при существовавшей холодной войне между консулом и М.А. Черкасовой российский дипломатический представитель пользовался полным расположением руководства Общества в С.-Петербурге. Так, генерал М.П. Степанов в марте 1888 г. писал учительнице: «При отправлении Вашем мы говорили Вам, что прямой, непосредственный начальник школ есть К.Д. Петкович, теперь повторяем тоже и просим Вас принять это к непреложному исполнению. И тут, если бы дело ограничивалось только бесполезной болтовней, я бы отнесся к этому снисходительнее; но я вижу в этом положительный вред и принужден настаивать на вышесказанном. Неужель Вы полагаете, что на Востоке подобные этим разговоры в преувеличенном виде не доходят до К.Д., между тем нам это вовсе нежелательно, чтоб подобные разговоры происходили в нашей школе: наше Общество уже многим обязано К.Д., мы к нему относимся с уважением и полным доверием. Ваше дело было бы попросить К.Д. его портрет, вывесить его на видном месте в школе»⁶¹. С великосветским руководством Общества консул открывал себя совсем с другой стороны. В сентябре 1888 г. великие князья Сергей Александрович, Павел Александрович и великая княгиня Елизавета Феодоровна совершали путешествие по Сирии и Палестине. В Бейруте их встречал К.Д. Петкович: «Хотя по маршруту прием для меня на пароходе был назначен в 9 часов, я отправился на Кострому (название судна. — *Прим. авт.*) в 7 часов в полной форме...»⁶² Донесение К.Д. Петковича в посольство о пребывании в Сирии великокняжеской семьи носило оттенок явно излишнего для рабочего документа самолюбования: «Великий Князь Сергей Александрович принял меня, согласно программе, в 9 часов, чрезвычайно любезно и милостиво, как старого знакомого. Такого же лестного приема я удостоился и со стороны Великой Княги-

⁶⁰ Там же. Л. 101.

⁶¹ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873-1. Д. 425. Л. 79 об. — 80.

⁶² Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1336. Л. 208 об.

ни Елизаветы Феодоровны, и Великого Князя Павла Александровича»⁶³. «В 4 часа, согласно своей программе, Их Высочества удостоили меня высокой чести пить чай в Генеральном Консульстве <...> В 8 часов вечера был обед у Их Императорских Высочеств, на котором удостоились приглашения Бейрутский и Ливанский Генерал-Губернаторы, Бейрутский Плац Комендант, Дивизионный Генерал Ахмед Паша с двумя султанскими адъютантами и я с моим семейством»⁶⁴. Завершалось донесение, копия которого сообщалась в Азиатский департамент МИД, следующими сведениями: «В самый же день выезда из Иерусалима, после завтрака, меня позвали к Великой Княгине Елизавете Феодоровне, и Ея Высочество в весьма лестных выражениях благодарила мое семейство и меня за прием в Бейруте и за мою службу во время путешествия и вручила мне брошку для моей жены на память вместе с приветом и любезным приглашением посетить Ея Высочество, когда будет в С. Петербурге. Тут же Великие Князья Сергей и Павел Александровичи изволили также проститься со мной и благодарили меня в самых милостивых и лестных для меня словах, поручая передать поклоны моему семейству»⁶⁵. Угодничество перед великокняжеской четой и холодный официоз по отношению к рядовым труженикам Палестинского общества — вот две стороны медали российской дипломатии в Бейруте в конце XIX в.⁶⁶

Защита православных: «Да Русский ли он, Москоб ли?..»

Отдельной сферой российской дипломатической миссии в регионе являлась защита единоверцев в Османской империи. В череде регулярных вспышек межконфессиональных конфликтов в Ливане обращает на себя внимание ситуация 1888 г.

22–24 января 1888 г. на юге Бейрута в квартале Мазраат аль-Араб, непосредственно примыкающем к Мусайтбе, произошли массовые столкновения христиан и мусульман: десятки православных получили ранения, двое скончались. Мутасарриф Несухи-бей представил дело как бунт христиан против власти, в чем получил поддержку со сторо-

⁶³ Там же. Л. 209.

⁶⁴ Там же. Л. 210 об.

⁶⁵ Там же. Л. 214 об.

⁶⁶ Не лишены были этих недостатков и преемники К.Д. Петковича на этом посту К.Н. Лишин (1897–1902), князь А.А. Гагарин (и.о. консула 5 декабря 1896 — 27 ноября 1897; 1905–1911).

ны сирийского вали Рашида Нашид-паши. Пострадавшими оказались родители учащихся русской школы М.А. Черкасовой, к которой, находившейся в непосредственном контакте с жителями квартала, они обращались за поддержкой. Не видя защиты со стороны консула, находящиеся в отчаянном положении, они приходили в негодование: «Да православный ли он, да Русский ли он, Москоб ли? Зачем Москобия прислала такого и держит его здесь 20 лет, он даже нашего языка не знает, за столько времени не выучил по-арабски?»⁶⁷ Ответов на эти риторические вопросы у М.А. Черкасовой не находилось. Возмущение пассивностью консула исходило не только от общины, но и от представителей духовенства: «Приходит, например, священник и рассказывает, что встретил толпу женщин, человек 20, идущих к Французскому консулу просить защитить, потому что хотя он и католик, а мы православные, но он скорее нам во всем поможет, чем Русский, хотя Русский и уверяет, будто он все делает, что может, но мы знаем, что он ничего не делает и при этом прибавил такие слова, которые неудобны к писанию...»⁶⁸ Палестинское общество в ответ на доклад М.А. Черкасовой о нецензурной брани в адрес К.Д. Петковича потребовало от нее «просто запретить это, указав, как неприлично в Русской школе позволять себе бранить представителя Русского Правительства», а также вывесить его портрет «на видном месте в школе»⁶⁹. Понять причину брани местных жителей довольно легко, если принять во внимание, что на консульской защите зарабатывали драгоманы из семьи Шахаде, «беря взятки с подсудимых арабов за всякое слово, сказанное им в защиту их в Серале от имени Русского Консула»⁷⁰.

Описанные выше события сложно списать на экзальтированное восприятие миссионерки. Востоковед А.Е. Крымский полностью подтверждает ее данные: «Положение здешних христиан в самом деле безотрадное: всякий мусульманин может обижать их, а правительство или не обращает внимания на жалобы потерпевших, или, если консулы настаивают, посадит виноватого в тюрьму на один день, а на другой день выпускает, и обидчик (убийца или грабитель) гордо гуляет по городу. Лучше всего относительно, конечно, живется католикам, потому что французы имеют привычку добиваться наказания виноватых, но состояние право-

⁶⁷ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 425. Л. 70 об.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же. Л. 79 об. — 80.

⁷⁰ Там же. Д. 426. Л. 134.

М.А. Черкасова (в центре) с ученицами и педагогами школы Святого Или в Бейруте

славных, находящихся под покровительством России, совсем-таки жалкое»⁷¹. Он сообщает подробности о деятельности С. Шахаде в ноябре 1896 г., однако с полным основанием данную характеристику можно отнести и к предыдущим годам: «Когда я узнал, что здесь творится в Турции, у меня волосы дыбом стали. Между прочим, я открыл, что драгоман утаивает от князя имена виновных мусульман, с которых получает взятки»⁷². Особенный интерес представляет его замечание, добавляющее некоторые штрихи к портрету генерального консула: «Предыдущий консул Петкович всегда был в дружбе с турками, от которых имел всегда богатые взятки, и потому ровно ничего не делал для православных. Даже когда произошел такой факт, как публичное избиение священника русской (Sic!) церкви одним мусульманским торговцем, то и тогда Петкович не вмешался (этому будет уж почти год)»⁷³. Впрочем, сложно сказать, кто был в дружбе с турками: сам консул или его alter ego Салим Шахаде, который, как указывает сам А.Е. Крымский, находился в «несменной должности драгомана Российского консульства с огромным влиянием на политические дела Сирии»⁷⁴.

⁷¹ Цит. по: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р. Неопубликованные письма... С. 31.

⁷² Крымский А.Е. Письма из Ливана... С. 60.

⁷³ Цит. по: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Василюк О.Д., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р. Неопубликованные письма... С. 31.

⁷⁴ Крымский А.Е. История новой арабской литературы... С. 545.

Как видим, в консульской защите нуждались не только местные православные, но и русские подданные на Востоке. В 1890 г. произошел конфликт между собственником помещения, в котором располагалась школа Палестинского общества, и ее администрацией. Для М.А. Черкасовой ситуация стала поводом к тому, чтобы высказать эмоции, накопившиеся за несколько лет: «Вчера приходил хозяин гнать нас из дома, прямо кричал перед домом известного богача-мусульманина, соседа нашего. <...> Совестно, не привыкла я к такому обращению. Правда, я не консульская дочь, но потомственная дворянка...»⁷⁵ «Да не это больно, что араб полудикий кричит, Господь с ним, это бы еще ничего, а больно сознание, основанное на многолетнем опыте, беззащитности Русских подданных в Малой Азии; все нации имеют защитников в лице своих консулов, все ограждены так, что никто не смеет мало-мальски грубо обойтись с ними зная, что за это угрожает тюрьма, все — кроме Русских. Ни слова грубого в ответ не сказав Арабу, я на др. день послала доложить консулу, описав ему, конечно, дело и прося его защиты. <...> Что же вышло? А то же, что и прошлые 3 года, даже еще хуже»⁷⁶. В итоге, после трех лет совместной деятельности следует однозначный вывод, почти приговор: «Так что не мусульман мы здесь боимся, а Консула и его драгоманов»⁷⁷.

Отражаясь в миниатюре, неприглядные черты российской действительности бросались в глаза местному православному населению, которое в Бейруте имело возможность сравнивать: «Только относительно положения моего это крайне неблагоприятно действует на Арабов, которые всегда спрашивают отчего Москоб не так обходятся со своими начальниками школ, как Католики и Протестанты»⁷⁸.

Ирония ситуации заключалась в том, что пока К.Д. Петкович в своих отчетах в посольство писал, что «как Патриарх, так и подчиненные ему Епископы из Греков, занятые исключительно мыслью об удержании и сохранении своего положения и своих материальных выгод, не дают себе никакого труда, чтобы защищать права и интересы своей паствы перед турецкими властями или оберегать и отстаивать таковые против домогательств иностранных исповеданий»⁷⁹. Местные арабы думали примерно то же самое о самом К.Д. Петковиче.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 426. Л. 130.

⁷⁶ Там же. Л. 130 об.

⁷⁷ Там же. Л. 132 об.

⁷⁸ Там же. Л. 135.

⁷⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 39. Д. 67. Л. 24 об.

Пассивность и консерватизм

Говоря о целях русской дипломатии на Ближнем Востоке, К.Д. Петкович в одном из донесений так писал об этом: «В Сирии мы не занимаемся ни религиозною, ни политическою пропагандою, но наши религиозные и политические интересы требуют, чтобы мы оберегали и поддерживали status quo, чтобы число наших единоверцев не уменьшилось, так как они служат главным основанием нашего влияния»⁸⁰. Таким образом, вопросом первостепенной важности для практической деятельности диппредставительства являлось статистическое описание «наших единоверцев».

Ввиду грядущих в 1885 г. патриарших выборов задача становилась особенно актуальной. Несмотря на неоднократно отмечавшуюся значимость взаимодействия с христианским населением Большой Сирии, в 1885 г. запрос Святейшего Синода о статистических сведениях и состоянии митрополий Антиохийской церкви застал К.Д. Петковича врасплох. Справка по поводу грядущих патриарших выборов 1885 г., озаглавленная «Нынешнее состояние Антиохийской Православной Патриархии», генконсульством была в итоге составлена в кратчайшие сроки, послужив основой для записки «Антиохийская патриархия», подготовленной в Азиатском департаменте МИД. Даже с учетом возможной критики (например, в нем отсутствуют биографические данные митрополитов, что в преддверии борьбы за патриаршество было крайне необходимо) данный материал можно по праву считать шагом вперед в изучении региона, так как для последней трети XIX в. это был единственный документ с численными данными о православном населении, церквях и школах, с делением не только по митрополиям, но и по всем значимым населенным пунктам.

Однако в апреле 1885 г. К.Д. вынужден был оправдываться, и характер этих оправданий представляется весьма симптоматичным: «Сожалею, что настоящий мой труд не имеет всей желаемой полноты и обработки <...> по краткости назначенного мне срока и по хлопотам и занятиям, какими я был обременен перед самым отъездом в разрешенный мне Императорским Министерством отпуск в Россию»⁸¹. И это после 16 лет службы в регионе — генконсульство не обладало полнотой информации о главном направлении своей деятельности. В 1885 г. увидела

⁸⁰ АВГРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 695 об. — 696.

⁸¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 55. Д. 275. Л. 3.

свет в типографии Военного министерства отмечаемая всеми исследователями наследия К.Д. Петковича работа «Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного Ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях». Удивительно, но из общего объема в 173 страницы православной общине отведено чуть более трех. Статистические данные, приводимые консулом, опирались на официальную перепись 1861 г. Спустя 20 лет попытка установить актуальное число жителей выглядела следующим самым приблизительным образом: «Принимая во внимание здоровый климат», «обычай ливанцев вступать в брак с ранних лет», «можно принять, что число православных жителей в период истекших 20 лет возросло, и полагая ежегодный прирост по крайней мере в один процент, получим круглую цифру в 33 600 или даже в 35 000 душ обоюбого пола»⁸².

Кроме объективной причины, приведенной консулом в донесении, — «в Турции, как небезизвестно Вашему Превосходительству, статистика продолжает еще считаться государственной тайной и не имеется никаких печатных сколько-нибудь серьезных источников по этому предмету, которыми бы можно было пользоваться при изучении той или другой стороны данного положения известного края или народа»⁸³, — важно отметить субъективный аспект проблемы. Истоками такого безотрадного положения в равной степени можно считать как незнание консулом арабского языка, так и отсутствие личных разъездов по стране, постоянное пребывание (за редкими исключениями) в столице Бейрутского вилайета (с 1888 г.). Надо отметить, что именно эти качества: стремление изучить язык и обычаи региона, проживание в местах проповеди, отсутствие социальной дистанции с местным населением — делали эффективной католическую и протестантскую пропаганду, об успехах которой так много писал российский генконсул. В то же время, как с удивлением сообщает в письме А.Н. Веселовскому в 1897 г. А.Е. Крымский: «Здесь, в Бейруте, можно сказать, не видели русских. Консул и секретарь всегда остаются недосягаемы для арабов»⁸⁴.

⁸² Петкович К.Д. Ливан и ливанцы. Очерки нынешнего состояния автономного Ливанского генерал-губернаторства в географическом, этнографическом, экономическом, политическом и религиозном отношениях. Записка ген. консула в Бейруте К. Петковича. СПб., 1885. С. 115.

⁸³ РГИА. Ф. 797. Оп. 55. Д. 275. Л. 2 об.

⁸⁴ Цит. по: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Васильюк О.Д., Кириллина С.А., Мартынов Д.Е., Хайрутдинов Д.Р. Неопубликованные письма... С. 30.

К.Д. Петкович резко критиковал греческую иерархию за пассивность, однако в своей холодной аристократической манере был от нее не слишком далек, годами не покидая бейрутской резиденции.

Доставалось от него и любознательной английской дипломатии, столь отличной от российской: «Английский Генеральный Консул Подполковник Троттер в самый разгар Хауранского восстания, совершил экскурсию на Ливан, в Друзский округ, чтобы проповедовать Друзам о мире и спокойствии, успокоить их на счет последствий возстания в Хауране и уверить их в неизменном и могущественном покровительстве Англии»⁸⁵. «Здесьшний Английский Генеральный Консул отправился на днях в Дамаск под предлогом показать своей матери город, но, по всей вероятности, для того, чтобы пронюхать — какие имеются планы против Друзов»⁸⁶ — доносил К.Д. Петкович в 1895 г. о поездке своего бейрутского коллеги Роберта Хей Драммонд-Хей⁸⁷. Сложно сказать, чего в этих характеристиках было больше: пассионарной активности британцев на Ближнем Востоке или консерватизма и безучастности российской дипломатии. Так или иначе, вряд ли можно было требовать многого от консула, которому к моменту написания донесения уже исполнилось 69 лет.

Пожилой дипломат не доставлял хлопот турецкой администрации, как его западные коллеги, что, впрочем, хорошо сочеталось с позицией российской дипломатии, не стремившейся к созданию очагов напряженности внутри Османской империи от Йемена до Хаурана и Ливанских гор. Даже в русских школах, по его мнению, «турецкое правительство должно было бы видеть не врагов своих, а, напротив, пособников, потому что все иноверческие миссионерские школы имеют характер революционный и разрушительный для местного правительства», а наши школы — «оберегательные, консервативные»⁸⁸.

Расширение консульской сети

Влияние патриарших выборов 1885 и 1891 гг. не ограничилось лишь вопросами статистики. Важно отметить положительную роль К.Д. Петко-

⁸⁵ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 113. Л. 98 об.

⁸⁶ Там же. Л. 443 об.

⁸⁷ Хей Драммонд-Хей Р. (1846–1926) — британский консул в Танжере (с 1875 г.), Стокгольме (с 1879 г.), генеральный консул в Тунисе (1889–1894) и Бейруте (1894–1907).

⁸⁸ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 387 об. — 384.

вича в деле расширения консульского присутствия в регионе. Осознание ограниченных возможностей консульства в Бейруте убеждало дипломата в необходимости большего контроля за ситуацией в Большой Сирии, одновременно содействуя целям военных разведчиков Кавказского военного округа.

В 1882 г. К.Д. Петкович выступил инициатором получения фирмана на признание военного агента полковника Я.Ф. Люндеквиста российским вице-консулом в Хаме. По этому вопросу он вошел в противоречие с позицией посла в Константинополе Е.П. Новикова⁸⁹, который выступал с узковедомственных позиций, считая, что разведчиков будет удобнее командировать «под видом частных путешественников», когда «ответственность перед Портой за образ действий таковых агентов не будет лежать на официальном представительстве России в Турции»⁹⁰. В итоге прогосударственная точка зрения генконсула в Бейруте (при давлении, оказанном военным министром П.С. Ванновским⁹¹) возобладала. В конце 1882 г. консульский фирман был получен в Порте и отправлен в Бейрут для вручения военному агенту.

Находясь в 1885 г. в С.-Петербурге, К.Д. представил «Г. Товарищу Министра по его приказанию обстоятельную записку о необходимости иметь в Дамаске Консульского русского Агента. Как г. Влангали⁹², так и г. Начальник Азиатского Департамента⁹³ одобрили вполне мои доводы и изволили даже признать возможным перевести в Дамаск, если не окажется на первое время свободных денежных средств на содержание чиновника нашего Министерства, военного Агента (Вице-Консула в Хаме)»⁹⁴. При этом К.Д. указывает на важный кадровый аспект, намекая, что военный агент К.П. Камсаракан (григорианского вероисповедания) для этой должности не подходит: «Но этот военный Агент, чтобы быть русским Вице-Консулом в Дамаске, резиденции православного Антиохийского Патриарха, должен быть из православных»⁹⁵. Вероятной при-

⁸⁹ Евгений Петрович Новиков (1826–1903) — российский посол в Константинополе (1879–1882).

⁹⁰ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 4 об.

⁹¹ Петр Семенович Ванновский (1822–1904) — военный министр (1881–1898).

⁹² Александр Георгиевич Влангали (1824–1908) — дипломат, 1882–1891 — товарищу министра иностранных дел.

⁹³ Иван Алексеевич Зиновьев (1835–1917) — дипломат, директор Азиатского департамента МИД (1883–1901), посол в Константинополе (1897–1909).

⁹⁴ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517-2. Д. 1337. Л. 14 об. — 15.

⁹⁵ Там же. Л. 15.

чиной актуализации вопроса о консульстве в Дамаске были патриаршие выборы 1885 г. В феврале 1889 г. Константин Дмитриевич снова возвращается к предварительно одобренной идее. Причиной этого послужило выделение в 1888 г. Бейрута и прибрежной территории в отдельный вилайет. Пользуясь пребыванием посла А.И. Нелидова⁹⁶ в столице, он решил обратить его «внимание на вопрос о назначении Консульского Агента в Дамаске, скорое решение которого представляется тем более необходимым и неотложным, что Дамаск составляет теперь отдельный Сирийский Вилайет, где присутствие русской власти, помимо других политико-религиозных соображений, необходимо и для защиты <...> перед местными судами и властями интересов Русских подданных, которых имеется большое число»⁹⁷.

Согласившись с доводами консула, А.И. Нелидов поставил вопрос на рассмотрение Военного министерства. Ссылаясь на новое административное деление и практически постоянное пребывание военного агента в Бейруте, А.И. Нелидов обратился к П.С. Ванновскому с секретным отношением, в котором подчеркивал, что «многочисленные интересы наши в Дамаске делают весьма желательным присутствие там Русского агента, а в военном отношении Дамаск имеет несравненно большее значение, чем Бейрут, ибо там имеет свое пребывание Начальник V Армейского корпуса»⁹⁸. А также признавал «во всех отношениях полезным перевести в Дамаск нештатного Вице-Консула, содержимого Военным Министерством в Хаме и пребывающего ныне в Бейруте. Затем, со временем, если к тому представится удобный случай, желательно было бы заменить нынешнего Вице-Консула Камсаракана (Армянина, Грегорианского исповедания) Православным агентом, в виду церковных вопросов, могущих возникать в Дамаске, где имеет свое местопребывание Антиохийский Православный Патриарх»⁹⁹.

Данное отношение было расценено командующим войсками Кавказского военного округа генерал-адъютантом князем А.М. Дондуковым-Корсаковым как «весьма полезное и желательное»¹⁰⁰ и было поддержано военным министром П.С. Ванновским в мае 1889 г.

⁹⁶ Александр Иванович Нелидов (1835–1910) — дипломат (с 1855), посол в Константинополе (1883–1897).

⁹⁷ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517-2. Д. 1337. Л. 14–14 об.

⁹⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 114 об. — 115.

⁹⁹ Там же. Л. 115–115 об.

¹⁰⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 4. Д. 7. Л. 116.

Можно с уверенностью говорить о том, что почва для открытия российского консульства в Дамаске в 1893 г. во главе с А.П. Беляевым православного вероисповедания¹⁰¹ была подготовлена именно К.Д. Петковичем. Во многом именно это административно-кадровое решение определило положительное разрешение кризиса в Антиохийской церкви и избрание патриарха-араба Мелетия II (Думани)¹⁰² в 1899 г.

Борьба за антиохийский патриарший престол

Участие в патриарших выборах 1885 и 1891 гг. стало главной практической стороной деятельности российского генконсульства в Антиохийской церкви во 2-й половине XIX в. Как мы видели, они стали движущей силой и в изучении региона, и в организации консульской службы. Кредо генконсульства в патриаршем вопросе могло бы быть выражено следующим заявлением: «Россия не может также равнодушно относиться к явному нарушению прав Антиохийской Церкви и к тому, чтобы ее патриарший престол был предметом купли и продажи для чужеземцев, эксплуатирующих и разоряющих его. Так как Россия одна поддерживает материально Антиохийских Патриархов, кто бы они ни были, то для нас не может и не должно быть безразлично, куда идут и на что употребляются ее денежные приношения и вспомоществования. Кроме того, едва ли было бы выгодно для нас и с церковно-политической точки зрения допускать, чтобы на Антиохийском патриаршем престоле были всегда чужеземцы...»¹⁰³

Во время выборов 1885 г. генконсульство в Бейруте не проявляло значительной активности. В самом начале предвыборной кампании К.Д. Петкович во исполнение инструкции из Константинополя приложил усилия к устранению от участия кандидатуры «такого безнравственного и ненадежного прелата»¹⁰⁴, каков Вифлеемский

¹⁰¹ *Алексей Петрович Беляев* (1859–1906) — консул в Дамаске (1893–1903), секретарь ИППО (1903–1906). Он был сыном «священника (сельского) и грузинки» (по версии Н.М. Аничкова — грузинской княжны) (*Крымский А.Е. Письма из Ливана* (1896–1898). М., 1975. С. 202).

¹⁰² *Мелетий II (Думани)* (1837–1906) — Антиохийский патриарх (15 апреля 1899 — 26 января 1906).

¹⁰³ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 193.

¹⁰⁴ Как следует из статьи в греческой газете «Константинополь» № 201 от 22 октября 1886 г., кроме пожертвований от русских паломников, источником средств Анфима (Апергиса) было откровенное воровство из кассы Иерусалимского патриархата:

Анфим»¹⁰⁵. Генконсул в донесении А.И. Нелидову подчеркивал, что действовал «с крайней осторожностью и избегая даже намека о том, что мы благоприятствуем тому или другому из кандидатов»¹⁰⁶. Уведомив об этом посольство, К.Д. Петкович, не дожидаясь окончания патриарших выборов, сдал дела секретарю консульства, титулярному советнику Н.Н. Демернику¹⁰⁷ и 1 мая 1885 г. выехал в 29-дневный отпуск в Россию. В оставшееся время до избрания нового патриарха, как доносил Н.Н. Демерик, российское генеральное консульство в Бейруте ввиду «неимения в Дамаске официального агента» едва успевало «совладать со скромной ролью — следить за ходом дел»¹⁰⁸.

Ситуация 1891 г. кардинально отличалась.

Избрание в марте 1891 г. Герасима (Протопапаса)¹⁰⁹ Иерусалимским патриархом сделало вакантной антиохийскую патриаршую кафедру. Общественное мнение как в Дамаске, так и в Бейруте склонялось к избранию «своего природного» патриарха. Данная позиция находила поддержку и в российском генконсульстве: «Вопрос о том, кто будет Антиохийским Патриархом: местный ли Епископ или грек чужеземец, не есть вопрос безразличный или маловажный. От законного и правильного разрешения этого вопроса зависит будущее духовное и материальное благосостояние не только Антиохийской Церкви, но и самого местного православного населения. Этот патриарший вопрос затрагивает также серьезные политические интересы турецкого правительства и имеет для нас громадную церковно-политическую важность»¹¹⁰. В этой связи К.Д. Петкович представил в посольство список всех архиереев патриархата с их краткой биографией и характеристикой.

Главными кандидатами на престол стали: 1) Мелетий (Думани) Лаодикийский; 2) Гавриил (Шатилла) Бейрутский; 3) Герасим (Яред)

«Большая часть долга сделана была во время последнего местоблюстительства Никифора Петрейского, когда бывший Вифлеемский Анфим Апергис, которому слепо следовал этот недалекий старец, удучив благоприятное время, присвоил себе по своему обычаю 2700 лир (около 27 тыс. руб. — Е.К.) без всякого благовидного основания» (Православие и Православные // СИППО. СПб., 1887. С. 117).

¹⁰⁵ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1333. Л. 48 об.

¹⁰⁶ Там же. Л. 49.

¹⁰⁷ Николай Николаевич Демерик — секретарь-драгоман генконсульства в Бейруте (13 августа 1883 — 27 октября 1887).

¹⁰⁸ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 1333. Л. 70 об.

¹⁰⁹ Герасим (Протопапас) (1839/41–1897) — Антиохийский патриарх (30 мая 1885 — 28 февраля 1891), Иерусалимский патриарх (28 февраля 1891 — 9 февраля 1897).

¹¹⁰ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 188 об. — 159.

Селевкийский¹¹¹; 4) Спиридон (Евфимиу) Фаворский, выдвинутый греческой святогробской партией. Как неблагонадежные и имеющие отношение к России, из списка кандидатов Портой были исключены бейрутский и селевкийский митрополиты. Заболев и еще не зная о своем исключении из списка кандидатов, один из главных претендентов Гавриил (Шатилла) написал Мелетию (Думани), отказываясь от своей кандидатуры в его пользу. Данный шаг консолидировал голоса арабских митрополитов вокруг фигуры лаодикийского архиерея. В то время как российское посольство в Константинополе сохраняло нейтралитет, греческие дипломатические представители, не обращая внимания на заключенное с российской дипломатией соглашение, открыто выступили против арабов и работали в пользу святогробского митрополита. Поддержку им оказывали и турецкие власти, не желавшие избрания арабского кандидата. Порта после запроса Константинопольского патриархата лишила права голоса Гавриила (из-за фиктивного свидетельства о его недееспособности) и Агапия (Ставроса) (как титулярного архиерея). Под давлением сирийского губернатора Ассим-паши паствы Хамы и Захле потребовали от своих митрополитов подчиниться властям, т. е. проголосовать за грека.

Во все время предвыборной борьбы К.Д. Петкович направлял донесения в посольство с подробным изложением хода дела, а также предпринимал усилия для ограждения канонических прав Антиохийской церкви от давления извне и объединения усилий арабской партии. В связи с давлением дамаского паши он 11 июня 1891 г. телеграфировал А.И. Нелидову, сообщая, что «архиереи просят Вашего заступничества для ограждения свободы выборов согласно канонам»¹¹². По тону донесений консула явно заметна эмоциональная включенность в раз-

¹¹¹ *Герасим (Яред)* (ум. 12.09.1899) — уроженец с. Рашайа Дамасского вилайета. В молодости принял монашество. В 1865 г. приехал в Россию для получения образования. Окончил Московскую семинарию, СПбДА (1869). В 1869–1873 гг. преподавал в С.-Петербургской семинарии и СПбДА греческий язык и историю Византии. Опубликовал ряд трудов церковно-исторического, богословского и публицистического характера. В 1871 г. принял русское подданство и был произведен в сан иерея. С 1876 г. архимандрит, ректор Псковской семинарии, с 1881 г. ректор Рижской семинарии. После конфликта с архиепископом Рижским Филаретом подал в отставку. В 1883 г. подал прошение об увольнении из русского подданства (до конца жизни продолжал считать себя русским подданным) и выехал в Палестину для заведования делами арабской паствы в звании «священнопроповедника». 25 марта 1889 — 12 сентября 1899 — митрополит Селевкийский (Захле).

¹¹² АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 236.

ворачивающиеся события. Неожиданно он обращается к событиям двадцатилетней давности, участию Антиохийского патриарха Иерофея (1850–1885) в болгарской схизме 1872 г. Несмотря на просьбы местных митрополитов «не подписывать акта о расколе, Иерофей не только подписал этот акт, но еще и по возвращении в Дамаск хотел обнародовать его. Православные Сирийцы и их духовенство, однако же, воспротивились единодушно этому. Таким образом, из всех Церквей на Востоке одна только Антиохийская не признала и не признает болгарской схизмы благодаря тому обстоятельству, что большинство местных Архиепископов не греки. Если бы и Патриарх был тоже из местных Архиепископов, то, наверное, не поступил бы так, как покойный Иерофей»,¹¹³ — делает заключение генконсул. В этом историческом отступлении раскрывается субъективная причина заботливого внимания когда-то активного деятеля болгарского возрождения к борьбе сирийцев за церковно-каноническую свободу.

Однако это личностное отношение имело и обратную сторону. Видя, что победа клонится на сторону греческой партии, некоторые из арабских иерархов (Епифанийский Григорий и Селевкийский Герасим), потеряв надежду на общий успех, поддались на подкуп за 50 и 100 тур. лир и согласились голосовать за Спиридона. Со временем стало известно, что Тиро-Сидонский митрополит Мисаил заранее продал голос грекам. Окончательное избрание Спиридона состоялось 2 октября 1891 г. благодаря его обещанию уплатить 10 тыс. тур. лир (100 тыс. руб.) на нужды патриархата, а также взяткам сирийским чиновникам и светским старшинам (драгоман вилайета Халиль Хури, Дж. Эспер, Дж. Шамиэ и др. по 200 тур. лир). Сообщая об этом, К.Д. Петкович был разочарован не только слабостью «епископов изменников»¹¹⁴, но и всех арабских митрополитов, которые имели основания «протестовать и отказаться от участия в выборах при таких невыгодных для себя условиях, но они этого не сделали и ограничились только запросом о том — правда ли, что Фаворский Епископ Спиридон выдал 10 000 турецких лир»¹¹⁵. «Мы требовали и добивались, на сколько это возможно было, свободы выборов, а если члены Синода из Арабов, составлявшие большинство, не сумели воспользоваться ею, как следовало, а дали себя увлечь угрозами, фальшивыми обещаниями и подкупами, то в этом не повинны ни мы,

¹¹³ Там же. Л. 194–194 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 93 об.

¹¹⁵ Там же. Л. 90 об.

ни православные Сирийцы, которым придется страдать»¹¹⁶, — резюмировал консул. Особенное его возмущение вызвала позиция Герасима (Яреда) Селевкийского, воспитанника Санкт-Петербургской духовной академии. Однако если с точки зрения консула проблема была в епископах изменниках, то со стороны Селевкийского митрополита ситуация выглядела несколько иначе.

Как он собственноручно писал 24 февраля 1892 г., «неудача арабов произошла не от их мнимой нетвердости, <...> а исключительно от неумелых действий мнимых благодетелей — Русского Консула в Бейруте»¹¹⁷. И далее: «Ничего не было оставлено без применения из тех вредных и неразумных действий, которые способны были только сделать Арабов подозрительными в глазах правителей и, следовательно, усиливать их раздражение против православных арабов. Только тогда снимется подозрение, когда г. Петькович откажется от своих благодетельных распоряжений в пользу туземцев и ограничится исполнением своих служебных обязанностей»¹¹⁸.

Однако, по мнению Герасима (Яреда), за спиной консула стояли «всесильные» драгоманы, пытавшиеся вершить судьбы патриархата: «Г-н Шахадэ выдвинул кандидатуру на Патриарший Престол, Митрополита Бейрутского, о чем открыл и переговоры с Дамасскими вельможами через товарища его по драгоманству Селима Трад, откомандированного им для сей цели в г. Дамаск»¹¹⁹.

Именно их активная роль скомпрометировала митрополитов в глазах турецких властей: «... Драгоман Русского Консульства Селим Трад работал в Дамаске, к соблазну местных властей и ко вреду самого дела, а г. Шахади составлял в Бейруте рапорты, отношения, прошения, телеграммы и пр. и рассылал их в разные города, чтобы православные покрывали их своими подписями и печатями и отправляли по назначению либо в Константинополь, либо местным властям в Дамаске, Бейруте и Ливане»¹²⁰.

Такая дипломатическая работа Трада и Шахаде в пользу Гавриила (Шатилла) имела вполне корыстный расчет, который заключался в присвоении финансовой помощи, поступающей из России: «Драгоманство так и вообразило, что оно сделает его Патриархом и в Консульстве име-

¹¹⁶ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 322. Л. 268 об.

¹¹⁷ Там же. Ф. 180. Оп. 517/2. Д. 720. Л. 43.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же. Л. 39.

¹²⁰ Там же. Л. 40 об.

лись суммы, принадлежащие престолу Антиохийскому, и новый патриарх из Арабов, вероятно, подаст должную расписку в получении их»¹²¹. Таким образом, говорим о церковных правах арабов — подразумеваем русские деньги. В равной степени это замечание касалось и греческого духовенства. Как метко писал о нем В.Н. Хитрово: «эллинофильство для них до известной степени важно, но только чтоб скрывать плутофильство свое»¹²².

В такой ситуации Герасиму (Яреду), по его словам, ничего не оставалось делать, как «обеспечить за Престолом обещанный капитал в 10 000 наполеондоров, <...> при разумном пользовании которым может дело народного образования и благотворения выиграть больше, чем от повелительных распоряжений или неверных обещаний чиновника-благодетеля в Бейруте»¹²³.

К счастью, архивные источники позволяют реконструировать и точку зрения бейрутских драгоманов, а вместе с ней узнать и мнение К.Д. Петковича, которое хотя и не нашло своего выражения в официальных документах, но тем не менее было хорошо известно его окружению. В марте 1892 г., когда еще продолжалась борьба за патриаршество, настоятель антиохийского подворья в Москве архимандрит Рафаил (Хававини) обратился с посланием к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву как к «единственному для меня и нашего многострадального православного арабского народа прибежищу»¹²⁴. Этот текст обращает на себя внимание своей мотивационной частью: «Я получил на днях от достоверного для меня человека из Бейрута известие, подтверждающее, что Русский Генеральный Консул в Бейруте Константин Дмитриевич Петкович постоянно посылал и посылает в Константинополь к Русскому Императорскому Послу подробные представления о всем, что происходит в настоящее время и происходило в Антиохийской Церкви. Но они, к сожалению, задерживаются в Константинополе и не присылаются в Петербург, к месту своего назначения»¹²⁵. Таким образом, по мнению бейрутского корреспондента архимандрита Рафаила, коим с полной уверенностью можно считать лицо, близкое к арабскому окружению генконсула, ответственность за поражение арабов лежит на императорском посольстве в Константинополе и лично А.И. Нелидове, который блоки-

¹²¹ Там же. 42 об.

¹²² *Дмитриевский А.А.* Императорское Православное Палестинское... С. 245.

¹²³ АВПРИ. Ф. 180. Оп. 517-2. Д. 720. Л. 42 об.

¹²⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 61. Д. 307. Л. 17.

¹²⁵ Там же.

ровал информацию, поступавшую из генерального консульства. Имея некоторые основания для того, чтобы отнестись с доверием к мнению архимандрита Рафаила, К.П. Победоносцев препроводил прошение дамасской общины к Святейшему Синоду в МИД. Вместе с тем, обращаясь к товарищу министру иностранных дел Н.П. Шишкину с письмом, он также добавлял, что «со стороны Сирийцев слышатся горькие жалобы на Нелидова за то, что он не захотел поддержать их и не явил энергии против незаконного выбора Спиридона»¹²⁶. Таким образом, по мнению Бейрута, причиной проигрыша арабов был посол А.И. Нелидов.

Действительно, точки зрения посольства в Константинополе и консула в Бейруте несколько отличались. Позиция А.И. Нелидова была более умеренной. В действиях османской администрации он видел не (или не только) коррупцию и дискриминацию арабов, а рациональную имперскую политику: «Турецкое Правительство повсеместно старается разъединять подвластные ему христианские народности, мешать им организовываться в плотные национальные группы. За созданием Болгарской Церкви с национальным духовенством так быстро последовало образование автономного болгарского государства, что Турки тщательно избегают повторения подобной, по их взглядам, политической ошибки... <...> По той же причине Порты старается помешать образованию вокруг Антиохийского Престола Арабского национального центра, тогда как Греки, — к которым она однако далеко не дружелюбно расположена в настоящую минуту — в Сирии для нее неопасны»¹²⁷. Поэтому, по его мнению, надо было поддерживать не конкретного кандидата, а каноническую свободу выборов, так как «явное заступничество наше за того или другого кандидата несомненно могло бы повредить ему в глазах Турок, дав предлог к обвинению его перед Портой»¹²⁸. В этой связи посол вынес замечание консулу за действия его драгоманов: «Я не могу не пожалеть, что — как о том известила Вас моя секретная телеграмма от 23 числа — Ваш драгоман Шехади, как оказывается несообразовался в своих действиях с преподанными мною с самого начала указаниями о невмешательстве, а вел письменно и устно горячую пропаганду в пользу избрания Араба, обещая в таковом случае именем Русского Правительства значительную ежегодную субсидию Антиохийскому Престолу, открытие русской школы в Дамаске, пожалование орденов разным влиятельным

¹²⁶ Там же. Л. 22.

¹²⁷ АВПРИ. Ф. 208. Оп. 819. Д. 323. Л. 38 об. — 39 об.

¹²⁸ Там же. Л. 41.

лицам и, в противном случае, угрожая лишением Антиохийского Престола поддержки России»¹²⁹. Позиция посольства выразалась следующим образом: «Арабы, как составляющие большинство населения Сирии, могут вполне рассчитывать на благосклонное отношение России к главе Церкви их национальности. Но они не могут требовать, чтобы мы их защищали от слабости или нравственной несостоятельности их собственных Иерархов, поддающихся посторонним влияниям, чтобы мы настаивали на неприменном исключении всякого кандидата — Грека, даже если бы он был правильно избран. Мы можем защищать лишь каноническую свободу действий Антиохийского Синода»¹³⁰.

Трения между послом и генконсулом продолжились и после избрания Спиридона. К.Д. Петкович в январе 1892 г. обратился к директору Азиатского департамента МИД Д.А. Капнисту с предложением задержать выдачу денежных средств патриарху Спиридону: «Нет никакого сомнения в том, если я передам теперь Спиридону эти деньги, то он положит их в свой карман и не употребит их по назначению»¹³¹. Обращает на себя внимание предлагаемая схема расходования средств: «Не найдет ли Императорское Министерство более целесообразным не выдавать их ему, а употребить их непосредственно на оказание пособий церквам, школам и духовенству в Сирии»¹³². Таким образом, распорядителем кожного узла «с вложением 821 тур. лир 82 пиастров золотом (6374 руб. 4 коп.)»¹³³, а также векселя на более мелкую сумму в 2002 пиастра 15 пар становилось консульство, а в момент передачи средств — драгоманы из семей Шахаде и Трад. Именно на данные средства указывал Герасим (Яред) в своей объяснительной записке в посольство, и эти опасения «русского Академика»¹³⁴, как его иронично назвал К.Д. Петкович, были, как видим, далеко не беспочвенны. Данная мера ожидаемо не нашла поддержки в посольстве: «Что же касается до высказанной Вами мысли о желательности задержания некоторой части поступающих Антиохийской Патриархии доходов с Бессарабских ее имений для распределения ее по собственному нашему усмотрению, то я не могу счесть принятие такой резкой меры достаточно оправдываемой обстоятельствами»¹³⁵.

¹²⁹ Там же. Л. 40–40 об.

¹³⁰ Там же. Л. 42.

¹³¹ Там же. Д. 322. Л. 261 об.

¹³² Там же.

¹³³ Там же. Л. 260.

¹³⁴ Там же. Д. 323. Л. 92 об.

¹³⁵ Там же. Д. 322. Л. 304 об.

Общий враг объединяет. Единомышленником К.Д. Петковича в борьбе с посольством был В.Н. Хитрово, который испытывал глубокую личную антипатию к А.И. Нелидову¹³⁶. Например, проблемы в школьном деле в Палестине секретарь Общества объяснял следующим образом: «Если католики какими-то таинственными путями открывают школы, то эта таинственность объясняется просто, ни у тех, ни у других, ни у третьих нет Нелидова послом в Константинополе...»¹³⁷ Вероятно, на этом фоне общей неприязни не только к грекам, но и к русскому посольству в Константинополе В.Н. Хитрово считал К.Д. Петковича «каменной стеной» для Палестинского общества на Востоке.

Специфические недостатки, определенные социокультурным контекстом, этническим происхождением, политическими взглядами, принадлежностью к характерной дипломатической среде Российской империи, представляются порой более актуальными и плодотворными для понимания проблем российской политики в регионе, чем сугубо комплиментарные панегирики.

Отмеченные черты были характерны для всего консульского корпуса России в регионе. Явное влияние этнической принадлежности было заметно в оценках К.М. Базили, внутриведомственные конфликты сопровождали служебную деятельность двух «сирийских князей» (как их называл И.Ю. Крачковский) А.А. Гагарина и Б.Н. Шаховского, надменность и снобизм отличали даже выходца из духовного сословия А.П. Беляева, востоковедная подготовка отсутствовала у А.А. Гагарина, а зависимость от драгоманов была общей болевой точкой всех консулов в Бейруте и Дамаске перед Первой мировой войной. Вопрос о том, как оказывать помощь Антиохийской церкви, стоял как перед митрополитом Филаретом (Дроздовым) в середине XIX в., так и перед Б.Н. Шаховским в начале XX в. (и более того, вновь возник во времена СССР в 1958 г. при патриархе Феодосии VI Абурджели).

¹³⁶ Это отражалось и на перипетиях русской церковной политики на Востоке. Вот как в письме К.П. Победоносцеву описывает свои отношения с послом в 1897 г. В.Н. Хитрово: «Я бы только улыбнулся, если бы он только выразил свои опасения, это только незнание дела, но там были высказаны опасения, что я буду интриговать против избрания Фотия из личных с ним счетов, а это уже клевета. Свергнуть Фотия и посадить Никодима, было как известно Вашему Высокопревосходительству, не мое дело, а дело Нелидова, допустившего пятилетнюю ссылку Фотия на Синай, опять не дело моих личных счетов, а Нелидова, наконец не я, а Нелидов не допустил Фотия» (Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 253. Оп. 1. Д. 82. Л. 46).

¹³⁷ ОР РНБ. Ф. 253. Оп. 1. Д. 82. Л. 15 об.

Таким образом, фигура К.Д. Петковича не являет собой исключения, скорее наоборот, представляет образ типический. Черты пассивности и консерватизма, покровительство православному населению, отторжение революционных идей и игнорирование свершившейся Нахды, подчеркнутая дистанцированность от жизни улицы как в ее общественно-политическом, экономическом, так и культурном проявлении. С другой стороны, верноподданнический монархизм, дух патриотизма и неприятие Запада, сочувственное отношение к Османской империи, ставшей жертвой европейского влияния. В четвертьвековой карьере К.Д. Петковича как в капле воды отражаются основные характеристики российской имперской дипломатической службы на Леванте.

Осмысляя накопленный опыт и пытаясь ответить на вопрос, почему не сложилось более эффективной системы, можно выделить главное — недостаток практической работы «в поле»: от экономики, геологоразведки до археологии и разведки в военном смысле, грань между которыми в конце XIX в. была подчас трудноуловима.

REFERENCES

1. *Cunningham A.* The Dragomans of the British embassy at Constantinople / Eastern Questions in the 19th century: Collected essays (Ed. by E. Ingram). Vol. 2. London, 1993. 272 p.
2. *Dmitrievskiy A.A.* Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo i ego deyatel'nost' za istekshuyu chetvert' veka (1882–1907). Istoricheskaya zapiska, sostavlennaya po porucheniyu Soveta Obshchestva professorom A.A. Dmitrievskim [The Imperial Orthodox Palestine Society and its activities over the past quarter of a century (1882–1907). Historical note compiled on behalf of the Society Council by Professor A.A. Dmitrievsky]. Vyp. 1. St. Petersburg, 1907. 332 s.
3. *Goncharova E.B.* Moy praded K.D. Petkovich: prosvetitel', diplomat, issledovatel' slavyanskikh stran i Blizhnego Vostoka [My great-grandfather K.D. Petkovich: Educator, diplomat, researcher of Slavic countries and the Middle East]. St. Petersburg, 2013. 39 s.
4. *Gorbunova N.M., Smilyanskaya I.M.* Rossiyskiy diplomat i issledovatel' Blizhnego Vostoka i Balkan K.D. Petkovich [Russian diplomat and researcher of the Middle East and Balkans K.D. Petkovich] // Vostochniy arkhiv. 2008. № 18. S. 27–34.
5. *Groiss A.* Religious particularism and National integration: Changing perceptions of the political self-identity among the Greek-Orthodox Christians of Greater Syria, 1840–1914 (Ph.D. thesis). Princetone University, 1986. 208 p.
6. *Kopot' E.M.* «Tripoliyskaya tserkovnaya rasprya» (1887–1890) v kontekste russkogo vliyaniya. V antiokhiyskom patriarkhate v kontse XIX v. (po materialam AVPRI) [«Tripoli Church Feud» (1887–1890) in the context of Russian influence. In the Patriarchate of Antioch at the end of the 19th century (Based on materials of AVPRI)] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Vostokovedenie. Ser. 13. 2012. № 4. S. 83–94.
7. *Krymskiy A.E.* Istoriya novoy arabskoy literatury (XIX — nachalo XX veka) [History of new Arabic literature (XIX — early XX centuries)]. Moscow, 1971. 794 s.

8. *Krymskiy A.E.* Pis'ma iz Livana (1896–1898) [Letters from Lebanon (1896–1898)]. Moscow, 1975. 342 s.
9. *Laguzova N.A.* Shkol'naya deyatelnost' Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v 1905–1914 gg. [School activities of the Imperial Orthodox Palestine Society in 1905–1914] // Ierusalimskiy Pravoslavnyi seminar. Vyp. 3. Moscow, 2012. S. 121–158.
10. *Lisovoy N.N.* M.A. Cherkasova i shkoly Imperatorskogo Pravoslavnogo Palestinskogo Obshchestva v Beyrute / Smilyanskaya I.M. (otv. red.). Vsmatrivayas' drug v druga... Rossiya i arabskiy mir: vzaimnoe vospriyatie (Sbornik statey) [M.A. Cherkasov and the school of the Imperial Orthodox Palestine Society in Beirut / Smilyanskaya I.M. (responsible editor). Peering into each other... Russia and the Arab world: Mutual perception (Collection of articles)]. Moscow, 2013. S.430–463.
11. *Nikodimova G.* Tri dokumenta, sverzani s zhiznenie pet na belgarskiya vrozhdzenets Konstantin Petkovich [Three documents related to the life of the Bulgarian born Konstantin Petkovich] // Ezikov svyat – Orbis Linguarum. 2018. № 1. S. 97–101.
12. Perepiska Konstantina Mikhaylovicha Bazili i Andrey Nikolaeovicha Murav'eva (1839–1852) / Podgot. teksta I.Yu. Smirnova [Correspondence between Konstantin Mikhailovich Basili and Andrei Nikolaevich Muravyov (1839–1852) / Prepared by I.Yu. Smirnova] // Pravoslavnyi Palestinskiy sbornik. Vyp. 103. Moscow, 2005. S. 43–103.
13. *Petkovich K.D.* Chernogorets Marko Martinovich, obuchayushchiy russkikh boyar (prislannykh Petrom Velikim v Venetsiyu) moreplavaniyu i politicheskim naukam [Montenegrin Marko Martinovich, teaching Russian boyars (sent by Peter the Great to Venice) navigation and political sciences] // Morskoy sbornik. 1863. № 6. S. 23–26.
14. *Petkovich K.D.* Istoricheskiy ocherk serbskoy pravoslavnoy obshchiny v Raguze [Historical sketch of the Serbian Orthodox community in Ragusa] // Russkaya beseda. 1859. № 3. Kn. 15. S. 1–20.
15. *Petkovich K.D.* Livan i livantsy. Ocherki nyneshnego sostoyaniya avtonomnogo Livanskogo general-gubernatorstva v geograficheskom, etnograficheskom, ekonomicheskom, politicheskom i religioznom otnosheniyakh. Zapiska gen. konsula v Beyrute K. Petkovicha [Lebanon and the Lebanese. Essays on the current state of the autonomous Lebanese General Government in geographical, ethnographic, economic, political and religious terms. Note from Gen. Consul in Beirut K. Petkovich]. St. Petersburg, 1885. S. 97–270.

16. *Porfiriy (Uspenskiy), arkh.* Kniga bytiya moego [The book of my existence]. Ch. IV. St. Petersburg, 1886. 470 s.
17. Pravoslavie i Pravoslavnye [Orthodoxy and Orthodox] // SIPPO. St. Petersburg, 1887. S. 111–119.
18. Puteshestviya iz Veny v Moskvu v 1665 g. / Per. s serb. K.D. Petkovicha [Travels from Vienna to Moscow in 1665 / Transl. from Serbian by K.D. Petkovich] // Russkiy vestnik. 1869. T. 83. № 9.
19. *Valeev R.M., Valeeva R.Z., Vasilyuk O.D., Kirillina S.A., Martynov D.E., Khayrutdinov D.R.* Neopublikovannyye pis'ma A.E. Krymskogo A.N. Veselovskomu iz Beyruta (1897 g.) [Unpublished letters from A.E. Krymsky to A.N. Veselovsky from Beirut (1897)] // Vostochnyi arkhiv. 2021. T. 43. № 1. S. 28–37.

Ключевые слова:

К.Д. Петкович, С. Шахаде, Герасим (Яред), М.А. Черкасова,
Большая Сирия, Антиохийский патриархат, православные арабы,
Россия и Православный Восток.

Evgeny M. Kopot'

K.D. PETKOVICH: «RUSSIA HAS SIGNIFICANT INTERESTS IN SYRIA...» QUARTER OF A CENTURY AS THE CONSUL GENERAL IN BEYROUTH (1869–1896)

In Russian historiography, K.D. Petkovich is presented as an outstanding diplomat and explorer of the Middle East. Involvement of The Russian State Historical Archive, The Foreign Policy Archive of the Russian Empire, The Russian State Military Historical Archive, The Department of Manuscripts of the National Library of Russia, documents chronologically covering the entire K.D. Petkovich period of service in Beirut (1869-1896) makes it possible to significantly supplement this characterization by highlighting the main problems of the Russian consular service in Greater Syria. K.D. Petkovich came from a wealthy Bulgarian family, which predetermined his view of the Greco-Arab conflict. He had no training in oriental studies, but at the same time, during his 27 years in office, he showed no interest in learning the Arabic language. For a long time, K.D. Petkovich did not visit the interior of the country, spending almost all his time in Beirut and Lebanon. Over time, the Consul General found himself completely in the hands of his dragomans from the Shahade family. The social position of a real state councilor was expressed in the arrogant nature of relations with Russian subjects and distancing from the local population. K.D. Petkovich diplomatic activity bore the imprint of the ethnic and social origin and was also subject to the negative influence of the institute of the dragomanate.

Key words: K.D. Petkovich, S. Shahade, Gerasim (Yared), M.A. Cherkasova, Greater Syria, Patriarchate of Antioch, Ortodox Arabs, Russia and the Orthodox East.

Evgeny M. Kopot' – Senior Lecturer, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU).

 Копоть Евгений Михайлович

старший преподаватель Института истории и политики МПГУ,
ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.005

А.Т. Урушадзе

«ЗАГОВОРИТЬ ТЕМ ЯЗЫКОМ, КОТОРЫЙ ПРИЛИЧЕН РОССИИ»: ВЫБОРЫ АРМЯНСКОГО КАТОЛИКОСА 1866 г. В ПУТЕВОМ ЖУРНАЛЕ М.Е. ЧИЛЯЕВА*

Российская империя являлась одним из наиболее масштабных интеграционных проектов в истории. На протяжении XVIII–XIX вв. вновь присоединяемые регионы встраивались в имперскую структуру и подвергались административно-правовому реформатированию. Однако особенностью российской интеграции являлся ее обратный, или взаимный характер. Российская империя, безусловно, изменяла окраины: здесь трансформировалась система управления и контроля, менялся хозяйственный уклад, интенсифицировались миграционные и демографические процессы. Но имперские окраины оказывали едва ли не менее заметное влияние на Российское государство и выступали ключевым фактором во внутренней и внешней политике. Для эффективного управления окраинами создавались специальные институты (комитеты, наместничества, генерал-губернаторства, представительства), разрабатывались социально-экономические программы (торговые уставы, колонизационные и образовательные проекты), создавались новые цен-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00520, <https://rscf.ru/project/23-18-00520/>

тры власти и культурной коммуникации (крепости, кордонные линии, города). Российская империя, присоединяя новые территории, расширяла сферу своего геополитического влияния в условиях жесткой конкуренции. Имперские окраины, в свою очередь, получали новые ресурсы развития, а местные элиты становились частью большого общества.

Разумеется, имперская интеграция являлась сложным и противоречивым процессом, в котором переплетались доверие и подозрительность, конфликты и компромиссы, понимание и отчужденность. В этом отношении показательна история взаимодействия российского правительства и Армянской апостольской церкви.

Одним из результатов русско-персидской войны 1826–1828 гг. стал переход армянского духовного центра Эчмиадзина под российский контроль. С этого времени армянский католикос оказался на стыке внутренней и внешней политики Российской империи. Дело в том, что российское правительство рассчитывало использовать армянских католикосов в качестве инструмента давления на Османскую империю с ее многочисленной армянской общиной. Пророссийский католикос действительно мог стать важным козырем в русско-турецком политическом противостоянии¹. Именно это заставляло российское правительство лояльно относиться к проявлениям самостоятельности со стороны армянских католикосов. Крымская война 1853–1856 гг. прервала связи Эчмиадзина и османских епархий Армянской церкви. В целях их восстановления кавказский наместник А.И. Барятинский (1856–1862) предложил избрать католикосом одного из духовных лидеров турецких армян. Это должно было возобновить и расширить влияние Эчмиадзина (а значит и России) в Османской империи. Кавказский наместник понимал, что такое решение было сопряжено с риском получить враждебного католикоса, но рассчитывал, что окруженный преданным России армянским духовенством, новый глава Армянской церкви будет лоялен и полезен империи Романовых.

Выборы католикоса проходили в соответствии с нормами «Положения об управлении делами Армяно-Григорианской церкви в России» от 11 марта 1836 г.² Каждая епархия Армянской церкви выдвигала двух депутатов — духовного и светского — и отправляла их в Эчмиадзин. В Рос-

¹ *Верт П.* Православие, инославие, иноверие: Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012; *Riegg S.* Russia's Entangled Embrace: The Tsarist Empire and the Armenians, 1801–1914. Ithaca, 2020.

² Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. Т. XII. Отд. 1. Санкт-Петербург, 1837. С. 194–209.

сийской империи насчитывалось 6 епархий, в то время как в Турции таких было 45. Таким образом, у турецких армян было 90 голосов из 115³. Выборы были многоступенчатыми и после голосования представителей армянских епархий два избранных кандидата представлялись российскому императору, который и назначал нового католикоса из двух претендентов. Однако на практике все решалось в ходе голосования и претендент, получивший большинство, фактически и объявлялся католикосом. Игнорирование выборного голосования было чрезмерным даже для российского самодержца. Такое вмешательство могло привести к крайне негативным последствиям, поэтому российское правительство предпочитало другие методы влияния на результаты выборов.

Голоса турецких армян на выборах католикоса 1858 г. представляли два депутата — Туманов и Гургенбеков, получившие соответствующий мандат от Армянского национального собрания в Константинополе. Вышло, что именно в Константинополе и был предreshен исход эчмиадзинского голосования. Католикосом стал Маттеос I (1858–1865), ранее возглавлявший Константинопольский патриархат Армянской церкви.

Новый армянский католикос вскоре превратился в последовательного оппонента российского правительства. Маттеос I настойчиво пытался добиться пересмотра Положения 1836 г., открыто выражал недовольство имперским административным контролем. Российские чиновники отвечали взаимностью. После смерти Маттеоса I российский посол в Стамбуле И.П. Игнатъев отметил в одной из официальных депеш: «Маттеос оставил нам урок, который стоит запомнить. Покровительствуемый нами и, как считалось, преданный нашим интересам, он вскоре отвернулся от нас и в конце своей жизни позволил вспыхнуть враждебным настроениям по отношению к нам»⁴.

Одной из причин взаимного непонимания был недостаток у имперской администрации позитивных знаний об устройстве Армянской церкви за пределами Российской империи, а также о раскладе сил внутри многочисленного армянского духовенства. В сентябре 1866 г. в Эчмиадзине состоялись очередные выборы католикоса всех армян. В них вновь участвовали депутаты от турецких епархий Армянской церкви. Российскую сторону на выборах представлял член Совета кавказского наместника Михаил Егорович Чилаев (1821–1878).

³ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 821. Оп. 138. Д. 80. Л. 3.

⁴ РГИА. Ф. 821. Оп. 138. Д. 80. Л. 6.

Это был довольно известный человек на Кавказе. М.Е. Чиляев был сыном Е.Г. Чиляева (1790–1838) — чиновника, а также писателя и переводчика. Михаил Егорович являлся выпускником Царскосельского лицея, служил в канцелярии Военного министерства, а затем сделал хорошую карьеру на Кавказе. Здесь он служил в походной канцелярии первого кавказского наместника М.С. Воронцова (1844–1854), занимал должность управляющего Мингрелией, входил в состав Совета кавказского наместника, а с конца 1860-х и до своей смерти в 1878 г. управлял карантинно-таможенной частью на Кавказе. Современники отмечали М.Е. Чиляева как человека образованного, умного и хорошего администратора⁵.

Основные события миссии М.Е. Чиляева, а именно: встречи с депутатами турецких епархий Армянской церкви, разговоры с армянскими священнослужителями, личные размышления и оценки российского эмиссара нашли отражение в чиляевском путевом журнале, который публикуется впервые. Содержание публикуемого документа заслуживает внимания по нескольким причинам. Во-первых, журнал М.Е. Чиляева демонстрирует попытки российской администрации влиять на результаты выборов армянского католикоса. Как российский эмиссар М.Е. Чиляев проводит встречи с представителями армянского духовенства и наблюдает за выборными процедурами. Во-вторых, определенную ценность имеют портреты армянских церковных иерархов и описания их политических настроений, которые предложены в чиляевском журнале. И, наконец, в-третьих, представляют интерес размышления самого М.Е. Чиляева о выборе политического курса в отношении Армянской церкви.

Здесь необходимо отметить, что, как и большинство российских администраторов, М.Е. Чиляев крайне негативно оценивал деятельность католикоса Маттеоса I, в публикуемом тексте можно найти самые нелестные характеристики этого главы Армянской церкви. Разумеется, чиляевские отзывы о Маттеосе I следует воспринимать критически. Вполне возможно, что М.Е. Чиляев в этом случае лишь следовал доминирующим в российской публичной сфере представ-

⁵ Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // Русская старина. 1910. № 11. С. 520; Столетие Военного министерства. Указатель биографических сведений, архивных и литературных материалов, касающихся чинов общего состава по канцелярии военного министерства с 1802 до 1902 г. Т. III. Отд. 5. Кн. 1. СПб., 1909. С. 193; РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. 1864 г. Д. 192.

лениям. Большой оригинальностью отличается мнение М.Е. Чиляева о необходимости более жесткого и последовательного правительственного курса в отношении турецких епархий Армянской церкви. Рассуждения М.Е. Чиляева логичны и убедительны. Исход выборов армянского католикоса при подавляющем преимуществе голосов турецких армян заранее предрешен: место католикоса неизбежно оказывалось занято ставленником Константинополя. Это приводило к тяжелым для российских интересов последствиям. Влияние Российской империи на армянскую общину Османской империи сводилось к минимуму, скорее наоборот, Стамбул получал возможность влиять на армян, проживающих в пределах государства Романовых. Кроме того, безоговорочная гегемония турецких армян фрустрировала российское армянское духовенство и, по мнению М.Е. Чиляева, подрывала доверие между армянами и Российским государством. М.Е. Чиляев считал императив сохранения единства Армянской церкви, которому следовала российская политика, вредным и опасным. В журнале сформулирована позиция, согласно которой Россия только бы упрочила свое влияние на Кавказе в случае раскола Армянской церкви. По мнению М.Е. Чиляева, Эчмиадзин мог полноценно существовать без турецких епархий, а последние, напротив, остались бы без традиционного исторического духовного центра. М.Е. Чиляев призывал не бояться разделения Армянской церкви и более решительно отстаивать российские государственные интересы. Спустя 16 лет эти идеи М.Е. Чиляева были повторены кавказским главноначальствующим А.М. Дондуковым-Корсаковым (1882–1890) в его «Очерке политического состояния Кавказа» (1882).

А.М. Дондуков-Корсаков отметил, что армянский католикос пользовался в Российской империи «беспримерными правами» и при этом имел на местное население «вредное для целей правительства влияние». Эчмиадзинский престол, по мнению А.М. Дондукова-Корсакова, выступал воплощением идеи политического единства всех армян. Расчет на использование католикоса в качестве тарана во внешнеполитическом противостоянии с Османской империей не оправдался, поэтому А.М. Дондуков-Корсаков предлагал отказаться от императива сохранения единой Армянской церкви. Церковный раскол, как утверждал кавказский главноначальствующий, мог принести России заметные выгоды. «В таком случае Эчмиадзинский патриарх остался бы только духовным главой русских армян и мог бы быть поставлен, по отношению к нашему правительству и к своей пастве, в одинаковые с духовны-

ми главами других иноверческих исповеданий условия»⁶, — подводил итог предлагаемой политической интриге А.М. Дондуков-Корсаков. Эта идея не нашла практического продолжения, но правительственные дискуссии о пределах автономии Армянской церкви продолжались и в начале XX в. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что свою программу решения «армянского вопроса» А.М. Дондуков-Корсаков прямо заимствовал у М.Е. Чиляева. Но и исключать такую возможность не следует. Журнал М.Е. Чиляева был хорошо известен в правительственных кругах. В конце 1866 г. кавказский наместник великий князь Михаил Николаевич отправил журнал чиляевской миссии министру иностранных дел А.М. Горчакову. В свою очередь А.М. Горчаков ознакомил с документом посла в Стамбуле Н.П. Игнатъева и министра внутренних дел П.А. Валуева. Именно журнал М.Е. Чиляева являлся своеобразным экспертным путеводителем по особенностям устройства Армянской церкви и настроениям ее духовенства для политической элиты Российского государства.

Все эти обстоятельства делают публикацию журнала М.Е. Чиляева актуальной в контексте истории поиска оптимальной модели интеграции Армянской церкви в политико-правовое пространство Российской империи. Документ публикуется по авторской выписке, в которой, по-видимому, сохранились почти все сведения оригинала: из 76 разделов выпущенными остались лишь три (12, 26 и 30). Документ публикуется с незначительными изменениями авторской пунктуации и орфографии, которые допускались в целях корректного понимания его содержания. Пропущенные части слов раскрываются в квадратных скобках, сноски под знаком (*) из текста документа, подстрочные пронумерованные сноски — комментарии публикатора.

Выписка из путевого журнала действ[ительного] ст[атского] советн[ика] М.Е. Чиляева с 11 сентября по 18 сентября 1866 г.

Л. 76

1. В конце августа месяца, его высочеству, наместнику кавказскому угодно было командировать меня в качестве представителя высшей правительственной в крае власти, для присутствования при избрании вер-

⁶ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 296. Л. 5.

ховного патриарха, имеюшем происходить в Эчмиадзинском монастыре 17 сего сентября.

2. При этом мне предписывалось внушить избирателям, посредством частных с ними совещаний, что правительство, предоставляя им полную свободу действий, желает одного лишь, чтобы на патриарший престол было избрано лицо, вполне достойное столь высокого положения в духовной иерархии Армяно-григорианской церкви и соответствующее потребностям и нуждам этой церкви, всегда обращавшей на себя попечительное внимание монархов России.

3. 3-го сентября его императорское высочество лично изволил отдать мне еще несколько приказаний, до вопроса этого относящихся, и 11 числа я выехал в Эчмиадзин, куда и прибыл 14 в 6 часов после обеда, пробыв целые сутки в Эривани.

4. Вскоре после приезда моего в Эчмиадзин пришли ко мне депутаты турецких армян⁷ и разговор начался о предметах до предстоящего торжества относящихся. Турецкая депутация состоит из 2-х лиц: светского Акоп-аги Нурендинсиана и духовного, епископа Сисского Нерсеса, при них находится и переводчик.

Л. 77

5. Светский депутат, старик, небольшого роста, с грубыми чертами лица и тупым выражением как бывают они всегда у людей, долгое время находившихся под игом — совершенный тип наших переселенцев армян в Ахалцих и Александрополь⁸. Он поставщик провианта, богат и везет на свой собственный счет депутацию, очень мало говорит, держится, по-видимому, турецкого образа жизни, стоит при богослужении в феске, колоши оставляет у дверей храма, когда входит в него, по тому же турецкому обыкновению. Это лицо ничтожное, безцветное, безсловесное и подставное.

6. Совсем в ином роде другой, он молод, высок ростом, одарен могучим телосложением и красив собою, довольно хорошо объясняется по-французски, хотя выговор его несколько груб и неправилен. Он умен,

⁷ Представители турецких приходов Армянской Апостольской церкви.

⁸ Отвоєванные у Турции в 1828–1829 г. территории Эрзерумского пашалыка, населенные армянами, были возвращены Османской империи по условиям Адрианопольского договора 1829 г. В результате несколько десятков тысяч армян, спасаясь от турецких погромов, переселились в российские города Ахалцихе и Гюмри (Александрополь).

красноречив, деятелен, знает превосходно историю армянского народа, историю его церкви и литературу, но монах далеко не строгий, старается выдавать себя за умеренного прогрессиста, выказывает на словах большую преданность к нам, но пребывание его в Париже и некоторые, невольно вырвавшиеся у него в разговоре со мною выражения заставляют подозревать в нем ревностного сторонника французской пропаганды на Востоке. Такое, по крайней мере, сделал он на меня впечатление.

7. Нет никакого сомнения, что подобные ему люди должны резко выдаваться из той среды, в которой они вращаются, не богатой вообще даровитыми людьми, что ему предстоит блестящая

Л. 78

будущность, что при столкновении, где-нибудь, его интересов с нашими мы встретим в нем опасного и энергического противника. Поэтому, до тех пор, пока мы будем держаться принципа неперменного соединения всех армянских епархий в Эчмиадзине, не излишним было бы иметь епископа Нерсеса на своей стороне.

8. Сопровождавший эти две личности переводчик Наурузианц оказался впоследствии, по словам депутатов, бывшим секретарем армянского национального собрания в Константинополе; только в последние дни стали они называть его *notre collègue*⁹, прежде же избегали давать ему какое-либо название. Это, что называется, пройдоха, в полном смысле слова, готовый при случае, как говорится, и присягнуть и отсягнуть. Но умен, изворотлив, смел и имеет большое влияние на депутатов.

9. После обычных приветствий речь зашла о цели приезда депутатов, о необходимости прочной связи между членами армянской церкви, о числе турецких и наших епархий и соблюдении различных формальностей и обрядов при предстоящих выборах.

10. Заметив в депутатах этих некоторое, не совсем скромное, расположение выставлять, при всяком удобном случае, большинство избирательных шаров перед нашими и желая вместе с тем с первого же раза поставить вопрос в надлежащие границы, чтобы не дать повода дальнейшим и слишком частым объяснениям, обвинить нас в стеснении выборов, я счел необходимым высказать им, между прочим, следующие воззрения мои на

⁹ Наш коллега (*пер. с фр.*)

Л. 79

важный вопрос этот.

11. Я им объяснил, что один только русский император, как христианский государь, по свойственной ему наследственной веротерпимости, а также и счастливому для них сочетанию выработанных историей событий, может вполне обеспечить интересы армян, в чисто религиозном смысле, без всяких иных политических расчетов и соображений, в том именно смысле, в котором охранение этого первостепенной важности дела необходимо для блага армянской нации, что говоря в строгом смысле, собственно для России все равно, где бы ни находился престол патриархий: в Эчмиадзине ли, Сиссе или Константинополе, что Россия и без того верит в расположение армян и рассчитывает на них всегда. Верит, потому что и армяне, без сомнения, не забыли сколько жертв принесла Россия за дело охранения религии их и уверены в безкорыстии той покровительственной политики, которой мы следуем в отношении христианских населений на Востоке вообще, что если Россия желала бы предупредить всякое разделение, то исключительно в видах только одних интересов армян же, чтобы этим единством оградить веру их от своекорыстных покушений западных держав, враждебные замыслы которых противу армянской церкви не подлежат уже, как это хорошо известно и их депутатам, никакому сомнению. «Вы видите, что делает пропаганда эта в областях турецких, — добавил я, — и можете ли вы указать хоть на один пример подобного совращения единоверцев ваших со стороны нашего правительства?»

Л. 80

Они вполне согласились со мной, и епископ Нерсес прибавил, что все армяне-григориане без исключения смотрят на императора нашего как на единственного великодушного благодетеля, избавителя и покровителя своего, о долголетии которого и возсылают молитвы усердные к престолу всевышнего.

13. Затем разговор коснулся числа избирательных голосов и депутатов.

14. Мы признали за турецкими епархиями только 90, по два на каждую 45 показанных ими у себя епархий и одного духовного, другого светского, но депутаты начали настаивать чтобы дозволено было им вместо признанных нами 90 внести 130 избирательных голосов, так как,

объяснили они, два отпадших с давнего времени патриаршеств Сисское¹⁰ и Ахтамарское¹¹, заключающих в себе до 20 епархий, заявляют ныне через них готовность свою подчиниться Эчмиадзину и признают над собою его верховенство.

На это я им отвечал, что они собрались не для заявления новых требований, а для выборов, что всякое подобное предложение должно быть предварительно обсуждено и патриархом¹² и Синодом¹³, что для избрания патриарха ни одно подобное заявление не может быть принято, тем более, что правительством нашим сделано уже распоряжение о признании за турецкими епархиями только 90 голосов и никак не более, о чем сообщено уже Синоду и будет принято последним к руководству при предстоящем избрании патриарха.

15. Напрасно Нерсес, а в особенности секретарь или переводчик Наурузианц делали возражения, доказывая, что требование их основательно,

Л. 81

que c'est une question le principe pour eux¹⁴, я решительно им объявил, что дело это конченное, что мы не можем допустить ни одного лишнего голоса. По избрании же патриарха отпадшие епархии, вероятно, будут приняты в лоно Эчмиадзина, если только со стороны их будут соблюдены все те условия, которые требуются установившимися издавна обычаями и правилами армянской церкви.

16. Потом они стали домогаться, чтобы дозволено им было на выборных листах означить, что они избирают 130 голосами с тем чтобы мы оговорили, что принимаем из тех только 90, но, во избежание могущих впоследствии возникнуть от подобной уступки споров и недоразумений и чтобы не дать им заручиться настоящим случаем, я сказал, что и этого тоже нельзя нам допустить, прибавив, что мне достоверно известно, чрез

¹⁰ Сисский патриархат — Киликийский патриархат Армянской Апостольской церкви. Патриархат Армянской Апостольской церкви в юго-восточной части Малой Азии с центром в городе Сис (ныне — Козан). Патриархат был перенесен в Ливан после геноцида армян 1915 г.

¹¹ Ахтамарский патриархат — с 1113 по 1895 г. автономный патриархат Армянской Апостольской церкви. Название патриархата происходит от острова Ахтамар, на озере Ван, где располагался кафедральный собор католикоса.

¹² Здесь и далее: патриархом — армянским католикосом.

¹³ Синодом Армянской Апостольской церкви.

¹⁴ Что для них это вопрос принципа (*пер. с фр.*).

посольство наше в Константинополе, что вопрос об этих голосах решен уже определительно и в том самом смысле как я говорил. Без чего я не приступил бы ни к каким с ними по предмету этому объяснениям, но они решительно мне объявили, что не могут на это согласиться и что, если им не будет дозволено вписать свои 130 голосов, то они уедут не дождавшись выборов.

17. Разговор тем и кончился, они оставались у меня еще несколько времени, выхваляя деятельность нашего посланника Игнатьева¹⁵ и оказываемое им энергическое покровительство турецким армянам и проч.

Здесь необходимо обратить внимание на одно весьма важное обстоятельство.

18. Откуда в Турции взялось вдруг такое число епархий! Начальник Карабагской епархии архиепископ Саркис заявил мне, что если бы

А. 82

мы стали исчислять свои епархии таким же порядком как турецкие армяне, судя по представленным недавно депутатским их спискам, куда включены между прочим епархии состоящие не более как из 9 дымов населения, то у нас образовалось бы таких более 200.

19. Это привело мне на память очень интересное, в настоящем случае, указание Лаврентия Мосгейма¹⁶ (Mosheim) писателя 18 столетия, который в своей *Historia ecclesiastica*¹⁷ (издания 1776 года) говорит, что в Эчмиадзинском патриаршестве считается 42 епархии, в Сисском, подчиненном Эчмиадзинскому же и которому в свою очередь подчиняется Каппадокия, Каликия, остров Кипр и Сирия, 12 епархий, наконец в <нрзб> Васпураканском или Ахтамарском 8 или 9. Патриархи же Константинопольский и Иерусалимский показаны у него только номинальными, почетными патриархами без епархий.

19.¹⁸ Таким образом, выходит, что в конце 18 столетия у турецких армян было всего 20 епархий, а у нас 42, откуда же с тех пор взялись у них еще 25? Полезно было бы подробно исследовать этот важный вопрос по

¹⁵ *Игнатъев Николай Павлович* (1832–1908) — российский посланник в Османской империи в 1864–1877 гг. В Стамбуле Н.П. Игнатъев приобрел славу протектора славянства и имел большое влияние на внутреннюю политику Турецкого государства.

¹⁶ *Иоганн Лоренц фон Мосхайм* (1693–1755) — германский лютеранский теолог и историк церкви.

¹⁷ *Historia Tartarorum Ecclesiastica* — Церковная история татар (*пер. лат.*)

¹⁸ Сбой нумерации в тексте.

верным источникам как например Мосгейму; les noumeaux memoires des missions de la compagnie de Jesus¹⁹, histoire du Christianisme d’Ethiopie par la Croix²⁰; Paul Lucas²¹, Gemelli Carreri²², Paul Ricaut²³ etc. etc. etc.²⁴

20. Тогда легко было бы доказать туркам, что они не правы и дело само за себя стало бы говорить красноречивее всяких голословных прений!

21. 15 сентября. Весь этот день прошел в различных совещаниях и переговорах как депутатов между собой, так и турецких уполномоченных с теми из направленных к

Л. 83

ним лиц, которых советы и доводы могли убедительно подействовать на них, но они подстрекаемые, вероятно, некоторыми личностями, все еще упорствовали и ни на что не хотели согласиться, так что к вечеру не решаясь принять на себя всей ответственности, в случае несостояния выборов, без предупреждения о том главного в крае начальства, я на всякий случай телеграфировал об этом статс-секретарю барону Николаи²⁵ и получил от него следующий ответ: «Посольство Константинопольское удостоверяет: депутатам турецким предписано не настаивать на принятии 40 новых голосов в случае возражения Синода принять лишние голоса, Синод не обязан считать более 90, если турецкие депутаты хотят протоколы заявить о лишних, которые и не приняты Синодом, то нет препятствия записать заявление, никого не обязующее, больше не следует, выборы не останавливать».

¹⁹ Nouveaux mémoires des missions de la Compagnie de Jésus dans le Levant. Paris, 1755.

²⁰ Histoire du christianisme d’Ethiopie, et d’Armenie. Paris, 1739.

²¹ Поль Лукас (1664–1737) — французский путешественник, купец и натуралист. В начале XVIII в. книги о его путешествиях по странам Африки и Ближнего Востока пользовались большой популярностью.

²² Джованни Франческо Джемелли Каррери (1651–1725) — итальянский авантюрист и путешественник, один из первых европейцев, совершивших кругосветное путешествие без собственного транспорта. Автор книги «Giro Intorno al Mondo» («Путешествие вокруг света»), которая была переведена на английский (1704) и французский (1719) языки.

²³ Пол Рико (1629–1700) — английский дипломат и историк, автор книг об истории Османской империи.

²⁴ Et cetera (лат.) — и так далее.

²⁵ Александр Павлович Николаи (1821–1899) — начальник Главного управления кавказского наместника в 1860–1870-е гг. Один из главных российских экспертов по «армянскому вопросу».

22. Весьма также большое содействие оказал мне в этом деле командированный вместе со мною в Эчмиадзин камер-юнкер барон Сакен²⁶ служа посредником, между властью, выражавшеюся в моем лице, которой твердо надобно было поставить вопрос, избегая всяких уступок и колебаний и депутатами турецких армян, мало понимавшими наши порядки и еще менее желавшими их понять.

23. Приняв из под руки надлежащие меры противу тех лиц, которые не желали выборов, потому что разочаровались в своих надеждах и расчетах и всеми силами старались сбивать турецких уполномоченных разными превратными толкованиями и советами, я нашел случай еще как бы невзначай встретиться с Нерсесом и Акоп-агою, еще раз выразить им сожаление, что выборы могут не состояться от

Л. 84

их упорства, весьма раздражающего Эчмиадзинскую братию, заметил, что они берут на совесть свою огромную ответственность и пред единоверцами своими, и пред потомством, и спросил, когда намерены они ехать?

24. Они замялись и отвечали мне, что еще подумают и к вечеру за несколько часов до получения ответной депеши бар. Николаи согласились на все.

25. Таким образом, не без больших усилий и хлопот, дело с депутатами Турции уладилось, наконец, но зато обнаружилось сильное негодование со стороны местного духовенства, которому лица эти весьма не понравились!

16 сентября. Наконец я был с визитом у первоприсутствующего в Синоде архиепископа Геворка Тавризского, затем к некоторым епархиальным начальникам и отдал визит турецким депутатам. В беседах моих с нашим духовенством я прямо ничего не говорил на счет выборов лица, но старался вызвать вопросы с их стороны, и тогда в виде частного моего мнения, высказывал свои предположения, на кого мог бы пасть жребий. Я им говорил, что противу большинства не благоразумно было бы идти, что всякое старание и усилие противодействовать этому большинству повело бы к столкновениям, спорам, неудовольствию, несовместным ни

²⁶ *Максимилиан Александрович фон дер Остен-Сакен* (1833–1884) — участник Кавказской войны, позднее занимал должности ставропольского (1873–1876) и тифлисского губернатора (1876–1877).

с святостью места, куда мы собрались, ни с торжеством предстоящего акта, что по отзыву всех знающих его предполагаемый кандидат на звание патриарха, архиепископ брусский Геворк вполне соответствует будущему своему высокому назначению, но всех этих объяснений недостаточно было, чтобы успокоить столько разгоревшихся страстей, утешить столько несбывшихся надежд неисполненных мечтаний! Монахи поняли в чем дело и пришли в уныние, понятное

Л. 85

всякому, кто сколько-нибудь знаком с бытом и стремлениями здешнего духовенства, целью и мечтою всей жизни которых — патриарший престол Эчмиадзина. Все их старания, вся деятельность, деньги, влияние, кредит — все это бережется для этого лишь дня; поэтому и неудивительно, что после моего с ними свидания лица их приняли суровое, грустное и озабоченное выражение и на всех отразилось то тяжелое чувство, какое всегда овладевает человеком при мысли об уступке законных прав своих, ничем не оправдываемому, в глазах его, насилию.

27. Этого же числа происходило между духовенством эчмиадзинским, депутатами от разных епархий и братиею монастыря, домашнее предварительное совещание, обыкновенно назначаемое за день или за два до выборов, с целью окончательного соглашения всех могущих встретиться противоречий и недоразумений, так чтобы, в самый уже день выборов, в храме, не допускать никаких пересуд, не приличествующих святости места. Были сильные и оживленные споры; положено чтобы более 90 голосов Синоду не принимать от Турции; выражено многими сомнение на счет доверенности турецких депутатов, так как она не была засвидетельствована, по примеру прошлого раза, нашим посольством; да кроме того и самые лица не были в ней поименованы, епископа же сисского Нерсеса не хотели вовсе признавать, так как на патриархов и епархиальных этой местности Эчмиадзин всегда смотрел, как на отступников и самозванцев, не имеющих права на какое-либо со стороны его внимание.

28. Неопределенное, противоречащее во многом положению нашему 1836 г.

Л. 86

письменное полномочие это не могло в сущности не вселить большого недоверия людям нам преданным, и без того уже недружелюб-

но взиравшим на действия турецких армян, из коих депутат духовный Нерсес, в числе прочих, также подписался на акте, его же самого уполномочивающем быть избирателем!

29. Здесь кстати [надо] заметить, что необходимо было бы на будущее время установить более определенную форму для подобного рода полномочий, где бы видны были подлинные подписи представителей всех турецких епархий и чтобы действительность подобных актов, на общем основании, заверяема в нашем посольстве. В противном случае, духовенство эчмиадзинское и Синод могут и не принять их, как они хотели это сделать и в настоящем случае, если бы я лично не заверил, что это действительно те самые лица, о которых идет речь, и что мне это положительно известно из переписки посольства константинопольского с кавказским начальством по делу предстоящего избрания. Самое же лучшее было бы, чтобы на выборы патриарха в Эчмиадзин являлись не одно или два лица, но уполномоченные от каждой епархии отдельно, это несравненно было бы выгоднее для нас.

Сего же дня я, между прочим, узнал, что многие из избирателей наших сильно противятся турецким депутатам и не хотят даже присутствовать вовсе при выборах, но энергическим содействием и влиянием исправляющего обязанности патриарха тавризского епархиального Кеворка и в особенности карабагского Саркиса, показавших при этом случае редкое бескорыстие, так как оба они были в числе претендентов, удалось уговорить недовольных, успокоить взволнованные страсти, рассеять интриги и произвести на следующий день,

Л. 87

17 сентября, выборы патриарха с примерным порядком и благочинием.

31. Кеворк и Саркис заслуживают полного внимания правительства.

32. 17 сентября после божественной литургии и молебствия о здравии и долгоденствии государя императора и всего августейшего дома, о приведении к присяге светских депутатов, произведены были выборы с полным благочинием, подобающим святости места и важности совершившегося акта.

33. Перед подачей голосов произнесены были приличные обстоятельству речи, сначала первоприсутствующими, архиепископом Кеворком Тавризским, потом Тифлисским Макарием, и сказано блестящее и живое слово епископом Нерсесом.

34. Он говорил о дружном соединении армян, о благе для нации, долженствующем произойти от этого братства при покровительстве России, великодушному монарху, которому, даровавшему свободу миллионам своих подданных, так легко совершить всякое дело заступничества, умиротворения и добра!

35. Красноречивое слово это, проникнутое преданностью к государю и верою в его неизменное и мощное покровительство армянской нации, привело в восторг все собрание и чуть не огласило тысячелетние своды эчмиадзинского храма шумными рукоплесканиями.

36. Затем приступили уже и к самому обряду выборов, и так как на предварительных собраниях и частных совещаниях определены и согласены были все главные статьи вопроса, то и выборы окончились в одно заседание.

37. В кандидаты избраны: единогласно Геворк Брусский²⁷ и одним большинством наших голосов Маттеос Астраханский, человек старый, слабый и отживший уже свой век.

38. Предполагали избрать вторым кандидатом Саркиса Карабагского, но он отказался. Турецкие депутаты подписали

Л. 88

избирательный лист глухо, не оговаривая числа голосов их доверителей; от избрания же кандидата, на основании примера прошлых выборов, уклонились, объявив, что всем кандидатам они дают черные шары, так что Маттеос был избран одним только большинством наших белых шаров. Это впрочем и лучше, так как подобный порядок выборов дает нам возможность всегда иметь второго кандидата из эчмиадзинского духовенства.

39. Я был очень доволен, что представилась возможность окончить выборы в одно заседание, потому что дальнейшее промедление оных, кроме интриг, подстрекательств, раздражения и неприличных столкновений, клонящихся к приостановлению выборов, ни к чему хорошему не повели бы.

40. В два часа в парадных патриарших покоях был обед, на котором провозглашены были тосты за здравие государя императора, всего августейшего дома, великого князя наместника, будущего патриарха

²⁷ Архиепископ Геворг Брусский и был утвержден императором Александром II новым армянским католиком — Геворгом IV (1865–1882).

и других. Нужно заметить, что турецкие депутаты старались, как тут, так и при всяком другом удобном случае, именовать Геворка Брусского прямо патриархом, а не кандидатом на патриарший престол, каким он должен по настоящему называться, до высочайшего утверждения его в этом звании, с очевидной целью показать нашим, что считают дело совершенно оконченным и не требующим никаких дальнейших утверждений.

41. За обедом сосед мой NN, один из самых дельных, умных и во всех отношениях приличных представителей эчмиадзинского духовенства, указывая мне на турецких уполномоченных, говорил: «мы часто с ними спорим, они прославляют

Л. 89

все свое либеральное правительство и свободные свои учреждения, которых на деле, однако же, не оказывается. Я это им заметил раз, они обиделись, не хочу я их только больше сердить, и то сказал бы им еще: как это либеральное то правительство запретило недавно в армянских училищах петь по-армянски, а позволяет только петь по-турецки, хороши будут церковные гимны на турецком языке! Они все твердят нам: «у вас нет совести — она в руках правительства», — я же им отвечаю, хорошо, положим, что так, а у вас то? Не лучше [ли] отдать свою совесть покровителю нашему, христианскому государю, чем султану, все-таки она сохранится чище. Или еще, у вас, говорят они, Святая Троица не в 3-х, а в 4-х лицах, подразумевая, что в 4-м лице правительство. Хорошо, отвечаю я, но у вас если уже так, она может быть и более, чем в 4-х, но все-таки лучше, чтобы 4-е было лицо христианского владыки, чем мусульманина. Ваше 4-е лицо змей, которого придушил северный ураган, но только на время, как это бывает с годами. Погодите, дайте ему обогреться на весеннем солнце и тогда он снова подымет голову и начнет вас жалить».

42. Мягкая неправильность русского слова придавала речи соседа моего необыкновенную оригинальность, сильные же библейские сравнения и образы не мало умеряли, как я слышал, в заезжих противниках его тщеславную претензию блеснуть заимствованным у европейцев остроумием.

43. С кем именно происходил у него этот разговор он мне не говорил, я же подозреваю, что с переводчиком, но из всего этого можно заключить, как [не] полезно нам сближение с турецкими армянами, которые проповедуют у нас такие правила нравственности.

44. Разговор попеременно переходил от предметов обыкновенных к сюжетам

Л. 90

более серьезным и интересным и собеседник мой продолжал говорить откровенно и оживленно.

45. «Что они, в самом деле, думают, кого хотят морочить своим Сисом и Ахтамаром, которые они с таким шумом и торжеством хотят снова подчинить нашему патриарху? Сис и Ахтамар отрезанные ломти, не улечься им более никогда в лоно эчмиадзинской церкви! Сколько времени они живут своей собственной жизнью, ни мало не заботясь, что делается в Эчмиадзине, расходуют свои сборы, не спрашиваясь никого, посвящают в епископы и распоряжаются по своему усмотрению всем монастырским добром. Что же за причина, что они теперь, в настоящую именно минуту, когда отношения к Эчмиадзину турецких армян и наоборот, самые холодные, натянутые, неестественные, какая причина, спрашиваю я, что они с такой настойчивостью навязываются на подчинение. Если бы это было еще соединение искреннее, братское, если бы они захотели стать к нам в такие же отношения, в каких находятся все другие епархии, против этого никто ничего бы не сказал, а то...» Что же вы не договариваете, говорите!

46. «Нет, всего нельзя сказать, я знаю это на опыте».

Будьте откровенны, я вас не выдам.

«Я говорю, — продолжал он, — что тут кроется что-то другое. Епископ Нерсес посвящен в архиепископы Сисские, но чтобы это было прочно и законно, ему, по установившемуся в церкви нашей порядку и принятым правилам, необходимо быть утвержденным в сане этом верховным католиком всех армян, он и бьет на это, ему уже и обещано, что как только последуют выборы Геворка Брусского, последний тотчас же посвятит его в патриархи Сиса с правами католика,

Л. 91

Нерсес тогда сам будет назначать епископов, и не спрашиваясь ни в чем Эчмиадзина делать, что ему угодно, как полновластный хозяин, тогда то он и отделится на самом деле.

47. Какая же от такого соединения польза — или русскому правительству, или монастырской казне, или делу церкви. Только лишние голоса

прибавятся к турецким, и без того уже многочисленным в сравнении с нашими. Также и Ахтамар! Я тут не вижу никакой пользы, напротив явный вред. В этом-то видимом наружном присоединении и кроется мне кажется настоящий зародыш отделения, а может быть и задняя мысль попользоваться как-нибудь эчмиадзинскими доходами, потому что свои у них очень оскудели! Дай Бог, чтобы я ошибался», — прибавил он вздыхая.

Разговор прекратился, и я вынужденно почти должен был согласиться с тем, что слышал.

48. «А скажите мне, — продолжал я, — как вы смотрите на вопрос об отделении турецких епархий от Эчмиадзина, если бы когда-нибудь такое отделение могло угрожать Армянской церкви?»

49. «Я не верю в серьезное отделение» — отвечал он, — Эчмиадзин с своими тысячелетиями освященными и укрепленными преданиями историческими и религиозными, мощами Св. Григория, Араратом! Никогда!»

50. «Посмотрите, — сказал он мне, — на всю эту даль Вагажилатайской равнины²⁸ от Арарата до Алацега; на всем огромном пространстве этом она полна святынями; тут больше церквей и памятников древности, чем камней! И какие воспоминания! Нет! Эчмиадзин всегда будет алтарем и сердцем Армянской церкви, без него нет народа, и тяготение самых

А. 92

лучших побуждений, самых отрадных надежд всей нации неизменно будет направляться в эту сторону! Отчего Рим всегда останется Римом для потомков, то же самое и с армянами, это сравнение безусловно верно, поверьте мне! Отделятся, может быть, несколько так называемых передовых людей, да каких-нибудь безнравственных журналистов — это еще не беда. Но благомыслящие люди, немало простого народа в особенности — никогда! Они бессознательно понимают, что умерло все, что бьется только еще одно сердце и это сердце Эчмиадзин. Упраздните его, и потухла искра жизни! Это они очень хорошо понимают!»

51. Да впрочем, это отделение, которого все так страшатся, не совершилось ли уже оно и настолько, насколько оно было возможно и далее чего оно уже не может идти, и стоит ли приносить какие-либо серьез-

²⁸ Араратская равнина.

ные жертвы или делать усилия для удержания бесплодного призрака — повторял я сам себе? Осталось ли что-нибудь общего между здешними армянами и турецкими?

52. Я невольно стал вдумываться в вопрос этот, возбужденный всеми сюжетами, что я видел и слышал в последнее время в Эчмиадзине и являющийся мне теперь в совершенно новом свете!

53. И действительно, соображая все соприкасающиеся с вопросом этим обстоятельства, невольно приходишь к убеждению, что отделение давно уже совершилось²⁹ с 1113 года образованием патриаршеств Ванского, Сисского и Иерусалимского; в 1461 году Константинопольского и окончилось в начале нынешнего столетия, когда по поводу соблазнительных распрей между патриархами Даниилом и Давидом армяне турецкие совсем отстали от Эчмиадзина и обратились к Сису. С тех пор ни одного рубля³⁰ не поступило из Турции

Л. 93

в монастырскую казну, кроме разве от богомольцев; сношения почти совершенно прервались и в самом назначении патриарха армяне турецкие стали принимать самое равнодушное участие, предоставляя избрание по произволу наших же армян, на имя которых и высылались доверенности пока наконец, в последнее уже время, различные политические партии не обратили на предмет этот внимания константинопольских интриганов.

54. Осталась только одна духовная неразрывная связь с Эчмиадзином и никакие политические перевороты не в состоянии разорвать ее, как не в состоянии сдвинуть со своего места Арарата или поворотить назад течение 15 столетий, протекших с основания Вагаршапатской области. Но связь эта не от мира телесного, она мысль, чувство, которому несвойственно никакое воплощение, могущее превратить его в орудие механической силы для подъема и разрешения какой-либо политической или административной задачи.

55. Было действительно время, когда Армения могла считаться крупной единицей в политическом и религиозном отношении. Это та эпоха, когда она составляла могучее государство, когда вся торговля Ост-

²⁹ Здесь вставка сверху: оно началось.

³⁰ Примечание. Даже с собственных имений Эчмиадзинского монастыря в Смирне и <нрзб> доходы никогда не достигают монастыря и расходуются в Турции же.

Индии с Европой шла по Евфрату и создавала в пустынях многолюдные и пышные города, но когда римское владычество сокрушило самобытность ее и торговля по открытии пути около мыса Доброй Надежды приняла новые направления, промышленные центры перестановились, бассейн Евфрата опустел, великолепные когда-то города Астапан, Артаксата, Двин, Вагаршапат, Джульфа, <нрзб>, по мановению той же волшебной силы, которая их создала, превратились в груды развалин, или исчезли бесследно, тогда

Л. 94

и армянские капиталисты, лишенные оборотов в отечестве своем, переселились в Египет, Турцию, Персию, Индию и нанесли последний удар отечеству своему. Армения перестала быть единицей политической и сделалась единицей торговой.

56. С тех пор главными интересами ее жителей сделалась промышленность и, безусловно, управляет всеми их действиями и побуждениями.

57. Мощная когда-то держава распалась, оставив после себя только одну крепкую неподвижную точку Эчмиадзин. Но это все-таки точка, лишенная всех свойств сделаться когда-либо могучим рычагом.

58. Странно только одно, отчего мы из какой-то непонятной робости не хотим сознать, что уже давно невозвратно совершилось, и все как-то избегаем назвать факт настоящим его именем! Не происходит ли это из опасения, чтобы потеряв от слишком гласного разделения патриархатства, последнюю опору свою в Эчмиадзине, заграничные армяне не сделались игральным своекорыстных стремлений западных держав, которые бы стали прямо обращать их в иноверцев. Но зло это в обширном размере существует и теперь и для отвращения его нужна иная сила!

59. Во всех же остальных случайностях, при каких бы политических переворотах они не возникали, армяне везде будут нашими друзьями и всегда радоваться успехам нашим.

60. Да и что в состоянии сделать одна религиозная связь в настоящем веке при теперешнем направлении европейской политики, где только одна сила и берет все, и когда религиозные верования день ото дня слабеют и перестают служить твердой, как прежде, опорой международных отношений, при всесокрушающем учении новых религиозных школ? Чтобы далеко не ходить за бесчисленными примерами, достаточ-

но указать только на Грецию, которая была и не в таких отношениях к России, как Армения, однако, что же она могла сделать для нас. Было действительно время, когда религия значила все, когда самые крепкие союзы сковывались и разбивались ей, а теперь она, к сожалению, утратила свое прежнее могущество и отошла на второй план.

61. Вопрос этот, кажется, достаточно выяснен ходом событий последнего 25-ти летия, чтобы о нем распространяться далее, но в отношении Эчмиадзина необходимо было бы определить, до каких пределов должны простираться уступки наши и старания, чтобы сохранить единство патриаршего престола и не допустить разъединения? Прежде всего, надлежало бы спросить себя, будем ли мы иметь на патриарха, таким образом, избранного, хотя и пребывающего в Эчмиадзине, то влияние, которое желательно было бы на него сохранить. В ответ на это положительно можно сказать, что нет, если выбор его будет в руках турецких епархий, и с самого начала избрания патриарх не будет обставлен людьми, которые бы могли его приготовить к управлению и вразумить надлежащим образом.

62. Последний патриарх Маттеос, о котором сказано будет ниже, доказал это вполне, к величайшему стыду нашему и соблазну всего народа.

63. Кроме того, стараясь сохранить единство между епархиями армянскими и боясь разрыва, мы не только не приходим ни к какому положительному и полезному результату, но напротив, ставим себя в положение совершенно ложное, в зависимость не совсем приличную от наглых требований <нрзб> и большинства

Л. 95

турецкого, а главное зло восстанавливаем против себя самое послушное, самое преданное нам духовенство наших армянских епархий.

64. До назначения Маттеоса мы могли еще надеяться, что выбор патриарха из заграничных кандидатов мог бы принести нам какую-нибудь пользу, но выбор пал на такого человека, который своей грубой натурой, необразованностью, корыстолюбием, возмутительным пренебрежением самых святынь обязанностей своего сана и христианина, явным неповиновением нашей власти вызвал против нас всеобщее негодование, чтобы не сказать более, разорил в конце монастырскую казну, расхитил редкости, распродал церковную утварь и стал живым для нас укором в глазах всех подвластных нам армян! Каких же чувств, какой же пре-

данности можем мы ожидать от людей, всю свою жизнь обрекших на скудное монашеское существование, с одной лишь отрадной мыслью, достичь когда-нибудь звания патриарха, когда мы убиваем безотрадно последнюю их надежду, навязывая им в неограниченные властелины чудовищных Маттеосов! А между лицами духовенства есть люди вполне достойные этого звания и по умственным, и по нравственным качествам, отлично ознакомленные с потребностями народа, преданные, благочестивые. Что же мы делаем с ними? Их же преданностью и влиянием на общество и духовенство пользуемся мы, в явный и оскорбительный ущерб их собственных интересов, чтобы без столкновений, без волнений, тихо и смиренно возводить в патриархи Маттеосов!

65. Не могу без особого чувства сострадания вспоминать мрачные лица наших епископов, с трудом удерживающихся <нрзб> самыми заветными, самыми дорогими для них интересами они должны жертвовать кичливым требованиям каких-нибудь заморских бродяг, явившихся к нам в образе турецких депутатов! И с какой искренностью и бескорыстием люди эти готовы отказываться от всего и содействовать видам и воле правительства при малейшем на то намеке нашем! А между тем люди эти имеют и силу, и кредит, и многочисленных приверженцев и могли бы оказать упорное сопротивление! Но их мы не поддерживаем, хороших качеств их не замечаем, или не признаем и когда-нибудь жестоко поплатимся за такое равнодушие!

66. Без энергического содействия, например Саркиса Карабагского и Геворка Тавризского, выборы могли не состояться и турецким депутатам пришлось бы, может быть, со срамом выехать из Эчмиадзина!

67. Светское общество и все вообще остальные армяне тоже не хорошо смотрят на преобладание на выборах константинопольских голосов и желали бы предоставить больше прав и шансов эчмиадзинскому духовенству!

68. Таким образом, не достигая никакой существенной пользы от чрезмерного старания сохранить единство, мы приходим однако к двум совершенно неожиданным и плачевным результатам, а именно: не связывая этими усилиями к себе никого и показывая какую-то несостоятельность, мы вместе с тем положительно отталкиваем от себя веками приобретенное к нам уважение и преданность самого надежного и самого полезного для нас населения наших русских и кавказских армян. Откровенно говоря, надо признаться, что все они в этом покровительстве турецкому большинству видят одну только нашу слабость, что мне неоднократно многие и высказывали частным

Л. 96

образом. Окончательный же результат <нрзб> воззрения на нашу политику может повести к тому, чего мы более всего должны опасаться, а именно к весьма естественному, по теории притяжения слабого к сильнейшему, сближению здешних армян с турецкими, в видах далеко не удовлетворяющих требованиям политики нашей на Востоке! Приведу в подтверждение сказанного одно, весьма характеристическое обстоятельство, случившееся на выборах. Одно из духовных лиц, пользующееся довольно хорошей репутацией, нашел приличным, во все время пребывания в Эчмиадзине депутатов из Турции, как можно далее держаться от всех наших правительственных лиц и к обеду в день выборов надел на себя один только турецкий орден, тогда как у него были и русские. Лицо это все время находилось в самых близких сношениях с заграничными депутатами и нет никакого сомнения, можно это сказать в его оправдание, что он сделал этот промах как по незнанию приличия, так и по косвенному, по всей вероятности, внушению новых своих друзей, прибывших из-за моря!

69. Вот до какой степени сомнение к нашему могуществу начинает влиять на общественное мнение и незаметно, глухо, подкапывать его [не] в нашу, конечно, пользу! Остается только одно верное еще средство исправить зло, показав турецким армянам, или лучше сказать шайке аферистов, которые руководят этим вопросом, что мы не боимся отделения, что не нам, а им от того придется потерять, что если подобное отделение совершится, то их тогда по рукам разберет иноверческая пропаганда, что мы безусловно предлагаем свою программу, увеличиваем число наших епархий, применяясь к тому способу деления, который принят в Турции и если не угодно будет им на все на это безусловно согласиться, то мы без них обойдемся. Пора, наконец, хоть в этих второстепенных вопросах, не влекущих за собой непосредственно войны, заговорить тем языком, который приличен России!

70. Я бы посмотрел тогда, как турецкие армяне решились бы отделиться от здешних!!

71. Остается еще один важный вопрос, близко связанный с эчмиадзинским делом, а именно: не представляет ли, в настоящее время, прочное соединение Эчмиадзина с Турцией и учащенные с сею последней сношения тех опасностей, которыми различные вредные влияния европейских держав угрожают не только армянской церкви, но и образу мыслей и добрым отношениям армянской нации к России?

72. Нет никакого сомнения, что враждебные для нас влияния эти будут проводиться в Турции и уже проводятся, настойчиво, энергично и искусно, и что, заразив тамошнюю армянскую молодежь, влияния эти перенесутся целиком путем религиозного общения в самый Эчмиадзин.

Тогда у нас, в центре Закавказья, явится рассадник всяких превратных мыслей, политических агентств, всяких извращенных пересуд и толкований и легко привить заразу эту к здоровым еще нравственно и преданным России племенам! Не запереть ли ворота, пока есть еще время и благовидный к тому предлог, без насилия и скрытых мер, пока дела идут еще по принятому ими направлению и двигаются в этом смысле собственной своей, так сказать, тяжестью?

71³¹. 18 сент[ября]. Весь этот день оставался я в

Л. 97

Эчмиадзине, как для осмотра некоторых из древностей, так и для приведения в порядок своих бумаг. Какое везде и во всем запустение после патриарха Нерсеса³², которого я хорошо знал лично и несколько раз навещал в Эчмиадзине. Он, по смерти своей, оставил говорят больше 160 т. руб. сер., превосходное хозяйство, столь необходимое для монастыря, где кроме многочисленной братии ежегодно кормится от 300 до 1 т. богомольцев, отличный завод кровных арабских лошадей, шелковую фабрику, множество верблюдов, огромные стада коров, овец и проч. Его преемник Маттеос расстроил, истребил и раздал своим родственникам все это. Ни денег, ни заведений, ни хозяйства уже более нет, он продавал за деньги все: звание священническое, должности епархиальных начальников, утварь, редкости, имущество монастырское, старинные вещи и даже на фунт велел продавать на базаре бумагу драгоценных документов, хранившихся в архивах. По счастью ему сказали, что охотников на покупку такой старой бумаги не оказывается и тем остановили это страшное святотатство! Он никогда не ходил в церковь, ни разу не общался, в течении 6 лет ни разу не выходил за ограду монастырскую и никого не принимал; в довершение же позора и соблазна, ограбил памятник английского посланника в Персии Макдональда, похороненного в Эчмиадзинской церкви, сняв с него мраморные украшения и упо-

³¹ Сбой нумерации в тексте.

³² *Нерсес V* (1770–1857) — армянский католикос в 1843–1857 гг. Сохранял партнерские отношения с российской администрацией в лице кавказского наместника М.С. Воронцова (1844–1853).

требил их для какой-то своей надобности. На увещания же прокурора Синода касательно всех

Л. 97 об.

подобных беспорядков, или замечания прочих лиц, что после всего этого остается только одно — снять с собора крест и сделать из него табакерку — он иронически улыбался и на ломаном французском языке отвечал: Pardon мусье, Pardon³³!

Какая комическая драма!

72. Вот какого патриарха выбрало большинство турецкое и вот чего опасаются снова наши армяне! Как жаль, что мы положились на турок и этой презренной личности оказано было столько незаслуженных почестей, в ущерб нашему достоинству!

73. Но, кто же знал, что так случится? Кто же поручится, что этого не будет впредь? Какая гарантия у нас в будущем? Говорят, что и Маттеос до назначения своего был весьма хороший человек, да слишком высокое положение вскружило ему голову и преобразило совершенно!

М. Чиляев.

РГИА. Ф. 821. Оп. 138. Д. 87. Л. 76–97 об.

³³ Простите (пер. с фр.).

REFERENCES

1. Centenary of the War Ministry. Index of biographical information, archival and literary materials relating to general ranks in the office of the War Ministry from 1802 to 1902 [Stoletie Voennogo ministerstva. Ukazatel' biograficheskikh svedeniy, arkhivnykh i literaturnykh materialov, kasayushchikhsya chinov obshchego sostava po kantselyarii voennogo ministerstva s 1802 do 1902 gg.]. Vol. III. Sect. 5. Book 1. St. Petersburg, 1909 (in Russian).
2. Complete collection of laws of the Russian Empire [Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii]. Coll. II. Vol. XII. Sect. 1. St. Petersburg, 1837. pp. 194–209 (in Russian).
3. Memoirs of Count Konstantin Konstantinovich Benkendorf about the Caucasian summer expedition of 1845 [Vospominaniya grafa Konstantina Konstantinovicha Benkendorfa o kavkazskoy letney ekspeditsii 1845 g.] // Russian antiquity [Russkaya starina]. 1910. № 11. pp. 505–530 (in Russian).
4. Riegg S. Russia's entangled embrace: The Tsarist Empire and the Armenians, 1801–1914. Ithaca, 2020.
5. Vert P. Orthodoxy, heterodoxy, heterodoxy: Essays on the history of religious diversity of the Russian Empire [Pravoslavie, inoslavie, inoverie: Ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiyskoy imperii]. Moscow, 2012 (in Russian).

Ключевые слова:

Российская империя, армянский католикос, кавказский наместник.

Amiran T. Urushadze

«SPEAK IN THE LANGUAGE THAT
IS APPROPRIATE FOR RUSSIA»:
THE ELECTION OF THE ARMENIAN
CATHOLICOS IN 1866 IN THE TRAVEL
JOURNAL OF M.E. CHILYAEVA

The article presents the publication of the travel journal of State Councilor M.E. Chilyaev, who in September 1866 took part in the elections of the Armenian Catholicos as a Russian observer. Journal M.E. Chilyaev contains valuable information about the Russian government policy towards the Armenian Church, the political sentiments of the Armenian clergy. The assessments and opinions of M.E. deserve special attention. Chilyaev, including his conviction in the need for a tougher line towards the Turkish Armenians. Journal M.E. Chilyaev was known in government circles, and some of his provisions continued to be discussed in discussions on the «Armenian question» in the second half of the 19th – early 20th centuries.

Key words: Russian Empire, Armenian Catholicos, Caucasian Viceroy

Introduction, preparation for publication and comments:

Amiran T. Urushadze — Ph.D. in History, Associate Professor of the Faculty of History of the European University in St. Petersburg.

Введение, подготовка к публикации и комментарии:

 Урушадзе Амиран Тариелович

кандидат исторических наук, доцент факультета истории
Европейского университета в Санкт-Петербурге

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.006

Ф.В. Георги

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛ В ИЕРУСАЛИМЕ А.Г. ЯКОВЛЕВ

Биографические материалы

даты рождения выдающегося дипломата, драгомана и востоковеда Александра Гавриловича Яковлева (1854–1909), долгие годы представлявшего российские интересы в Иерусалиме, в том числе в 1897–1907 гг. в качестве императорского генерального консула, 19 июня 2024 г. исполняется 170 лет. Заключительный этап своей жизни он провел на посту министра-резидента (главы миссии) в Сиаме.

В последние годы интерес к деятельности А.Г. Яковлева, посвятившего свою жизнь русскому делу в Святой земле, проявили как историки русского церковно-дипломатического присутствия и влияния на Ближнем Востоке, в первую очередь известный знаток этого вопроса Н.Н. Лисовой (1946–2019), так и представители внешнеполитического ведомства — во многом в практических целях, так как его наработки с успехом используются и в веке XXI.

9 февраля 2023 г. Посольство России в Израиле провело на Сергиевском подворье в Иерусалиме в преддверии Дня дипломатического работника Российской Федерации торжественное мероприятие, посвященное

А.Г. Яковлев с семьей на фоне здания российского генерального консульства в Иерусалиме. Не позднее 1907 г.

памяти Александра Гавриловича¹, а также подготовило веб-сайт <https://yakovlev-jerusalem.ru>, на котором размещены биография дипломата, связанные с ним оцифрованные архивные документы и фотоматериалы.

Внимание к личности своего предшественника со стороны современных дипломатов подтверждает тот факт, что наследие А.Г. Яковлева актуально и сегодня. По мнению Н.Н. Лисового, выполненная дипломатом «Опись всех русских недвижимостей в Палестине и Сирии от 19 июня 1895 г.» подвела впечатляющий итог русского присутствия в Палестине к концу XIX в. и донныне является надежнейшим историческим источником². Каталог имущества постоянно им дополнялся и уточнялся, к 1903 г. насчитывал 73 объекта.

Речь идет о материальной основе феномена «Русской Палестины». К 1914 г. российская сторона обладала на османском Ближнем Востоке земельными участками (в общей сложности около 70) с суммарной пло-

¹ Об участии посла России в Израиле в открытии выставки, посвященной А.Г. Яковлеву и его роли в укреплении российского присутствия в Святой земле. https://www.mid.ru/ru/press_service/photo/meropriyatiya_v_zagran_uchrezhdeniyah/1853411 (дата обращения: 20.06.2023).

² Лисовой Н.Н. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. М.: Индрик, 2020. Т. 1. С. 23.

щадью около 150 га³, на которых были возведены православные храмы и обители, школы и больницы для местного христианского населения. Наиболее значимые из них располагались на территории современных Израиля и Палестины.

22 объекта было продано в рамках «Соглашения о продаже Правительством Союза Советских Социалистических Республик имущества, принадлежащего СССР, Правительству Государства Израиль» от 7 октября 1964 г. («Апельсиновая сделка»). Тем не менее вопросы перерегистрации оставшегося имущества бывшей Российской империи на Российскую Федерацию по-прежнему остаются актуальными для российско-израильской повестки дня. Тематика таких переговоров не ограничивается Александровским подворьем в Старом городе Иерусалима.

С изучения составленных А.Г. Яковлевым и систематизированных Н.Н. Лисовым⁴ аналитических обзоров владельческой документации по русским земельным участкам и постройкам в Святой земле начинается работа без преувеличения каждого сотрудника Министерства иностранных дел (МИД) Российской Федерации, вовлеченного в продолжающийся процесс возвращения ближневосточной недвижимости бывшей Российской империи.

В частности, сведения, содержащиеся в вышеназванной описи, сыграли важную роль при подготовке мирового соглашения между Российской Федерацией и муниципалитетом Иерусалима об уточнении границ и площади российского земельного участка, расположенного на пересечении улиц Кинг Джордж V и Маалот в Западном Иерусалиме, подписанного 18 мая 2023 г.⁵ По оценке посла России в Израиле А.Д. Викторова, генконсул внес неоценимый вклад в упорядочение российской собственности в Святой земле, сделал много для того, чтобы сохранились документальные подтверждения приобретенных российской стороной земельных участков⁶.

³ Бутова Р.Б. Вопросы послевоенного обустройства Палестины в Совете Императорского Православного Палестинского Общества (1915) // Христианство на Ближнем Востоке. 2023. Т. 7. № 1. С. 7.

⁴ Лисовой Н.Н. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. М.: Индрик, 2020. Т. 1. С. 751–768.

⁵ О подписании мирового соглашения по российскому земельному участку в г. Иерусалиме см.: https://israel.mid.ru/ru/press-centre/news/o_podpisanii_mirovogo_soglasheniya_po_rossiyskomu_zemelnomu_uchastku_v_g_ierusalime (дата обращения: 20.06.2023).

⁶ В Иерусалиме ко Дню дипломата представили выставку о консуле Российской империи Яковлеве. См.: <https://tass.ru/obschestvo/17012947> (дата обращения: 20.06.2023).

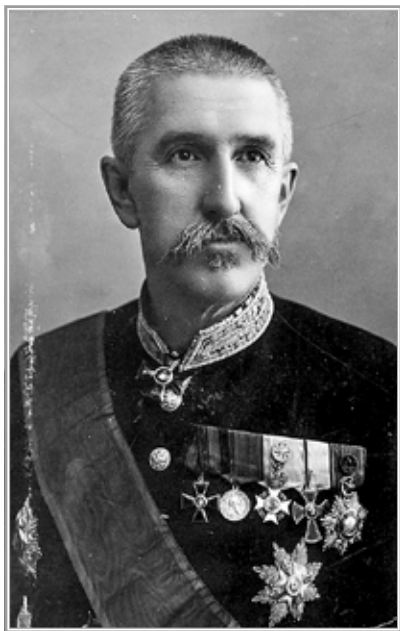
А.Г. Яковлев (3) с Иерусалимским патриархом Дамианом (1), начальником РДМ архимандритом Леонидом (Сенцовым, 4), и.о. вице-консула в Яффе Л.А. Пипером (7), членами семьи (2, 5, 9), консульства (6, 8), русской колонии, включая Г.Ф. Вендта (11), и Иерусалимской православной церкви. 30.08.1907

Востребованными остаются и донесения А.Г. Яковлева страноведческого и исторического характера, используемые в информационной работе МИД России и его загранучреждений⁷. Заслуживают внимания аналитические доклады дипломата об отношениях с Иерусалимской православной церковью и ее иерархами, активности западных государств в регионе и создаваемых ею рисках для продвижения российских интересов.

Кроме того, записи иерусалимского генконсула признаны современными исследователями из Службы древностей Израиля весьма ценным источником по изучению погребального памятника железного века, расположенного в д. Силуан (Восточный Иерусалим)⁸. В 1900 г. он внимательно обследовал и составил подробное описание участка «Верхотура» (Уллие), приобретенного в конце XIX в. выдающимся церков-

⁷ Так, 15.04.2023 при подготовке сообщения о церемонии схождения Благодатного огня в храме Гроба Господня для официального новостного телеграм-канала МИД России было использовано Донесение генерального консула А.Г. Яковлева послу в Константинополе И.А. Зиновьеву от 04.05.1900 с описанием обряда (АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3347. Л. 370–372). См.: https://t.me/MID_Russia/27072 (дата обращения: 20.06.2023).

⁸ Чехановец Я. «Силоамский монолит» и «Верхотура»: археология русских участков в Граде Давидовом // Российская археология. 2013. № 4. С. 149.

Генеральный консул в Иерусалиме Александр Гаврилович Яковлев, 1898 г.

но-государственным деятелем и собирателем «Русской Палестины», начальником Русской духовной миссии в Иерусалиме (РДМ, Миссия) архимандритом Антонином (Капустинным), и пригласил для осмотра гробницы ведущих иерусалимских археологов — К. Шика и о. А. У. Винсена. Исследовал Александр Гаврилович и другие археологические находки на территории русских владений в Палестине.

Итак, А. Г. Яковлев — востоковед, драгоман, российский императорский генеральный консул в Иерусалиме, почетный член Императорского православного палестинского общества (ИППО), действительный статский советник, министр-резидент России в Сиаме. Награжден медалью «В память царствования императора Александра III» и знаком ИППО. Кавалер орденов Святого Станислава 2-й степени (1892), Святой Анны 2-й степени (1895), Святого Владимира 3-й степени (1900), восьми иностранных (османских, сербских, греческого, черногорского, болгарского, абиссинского)⁹. За этими титулами при детальном изучении его биографии стоял интеллигентный и деликатный человек, поэт и книголюб, обладатель острого аналитического ума, преданный патриот своего Отечества, руководитель, ценящий своих подчиненных, любящий и заботливый семьянин. Но обо всем по порядку.

⁹ Данные приведены по Списку гражданских чинов IV класса. Инспекторский отд. Собств. е. и. в. Канцелярии. СПб., 1908. С. 1877.

Начало жизненного пути

Александр Гаврилович родился 7 (19) июня 1854 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье. В Формулярном списке о службе в МИД коллежского регистратора А.Г. Яковлева от 1878 г.¹⁰ указано, что ни у него самого, ни у его родителей нет *«родового или благоприобретенного»* имени. Отмечено, что он сын коллежского асессора. Свидетельства определенной ограниченности в средствах и отсутствия влиятельных покровителей на протяжении всего жизненного пути не раз появляются в личной переписке А.Г. Яковлева. Во многом именно это обстоятельство определило и его карьеру, поскольку, по его собственному выражению, не было *«бабушки в Петербурге, которая поворожила бы ему»*¹¹. В должности третьего драгомана посольства Российской империи в Константинополе провел он долгих одиннадцать лет (1883–1894).

В 18 лет (1872 г.) поступает в Первое военное Павловское училище *«из вольноопределяющихся, по экзамену, юнкером»*, однако уже в 1873 г. досрочно уходит из него *«по домашним обстоятельствам, без именованья воинским званием»*¹². При этом в свидетельстве, выданном А.Г. Яковлеву об окончании Павловского военного училища от 1 сентября 1873 г., отмечено, что он *«во время пребывания в училище в 1872 году был поведения хорошего и к службе усерден»*¹³.

В том же 1873 г. А.Г. Яковлев становится воспитанником Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Данное высшее учебное заведение, учрежденное в 1823 г., являлось наряду с факультетом восточных языков Петербургского университета и Лазаревским институтом восточных языков в Москве основным поставщиком драгоманов (переводчиков-востоковедов) для российского внешнеполитического ведомства. Обучение было двухгодичным. Отделение принимало не более шести студентов в год. Его выпускники командировались для прохождения практики в качестве сверхштатных студентов (*Jeune de langues*) в Константинополь, где по-

¹⁰ АВПРИ. Ф. Департамент личного состава и хозяйственных дел (ДЛС и ХД). Оп. 336/1. Д. 2. Т. 3. Л. 179–182. Копия, рус. яз.

¹¹ Лисовой Н.Н. Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев в его переписке с В.Н. Хитрово и М.П. Степановым // Подарок ученым и утешение просвещенным. СПб., 2016. С. 305–306.

¹² АВПРИ Ф. ДЛС и ХД. Оп. 336/1. Д. 2. Т. 3. Л. 180.

¹³ Там же. Оп. 749/1. Д. 245. Л. 286. Подлинник, рус. яз.

Алексей Федорович Круглов с семьей. 1896 г.

сланник определял их на службу в дипломатической миссии либо в консульствах и вице-консульствах в Леванте¹⁴.

Во второй половине XIX в. с ростом числа дипмиссий, в том числе на территории Османской империи, востоковедение стало своеобразным пропуском в МИД, традиционную вотчину носителей дворянских титулов и званий, для нетитулованных дворян и представителей других сословий (последний генконсул в Иерусалиме А.Ф. Круглов, также окончивший Учебное отделение восточных языков, происходил из купеческой семьи).

В 1875 г. А.Г. Яковлев окончил Учебное отделение. Прием на работу в МИД был конкурсный, кандидат должен был сдать экзамены по русскому и французскому языкам, ряду других дисциплин. Сдача экзаменов давала право стать кандидатом для занятия штатной должности в министерстве. Для дальнейшего продвижения по службе было необходимо сдать «дипломатический экзамен». Из личной переписки дипломата можно установить, что помимо французского он владел османским, арабским, греческим и английским языками¹⁵.

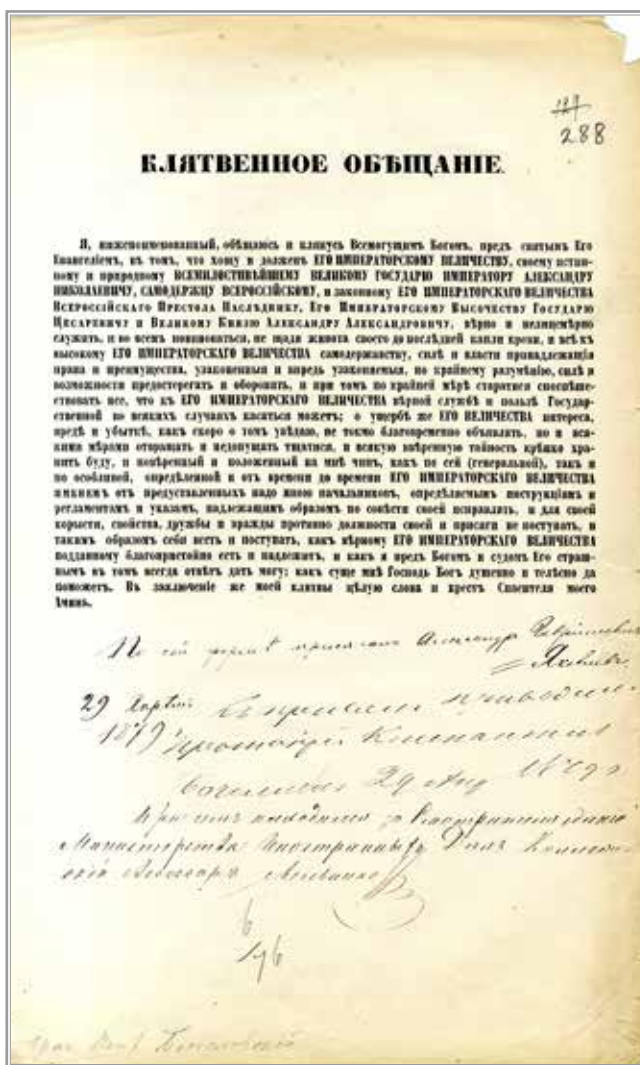
¹⁴ Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М.: Индрик, 2013. С. 299.

¹⁵ Лисовой Н.Н. Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев в его переписке с В.Н. Хитрово и М.П. Степановым // Подарок ученым и утешение просвещенным. СПб., 2016. С. 324.

Первые шаги на дипломатическом поприще

В 1875 г. А.Г. Яковлев начинает свою дипломатическую службу. С 1876 г. на Востоке: сверхштатный студент в миссиях в Тегеране (1876 г.) и Константинополе (1877 г.). Во время Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) служит вторым секретарем Дипломатической канцелярии при главнокомандующем действующей армией¹⁶. Затем возвращается в МИД и с 1879 по 1907 г. работает на разных должностях в Иерусалиме и Константинополе.

¹⁶ АВПРИ. Ф. ДАС и ХД. Оп. 336/1. Д. 2. Т. 3. Л. 180–181.

Клятвенное обещание А.Г. Яковлева при поступлении на службу в МИД, 29.04.1879 г.
 АВПРИ. Ф. ДАС и ХД. Оп. 749/1. Д. 245. Л. 288. Подлинник, рус. яз.

Секретарь консульства в Иерусалиме А.Г. Яковлев. 1879 г.

О службе Александра Гавриловича секретарем и драгоманом консульства в Иерусалиме (1879–1881 гг.) известно мало, однако именно в этот период своей жизни он сводит знакомство с двумя главными идеологами и создателями «Русской Палестины» — начальником РДМ архимандритом Антонином (Капустиным) и государственным и общественным деятелем, инициатором создания ИППО В.Н. Хитрово, во многом определившим его дальнейшую карьеру.

А.Г. Яковлев прибыл в Иерусалим в непростой для русского присутствия в Святой земле этап. Консульство только вернулось из эвакуации, где оно находилось в ходе Русско-турецкой войны. В самом разгаре был конфликт архимандрита Антонина с консулом Н.А. Илларионовым, поставившим в Петербурге вопрос об упразднении РДМ и значительном понижении статуса церковного представительства в Иерусалиме.

Упоминание о новом секретаре консульства находим мы в письме о. Антонина управляющему делами Палестинской комиссии Б.П. Мансурову от 2 декабря 1879 г.¹⁷, в котором начальник Миссии рассказывает (без ведома самого А.Г. Яковлева) о том, что «отличный молодой человек» (ему на тот момент 25 лет) по своей деликатности предпочитает арендовать квартиру в городе, чем просить у своего руководителя, консула Н.А. Илларионова, предоставить ему для проживания свой вто-

¹⁷ Лисовой Н.Н. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. М.: Индрик, 2020. Т. 2. С. 456–457.

Николай Александрович Илларионов. 1878 г.

рой кабинет, либо потеснить консульского драгомана. В конечном счете А.Г. Яковлев стал «соседом» о. Антонина, поскольку квартира секретаря консульства находилась в РДМ, в так называемом Дворянском приюте. Эту комнату можно увидеть на первом этаже Миссии и сегодня. Она разделена на две части: кабинет и приемную. Тогда же, как представляется, начинаются дружеские отношения архимандрита и секретаря консульства, которого начальник Миссии в шутку именует в своих записях «Его благородием Александром II»¹⁸.

Противостояние с о. Антонином завершилось отъездом Н.А. Илларионова в январе 1880 г. С помощью высоких петербургских единомышленников архимандриту удалось «дойти» за поддержкой до самой императрицы Марии Александровны. Начальнику РДМ было обещано, что его «более не тронут»¹⁹. Новый руководитель, генеральный консул В.Ф. Кожевников «вступил в должность» 15 апреля 1880 г.²⁰

Согласно штатному расписанию МИД в состав русского консульства в Иерусалиме входили два дипломата: консул и секретарь-драгоман. Таким образом, А.Г. Яковлев на несколько месяцев 1880 г. становится управляющим консульством.

¹⁸ Там же. Т. 1. С. 376.

¹⁹ Там же. Т. 2. С. VI.

²⁰ Подробнее об этом периоде см.: Вах К.А. Консул в Иерусалиме В.Ф. Кожевников. Материалы к биографии // Иерусалимский православный семинар. Вып. 10. М.: Индрик, 2020. С. 233–253.

Василий Федорович Кожевников с супругой Любовью Емельяновной. 1890 г.

Осенью 1880 г. он сопровождает в поездке по Палестине В.Н. Хитрово и его супругу, талантливую пианистку С.Д. Хитрово. К этому времени, по всей видимости, относится начало их дружбы, отраженной в последующей доверительной переписке, благодаря которой известны многие детали биографии А.Г. Яковлева²¹. В письме на имя В.Н. Хитрово от 14 января 1884 г. дипломат вспоминает их поездки к Тивериадскому озеру (Кинерет) и в Лидду (Лод), где находятся храм великомученика Георгия Победоносца и его гробница.

В мае 1881 г. состоялось паломничество в Святую землю братьев вступившего на престол Александра III великих князей Сергея и Павла Александровичей, а также их двоюродного брата, великого князя Константина Константиновича. Показывал им достопримечательности Иерусалима и окрестностей лично архимандрит Антонин. Он же помог членам царской семьи выбрать в верхней части Гефсиманского сада на Елеонской (Масличной) горе место для церкви Святой Марии Магдалины — в память о почившей императрице Марии Александровне.

А.Г. Яковлев посвятил прибывшему в Святой град великому князю Сергею Александровичу стихотворение «Восток». Каллиграфический

²¹ См.: Лисовой Н.Н. Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев в его переписке с В.Н. Хитрово и М.П. Степановым // Подарок ученым и утешение просвещенным. СПб., 2016. С. 303–376.

экземпляр хранится ныне в Архиве внешней политики Российской империи²².

Восток

В страну весны, в забытый рай Адама,
Навстречу утра плыть мне суждено,
Куда глядят кресты с родного храма,
Куда душа просилась так давно.
Зефиры вод, ласкайте наши реи!
Дремли, волна, звезда, кажи нам путь!
Там, под маститым кедром Идумеи,
О небо, дай пилигриму отдохнуть.

Увижу волны синие Босфора,
Тень кипарисов, стаи парусов
И весь цветник, магический для взора,
Киосков, минаретов и дворцов.
Там солнце смотрит на землю с любовью,
Там синий мрак ночей нагрет луной,
Там одалиска с бархатистой бровью
Вдыхает за решеткой золотой.

Давно, давно под саблюю ислама
Трепещут миллионы христиан,
Мечеть стоит в стенах святого храма,
В Софийском храме царствует коран...
Но грянет час, и вновь поход крестовый
Европа грозно двинет на Царьград,
И славянин в борьбе, ему не новой,
Отбросит турка в Азию назад.

Приду в страну, где камни все — скрижали
Истории — в Элладу, где и прах
Священн: его герои попирали,
Бессмертные досель во всех сердцах.
Сокрушена, Зевес, твоя эгида,

²² АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 292. Л. 74–75 об. Подлинник, рус. яз. Печ. по изд.: Лисовой Н.Н. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. М.: Индрик, 2020. Т. 1. С. 364–365.

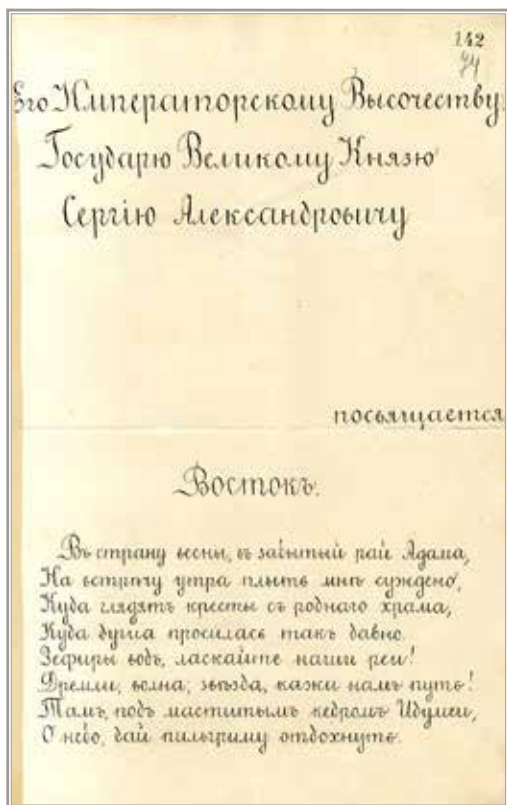
Богов уж нет, исчезли нимфы вод;
Но не исчезли правнуки Алкида:
Могучий клефт, бесстрашный идриот.

Расхищены изящные кумиры,
Разбит веками гордый Парфенон,
Но не умолк там звук хиосской лиры,
И вздохом Сафо воздух напоен.
Олимп давно наследован орлами,
Оракул нем, но вечная весна
И небо над эгейскими волнами
Все те же, как в былые времена.

Утешу взор Ливаном, Палестиной,
Омоюся в волнах священных рек
И проведу ночь дум под той маслиной,
Где скорбно плакал Богочеловек.
При свете вечных ламп гробницы храма
Слезами Гроб Святой я умащу
И для души в купели Силоама
Хоть каплю волн целебных отыщу.

Я перейду горючую пустыню,
Под тень роскошных пальм и пирамид,
Где старый Нил, забыв свою богиню,
Пришельцев хищных кормит и поит.
Шакал давно царит в дворцах Люксора,
Разграблен храм корыстью торгашей,
И мумия свой гроб из сикомора
Утратила и продана в музей.

И там, где степь песками заметала
Громады капищ, идолы богов,
Гигантов из гранита и металла,
Скажу: Один Ты вечен, Саваоф!
С поры страстей, то светлых, то мятежных,
На арфе, да и на сердце моем,
Порвалось много струн, и самых нежных...
Я их настрою там — в раю земном.

Каллиграфический экземпляр стихотворения А.Г. Яковлева «Восток». АВПРИ. Ф. РИГПО. Оп. 873/1. Д. 292. Л. 74–75 об. Подлинник, рус. яз.

О реакции на стихотворение великого князя ничего не известно, однако в сентябре 1881 г. А.Г. Яковлев покидает Иерусалим, а уже через год (1883) становится третьим драгоманом посольства России в Константинополе. В дальнейшем Сергей Александрович принимает некоторое участие в судьбе дипломата.

В столице Османской империи

В ноябре 1883 г. А.Г. Яковлев женится на итальянке из Неаполя Констанции Петровне Фарнети (Constance Farneti)²³. Судя по письму третьего драгомана на имя В.Н. Хитрово, именно старший товарищ совместно со

²³ Имя приводится в соответствии с подписью к фотографии из альбома сотрудников консульства Российской империи в Иерусалиме, а также письмом третьего драгомана посольства России в Турции А.Г. Яковлева члену совета Императорского православного Палестинского общества В.Н. Хитрово от 14.01.1884. АВПРИ. Ф. РИГПО. Оп. 873/1. Д. 540. Л. 1–2 об. Автограф, рус. яз.

Констанция Петровна Яковлева с дочерьми Ниной и Лилей. 1890-е гг.

своей супругой С.Д. Хитрово, неаполитанкой по отцу, способствовали их знакомству. Тем более что *Mlle Farneti* также была увлеченной пианисткой («Жена моя — погружена в океан музыки. Играет очень часто. Я очень рад, что <она> может доставлять себе это удовольствие. Здесь мало хороших игроков. Есть игроки, но играют только в винт»)²⁴.

Супружество чуть было не помешало карьере: «Я уже был совсем назначен управлять консульством в Иерусалиме, но женитьба на *Constance* (она — католичка) помешала». В 1885 г. после смерти иерусалимского генконсула В.Ф. Кожевникова на своем посту А.Г. Яковлев вновь чуть было не назначен управляющим консульством, однако в Петербурге его кандидатуру не утвердили, посчитав, что до приезда нового руководителя дело можно поручить секретарю С.М. Дмитриевскому²⁵.

13–17 сентября 1888 г. Константинополь посетили в рамках своего путешествия в Святую землю великий князь Сергей Александрович с супругой Елизаветой Федоровной и великий князь Павел Александрович. А.Г. Яковлев пишет о своем участии в обеспечении этого визита: «Мое драгоманство надоело мне до смерти. Грязная работа. Одно светлое облачко на этом темном небе — это время, когда я был при великом князе»²⁶. В этом же году он получает чин коллежского асессора.

²⁴ Лисовой Н.Н. Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев в его переписке с В.Н. Хитрово и М.П. Степановым // Подарок ученым и утешение просвещенным. СПб., 2016. С. 344–345.

²⁵ Там же. С. 304–305.

²⁶ Там же. С. 325.

Лиля и Нина Яковлевы с заведующей Александровским подворьем в Иерусалиме Пасковьей Федоровной Петуховой. 1900-е гг.

В 1890 г. по просьбе секретаря ИППО В.Н. Хитрово дипломат выполнил копирование и перевод владельческих документов на русские участки в Святой земле для последующего оформления российских владений в султанской канцелярии, что стало первым этапом в его последующих свершениях по систематизированию и упорядочению наследия собирателя «Русской Палестины» архимандрита Антонина. В знак признательности за безупречно выполненную работу он был избран по ходатайству своего старшего товарища в действительные члены Общества с ежегодным взносом. Однако карьера в посольстве продвигалась медленно, А.Г. Яковлев по-прежнему третий драгоман (до 1894). Возможность стать управляющим генконсульством в Иерусалиме (в 1891 г. статус «загранточки» был повышен) представится лишь в 1894 г.

Значимым событием становится рождение 12 марта 1890 г. второй дочери Валентины (Лили). О дате появления на свет его старшей дочери, Нины, сведений пока обнаружить не удалось, однако в переписке с помощником председателя ИППО М.П. Степановым дипломат упоминает в контексте своих планов посетить Москву, что она крестница Его Высочества²⁷ (1888?).

²⁷ Там же. С. 343.

Первые значительные успехи

Весной 1894 г. надворный советник А.Г. Яковлев, получивший, наконец (через 11 лет), должность второго драгомана посольства в Константинополе, был направлен послом А.И. Нелидовым в Иерусалим со специальной миссией — исследовать и упорядочить владельческую документацию по всей недвижимости архимандрита Антонина, умершего 24 марта 1894 г. Следовало сохранить для Российского государства все приобретения о. Антонина, а также максимально перевести недвижимость Палестинской комиссии на имя российского правительства.

Вот что пишет он 11 мая 1894 г. своему наставнику В.Н. Хитрово: *«17 мая я уезжаю в Святой Град управлять генеральным консульством. Не могу сказать, чтобы это мне было особенно приятно. Разобрать дело о наследстве отца Антонина нелегко. Боюсь ответственности. Больше всего, однако, я боюсь, что не ужогу Его Высочеству <Великому Князю Сергию Александровичу> по какому-нибудь вопросу... В этом отношении пост генерального консула в Иерусалиме труден...»*²⁸

В ходе иерусалимской командировки (май 1894 г. — август 1895 г.) А.Г. Яковлев выполнил работу не только по документации и оценке наследия о. Антонина и закреплению его земельных владений, но и по инвентаризации всех земельных участков «Русской Палестины», внес неоценимый вклад в упорядочение российской собственности на Ближнем Востоке²⁹. Его доклады остаются и поныне наиболее надежным и информативным источником по этой теме.

26 октября 1896 г., уже из Константинополя, завершает он и перевод недвижимости Палестинской комиссии на Россию³⁰. Заслуги дипломата перед ИППО не остались незамеченными, В.Н. Хитрово ходатайствует о его избрании пожизненным действительным членом Общества.

Отдельный интерес представляет участие А.Г. Яковлева в жизни Горненской обители в Эйн-Кереме (с 1948 г. — район Иерусалима). В 1894 г. им составлен первый поименный список насельниц Русской женской общины в Горнем, детища архимандрита Антонина — будущего Горненского

²⁸ Лисовой Н.Н. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. М.: Индрик, 2020. Т. 2. С. 578.

²⁹ Организованная при поддержке Совета ИППО в Государстве Израиль выставка, посвященная легендарному российскому консулу, открылась на Сергиевском подворье. <https://www.ippo.ru/news/article/organizovannaya-pri-podderzhke-soveta-ippo-v-gosud-410822> (дата обращения: 20.06.2023).

³⁰ АВПРИ. Ф. РИППО. Оп. 873/1. Д. 540. Л. 107–110 об.

монастыря³¹. Документ содержит сведения о насельниках общим числом 81, а также описание построек — всего 41 здание, включая 33 домика-кельи. Домики эти стали яблоком раздора — старицы ссорились из-за порядка их наследования, а некоторые даже наладили там торговлю спиртным³².

Под номером 22 списка значится дом покойного о. Антонина, завещанный его духовной дочери и воспитаннице — сироте Софье Константиновне Апостилиди. Домик этот горненские сестры долго потом называли «домом Софьи-гречанки».

Позднее, в 1898 г. А.Г. Яковлев принимает активное участие в урегулировании конфликта, вспыхнувшего в обители в ходе первых выборов «старшей сестры». Разногласия между насельницами по ее кандидатуре приняли такой накал, что потребовалось его вмешательство. Генконсул с помощью каваса (стражника дипмиссии) удаляет из Палестины главную возмутительницу порядка — «матушку Марию» (Т.Г. Гладкую)³³ и в целях водворения порядка составляет для Горненской общины проект правил, т.е. упрощенного устава для монахинь, утвержденного в Святейшем синоде 24 июля 1898 г. за № 2699³⁴. Примечательно, что на групповой фотографии с Иерусалимским патриархом Дамианом (30 августа 1907 г.) присутствует некий Г.Ф. Вендт, упоминание о котором содержится в письме В.Н. Хитрово к обер-прокурору Святейшего синода К.П. Победоносцеву от 7 июля 1897 г. о положении дел в обители³⁵. Супруги Вендт, «неизвестно откуда взявшиеся, перешедшие из латинства и поселившиеся в Горней еще при Антонине и открывшие там местный торг с продажей крепких напитков», названы в числе главных возмутителей спокойствия наряду с Т.Г. Гладкой. По всей видимости, с ними Александр Гаврилович сумел найти общий язык.

В 1894–1895 гг. А.Г. Яковлев принимает активное участие в решении еще одного сложного и затяжного дела — отказа Иерусалимской патриархии благословить освящение домово́й церкви Александровского подворья, расположенного рядом с храмом Гроба Господня. Греческие иерархи опасались усиления русского присутствия в этом наиболее

³¹ Там же. Ф. Греческий стол. Оп. 497. Д. 2421. Ч. 1. Л. 124–126 об.

³² Лисовой Н.Н. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. М.: Индрик, 2020. Т. 2. С. 741.

³³ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 3347. Л. 302–304. Копия, рус. яз.

³⁴ Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2009. С. 647–651.

³⁵ Лисовой Н.Н. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. М.: Индрик, 2020. Т. 2. С. 733–737.

Старший кавас (почетный страж) российского консульства в Иерусалиме
Дмитрий Сароглу. 1902 г.

святом для христиан месте. После того как непростые и долгие переговоры с Иерусалимским патриархом Герасимом увенчались успехом петербургской дипломатии, церковь во имя святого благоверного князя Александра Невского была освящена 22 мая 1896 г. в память о небесном покровителе императора Александра III. В настоящее время Российская Федерация проводит процесс подтверждения своих имущественных прав на Александровское подворье — уникальный памятник русского и христианского наследия, который со второй половины XIX в. является собственностью Российского государства³⁶.

Интерес представляет эпизод из деятельности управляющего генконсульством по защите российских подданных еврейского происхождения, упоминание о котором содержится в ивритоязычной газете «Хацви», выходившей в Иерусалиме на рубеже XIX–XX вв.³⁷:

«Некоторое время тому назад сюда <в Иерусалим> приехал еврей из Екатеринославского уезда в России. Оказавшись в ужасно бедственном положении, без средств к существованию, он передал своих четверых детей миссии <англиканской>. В настоящее время он устроился

³⁶ Посол РФ в Израиле: открыты к конструктивному взаимодействию с нынешним израильским правительством. <https://www.interfax.ru/interview/885700> (дата обращения: 20.06.2023).

³⁷ Заметка в газете «Хацви». Выпуск от 24.05.1895. Архив печатных периодических изданий Национальной библиотеки Израиля. На иврите. Пер. на рус. яз. Ф.В. Георги.

рабочим в один из мошавов <еврейская сельскохозяйственная община в Палестине> и попросил забрать детей обратно к себе, однако миссия потребовала у него сумму денег, истраченную на их содержание. Он беден и не может себе этого позволить. Он обратился при содействии г-на Соломяка <о нем см. ниже> к многоуважаемому исполняющему обязанности консула России г-ну Яковлеву (Yakov'lew), который, желая восстановить справедливость, направил письмо многоуважаемому английскому консулу г-ну Муру (Moore) <очевидно, ошибка автора заметки, так как Ноэль Темпл Мур находился на посту британского консула в 1863–1890 гг., затем его сменил Джон Диксон>. Дети вернулись к отцу, а стараниями рава Йосефа Ривлина <глава еврейской общины Иерусалима (1863–1896)> он получил 30 франков им на одежду. 24 мая 1895 г.».

Еврейская община Иерусалима во второй половине XIX в. насчитывала множество выходцев из Российской империи. В связи с этим вопрос о их включении в орбиту русского политического влияния ставился не раз, причем особенно активно — в первые годы после окончания Крымской войны, когда Петербургу необходимо было восстанавливать утраченные позиции в Турции³⁸. Вместе с тем с российскими подданными еврейского происхождения в Палестине активно работала Великобритания — через консульство и евангелическую миссию. Попытки крещения англичанами (и вообще протестантами) российских евреев встречали негативную реакцию со стороны России³⁹. В описанном выше случае вмешательство А.Г. Яковлева позволило предотвратить утрату евреем из российского Екатеринославского уезда своих четверых детей.

Российский Императорский генеральный консул в Святой земле

1896 и 1897 гг. А.Г. Яковлев проводит в посольстве в Константинополе в ожидании поста генерального консула в Иерусалиме. Наконец назначение состоялось⁴⁰.

³⁸ Чехановец Я., Вах К.А. Российский консул, евреи Иерусалима и первые раскопки на Святой земле // Иерусалимский православный семинар. Вып. 5. М.: Индрик, 2014. С. 190.

³⁹ Там же. С. 191.

⁴⁰ Циркуляр № 31 по МИД о назначении 27 ноября 1897 г. второго драгомана посольства России в Турции А.Г. Яковлева генеральным консулом России в Иерусалиме. 3 декабря 1897 г. АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 25. Д. 36. Л. 69–71. Типографский экз., рус. яз.

Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев
в мундире статского советника. 28.01.1898

27 ноября 1897 г. коллежский советник (с 1896 г.) А.Г. Яковлев назначен генеральным консулом в Иерусалиме. На этом посту он не только продолжает активно заниматься вопросами русского землевладения, но и отслеживает попытки других государств и конфессий ущемить интересы России и православия, работает над укреплением и расширением российского влияния в Святой земле. Н.Н. Лисовой называет его донесения лучшим источником по истории русского присутствия в Палестине в конце XIX — начале XX в.⁴¹ По поручению посла А.И. Нелидова новый генконсул изучает вопрос о том, какими правами на христианские святыни в Иерусалиме и Вифлееме обладает каждая христианская церковь⁴². Признанием заслуг дипломата перед ИППО стало его избрание в 1898 г. почетным членом Общества. В 1900 г. он становится статским советником.

В 1902 г. генконсул находит способ изящно урезонить «католических консулов», крестивших своих детей в храме Рождества Христова в Вифлееме «перед местом рождения Спасителя» в нарушение статус-кво. В своем донесении послу И.А. Зиновьеву от 1 августа 1902 г. он от-

⁴¹ Лисовой Н.Н. Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев в его переписке с В.Н. Хитрово и М.П. Степановым // Подарок ученым и утешение просвещенным. СПб., 2016. С. 309.

⁴² Якушев М.И. Антиохийский и Иерусалимский патриархаты в политике Российской империи. 1830-е — начало XX века. М.: Индрик, 2013. С. 270.

А.Г. Яковлев с нештатными драгоманами Я.И. Хури
и Я.Н. Фарраджем на приеме во французском генеральном консульстве. 01.07.1907

мечает, что воспользовался рождением сына у греческого консула Александропуло и предложил ему *«сделать то же самое, что и католики. Он согласился...»*⁴³. Далее А.Г. Яковлев описывает свою работу с Иерусалимским патриархом Дамианом, который *«долго колебался, боясь неудачи»*, однако был убежден российским генконсулом в необходимости такого шага. А.Г. Яковлев стал восприемником мальчика. *«Я полагаю, что то же самое может быть сделано в будущем и в отношении вообще выдающихся лиц православного вероисповедания, живущих в Палестине, или приезжих»*, — заключает он.

Примечательно, как это событие проецируется на нынешнее время: современные греческие дипломаты полагают, что совершение таинства крещения в вифлеемском храме по одобрению Иерусалимского патриархата является *«уникальным правом»* для их детей в соответствии со статус-кво⁴⁴, а авторство данной инициативы благополучно забыто.

В 1904 г. А.Г. Яковлев сыграл значимую роль в улаживании «Айн-Фарского дела», связанного с вопросом о приобретении и восстанов-

⁴³ Лисовой Н.Н. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. М.: Индрик, 2020. Т. 1. С. 319–320.

⁴⁴ О крещении 20.04.2023 дочери г-на Анастасия Константараса и г-жи Христины Захариоудак в Богопринявшей пещере см.: <https://ru.jerusalem-patriarchate.info/2023/04/20/73113> (дата обращения: 20.06.2023).

А.Г. Яковлев. 28.01.1898

лении русскими афонскими монахами развалин древней Фаранской лавры преподобного Харитона Исповедника. Генконсул посчитал возрождение древней обители вопросом, непосредственно относящимся к защите русских духовных интересов в Святой земле. Именно его стараниями обитель осталась за Россией, несмотря на возникшие поначалу возражения со стороны Иерусалимского патриархата, к которому дипломат проявлял себя последовательным сторонником жесткого отношения на протяжении своей службы.

Участок в ущелье Вади-Фара был куплен в декабре 1903 г. монахами русской афонской Крестовоздвиженской обители при активном участии А.Г. Яковлева на имя российского подданного Д.А. Попова, который позже принял монашеский постриг. В состав территории вошли развалины пещерной лавры преподобного Харитона (IV–VII вв.) и масличный сад над обрывом ущелья⁴⁵. Однако в феврале 1904 г. Иерусалимский патриарх Дамиан выразил генконсулу свой протест против приобретения участка и потребовал прекращения восстановительных работ, удаления афонцев и аннулирования сделки. Не довольствуясь письменными протестами, святогробцы перешли к откровенным провокациям. 10 июня 1904 г. в Айн-Фару прибыли два драгомана патриархии в сопровожде-

⁴⁵ Лисовой Н.Н. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. М.: Индрик, 2020. Т. 1. С. 762.

нии трех монахов и десяти феллахов-мусульман. Все прибывшие имели при себе ружья и револьверы⁴⁶.

18 июня 1904 г. А.Г. Яковлев пишет в своем донесении в Санкт-Петербург: *«Купи эти развалины не русский, Патриархия и не подумала бы изъявлять на них притязания, как она не протестовала против очень многих подобных приобретений, сделанных католиками. Попов купил их вполне законным образом. Отнять их у него было бы унижением для нашего национального самолюбия и явным нарушением закона»*⁴⁷.

Однако в действительности резкая реакция была вызвана скорее всего фактом подчинения афонских монахов скита Константинопольскому патриарху. Неуступчивость генконсула привела к охлаждению его отношений с Иерусалимским патриархом Дамианом.

Старания А.Г. Яковлева по сохранению лавры за Россией были замечены и нашими недоброжелателями. В депеше посла И.А. Зиновьева от 11 ноября 1904 г. приводится содержание «секретно добытой телеграммы... турецкому послу в Берлине», в которой отмечается, что германский посол представил султану записку, в которой указывает на «происки» России в Палестине, направленные на усиление ее влияния в регионе. В качестве примера приводится «намерение основать монастырь в местности Айн-Фара»⁴⁸.

Долгая и упорная тяжба вокруг «Айн-Фарского дела» продолжалась вплоть до 1909 г. (т.е. уже при генконсуле А.Ф. Круглове) и завершилась успехом российской стороны, поскольку пастырское окормление русских монахов взяла на себя РДМ, однако скит сохранил свою внутреннюю, в том числе и финансовую самостоятельность.

В настоящее время обитель находится в ведении Русской православной церкви за границей.

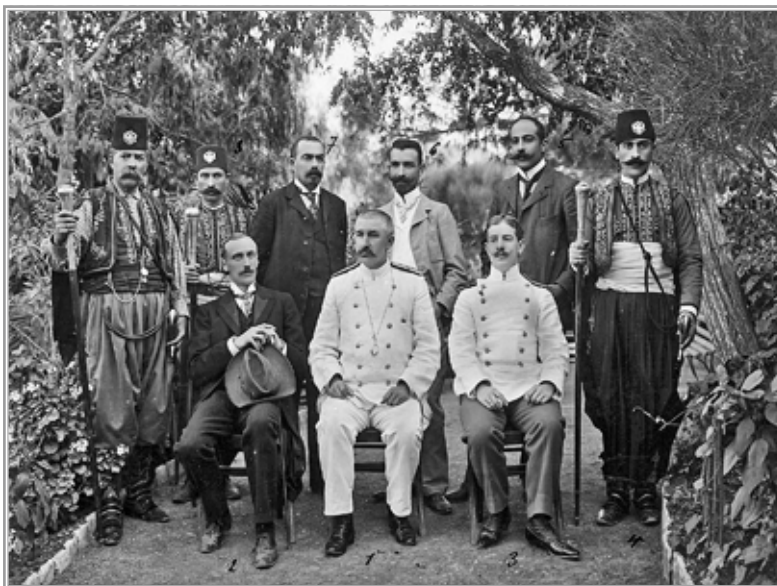
О групповом снимке сотрудников генконсульства

В альбоме сотрудников российского консульства в Иерусалиме имеется фотография, известная российским специалистам по первому изданию работы Н.Н. Лисового «Россия в Святой Земле. Документы и материа-

⁴⁶ Там же. Т. 2. С. 898.

⁴⁷ Там же. Т. 1. С. 323.

⁴⁸ Там же. С. 325.

А.Г. Яковлев с чинами консульства России в Иерусалиме и почетными стражами-кавасами. 1902–1903 гг.

лы» под названием «А.Г. Яковлев (в центре) с чинами консульства России в Иерусалиме и почетными стражами-кавасами»⁴⁹.

Несколько слов о самом источнике. Актуальность и новизна настоящей работы заключается в том, что в ней публикуются фотоматериалы, связанные с А.Г. Яковлевым, его семьей, коллегами, из альбома сотрудников консульства Российской империи в Иерусалиме, который велся в 1858–1914 гг., а с 1949 г. хранится в Национальной библиотеке Израиля⁵⁰ и пока не известен российскому научному и дипломатическому сообществу. Под многими изображениями в альбоме по-русски указаны имена сфотографированных людей и даты снимков, что позволило идентифицировать иерусалимского генконсула и его коллег.

Снимок представляет интерес тем, что отражает штатный состав генконсульства. В альбоме названы по именам все изображенные на нем девять человек. Перечислим по порядку их всех:

⁴⁹ Лисовой Н.Н. Россия в Святой Земле. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 2000. Т. 1.

⁵⁰ Personal du Consulat Impérial de Russie à Jérusalem [Album of photographs]. Photograph Collection, The National Library of Israel, The Pritzker Family National Photography Collection, The National Library of Israel. Номер в системе Национальной библиотеки Израиля 990034267360205171. Все фотографии в статье приведены из названного альбома.

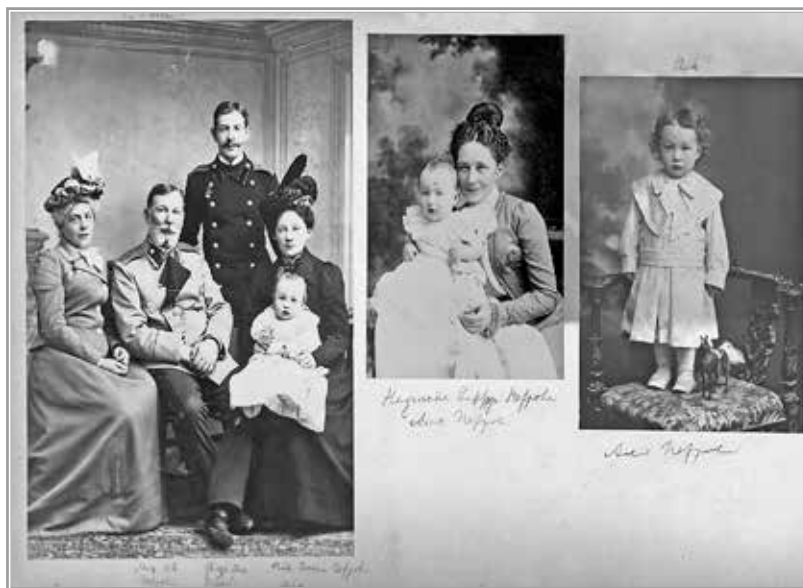

Слева направо: секретарь генконсульства Александр Николаевич Абаза (1899–1902);
 Анна Алексеевна Жуковская с дочерью Алиной; поэт В.Г. Жуковский

1. Александр Гаврилович Яковлев, генеральный консул (1897–1907), статский советник;
2. Владимир Григорьевич Жуковский, секретарь (1902–1903), титулярный советник, поэт и переводчик;
3. Александр Михайлович Петров, драгоман (1902–1904), коллежский секретарь;
4. Кавас Хуриия;
5. Яков Николаевич Фаррадж, помощник драгомана (1889–1906), позже — второй, первый нештатный драгоман (арабский язык);
6. Яков Иванович Хури, первый нештатный драгоман (арабский язык) в конце XIX — начале XX в.;
7. Абрам Самойлович Соломяк, чиновник по еврейским делам, нештатный драгоман (древнееврейский язык, иврит) в конце XIX — начале XX в.;
8. Кавас Мехмед;
9. Старший кавас Дмитрий Сароглу.

В.Г. Жуковский и А.М. Петров «пересеклись» в Иерусалиме в 1902–1903 гг., следовательно, фотографию можно отнести к этому времени.

Как видно, к 1903 г. у А.Г. Яковлева служили два дипломата и три нештатных драгомана. Следует отметить, что дел в генконсульстве, благодаря активному взаимодействию с местными османскими властями, Иерусалимским патриархатом и представителями дипкорпу-

Семейство Петровых. 1900-е гг.

са, а также совместной с РДМ и ИППО заботе о земельных приобретениях, было много. Отдельная статья — плотный поток паломников из России, достигавший на рубеже XIX–XX вв. пяти тысяч человек в год⁵¹, и связанные с этим хлопоты, включая розыск потерянных или забытых вещей и документов, а также о финансовых и хозяйственных вопросах.

Примечательно, что генконсульство привлекло к работе знатока древнееврейского языка — для взаимодействия с растущей еврейской ивритоязычной общиной. А.С. Соломяк (1863–1943), еврей из Вильны, перебравшийся в Землю обетованную в 1885 г., автор аналитических записок для посольства России в Константинополе о положении в Палестине евреев-выходцев из Российской империи, управляющий русской почтой. Археолог-любитель. 18 марта 1901 г. стал участником открытия римской мозаики «Триумф Орфея» у Дамасских ворот Старого города Иерусалима (ныне находится в Археологическом музее Стамбула), о чем сообщил в Русский археологический институт в Константинополе (РАИК). Сооснователь еврейской гимназии в Иерусалиме «Рехавия» (1909 г.), где преподавание велось на иврите. В дальнейшем — сионистский деятель, соратник В.Е. (Зеева) Жаботинского.

⁵¹ Ben-Arieh Y. Jerusalem in the 19th century — Emergence of the New City. Yad Izhak Ben-Zvi Jerusalem. St. Martin's Press. New York, 1985. P. 304.

Чиновник по еврейским делам, драгоман А.С. Соломяк. 1890 г.

Из донесения А.Г. Яковлева послу в Константинополе И.А.Зиновьеву «О покупке остатков знаменитой лавры святого Харитона» от 29 января 1904 г.⁵²:

«В заключение я считаю долгом обратить внимание Вашего Высочайшего Превосходительства на г. Соломяка (драгоман для древнееврейского языка), который с большой ловкостью занимался этим делом вначале, и на г. Хури (первого драгомана для арабского языка), который довел его до конца, преодолев много препятствий».

А.С. Соломяка можно по праву назвать первым гебраистом на службе российского дипломатического загранучреждения в Святой земле⁵³.

Интересно, что из 23 страниц альбома, который велся на протяжении 56 лет, 10 были заполнены фотографиями при А.Г. Яковлеве. Помимо снимков самого генконсула и его коллег в большом количестве имеются изображения членов их семей, бытовые сцены и даже групповая фотография садовников и водоносов. Такой «демократизации» альбома, позволяющей заглянуть в повседневную жизнь российского генконсуль-

⁵² Печ. по изд.: Лисовой Н.Н. Россия в Святой Земле. Документы и материалы: В 3 т. М.: Индрик, 2020. Т. 2. С. 901.

⁵³ Подробнее о А.С. Соломяке см.: Георги Ф.В. Драгоман российского Императорского Генерального консульства в Иерусалиме А.С. Соломяк. Материалы к биографии / Ф.В. Георги // Наука и инновации — современные концепции: сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума, Москва, 14 июля 2023 года. Т. 3. М.: Инфинити, 2023. С. 102–107. EDN UHWFVX.

Садовники и водоносы генконсульства. 1900-е гг.

ства в Иерусалиме на рубеже XIX–XX вв., нет ни до, ни после службы Александра Гавриловича.

Следует отметить, что дипломат активно использовал в работе возможности, предоставляемые «светописью» (так он иногда в переписке называл фотографии). В частности, в 1898 г. он посоветовал Иерусалимскому патриарху Дамиану *«снять, насколько возможно подробно, фотографическим способом все православные святыни как внутри, так и снаружи и, надписав на этих фотографиях число и год, послать несколько оттисков в императорское посольство, министерство, генеральное консульство, местной власти и в Порту. Таким образом, в случае спора с католиками на этих оттисках видны будут внешние признаки, доказывающие принадлежность известной святыни православным»*⁵⁴.

Между тем ближневосточный климат привел к расстройству здоровья А.Г. Яковлева. Святая земля и Иерусалим в особенности были сложным местом для постоянного или продолжительного жительства большинства российских представителей. Малопривлекательное и даже опасное с точки зрения успешности карьеры, беспокойное в политическом плане место иерусалимского генконсула отягчалось незавидными бытовыми и климатическими условиями⁵⁵.

⁵⁴ Шаповалов М.С. Путешествие кайзера Вильгельма в Палестину в 1898 г. по материалам Архива внешней политики Российской империи // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 2. С. 85.

⁵⁵ Вах К.А. Консул в Иерусалиме В.Ф. Кожевников. Материалы к биографии // Иерусалимский православный семинар. Вып. 10. М.: Индрик, 2020. С. 234.

Лиля и Нина Яковлевы (5, 2), и.о. вице-консула в Яффе Л.А. Пипер (4),
П.Ф. Петухова (3), А.С. Соломяк (1). 1900-е гг.

К 1904 г. дипломат был смертельно болен туберкулезом. Он ходатайствует о переводе на другое место: не более здоровое — более денежное, чтобы обеспечить жене и дочерям хорошую пенсию. Была достигнута договоренность с абиссинским правительством, желавшим видеть А.Г. Яковлева русским представителем в Аддис-Абебе, но назначение не состоялось⁵⁶.

В 1905 г. он становится действительным статским советником, а в 1907 г. добивается назначения министром-резидентом в Сиам⁵⁷. А.Г. Яковлев, так много сделавший для укрепления русского присутствия в Святой земле, навсегда покидает Иерусалим в сентябре 1907 г.

Командировка в Сиам

Дополнительного изучения заслуживают и последние годы жизни А.Г. Яковлева, которые он провел на посту министра-резидента России в Сиаме.

Российско-сиамское взаимодействие в тот период носило дружественный характер и поступательно развивалось. Российская империя,

⁵⁶ Лисовой Н.Н. Генеральный консул в Иерусалиме А.Г. Яковлев в его переписке с В.Н. Хитрово и М.П. Степановым // Подарок ученым и утешение просвещенным. СПб., 2016. С. 310–311.

⁵⁷ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД, Оп. 25, Д. 51, л. 150–153.

Отъезд А.Г. Яковлева из Иерусалима, железнодорожный вокзал, сентябрь 1907 г. На групповом снимке присутствуют: супруга и дочери генконсула, начальник РДМ архимандрит Леонид (Сенцов), управляющий подворьями ИППО в Иерусалиме Николай Григорьевич Михайлов, генконсул Греции в Иерусалиме Пападаки с супругой, вице-консул в Хайфе И.И. Шмидт, драгоман генконсульства в Иерусалиме Георгий Сергеевич Фонвизин (1907–1909) и другие чины и кавасы дипмиссии, смотрительница Вениаминовского подворья Ксения Александровна Хомутова, регент РДМ, учитель пения А.Н. Переверзев с супругой и др.

в отличие от западных держав, не стремилась утвердить свое политическое или экономическое влияние в Сиаме ввиду иных геополитических интересов и географической удаленности от этого азиатского государства. Она подчеркивала отсутствие корыстных намерений по отношению к Сиаму⁵⁸.

Наиболее яркими событиями двусторонних отношений в конце XIX в. стали визит наследника-цесаревича Николая Александровича в Сиам в 1891 г. в рамках восточного путешествия (1890–1891) и визит короля Чулалонгкорна (Рамы V) в Петербург в 1897 г. Оба визита проходили в максимально дружественной атмосфере и заложили основу для дальнейшего развития связей между двумя монархиями на последующие два десятилетия⁵⁹.

⁵⁸ Харитонова А.М. Сиам глазами русского дипломата (по дневниковым записям Г.А. Плансона) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 4. С. 28.

⁵⁹ Там же.

Инструкция министра иностранных дел России А.П. Извольского министру-резиденту России в Сиаме А.Г. Яковлеву от 17 марта 1908 г. формулирует характер деятельности российского представителя следующим образом⁶⁰:

«Задачи эти, прежде всего, наблюдательные. В Бангкоке центр немаловажных политических интересов нескольких великих держав, и их взаимные отношения на сиамской почве должны учитываться в общей экономии внешней политики императорского правительства».

Далее отмечается, что дипломату следует воздерживаться от действий, способных неблагоприятно повлиять на связи с Англией, Францией и Японией, а также с большой осторожностью относиться к попыткам Сиама *«вводить нас в улажение своих распрей с другими государствами».*

Вместе с тем новое назначение отнюдь не было синекурой, А.Г. Яковлеву предлагается сосредоточиться на повышении уровня *«совершенно неудовлетворительного»* торгово-экономического взаимодействия, подготовить к подписанию с Бангкоком соответствующий договор, найти пути увеличения поставок российского керосина и возможности наладить прямой импорт ценных пород дерева из Сиама.

На нового министра-резидента были возложены также обязанности по защите в королевстве датских интересов⁶¹.

Александр Гаврилович вступил в управление миссией 6 мая 1908 г.⁶², верительные грамоты были вручены им Рама V 9 мая 1908 г.⁶³

В своем донесении министру иностранных дел А.П. Извольскому о состоявшейся по этому случаю торжественной аудиенции дипломат отмечает, что принят он был очень гостеприимно. *«На полях»* мероприятия король расспрашивал о совершенном путешествии, жене и дочерях, был *«все время очень оживлен и весел»*⁶⁴. В течение следующих двух недель состоялись еще две протокольные встречи с королем Чулалонгкорном и его семьей во дворце, в ходе которых монарх расспрашивал о юрисдикции консулов в Турции, а также *«очень любезно показывал своим гостям статуи и картины, вывезенные им из Европы»*⁶⁵.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 1812. Л. 6–11. Подлинник, рус. яз.

⁶¹ Там же. Л. 11.

⁶² Там же. Л. 12. Подлинник, рус. яз.

⁶³ Там же. Д. 1790. Л. 9–9 об. Подлинник, пер. с англ. яз.

⁶⁴ Там же. Л. 7–8 об. Подлинник, рус. яз.

⁶⁵ Там же. Л. 8–8 об.

№ 82. 15/5 1908 М. Д. 13
Министру Иностранных дел

Телеграфъ
 ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ
 ПОЧТАМТОВАЯ, 15.

Телеграмма. *Смис*
 MINISTRE-EXTERIEUR RB

Изо РВВ БАНГКОК ЗН. 7. 24. 9. 40. М №

Прислано *15/5* со 120/4
 отъ *В. Яковлев* № 89/
 Прислано *Смис*

Разр.	Счетъ словъ.	Повѣна.
	м.	—
	д.	—
	н.	—

О л у ч а е н н ы е о т в е т ы

VIBO EMBEN=

•DOMBUSI NEUF MAI JAGOVLEV.

Грунтис Краду Крамифа

Ваше Имперское Телеграфное Б. Д. К.

Телеграмма министра-резидента России в Сиаме А.Г. Яковлева министру иностранных дел России А.П. Извольскому о вручении верительных грамот королю Сиам Чулалонгкорну. 11.05.1908. Бангкок.

АВПРИ. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 1812. Л. 13. Подлинник, рус. яз.

О теплом характере отношений, установившихся у А.Г. Яковлева с королевским двором, можно судить и по его донесению в Петербург от 17 декабря 1908 г. о праздновании в миссии тезоименитства императора Николая II, в котором министр-резидент сообщает, что устроенный им торжественный обед посетил принц Чакрабон со своей русской супругой Е.И. Десницкой. «Дом миссии был красиво убран русскими и сиамскими флагами, а вечером иллюминирован», — отмечает дипломат⁶⁶.

А.Г. Яковлев энергично взялся за дело, стремясь развивать российско-сиамские экономические связи. Работал над возможностью поставки российских стальных рельс, необходимых для сиамских

⁶⁶ Там же. Л. 65–66. Подлинник, рус. яз.

правительственных железных дорог, в количестве 20 тыс. тонн⁶⁷. В 1908 г. способствовал деловой поездке в г. Бангкок к королевскому двору сына придворного ювелира К.Г. Фаберже. Сиамская королевская семья и двор были значительной клиентурой фирмы Фаберже. Ее представители успешно совершали деловые поездки в Сиам. В 1908 г. Н.К. Фаберже вез с собой *«большой выбор моих новейших изделий из золота, эмали, нефрита и драгоценных камней, общей стоимостью 100–150.000 рублей»*⁶⁸. Множество произведений Фаберже украшали бангкокскую резиденцию монарха, дворцы сиамской знати. После смерти короля Чулалонгкорна в 1910 г. новый король заказал К.Г. Фаберже большую статую Будды из сибирского нефрита для усыпальницы храма его имени.

Следует отметить, что новый глава российской дипмиссии в Бангкоке внимательно отслеживал и хищнические устремления европейских держав, нацелившихся на Сиам. В частности, наблюдал за ходом работ франко-сиамской разграничительной комиссии в июне 1908 г.⁶⁹ и изучал перспективы заключения англо-сиамского договора⁷⁰. В это время положение Сиамы как последнего независимого государства в Юго-Восточной Азии становилось все более сложным. Английская и французская дипломатии стремились к установлению там сфер влияния. В депешах А.Г. Яковлева того времени в Петербург значительное внимание уделено именно анализу колониалистских амбиций европейцев, стремлению «откусить» от Сиамы дополнительную территорию, а также описанию их острой политической борьбы за влияние и власть в Индокитае. В донесении от 11 декабря 1908 г. о захвате Францией сиамской территории дипломат указывает: *«Всего же за время с 1893 по 1908 гг. Сиам лишился в своей восточной части около 300 тыс. кв. км, что равняется 3/5 площади европейских владений Франции»*⁷¹.

Между тем чахотка съедала Александра Гавриловича. Не способствовало облегчению его самочувствия и месторасположение и состояние здания, в котором находилась дипмиссия. Следующий за ним глава русского представительства Г.А. Плансон (1910–1916) отмечает в частном письме о покупке в Бангкоке нового участка для русского консуль-

⁶⁷ Там же. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 1799. Л. 1. Подлинник, рус. яз.

⁶⁸ Там же. Ф. 214. Генеральное консульство в Бомбее. Оп. 779. Д. 152. Л. 74–75. Подлинник, рус. яз.

⁶⁹ Там же. Ф. Японский стол. Оп. 493. Д. 1790. Л. 11–12. Подлинник, рус. яз.

⁷⁰ Там же. Л. 15–18. Подлинник, рус. яз.

⁷¹ Там же. Л. 61–63 об. Подлинник, рус. яз.

ства на имя товарища министра иностранных дел В.А. Арцимовича от 26 августа 1915 г. следующее обстоятельство⁷²:

«Когда в Бангкок приехал Оларовский <первый посол России в Сиаме>, то, несмотря на особенное покровительство Короля и приказ Е<го> В<ысочества> во что бы то ни стало отыскать ему дом, единственное что могли отыскать — это бывший товарный склад, оставшийся от обанкротившейся фирмы. Оларовский заарендовал его в 1902 г. на 10 лет. За это время он пришел в полную негодность. Главный недостаток его в том, что он тесным кольцом окружен китайскими домами и лавками — источниками заразы. Яковлев из окна наблюдал, как выносили покойника, умершего от чумы. Оларовский, сибиряк, отличавшийся железным здоровьем, постоянно хворал в этом доме. Принц Чакрабон, со свойственной ему откровенностью, говорил, что это позор, что русское представительство помещается в таком доме.

...Уже Яковлев хотел отказаться от контракта и просил отпустить из казны 3000 руб., чтобы дать отступного домовладельцу, но получил отказ».

Последующая судьба А.Г. Яковлева пока не восстановлена. Известно, что он покинул Бангкок в апреле 1909 г.⁷³, проработав на новом посту чуть более года, и скончался 1 декабря 1909 г. Существует версия, что он умер в Сиаме⁷⁴, однако документального подтверждения этому не найдено.

Неизвестно, сколько дипломат еще бы успел сделать на благо России, если бы не ушел в самом расцвете сил — в 55 лет.

Красноярск, 23 июня 2023 г.

⁷² ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 206. Л. 13.

⁷³ Мельниченко Б.Н., Пылева А.И. Россия — Таиланд: история взаимоотношений (XIX — начало XX века). СПб.: СПбГУ, 2011. С. 83.

⁷⁴ Статья Яковлев Александр Гаврилович. Энциклопедия Императорского Православного Палестинского Общества: 1882–2022 гг. 140-летию ИППО посвящается / Сост., ред. и предисл. С.Ю. Житенева. М.: Индрик, 2022. С. 943.

REFERENCES

1. *Ben-Arieh Y.* Jerusalem in the 19th century – Emergence of the New City. Yad Izhak Ben-Zvi Jerusalem. St. Martin's Press. New York, 1985.
2. *Butova R.B.* Issues of post-war Palestine arrangement in the Council of Imperial Orthodox Palestine Society (1915). Christianity in the Middle East. 2023. Vol. 7. № 1. P. 5–164.
3. *Dmitrievskij A.A.* Russian Ecclesiastical Mission in Jerusalem. Moscow; Saint Petersburg: Izd-vo Olega Abyshko, 2009.
4. Encyclopedia of the Imperial Orthodox Palestine Society: 1882–2022. Dedicated to the 140th anniversary of the IOPS / Compiled, edited and foreword by S.Ju. Zhitenev. M.: Indrik, 2022.
5. *Georgi F.V.* Dragoman of the Russian Imperial Consulate General in Jerusalem A.S. Solomiak. Biographical materials / Nauka i innovacii – sovremennye koncepcii: sbornik nauchnyh statej po itogam raboty Mezhdunarodnogo nauchnogo foruma. Moskva, 14.07.2023. Vol. 3. Moscow: Infiniti, 2023. P. 102–107. EDN UHWFVX.
6. Hatsvi newspaper. Jerusalem. May 24, 1895. Archive of printed periodicals of the National Library of Israel.
7. *Kharitonova A.M.* Siam through the eyes of a Russian diplomat (investigating Georgiy Planson's personal diaries). Proceedings of Petrozavodsk State University. 2020. Vol. 42. № 4. P. 27–33.
8. *Lisovoy N.N.* Consul General in Jerusalem A.G. Yakovlev in his correspondence with V.N. Khitrovo and M.P. Stepanov. Podarok uchjonym i uteshenie prosveshhjonnyh. Saint Petersburg, 2016. P. 303–376.
9. *Lisovoy N.N.* Russia in the Holy Land: documents and materials. In 3 Vol. Moscow: Indrik, 2020.
10. List of civil ranks of the IV class. Inspektorskij otd. Sobstv. e. i. v. Kanceljarii. St. Petersburg, 1908.
11. *Melnichenko B.N., Pyleva A.I.* Russia – Thailand: the history of relations (XIX – early XX century). St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2011.

12. *Shapovalov M.S.* Kaiser Wilhelm's travels to Palestine in 1898 based on Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Christianity in the Middle East. 2020. № 2. P. 75–90.
13. *Tchekhanovets Y.* The Siloam Monolith and Ulliye: Archaeology of Russian Plots in the City of David. Russian archeology. 2013. № 4. P. 143–152.
14. *Tchekhanovets Y., Vakh K.A.* The Russian Consul, the Jews of Jerusalem and the First Archaeological Excavations in the Holy Land. Ierusalimskij Pravoslavnyj Seminar. 2014. № 5. Moscow: Indrik. P. 189–198.
15. *Vakh K.A.* Consul in Jerusalem V.F. Kozhevnikov. Biographical Materials. Ierusalimskij Pravoslavnyj Seminar. 2020. № 10. Moscow: Indrik. P. 233–253.
16. *Yakushev M.I.* The Antioch and Jerusalem patriarchates in the policy of the Russian Empire from the 1830s to the early twentieth century. Moscow: Indrik, 2013.

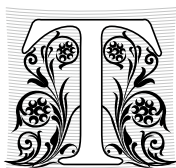
Ключевые слова:

Российская империя, Ближний Восток, Святая земля, Иерусалимский патриархат, Иерусалим, Национальная библиотека Израиля, Сиам, дипломатия, консульство, генеральный консул.

Fedor V. Georgi

CONSUL GENERAL IN JERUSALEM ALEXANDER YAKOVLEV

Biographical materials

The article comprehensively examines the biography of the outstanding diplomat, dragoman, and orientalist Alexander Gavrilovich Yakovlev (1854–1909), who devoted his professional life to strengthening the Russian presence and influence in the Holy Land. In 1879–1897 he served in various positions at the Russian Consulate in Jerusalem and the Embassy in Constantinople. In 1897–1907 worked as Consul General in Jerusalem. During his tenure Alexander Yakovlev played a significant role in protecting Russian interests and expanding the material basis of the Russian presence in Palestine. He spent the final stage of his life (1908–1909) as Resident Minister (head of mission) in Siam. Legacy of Alexander Yakovlev is still relevant today.

For the first time in a Russian-language edition, photographic materials are published related to Alexander Yakovlev, his family and colleagues, from the Album of employees of the Consulate of the Russian Empire in Jerusalem, which was managed in 1858–1914, and since 1949 has been kept in the National Library of Israel. In addition, the article describes the «Bangkok period» of the diplomat.

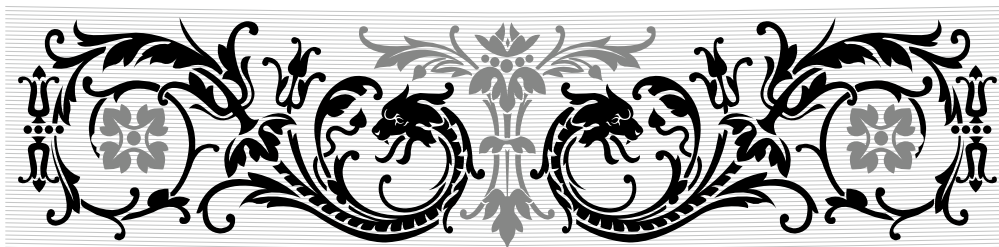
As historical sources for studying the activities of Alexander Yakovlev, documents stored in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, the State Archive of the Russian Federation, the National Library of Israel have been used.

Key words: Russian Empire, Middle East, Holy Land, Jerusalem Patriarchate, Jerusalem, the National Library of Israel, Siam, Diplomacy, Consulate, Consul General.

Fedor V. Georgi — First Secretary of Russian Embassy in Israel.

 Георгий Федор Вадимович

Первый секретарь Посольства России в Израиле

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.007

Е.М. Копоть

ПОЛИТТЕХНОЛОГ ПОНЕВОЛЕ: АРХИМАНДРИТ ИОАНН (ВЕНДЛАНД) В ДЕЛЕ ИЗБРАНИЯ АНТИОХИЙСКОГО ПАТРИАРХА ФЕОДОСИЯ VI (АБУРДЖЕЛИ) (1958–1970)

«Молитва и сослужение являются средствами
духовного единения и укрепления
неоскудевающих братских связей обеих Церквей»¹.
Из справки «Антиохийская православная церковь»
30 сентября 1981 г.

В соответствии с генеральной линией партии

После почти тридцатилетнего перерыва, вызванного Первой мировой войной и революционными событиями в России, отношения между Русской православной церковью (далее — РПЦ) и Антиохийским патриархатом возобновились лишь в середине 1940-х гг. В январе 1945 г. делегация Антиохийской церкви во главе с патриархом Александром III присутствовала на Поместном соборе РПЦ и интронизационных торжествах в Москве. Сразу после возвращения из СССР 14 февраля 1945 г. член делегации патриархата Тиро-Сидонский митрополит Феодосий (Абурджели) выступил в дамасской печати, заявив: «В Советском Союзе

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-6991. Оп. 8. Д. 33. Л. 143.

существует самая абсолютная свобода культа, и, более того, как нам удалось это констатировать, гражданские власти поддерживают церковь»². Таким образом, публично внешнеполитические ориентиры патриархата были обозначены вполне определенно. В мае–июне 1945 г. патриарх Московский и всея Руси Алексий I (Симанский) во время паломнической поездки в Святую землю впервые в истории посетил Антиохийский патриархат. «...Постоянное воспоминание об историческом путешествии Вашем и о пребывании Вашего Блаженства в пределах древнего Антиохийского Патриархата является одной из самых утешительных сторон нашей жизни»³, — писал в августе 1946 г. патриарх Александр III. Взаимные визиты первоиерархов закрепили межцерковные отношения Дамаска и Москвы.

Во время патриаршества Александра III (Тахана), выпускника Киевской духовной академии, отношения между Русской православной церковью и Антиохийским патриархатом в основном оставались в рамках традиционно дружественного курса⁴. В мае 1946 г. в Бейруте было открыто подворье Русской православной церкви. 17 июля 1948 г. возобновило служение Антиохийское патриаршее подворье в Москве, настоятелем которого стал архимандрит Василий (Самаха)⁵. В 1950 г. патриарх Александр III, митрополиты Хомса Александр (Жиха) и Гор Ливанских Илия (Карам) подписались под Стокгольмским воззванием о запрещении атомного оружия, причем митрополиты Александр и Илия опубликовали в своих епархиях послания к верующим с призывом к борьбе за мир⁶. Это вызвало резкую реакцию английского

² Там же. Оп. 1. Д. 66. Л. 5.

³ Там же. Л. 62.

⁴ Однако, время от времени, лавируя между складывающимися военно-политическими блоками, Александр (Тахан) пытался встать на путь англо-американского курса. Так, в 1947 г. он дал обещание приехать в Москву на Совецание глав православных церквей, а в последующем стал выражать сомнения в целесообразности его личной поездки. В марте 1948 г. на встрече с патриархом Александрийским Христофором в Каире они решили (вероятно под влиянием митрополита Феодосия (Абурджели)) уклониться от участия в Московском церковном совещании 1948 г. Более того, патриарх начал «проводить крутые меры против православного духовенства, симпатизирующего Советскому Союзу, под предлогом, что теперь весь мир выступает против СССР» (ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 8. Д. 33. Л. 356–357). 18–28 июля 1953 г. Александр (Тахан) прибыл в Константинополь для участия во встрече выпускников Халкинской богословской школы и встречи с патриархом Афинагором (Спиру), известным своей проамериканской позицией (ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 132. Л.25).

⁵ Подворье было открыто по ходатайству митрополита Московского Филарета (Дроздова) в 1848 г. и просуществовало до 1929 г.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 8. Д. 33. Л. 366.

и американского посольств в Ливане. После объявления доктрины Г. Трумэна сиро-ливанский регион превращался в арену набиравшей обороты холодной войны. Межцерковные отношения стали одним из измерений этой борьбы. Связь церкви и политики на Ближнем Востоке очень тонко чувствовал патриарх Александр III. В 1949 г. он заявлял: «Моя деятельность как сейчас, так и в будущем, будет направлена на взаимопонимание и укрепление дружбы народов Востока с народами Советского Союза»⁷.

Позиция Советского государства кратко выражалась в секретной справке, составленной 23 августа 1950 г. в Совете по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР (далее — Совет): «Учитывая, что из церквей стран Ближнего Востока Антиохийская церковь до сих пор занимала наиболее положительную позицию к русской церкви и поддерживала ее начинания, Московская патриархия в своих сношениях с Антиохийской патриархией должна всячески укреплять свои связи с этой церковью»⁸.

Для реализации избранного курса Советом намечались следующие шаги: «Правильно, в связи с этим, высказано пожелание Миссии СССР в Сирии и Ливане о том, чтобы Московская патриархия имела своего представителя непосредственно при Антиохийском патриархе в Дамаске, а не при храме в Бейруте, и что представителем должен быть не священник, как сейчас, а архимандрит, владеющий французским языком и имеющий соответствующие условия для поддержания престижа Русской церкви (автомашина, хорошее облачение и пр.)»⁹. Однако от декларативного заявления до его воплощения прошло почти десятилетие.

Учреждение представительства при Антиохийском патриархате: большая политика, деньги и эликсир вечной жизни для патриарха

По определению Московской патриархии для поездки в Антиохийскую церковь 15 мая 1957 г. была направлена делегация во главе с епископом Иоанном (Разумовым) Псковским и Порховским. В состав ее также во-

⁷ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 8. Д. 33. Л. 357.

⁸ Там же. Л. 368.

⁹ Там же.

шли протоиерей Борис Давыдов и помощник инспектора Московской духовной академии А.П. Горбачев. Целью поездки было изучение вопроса о материальной помощи патриархату со стороны Русской церкви¹⁰.

Результатом работы делегации стал доклад патриарху Алексию I, который гласил: «Следует учредить в Дамаске и Бейруте представительство Московской патриархии. Это мероприятие приветствуется и Патриархом Александром, и митрополитами. Оно поддерживается и посольствами Дамаска и Бейрута... Кроме того, такие представители будут находиться в курсе всех происходящих событий церковно-религиозной жизни Антиохийского патриархата. Необходимым условием для представителей ставится знание французского языка»¹¹.

Главным из предстоящих событий церковной жизни представлялись выборы патриарха после ожидавшейся в недалеком будущем кончины Александра (Тахана). Впервые этот вопрос был поднят еще в 1950 г. «В связи с преклонным возрастом патриарха Александра идет борьба между митрополитами за патриарший престол. Наиболее вероятными кандидатами являются митрополиты Илия (Салиби) и Феодосий (Абурджели)»¹², — говорилось в 1950 г. в секретной справке Совета по Антиохийской церкви. При этом митрополит Гор Ливанских Илия (Карам) с практичностью левантийского купца заявил в том же году делегации Московской патриархии, что «если надо поставить “угодного вам” патриарха, то для этого ему потребуется 100 тыс. сир. лир»¹³. Однако патриарх Александр (Тахан), отличившись завидной крепостью здоровья, скончался в 1958 г. на 90-м году жизни. Сложно сказать, что этому способствовало в большей степени: природное долголетие, обследования у советских врачей или 90 ампул сыворотки А.А. Богомольца¹⁴, которые по просьбе патриарха и «в виде исключения» передал ему в 1948 г. Ближневосточный отдел МИД СССР¹⁵.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 212. Л. 28.

¹¹ Там же. Л. 67.

¹² Там же. Оп. 8. Д. 33. Л. 367.

¹³ Там же.

¹⁴ Антиретикулярная цитотоксическая сыворотка, относящаяся к группе биостимуляторов, создана в 1937 г. А.А. Богомольцем, который связывал старение организма с возрастными изменениями соединительной ткани. Используется в гериатрии как средство профилактики старения и продления жизни. Как считал в 1940 г. А.А. Богомольец, «нормальное долголетие <...> наука позволяет определить в 125–150 лет. Нет, однако, оснований считать и эти цифры предельными» (Богомольец А.А. Продление жизни. Киев, 1940. С. 143).

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 414. Л. 23.

Тем не менее в 1957 г. вопрос о замещении главы Антиохийской церкви представлялся А.П. Горбачеву следующим образом: «В настоящее время в Ливане и Сирии считают трех митрополитов достойными быть преемниками Патриаршего престола. Это митрополиты Эмесский Александр, Епифанийский Игнатий и Илиопольский Нифон»¹⁶. Надо отметить и другой вечный вопрос (вставший спустя 100 лет после митрополита Филарета (Дроздова) и так удовлетворительно не разрешенный) — о финансовой поддержке Антиохийской церкви: «...Необходимо найти способ, каким образом осуществлять эту помощь, так как, сделанная непосредственно через митрополитов, она не даст желаемых результатов»¹⁷.

По итогам поездки делегации 24 июля 1957 г. состоялось представительное совещание в Совете по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР. Помимо председателя Совета Г.Г. Карпова¹⁸ присутствовали представители от МИД (Д.С. Солод), от Министерства финансов СССР (А.М. Дубровский), от КГБ СССР (Лутов), от Совета по делам религиозных культов (Соловьев) и др. Г.Г. Карпов информировал членов совещания о том, что ежегодно Московская патриархия оказывает материальную помощь Антиохийской церкви в размере 30 тыс. долл. «под предлогом доходов Антиохийского подворья в Москве»¹⁹. На данный момент была поставлена задача ее увеличения и учреждения московского представительства на месте. Как сообщал Г.Г. Карпов, «по этому вопросу Совет входил в ЦК», и было решено оказывать помощь²⁰. И далее: «ЦК КПСС и наши послы в Сирии и Ливане просят ускорить решение этого вопроса»²¹. Совещание поддержало данный проект. Заслуживают внимания некоторые замечания ведомств из протокола совещания. Представитель от Совета по делам религиозных культов подчеркивал: «Мероприятия, которые сейчас обсуждаются, вызываются необходимостью усиления нашего влияния в странах Ближнего и Среднего Востока: помощь надо оказывать, но чтобы она шла туда, куда нужно. Правильно, что там нужно иметь Представительство, которое непосредственно будет контролировать и осуществлять свое повседневное влияние, поскольку

¹⁶ Там же. Оп. 2. Д. 212. Л. 26.

¹⁷ Там же. Л. 27.

¹⁸ Георгий Григорьевич Карпов (1898–1967) — генерал-майор НКГБ–МГБ (1945). В 1943–1960 гг. — председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР (позже — при Совете министров СССР).

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 212. Л. 114.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

мероприятия, которые мы там намереваемся проводить, имеют большое политическое значение»²². Подвел итоги дискуссии представитель КГБ: «По-моему, также ясно, что помощь нужна. С нашей точки зрения, по многим причинам желательно ускорить назначение представительства»²³. На первом этапе сумма помощи определялась в размере 300 тыс. долл. (250 тыс. от Министерства финансов и 50 тыс. долл. от патриархии).

В марте 1958 г. было учреждено представительство РПЦ при патриархе Антиохийском и всего Востока.

Инструкция ее первому руководителю архимандриту Иоанну (Вендланду) от 14 марта 1958 г. гласила: «Вся деятельность представительства должна быть направлена на сохранение исторически сложившихся дружественных отношений между Русской и Антиохийской православными церквями, дальнейшее укрепление авторитета Русской православной церкви среди православного населения Сирии и Ливана и поддержание престижа Московской патриархии в руководящих кругах Антиохийской православной церкви.

В этих целях прежде всего необходимо установление личных контактов с руководящими деятелями Антиохийской православной церкви, изучение их нужд и оказание возможной помощи в такой их деятельности, которая будет способствовать росту симпатий к Русской православной церкви»²⁴. Обращает на себя явно ошибочное и имевшее самые негативные последствия указание инструкции на работу с высшей иерархией патриархата, его «руководящими кругами».

Среди конкретных шагов предусматривалось: «Изучать обстановку и положение в Антиохийской православной церкви, в частности: о возможных кандидатах на патриарший престол; о мероприятиях для поддержки наиболее желательного кандидата; о путях изоляции таких деятелей Антиохийской православной церкви, которые относятся враждебно к Русской православной церкви; о мероприятиях по развитию дружеских отношений Антиохийской и Русской церквей (обмен делегациями, обучение кандидатов Антиохийской патриархии в дух. учебных заведениях Московской патриархии и т.д.). <...> Все материалы, включая и биографические сведения видных деятелей Антиохийской церкви, систематически направлять в Московскую патриархию рекомендованным путем»²⁵.

²² Там же. Л. 117.

²³ Там же.

²⁴ Там же. Д. 240. Л. 7.

²⁵ Там же. Л. 9.

Представителем Русской православной церкви при Блаженнейшем патриархе Антиохийском и всего Востока в начале 1958 г. был назначен ректор Киевской духовной семинарии архимандрит Иоанн (Вендланд)²⁶.

Экспертные интервью: опыт интуитивной социологии

Первые данные о положении во вверенной ему области архимандрит Иоанн начал получать еще в Москве. Вечером 14 марта представителю РПЦ нанес визит в гостинице «Украина» настоятель антиохийского патриаршего подворья. Василий (Самаха) в ходе беседы дал характеристики некоторым архиереям Антиохийской церкви. Митрополит Илия (Карам)²⁷, по его мнению, «хуже Салиби: он обобрал три своих монастыря, чтобы построить доходные дачи в курортном месте. Про него говорили: «Камень, который вывалится из стены монастыря, появляется в стене новой дачи на курорте»²⁸. По словам Самахи, Илия (Карам) «находится в стоворе с американцами»²⁹. Сообщал он и интересные этнографические подробности относительно населения патриархата: «Православные арабы на самом деле не арабы. Они, по его мнению, назвались арабами, чтобы предохранить себя от натиска мусульман»³⁰. Примечательно, но ровно такие же слова приходилось слышать и автору в начале XXI в. от жителей долины аль-Габ и вади

²⁶ Иоанн (Константин Николаевич Вендланд) (1909–1989), архимандрит — ученый-геолог, выпускник Ленинградского горного института. В 1930–1932 гг. работал инженером-геологом на Ключевском хромитовом руднике на Урале. В 1934 г. тайно пострижен архимандритом Гурием в монашество. В 1942 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук. В 1950 г. был возведен в сан архимандрита. В 1956 г. окончил заочный сектор Ленинградской духовной академии. Был удостоен степени кандидата богословия. В 1957 г. ректор Киевской духовной семинарии.

²⁷ Илия (Салим Насиф Карам), митрополит (1903–11.04.1969) — родился в дер. Бхамдун в Ливане. Окончил Баламандскую семинарию. Высшего образования не имел. Служение начал диаконом в Бейрутской епархии, а затем рукоположен в сан иеромонаха и архимандрита. Являлся родственником Феодосия (Абурджели) по материнской линии. В 1934 г. при поддержке французов, с которыми он сотрудничал, был избран митрополитом Гор Ливанских. Семь раз посещал СССР, позиционируя себя другом РПЦ. Скончался в Бейруте от сердечного приступа 11 апреля 1969 г. После смерти в его доме было обнаружено 600 икон и 1000 золотых монет, а также несколько тысяч ливанских лир наличных денег, «помимо солидного счета в банке» (ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 269. Л. 27).

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 240. Л. 30.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. Л. 30 об.

Иоанн (К.Н. Вендланд)

ан-Нассара, что, вероятно, говорит о довольно распространенном бытовом самоописании.

Надо сказать, что в Сирии про самого Василия (Самаху), как отмечал Н.Е. Барановский, видный член русской православной общины в Бейруте, в письме председателю Отдела внешних церковных сношений Московского патриархата митрополите Николаю (Ярушевичу)³¹, мнение было тоже далеко не однозначное: «Многие поражаются чудесному превращению бедного монаха из трудовой крестьянской греко-католической семьи в богача, обогатившего попутно и всю свою родню»³². «По своей ревности и зависти они не могут это простить, а у владыки Илии Карам, у которого епископ Самаха приобрел несколько недвижимостей, и на чем-то они не сошлись, это чувство возмущения доходит до пароксизма, и меня эта арабская жадность забавляет, т.к. я понимаю, что одному ловкачу удалось быстро разбогатеть, а другой в этом отстал и обижен, хотя наш “бедный монах”, каким себя любит величать Владыка Илия Карам, тоже богач и миллионер»³³, — писал Н.Е. Барановский.

27 марта 1958 г. архимандрит Иоанн вместе с секретарем А.П. Афиногеновым прибыл к месту своего служения.

³¹ Николай (Борис Дорوفеевич Ярушевич), митрополит (1891–1961) — с 1947 г. митрополит Крутицкий и Коломенский. В 1946–1960 гг. первый председатель Отдела внешних церковных сношений РПЦ.

³² ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 240. Л. 50.

³³ Там же.

По приезду в Дамаск Иоанн (Вендланд), как было указано в инструкции, передал денежные средства патриарху Александру и митрополитам. Однако с самого начала пришлось приступить к корректировке малопригодного документа: «По совету работников посольства всем, кроме Патриарха, выдавались денежные суммы не в полной мере, определенной Московской патриархией, а в некоторой части для того, чтобы была возможность впоследствии повторить подарок и, таким образом, не ослаблять интереса иерархов к нам»³⁴.

От патриаршего управделами епископа Александра (Асафа) Вендланд получил точные сведения относительно канонического состава высшей Антиохийской иерархии, список которой приложил к своему отчету. После ряда встреч (Нифон (Саба), Александр (Жиха)) в Дамаске 4 апреля московский представитель отправился в Бейрут.

Здесь состоялся прием у местного митрополита Илие: «Салиби была вручена часть предназначенной ему суммы. Небольшая сумма была дана также и его секретарю архимандриту Гавриилу, этой пока еще небольшой, но быстро восходящей звезде Антиохийского духовенства»³⁵. Вендланд, как и положено по инструкции, дал характеристику Илие (Салиби): «В административном отношении он весьма деловит и поэтому несколько сух. Положение Бейрутского митрополита обязывает заниматься не только церковными, но и политическими делами, поскольку Ливанское правительство состоит из представителей религиозных общин. В политике митрополит держится благоразумной середины между разными влияниями, а именно между влиянием русским, с одной стороны, и греко-американским, с другой. Такая благоразумная позиция очень выгодна для митрополита, так как дает ему возможность получать подарки и пособия со всех сторон»³⁶.

В Бейруте состоялось и личное знакомство с Илией (Карамом). Во всех беседах он «усердно подчеркивал свою любовь к русским и неприязнь к американцам и грекам, <...> был искренен в своих заверениях, но мы должны помнить, что совсем недавно он торжественно в мантии, омофоре и митре награждал американских деятелей какими-то орденами»³⁷. Илиа (Карам) показал делегации свои владения. Чтобы вернее бросить тень на репутацию епископа Василия (Самахи), маршрут был

³⁴ Там же. Л. 60.

³⁵ Там же. Л. 61.

³⁶ Там же. Л. 62.

³⁷ Там же. Л. 64.

выбран митрополитом с умыслом: «Мы осмотрели его дом в Хадете, <...> видали пресловутую лавку бананов в центре Бейрута, оскверняющую то место, где когда-то была часовня с Владимирской иконой. (Епископ Василий Самаха, как известно, купил у Карам весь этот дом и сперва обещал сохранить часовню, но затем закрыл ее, предпочитая получать доходы от банановой лавки)»³⁸. «Высоко на горе над Хамдуном митр. Илья заложил монастырь. <...> Когда я спросил митрополита — есть ли желающие проходить иноческий подвиг в монастыре, митрополит ответил, что их следует привезти из России. Кроме того, две-три монашки найдутся из местного населения. А главное — в монастыре надо устроить дом для сирот»³⁹. «Если Россия поможет достроить монастырь, мы сделаем на вершинах окружающих гор светящиеся красные звезды как в Кремле!»⁴⁰ — заключил митрополит Илия.

По мнению Карам, в патриархате сложились две группы: греческая и русская (Александр (Жиха), Нифон (Саба), Илия (Карам), Афанасий (Клейли)). Главой греческой он назвал Феодосия (Абурджели)⁴¹. Патриарх Александр III, по его словам, «потерял свою голову и подписывает все, что ему предложит Абурджели, который посылает бумаги на подпись к патриарху каждую неделю»⁴². Контакты между патриархом и Триполийским митрополитом осуществлялись через брата последнего — Жоржа Абурджели. «У нас нет патриарха, наш патриарх — Абурджейли», — сокрушался Карам⁴³.

Тогда же, в Бейруте, по предложению советников посольства произошла вторая корректировка инструкции. Архимандрит Иоанн выдал 5 тыс. сир. лир для поддержания журнала «Харака» («Вперед»), издаваемого генеральным секретарем Бейрутского православного совета Хабибом Робейзом. Архимандрит задним числом просил благословить митрополита Николая (Ярушевича)⁴⁴ произведенный расход средств.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. Л. 65.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Феодосий (Спиридон Абурджели), митрополит (3.03.1883 (другие варианты: 1884, 1885, 1887, 1889), Бейрут — 19.09.1970, там же) — духовное образование получил в духовной семинарии в Баламанде (1905–1908) и в академии на о. Халки. В 1923 г. был хиротонисан во епископа и избран на кафедру митрополита Тиро-Сидонского. В 1948 г. был переведен на Триполийскую кафедру. В 1950-х гг. XX в. являлся старейшим митрополитом в синоде Антиохийской церкви.

⁴² ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 240. Л. 65.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Л. 71.

По возвращении в Дамаск состоялась встреча с Иоанном Маликом (директором канцелярии президента сирийского района ОАР и влиятельным членом совета православных мирян в Дамаске), а потом и всем епархиальным советом мирян. Встреча открыла иной мир. Выяснилось, что села в районе Джебель-Друз очень бедны, и многие храмы в Хауранской епархии пустуют, не имея возможности содержать священников. «Если давать хотя бы по 100 сир. лир в месяц, священник уже мог бы там жить. Вот здесь нас и удивило — куда же идут те средства, которые наш Святейший патриарх посылает на помощь бедному духовенству?! На эти деньги можно было бы открыть около 20–30 новых священнических вакансий!»⁴⁵ — сокрушался Иоанн (Вендланд). «Не лучше ли осуществлять помощь через наши собственные руки при содействии епархиального совета мирян?» — пришел архимандрит к вопросу, которым регулярно задавалась русская дипломатия еще с конца XIX в.⁴⁶ Отмеченная проблема — работа только через митрополитов — станет одной из причин слабости русской позиции в ходе избирательной борьбы за патриарший престол.

1 мая архимандрит Иоанн посетил Баламандскую семинарию. Несмотря на многолетнюю финансовую помощь патриархату со стороны РПЦ, в ее программе ничто не выдавало тесных связей между Россией и Антиохийским престолом: «Общее впечатление: Бельмент дает поверхностное образование, но с хорошим практическим уклоном. Окончивший будет знать английский и греческий языки и будет уметь петь на византийский манер...»⁴⁷ Незадолго до визита делегации семинарию посетил греческий король, который дал субсидию на ее содержание и обещал средства на расширение зданий и стипендии, чтобы «каждый учащийся мог один месяц летом проводить в Греции»⁴⁸. Важно отметить, что семинария находилась в ведении Триполийского митрополита Феодосия (Абурджели), главы прогрессивной группы в Синоде. Несмотря на то, что сам он бегло говорил по-русски, в программе семинарии такой предмет отсутствовал, что явным образом затрудняло образовательные контакты с русскими духовными учреждениями. В итоге архимандрит Иоанн вынужден был заключить, что семинария вырабатывает «эллинизированных арабов,

⁴⁵ Там же. Л. 94.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. Л. 97.

⁴⁸ Там же.

которые даже помолиться не умеют по-арабски, а только по-гречески. Эти люди улыбаются нам только из вежливости, не имея к нам никаких глубоких симпатий»⁴⁹.

13–14 мая архимандрит Иоанн посетил Хаму и митрополит Игнатия (Хрейке)⁵⁰, который принял их очень любезно. Вместе с ним они посетили «развалины города Апомеи византийской эпохи» (совр. Калаат Мадык), а также «древние цитадели и замки крестоносцев»⁵¹. Митрополиту выдали 6 тыс. сир. лир как подарок от патриарха Алексия I «в счет отведенной ему суммы»⁵².

Выводом из знакомства с митрополитами и общественным мнением, которое считало, что «Антиохийская церковь богата, но ее иерархи, присвоив богатства церкви себе, не заботятся о деле», стало пока еще осторожное предложение архимандрита руководству в Москве, что, «возможно, большую часть русской помощи следует давать не через руки иерархов, а через общественные организации. Тогда эти деньги не пропадут»⁵³.

Подводя итог первому этапу работы миссии, можно отметить, что архимандритом Иоанном интуитивно было найдено верное средство изучения положения в патриархате через серию экспертных интервью с ключевыми фигурами. Тем не менее этот интуитивный подход прогнозируемо оказался не лишен и существенных недостатков. Отбор экспертов не соответствовал четким руководящим принципам, не существовало формализованной структуры опроса, и, как следствие, полученный материал не фиксировался систематически. Важно отметить, что не учитывались личные предубеждения экспертов. В этой связи опросу в основном подвергались митрополиты, т.е. внутренние эксперты. Внешние эксперты были практически полностью проигнорированы. Картина оказалась бы значительно полнее, если бы в каждой епархии были организованы встречи как с представителями организаций мирян (желательно критически настроенных к митрополиту), так и с представителями инославных конфессий. Плодотворными исключениями из

⁴⁹ Там же. Л. 254.

⁵⁰ Игнатий (Хрейке), митрополит — родился в 1894 г. в селе Батрумун (аль-Кура) в Ливане. Высшее духовное образование получил в богословском институте на о. Халки (Турция). В 1925 г. избран митрополитом Епифанийским (Сирия, г. Хама). (ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 8. Д. 33. Л. 240).

⁵¹ Там же. Л. 104.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. Л. 106.

этого правила стали контакты с Ханной Маликом в Дамаске и Хабибом Робейзом в Бейруте. Однако они были скорее результатом счастливой случайности.

Смерть патриарха: «Никому он больше не нужен...»

Во вторник 17 июня 1958 г. скончался патриарх Александр (Тахан), что незамедлительно дало старт официальной предвыборной борьбе. По словам Иоанна (Вендланда), «даже уже в день его кончины начались среди прибывших на погребение митрополитов разного рода споры, волнения и сговоры о том, кому быть патриархом»⁵⁴.

Похороны прошли в восточной атмосфере: «По установившейся традиции в Антиохийской церкви умерших патриархов не полагали во гроб, а устанавливали их в сидячем положении в большом кресле в полном облачении, с митрой на голове, с панагиями и крестом в руке. За дни после его смерти вид его не изменился, он сидел как живой. В соборе при нашем посещении никого не было»⁵⁵. Так что епископ Иоанн (Разумов) Псковский и Порховский вынужден был заметить: «Создалось впечатление, что патриарх Александр всеми покинут, никому он больше не нужен. Даже проживающий здесь епископ Василий нигде не показывался. Все митрополиты заняты одной мыслью, как бы попасть в патриархи»⁵⁶. Как резюмировал глава делегации митрополит Минский и Белорусский Питирим: «Здесь возможны всякие варианты, вплоть до подкупа включительно»⁵⁷.

Протоиерей К. Ружицкий, ректор Московской духовной академии, добавлял: «Заупокойная литургия — при наличии многих верующих — проходила с таким общим шумом разговорным, что мало слышны были возгласы, а тем более речи»⁵⁸.

На похоронах патриарха митрополиты Антиохийской церкви были представлены очень скудно. Из 15 митрополитов патриархата присутствовали только митрополиты Игнатий (Хрейке), Александр (Жиха), Нифон (Саба), Илия (Карам), Илия (Муавад). Основные представители ливанских митрополий не прибыли на похороны. Официально — из-за

⁵⁴ Там же. Л. 114.

⁵⁵ Там же. Л. 155.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. Л. 159.

⁵⁸ Там же. Л. 164.

невыдачи виз правительством, что, однако, не помешало прибыть в Дамаск Нифону (Саба) и Илие (Караму). Реально рассматривалось две версии: стремление Ливана выделиться в отдельный патриархат и выражение негативного отношения к патриарху Александру за его прорусские взгляды. К. Ружицкий пишет, что складывалось «впечатление некоторого “бойкота”» со стороны ливанских владык⁵⁹.

Делегация решила, что архимандрит Иоанн (Вендланд) с помощником «не могли разобраться в сложившейся обстановке», и поэтому решено было поручить остаться на некоторое время епископу Иоанну (Разумову) для получения всесторонней информации от владык⁶⁰. Отметим, что сама постановка вопроса определяла изъяны полученной в будущем информации.

После похорон наметились первые претенденты на патриарший престол: Игнатий (Хрейке), поддерживаемый государственными чиновниками ОАР (Ханна Малик), Нифон (Саба), Александр (Жиха) (выдвигался «прогрессивной» группой патриаршего епархиального совета), а также кандидат греческого правительства, Эладской и Иерусалимской церковью Феодосий (Абурджели). По мнению делегации РПЦ, лучшим кандидатом был бы Александр (Жиха).

Из-за политического кризиса в Ливане вопрос о созыве Синода для выборов патриарха был отложен на неопределенное время.

Тем временем епископ Иоанн (Разумов) провел 9 июля 1958 г. переговоры с митрополитом Хомса: «Мы предложили ему от лица РПЦ денежную помощь на покрытие расходов, связанных — в силу местных обычаев его страны — с ведением той предвыборной кампании, в такой сумме, какая ему на это потребуется, а смету по этим расходам он должен будет сдать представителю нашей Патриархии в Дамаске»⁶¹. Таким образом, РПЦ сделала свою ставку на одного из кандидатов.

В июле Иоанном (Вендландом) совместно с епископом Иоанном (Разумовым) была совершена поездка в с. Блюдан в горах Антиливана и Сахнайя в пригороде Дамаска, обещана материальная помощь, что было важно для завоевания поддержки мирян Дамаска. Однако предварительная работа по увеличению электората митрополита Александра наталкивалась на противодействие из самого неожиданного места — из Москвы. Несмотря на благоприятную характеристику, данную работе

⁵⁹ Там же. Л. 160.

⁶⁰ Там же. Л. 164.

⁶¹ Там же. Л. 130–131.

представительства епископом Иоанном (Разумовым), митрополитом Николаем было сообщено в Дамаск, что расходы (фактические или только планируемые) вне рамок инструкции «находятся в полном противоречии с указаниями, которые вы получили при отъезде»⁶². Расходы в Катане и Блюдане, «хотя мы и находим целесообразными, могли быть произведены Вами лишь с нашего разрешения»⁶³. То есть никогда, так как ответа о дозволении использовать временно доступные средства архимандрит Иоанн ждал более 5 месяцев и получил лишь 2 сентября 1958 г. В итоге 18 августа архимандрит Иоанн решился на резкое (для «смирненного послушника», как подписывался архимандрит) донесение в адрес митрополита Николая (Ярушевича), в котором прямо заявлял после перечисления всех своих отчетов с датами: «Ни на одно мое сообщение, ни на один запрос не получено от Вас ни ответа, ни одобрения, ни порицания»⁶⁴. Москва демонстрировала полную оторванность от ситуации, формализм и безразличие. Так, в ответ на просьбу оказать помощь бедному духовенству Хауранской епархии, что привлекло бы симпатии к прорусскому кандидату, был получен ответ, который никак иначе, кроме как издевательским, назвать было нельзя: «Никакого решения не может последовать ввиду полной неизвестности, куда идут те средства, которые Московская патриархия ассигновала на помощь бедному духовенству Антиохийского патриархата»⁶⁵. Пытаясь убедить митрополита Николая в необходимости оперативного реагирования, архимандрит Иоанн писал: «Владыка, поверьте, что нет такой помощи, которая не оказала бы влияния на исход будущих выборов. Всякая помощь, повышая авторитет Русской церкви, может заставить мирян прислушаться к Ее голосу и поставить то или другое лицо на своей записочке во время выборов»⁶⁶. Следует признать справедливое обвинение руководителя Совета В.А. Куроедова⁶⁷, который, добиваясь отставки митрополита Николая в 1960 г., заявлял, что глава ОВЦС «формально относится к внешней работе патриархии», а «в зарубежной деятельности церкви заинтересованы только коммунисты»⁶⁸.

⁶² Там же. Л. 169.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Л. 186.

⁶⁵ Там же. Л. 169.

⁶⁶ Там же. Л. 187.

⁶⁷ Владимир Алексеевич Куроедов (1906–1994) — в 1960–1965 гг. председатель Совета по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР; в 1965–1984 гг. — председатель Совета по делам религий при Совете министров СССР.

⁶⁸ Чумаченко Т.А. «Поразила всех нас, как громом, отставка митрополита Николая». Крах одной церковной карьеры. 1960 // Исторический архив. 2008. № 1. С. 53–54.

После эмоционального донесения несмиренного послушника, чтобы довести до Москвы важность момента, архимандрит Иоанн 20 августа представил более сдержанный и обстоятельный доклад по вопросу о выборе будущего Антиохийского патриарха, где наметил предвыборные планы штаба митрополита Александра на ближайшее время.

Выдвижение кандидатов

Не имея возможности в июле–августе работать в Ливане, представительство сосредоточилось на изучении электоральных предпочтений в Сирии. В итоге пятерка самых популярных кандидатов в порядке убывания выглядела следующим образом: Игнатий (Хрейке), Александр (Жиха), Нифон (Саба), Феодосий (Абурджели), Антоний (Башир).

Характеристики основных претендентов дают понять, что выбор патриарха был вопросом церковно-политическим, если не совсем политическим. Митрополит Хамы Игнатий (Хрейке) в прошлом был «активным членом националистической Сирийской Партии» и в настоящий момент был близок к выходу из Хамы, министру внутренних дел Абдель Хамиду Сарраджу⁶⁹. В сторону поддержки кандидатуры Игнатия склонялось «если не все сирийское правительство, то по крайней мере некоторые его круги, в частности секретарь президента Ханна Малик»⁷⁰. Кандидатура Игнатия гарантировала, что он будет в точности следовать политике ОАР. Позиция выборщиков-мирян определялась соображениями «патриотического долга и вследствие доверия к своим государственным руководителям»⁷¹. В то же время как митрополит Игнатий себя почти ничем не проявил, посвящая себя «области политической и коммерческой»⁷². В случае его победы во главе церкви стал бы «разумный политик, но слабый клирик»⁷³. В отношении Русской церкви предполагалось, что Игнатий сохранит

⁶⁹ Абдель Хамид Саррадж (1925–2013) — сирийский государственный деятель. С 1955 г. — глава военной разведки Сирии. С 1958 г. — министр внутренних дел. С 1960 г. — президент Исполнительного совета Сирии. После переворота 28 сентября 1961 г. был вынужден бежать из Сирии в Ливан, а затем в Египет. Пик его влияния пришелся на 1958–1960 гг. (Attie C. *Struggle in the Levant: Lebanon in the 1950s*. London, 2004. P. 141–143).

⁷⁰ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 240. Л. 191.

⁷¹ Там же. Л. 192.

⁷² Там же. Л. 191.

⁷³ Там же. Л. 192.

«дружеские отношения», но они не будут носить характера «сердечности и интимности»⁷⁴.

Второй по популярности и первой по желательности для московской патриархии была кандидатура митрополита Хомса Александра (Жихи)⁷⁵. Знающий русский язык, богослужения он совершал «со смирением, подобно русскому монаху»⁷⁶. При нем, как патриархе, полагал Иоанн (Вендланд), практическое использование русской помощи «станет вопросом легким и приятным»⁷⁷. Его диоцез был одним из образцовых, но главным недостатком митрополита Александра в глазах общественности — как ни парадоксально для архиерея — была аполитичность, замкнутость на приходской жизни православного Хомса.

Митрополит Захле Нифон (Саба) отличался среди всех ливанских митрополитов тем, что политически был «настроен отлично», симпатизировал Советскому Союзу, боролся «посредством своего пера с американским империализмом»⁷⁸. По этой причине он также рассматривался московским представительством как желательный кандидат. Тем более что богослужения митрополит совершал «прекрасно, с чувством душевной теплоты и светлой лирической грусти»⁷⁹. Однако, пользуясь всеобщей симпатией, он не обладал достаточным авторитетом, его считали «милейшим, но слабым человеком»⁸⁰.

Кандидатура Триполийского митрополита Феодосия (Абурджели) для Москвы была «нежелательной, но терпимой»⁸¹. Несмотря на то, что он был «сановитым и довольно деятельным архиереем», причи-

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Александр (Жиха), митрополит (23.02.1886–1968) — родился в с. Бешмедзин в Ливане. По окончании средней школы поступил в Баламандскую духовную семинарию, которую окончил в 1908 г. В 1908 г. посвящен в сан иеродиакона Триполийским митрополитом Григорием (Хаддадом)". Изменить на: "В 1908 г. посвящен в сан иеродиакона патриархом Григорием (Хаддадом). Направлен им на учебу в Россию в Казанскую духовную семинарию, а затем в Духовную академию, которую окончил в 1918 г. В 1921 г. был назначен настоятелем монастыря Св. Илии. Возглавлял Баламандскую семинарию. В 1925 г. возведен в сан архимандрита и снова назначен настоятелем монастыря Св. Илии. В 1934 г. избран Триполийским митрополитом. Под влиянием Феодосия (Абурджели) патриарх Александр III предложил ему добровольно перейти в Эмесскую епархию (Сирия, г. Хомс). Кроме родного языка владел греческим и русским. (ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 8. Д. 33. Л. 232–233).

⁷⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 240. Л. 194.

⁷⁷ Там же. Л. 193.

⁷⁸ Там же. Л. 194.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ Там же. Л. 195.

на неприятия заключалась в его политической ориентации. Феодосий, выпускник Халкинской академии, был грекофил, т.е. «сторонник американского влияния»⁸². Политические деятели Сирии были уверены, что американцы в случае провала кандидатуры Антония (Башира) будут стараться выдвинуть Феодосия. Предполагалось, что он будет также поддерживать дружбу с Русской церковью, но «нельзя быть уверенным в том, что он поставит свою подпись под теми декларациями, которые наш Патриарх обнарудует совместно с другими главами церкви»⁸³.

«Совершенно нежелательной и нетерпимой», с точки зрения Москвы, являлась кандидатура Нью-Йоркского митрополита Антония (Башира)⁸⁴. Он не пользовался популярностью ни среди народных масс Сирии, ни в правительственных кругах. Однако Иоанн (Вендланд) опасался, что, «употребив много денег», он, будучи направляем американской политикой, «сможет пробиться к патриаршему престолу»⁸⁵. Сирийские митрополиты не могли простить его «спесь, католическую внешность и религиозный индифферентизм»⁸⁶. Последнее обвинение особенно примечательно среди лиц, которые, по выражению митрополита Илии (Муавада), «используют Церковь как инструмент для своих коммерческих операций»⁸⁷. Вероятно, Антоний (Башир) выделялся даже на этом фоне.

Принимая во внимание большую вероятность победы митрополита Хамы, представительство считало необходимым поддерживать не только митрополита Александра, но и «показывать все наше благорасположение к Игнатию, вплоть до того, что дать ему некоторую сумму денег (около 5 тыс. сир. лир), заверив его, что это дается для того, чтобы помочь ему стать Патриархом»⁸⁸.

Политический маркетинг

План избирательной кампании намечался архимандритом-политтехнологом следующим образом. Работа должна была быть проведена в трех социальных средах: среди митрополитов, мирян и в сирийском правительстве.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же. Л. 116.

⁸⁸ Там же. Л. 197.

Среди мирян особое место в плане агитации занимали члены Хауранского епархиального совета, настроенные голосовать в пользу Игнатия. Для того чтобы они поддержали митрополита Александра, достаточно было, чтобы московский представитель, по его словам, мог сказать им: «Пригласите ваших священников являться ко мне за жалованием»⁸⁹. Для первого транша было необходимо 3 тыс. сир. лир, а в дальнейшем 6 тыс. сир. лир в год. Однако Москва медлила с разрешением расходовать средства. Кроме того, важную роль играли миряне Бейрута, оппозиционно настроенные к митрополиту Илие (Салиби), которым уже была оказана (вне одобренного плана) помощь для издания журнала. Тем не менее для продолжения работы требовалось благословение.

При предварительном подсчете можно было рассчитывать и на голоса Тиро-Сидонской и Лаодикийской митрополий. Итого в лучшем случае митрополит Александр мог получить 20 мирских голосов в первом туре.

Для увеличения числа сторонников среди митрополитов по представлению Александра Эмесского представительство 14 августа выдало 5 тыс. сир. лир митрополиту Латакии Трифону (Гораебу). Ожидалось, что и Павел (Хури) поддержит его кандидатуру. Позиция Нифона (Саба) определялась итогами первого тура. В случае, если бы он не вошел в число трех, он отдал бы свой голос Александру.

Работа в правительственных кругах не была доступна представительству. Однако время не терпело отлагательств, и, получив послание митрополита Николая от 2 сентября 1958 г., полное замечаний в свой адрес, архимандрит Иоанн, отринув всякое смирение, приступил к осуществлению программы 20 августа.

Сентябрь 1958 г. Иоанн (Вендланд) провел в Бейруте. Его агитационная работа проходила на фоне американской военной операции «Голубая летучая мышь»⁹⁰, придавая особое значение будущему избранию патриарха. В столице Ливана царила колоритная атмосфера: «Периферическая, но важнейшая. Прибрежная часть города была полна войск — американских, ливанских и Объединенных наций»⁹¹. «Ночь растворяла в темном море контуры американской эскадры, играла музыка, демонстрировали кинофильмы. По временам где-то слышалась беспорядочная ружейная стрельба»⁹². Однако если в городе жизнь замирала, то

⁸⁹ Там же. Л. 199.

⁹⁰ 15 июля — 25 октября 1958 г. операция в рамках доктрины Эйзенхауэра по поддержке режима президента Ливана К. Шамуна (1952–1958).

⁹¹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 240. Л. 249.

⁹² Там же.

Высадка американских морских пехотинцев на пляж около аэропорта Бейрута

отели становились островками активности: «Военные, роскошно одетые дамы и смиренные монахи обедали в ресторанных залах отелей или сидели на верандах, любясь ночным морским пейзажем»⁹³.

Здесь архимандрит Иоанн провел встречи как с митрополитом Илией (Салиби), так и генеральным секретарем патриаршего совета Хабибом Робейзом, который был одним из выборщиков от епархии. Мирянам принадлежало пять голосов, в силу чего Иоанн небезосновательно полагал, что «визит к Робейзу и был главнейшим делом всей моей поездки в Бейрут»⁹⁴. Инициатива архимандрита по несанкционированной выдаче 5 тыс. лир на журнал, который издавал Х. Робейз, доказывала свою обоснованность. «Весенний посев наш оказался как будто не бесплодным. Робейз сам сказал, что он не хочет писать Салиби в список официальных кандидатов»⁹⁵. Намечались имена Игнатия (Хрейке), Александра (Жиха) и Нифона (Саба). Эти кандидаты вполне устраивали Москву, что и дал понять Иоанн (Вендланд): «На протяжении разговора мы возвращались к этому списку еще два раза, и каждый раз я высказывал свое одобрение»⁹⁶. Во время второй встречи 18 сентября Х. Робейз сообщил, что все пять выборщиков единодушны между собой. Понимание между сторо-

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. Л. 252.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

нами было достигнуто. В ответ архимандрит Иоанн «обещал Робейзу, что в случае выбора хорошего Патриарха его журнал будет хорошо поддержан деньгами Русской церковью»⁹⁷. Кроме того, он «резервировал 2 тыс. ливанских лир, чтобы в случае необходимости передать их Робейзу дополнительно еще до выборов» (что и было выполнено)⁹⁸.

11 сентября состоялись переговоры с Нифоном (Саба), в которых он заявил о своем желании стать патриархом. Иоанн убеждал его в необходимости взаимной поддержки между Нифоном и Александром (Жиха) в зависимости от того, кто будет набирать больше голосов. При этом представитель Московской патриархии предполагал, что большинство будет все-таки за Александром и «надежды Нифона тщетны»⁹⁹. Тем не менее на этот случай важно было заручиться поддержкой митрополита Захле. Для этой цели ему было выдано 5 тыс. лив. лир в качестве материальной помощи.

Советское посольство, со своей стороны, поддерживало предвыборную активность московского представителя. 12 сентября был организован «грандиозный» завтрак у посла СССР в Ливане С.П. Киктева, на который были приглашены митрополиты Игнатий (Хрейке), Илия (Салиби), Нифон (Саба), Павел (Хури), Илия (Карам), Афанасий (Клейли), епископы Василий (Самаха), Сергей (Самне), Игнатий (Абуррус), несколько архимандритов и мирян.

В субботу, 13 сентября, были проведены переговоры с митрополитом Тиро-Сидонским Павлом (Хури). Во время беседы архимандрит Иоанн недвусмысленно намекнул Павлу, что «митрополит Александр (Жиха) принимает в нем, Павле (Хури), большое участие и ищет встречи с ним, чтобы помочь ему»¹⁰⁰. Предварительно представительство митрополиту Александру были переданы 5 тыс. лир для вручения Тиро-Сидонскому архиерею. Верно расшифровав послание, Павел (Хури) сказал, что, «по его мнению, Жиха — наилучший патриарх»¹⁰¹. «Мне оставалось только согласиться с этим мнением»¹⁰², — резюмировал архимандрит Иоанн.

Особую активность проявлял Илия (Карам), который за сентябрь трижды встречался с архимандритом. Не высказывая своего мнения, он пытался убедить его в том, что готов голосовать за того, кого ему

⁹⁷ Там же. Л. 253.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Там же. Л. 255.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

укажут русские. Становилось очевидным, что митрополит «предлагает свой голос на продажу»¹⁰³. Однако ценность этого голоса и добросовестность продавца вызвали сомнения: «Это ненадежный человек, скользкий и увертливый. Его голос надо купить, но не теперь, а в последний час перед вторым туром голосования, чтобы у него не изгладились впечатления как от данной, так и от обещанной суммы»¹⁰⁴. Надо отдать должное проницательности архимандрита Иоанна, который не знал, что еще в 1950 г. Илия (Карам) вызывался организовать покупку патриаршего престола за 100 тыс. сир. лир.

Помимо кулуарных переговоров Иоанн (Вендланд) проводил и публичные мероприятия. В субботу, 20 сентября, на крыше гостиницы «Бристоль» им был дан завтрак для митрополита Илии (Салиби) и его епархиального совета. Присутствовало 28 человек, среди которых были митрополит Илия и его племянник архимандрит Гавриил (Салиби), генеральный секретарь совета Хабиб Робейз, директор «Бристоля» Жорж Раис, первый секретарь, советник и атташе посольства СССР в Ливане.

Промежуточный вывод из ливанского турне был робко оптимистичным: «Пока еще никто при мне не назвал Антония Башира как возможного кандидата. Но все ждут его прибытия и его денег»¹⁰⁵.

Подводя итоги сентября, возвращаясь к произведенным в Бейруте и Хауране (были выданы необходимые 3 тыс. сир. лир) тратам, архимандрит Иоанн вынужден был 4 октября 1958 г. каяться: «Глубоко скорбя о том, что я делал это тогда еще без Вашего благословения, и опасаясь Вашего справедливого гнева за такую вольность, я все-таки произвел эти расходы в интересах дела, согласно изложенной мною Вам программы»¹⁰⁶. Новая роль явно выходила за рамки привычного опыта архимандрита: «Результаты стоили мне больших переживаний, так как, привыкнув до сих пор делать все с благословения, я в данном и других случаях бываю вынужден произвести расход, не дождавшись благословения»¹⁰⁷. В этой связи на предвыборные расходы он просил «благословленную смету», которая дала бы возможность маневрировать в пределах ее статей.

Такая смета с корректировкой, что в 1958 г. общая сумма помощи будет не 800 тыс., а 600 тыс. инвалютных рублей, была получена. При расходе-

¹⁰³ Там же. Л. 256.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Там же. Л. 257.

¹⁰⁶ Там же. Л. 222.

¹⁰⁷ Там же.

вании средств указывалось, «в том числе 200¹⁰⁸ тыс. рублей, имеющих специальное распределение, поступать таким образом, чтобы все эти деньги максимально содействовали избранию на Антиохийский Престол желательного кандидата»¹⁰⁹. Данное благословение активизировало работу избирательного штаба под руководством архимандрита Иоанна (Вендланда).

Полевая работа

Октябрь для представителя Москвы в Дамаске выдался горячим. Он встречался с митрополитами «как в Дамаске и Бейруте, так и в областных городах Сирии, и в деревнях гор Ливанских»¹¹⁰. Переговоры были проведены с Илией (Муавадом), Илией (Салиби), Фотием Багдадским, Трифоном Латтакийским, Павлом Тиро-Сидонским, Нифоном (Саба), дважды с Игнатием (Хрейке), Епифанием Аккарским, Феодосием (Абурджели), трижды с Александром (Жиха), а также несколько раз с «увертливым» митрополитом Гор Ливанских Илией (Карамом).

Для повышения авторитета митрополита Александра среди архиепископов патриархата в разгар предвыборной борьбы Московской духовной академией ему было присвоено звание доктора богословия (звание магистра было присвоено в 1951 г.). Одновременно с русским представителем митрополит Александр отправился в Ливан, где провел встречи с Фотием Багдадским и Нифоном (Саба).

По итогам переговоров архимандрит Иоанн был уверен в голосах лишь Трифона Латтакийского, Павла Тиро-Сидонского, Фотия Багдадского и Нифона (Саба) при условии, что последний не попадет в число кандидатов. Заявления остальных митрополитов не вызывали доверия.

Илия (Муавад) Алеппский, являясь лидером «Движения православной молодежи», сам планировал стать патриархом¹¹¹. Надо отметить, что

¹⁰⁸ В проекте отношения стоит карандашная правка «215 тыс.».

¹⁰⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 240. Л. 227.

¹¹⁰ Там же. Л. 259.

¹¹¹ Илия (Муавад) (1914 [по другим данным 1920] — 21.06.1979, Дамаск) — начальное образование получил при монастыре Святого Георгия (Дейр-эль-Харф). В 1934–1939 гг. обучался в академии на о. Халки. По ее окончании был назначен ректором Баламандской духовной семинарии. В 1947 г. направлен в Бразилию. В 1950 г. избран митрополитом Халебским. Он являлся противником какого-либо влияния со стороны Русской православной церкви на Антиохийскую церковь, считал себя антикоммунистом. С 25 сентября 1970 г. Илия IV патриарх Антиохийский (ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 8. Д. 33. Л. 242).

архимандрит Иоанн недооценивал личность митрополита, считая, что «лиц, принадлежащих к движению, можно “приручить”... В частности, я надеюсь, так можно “приручить” и самого митрополита Моуада»¹¹². В действительности он общался с будущим патриархом и одним из лидеров движения, которое в следующее десятилетие возьмет под контроль весь Синод Антиохийской церкви. Именно деятели «Движения православной молодежи» добьются в 1966 г. объявления *persona non grata* представителя РПЦ епископа Владимира (Котлярова) и уничтожения русского влияния среди высшего клира Антиохийского патриархата. Однако в 1958 г. 44-летний митрополит не казался опасным. Тем не менее интуитивно русский архимандрит чувствовал скрытую угрозу, что заставило его заметить, что «митрополит Моуад еще не понят мною совершенно»¹¹³.

Театральную пьесу представляла собой встреча с Фотием Багдадским¹¹⁴, который проводил лето в Ливане. Делегацию он встретил «в соломенной шляпе, запыленной ряске и туфлях на босу ногу», деятельно руководя «рабочими, унаваживающими его фруктовый сад»¹¹⁵. Про него говорили, что он «богат, скуп, но смиренен»¹¹⁶. «Если только возможно соединение таких достоинств, пороков и добродетелей!»¹¹⁷ — иронично замечал Вендланд. Однако этот босоногий левантйский садовод умел удивить северного гостя. Он «отказался от предложенных ему под видом запоздавшего пасхального подарка денег»¹¹⁸. Надо полагать, в середине октября формулировка о пасхальном подарке должна была вызвать понимающую улыбку. Но, окатив холодным душем архимандрита, он тут же сказал, «что очень любит митрополита Александра (Жиху), который когда-то был его учеником»¹¹⁹. А затем «прибавил, что мы можем быть спокойны: мы останемся довольны»¹²⁰. Встреча явно проходила по сценарию митрополита. В конце он добавил, что выборщики из мирян с ним заодно.

¹¹² ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 240. Л. 261.

¹¹³ Там же. Л. 263.

¹¹⁴ Фотий (Хури), митрополит — родился в 1898 г. в Ливане. По окончании начальной школы работал писарем в торговых организациях. В 1908 г. поступил в Богословскую академию на о. Халки. В 1953 г. избран митрополитом Багдадским (ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 8. Д. 33. Л. 304).

¹¹⁵ Там же. Л. 268.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ Там же.

Во время октябрьской встречи с Нифоном (Саба) подтвердилось, что его позиция союза с митрополитом Александром не претерпела изменений, и он вторично получил от архимандрита еще 5 тыс. лив. лир. В свою очередь, Илия (Карам) лишь еще больше убедил в своей ненадежности: «Известно, что он старается продаться многим»¹²¹. Поэтому «его нужно купить за полчаса до второго голосования»¹²², — заключил архимандрит Иоанн. Чтобы укрепить расположение митрополита, ему было передано немного денег в дополнение к 3 тыс. сир. лир, которые ранее вручил митрополит Александр (из средств предвыборного фонда представительства).

Епифаний Аккарский был настроен скептически и после смерти патриарха Александра (Тахана) в одной из проповедей прямо заявил: «Мы не продадимся Русской церкви!»¹²³ По итогам встречи Иоанн, описывая общее тяжелое впечатление, отметил, что «общество приятелей Епифания настроено против Советского Союза и Русской церкви»¹²⁴.

С такими результатами избирательная кампания Александра (Жихи) под руководством архимандрита Иоанна (Вендланда) вошла в свою финальную стадию. Американская военная операция в Ливане завершилась 25 октября 1958 г., и патриаршие выборы откладывать больше было нельзя.

Голосование: «победа демократии»

14 ноября 1958 г. состоялось избрание нового, 163-го Антиохийского патриарха. В этот день прошло заседание Генеральной ассамблеи Антиохийской церкви, на которое съехались представители всех епархий Сирии, Ливана, обеих епархий США, представители Багдада (Ирак) и один представитель из Турции (Антиохия). Общее число участников, имеющих право голоса, достигло 59: из них 47 мирян и 12 митрополитов.

По словам Иоанна (Вендланда) 14 ноября можно было бы назвать днем «победы демократии», так как в избрании участвовало такое количество мирян, «какого никогда не было за всю историю Антиохийской церкви»¹²⁵. Впрочем, эта радость о демократии для архимандрита Иоанна (Вендланда) была со слезами на глазах: «Закон, хотя и демократический, открыл, однако, широкие двери элементам, настроенным ре-

¹²¹ Там же. Л. 270.

¹²² Там же.

¹²³ Там же. Л. 265.

¹²⁴ Там же. Л. 264.

¹²⁵ Там же. Л. 273.

акционнно. Это — богачи, привносящие в церковные дела свою политику и своекорыстный расчет. Примером таких лиц является Ханна бек Малик — крупный чиновник при всех правительствах Сирии, начиная с правительства французской оккупации и кончая правительством современным. Другой пример — доктор Анастас Шагин, врач, соединяющий врачебную деятельность с деятельностью коммерческой (кофейни, доходные дома). Оба они сыграли роковую роль в неудаче митрополита Александра (Жихи). Этих реакционных элементов оказалось больше, чем прогрессивных...»¹²⁶

Заседание Генеральной ассамблеи началось в 10 ч. 30 мин. Более трех часов шла проверка избирательных прав мирян. Горячо оспаривались полномочия делегатов Толедо (штат Огайо), Багдада и Аккара, о выборе которых Дамаск не был своевременно извещен. В пылу дискуссий дело дошло до драки между Аккарским митрополитом и одним из мирян: «Митрополит Епифаний наградил двумя пощечинами одного мирянина, но потом вынужден был извиниться, чтобы тот не возбудил судебного дела»¹²⁷.

Атмосфера накалялась с каждой минутой: «...Во время чтения записок и подсчета голосов, повторенного для проверки два раза, и во время жеребьевки настроение присутствующих на дворе и слушающих через открытые окна достигло максимального напряжения. Епископ Василий (Самаха) побледнел и начал дрожать. Сторонник Игнатия архимандрит Афанасий (Скаф) стал громко ругаться с каким-то мирянином. Ругань начала переходить в драку. Архимандрита и мирянина растащили полицейские»¹²⁸. В ходе первого тура голосования митрополит Игнатий (Хрейке) получил 42 голоса, митрополит Феодосий (Абурджели) — 32, Александр (Жиха) — 28, Илия (Муваад) — 28, Нифон (Саба) — 25 голосов. Незначительное количество голосов было отдано за Афанасия (Клейли), Епифания (Зайеда), Илию (Карама), Павла (Хури) и др.

Выход во второй тур голосования давали три первых места. Как сообщал Иоанн (Вендланд): «Трагедия для нас заключалась в том, что Митрополиту Александру (Жихе) не хватило одного голоса для того, чтобы войти в список, и через то стать патриархом»¹²⁹. В ситуации, когда третье место (при равенстве голосов) оспаривалось митрополитами Илией

¹²⁶ Там же. Л. 276.

¹²⁷ Там же. Л. 277.

¹²⁸ Там же. Л. 277–278.

¹²⁹ Там же. Л. 277.

(Мувадом) и Александром (Жиха), избирательный закон предписывал бросать жребий. Митрополит Павел написал две записки с именами претендентов, а нейтральное лицо вынуло одну из них — с именем митрополита Илии. Таким образом, митрополит Александр (Жиха) выбыл из претендентов на престол: «Ему стало дурно. По двору побежали кавасы и прислужники — один с водой, другой с полотенцем, третий с валериановыми каплями»¹³⁰.

Анализируя полученный митрополитом Александром результат, архимандрит Иоанн приходил к выводу, что это почти то самое количество, которое наш «штаб» определял в его пользу за две недели до выборов. Эта цифра складывалась из голосов мирян Багдада — 3, Хаурана — 3, Дамаска — 2, Хомса — 3, Бейрута — 2, Захле — 3, Марджаюна — 3, Латтакии — 3 и 7 голосов митрополитов (Афанасия, Трифона, Нифона, Илии (Карама), Павла, Фотия Багдадского и его собственного). Все названные присутствовали на собрании, но не все подали свои голоса.

Незадолго до выборов, исходя из указанного предварительного подсчета, было принято решение выделить митрополиту Александру 20 тыс. лир, на которые он «обещал увеличить число своих сторонников приблизительно до 40 человек»¹³¹. Однако перед созывом Генеральной ассамблеи сотрудник «сюрте женераль» (органов госбезопасности) выяснил у митрополита Александра имена всех мирян, которые должны были голосовать за него. После этого на них было оказано полицейское давление. Здесь, вероятно, сказалась близость штаба Игнатия (Хрейке) к Абдель Хамиду Сарраджу, который из-за репрессий в отношении сирийских коммунистов заслужил прозвище «султан Абдель Хамид»¹³². Любая ассоциация с «прогрессивными» (как это формулировал Иоанн (Вендланд)) кругами была фатальной для митрополита Хомса.

Борясь против кандидатуры «красного» Александра (Жиха), Ханна Малик дал указание всем своим сторонникам консолидированно писать в бюллетень для голосования одних и тех же лиц: Игнатия, Феодосия и Илию Алеппского. Возможны две интерпретации данного выбора. Первая, что кандидаты-спойлеры — Феодосий и Илия, не имея шансов победить, оттягивали бы голоса у Александра. Илия был слишком молод, а Феодосий, будучи членом ливанской партии, не мог рассчитывать на

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. Л. 278.

¹³² Schayegh C. 1958 reconsidered: State Formation and the Cold War in the Early Postcolonial Arab Middle East // International Journal of Middle East Studies. 2013. Vol. 45. № 3. P. 427.

Кафедральный собор в честь Успения Пресвятой Богородицы (Марьямийа) в Дамаске голоса сирийских митрополитов. Вторая, что все три кандидата так или иначе были связаны с западным влиянием и выигрыш любого мог бы считаться победой. Очевидно, что архимандрит Иоанн придерживался первой трактовки событий. По его мнению, Ханна Малик «впустил в список Феодосия, которого раньше никто не думал писать, а Феодосием он погубил Игнатия»¹³³. «Ему удалось также создать искусственную популярность митрополиту Илие и посредством его пресечь дорогу Александру (Жиха)»¹³⁴, — заключал Вендланд.

Во втором туре митрополиты собрались для окончательного избрания в церкви, где и были поданы голоса. Поддержка митрополитов, ориентированных на сотрудничество с РПЦ, досталась митрополиту Игнатию как меньшему из двух зол. Его поддержали Александр (Жиха), Афанасий, Трифон (Гораеб), Илиа (Мувад) и он сам, т.е. все сирийские митрополиты. Однако этого не хватило. Ливанская партия Феодосия набрала шесть голосов: Нифона, Павла, Илии (Карама), Епифания, Фотия. Обращает на себя внимание переход на сторону Феодосия, давнего друга Московской патриархии Илии (Карама). Впоследствии во всех ключевых эпизодах жизни патриархата в 1960-е гг. он также будет принимать сторону прозападной партии. Антоний (Башир), удовлетворенный ходом голосования, подал белый билет, заявив, что в следующем

¹³³ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 2. Д. 240. Л. 279.

¹³⁴ Там же.

туре проголосует за Феодосия, чем сделал его победу окончательной. Таким образом, финальное голосование превращалось в формальность.

Вследствие этого митрополиты, проголосовавшие за Игнатия, как и он сам, заявили, что в третьем туре они дают свои голоса за Феодосия.

Таким образом, спустя 5 часов после начала процедуры в третьем туре митрополит Феодосий (Абурджели) был единогласно избран патриархом, о чем Дамаск известил колокольный звон. Он провозглашал не только избрание нового патриарха, но и подводил черту под эпохой прорусских патриархов на антиохийском троне: Мелетия (Думани), Григория (Хаддада), Александра (Тахана). Впереди было замещение всех архиерейских кафедр противниками союза с РПЦ и изгнание в 1966 г. из пределов патриархата представителя РПЦ епископа Владимира (Котлярова). Словно предчувствуя грядущие события, архимандрит Иоанн так писал о первых минутах Феодосия на троне: «Народ вошел в церковь. Новый патриарх стоял уже на своем кресле. Митрополит Павел прочел постановление. И я, несмотря на все свое горе в связи с несбывшейся надеждой, помня, что за моей спиной стоит Русская церковь, сказал патриарху приветствие в довольно напыщенных выражениях»¹³⁵.

Для присутствия на интронизации Феодосия была отправлена делегация РПЦ, которая прибыла 22 ноября в Дамаск. Симптоматично, что на аэродроме ее никто не встретил, и она с трудом добралась до патриархии (формально «телеграмма не была вовремя получена»¹³⁶). Прибывшие в Сирию священнослужители застали миссию в подавленном настроении. «Мы никак не опомнимся, — говорил архимандрит Иоанн, — после нашего поражения. Сколько было положено энергии и трудов...»¹³⁷ Возведение на престол состоялась 23 ноября 1958 г. Как провидчески отметил в своем докладе глава делегации митрополит Минский и Белорусский Питирим (Свиридов), несмотря на многочисленные дружественные заявления при личных беседах, новопоставленный патриарх Феодосий в своей длинной интронизационной речи «ни словом не обмолвился о своем отношении к Русской православной церкви»¹³⁸.

24 ноября 1958 г. патриарха Феодосия посетил греческий посол в Ливане и заверил его, что Греция окажет ему любую материальную помощь, если он будет держаться их курса. Как резюмировал митрополит

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. Л. 280.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же. Л. 282.

Патриарх Феодосий VI (Абурджели) (справа) в Москве. 21 июля 1959 г.

Питирим 11 декабря 1958 г.: «Таким образом обозначилось два течения в жизни Антиохийской церкви — русское и греческое. Как поведет себя патриарх — покажет будущее»¹³⁹.

Зато вполне предсказуемо себя вел Илия (Карам), 27 июля 1958 г. он обратился к патриарху Алексию I с просьбой дать денег на постройку детского приюта в горах Ливанских (тех самых «гостиниц», по мнению еп. Василия (Самахи)). Однако архимандрит Иоанн (Вендланд), не успев забыть поведения Илии (Карама), не поддержал это прошение, заявив 16 ноября, что митрополит «еще ничем, кроме громких слов, не показал своей преданности Русской церкви»¹⁴⁰.

После совещания в Москве, куда был вызван архимандрит Иоанн, инструкция представительству на 1959 г. претерпела значительные изменения. Сумма помощи Антиохийской церкви не уменьшилась, составив 600 тыс. инвалютных рублей. Однако изменились интонации: «Надо иметь в виду, чтобы патриарх Феодосий ни в коем случае не знал общей суммы выделенных средств. Каждая даваемая ему сумма должна передаваться как единовременная помощь на известную цель. Правильное использование этой суммы желательно контролировать наблюдением за реально видимым ее результатом»¹⁴¹. Такая постановка вопроса вы-

¹³⁹ Там же. Л. 286.

¹⁴⁰ Там же. Л. 302.

¹⁴¹ Там же. Д. 268. Л. 4.

звала ожидаемое неудовольствие патриарха: «Деньги надо давать ему, патриарху, а он их направит куда надо»¹⁴². Представительство в свою очередь задерживало выдачу, надеясь «смирить его постом»¹⁴³. Тем не менее к апрелю 1959 г. было выдано 65 тыс. сир. лир материальной помощи¹⁴⁴. Все суммы передавались при свидетелях и были широко известны, чем был крайне возмущен патриарх. Феодосий настаивал на выдаче «в его бесконтрольное распоряжение» дополнительных средств в размере 20 тыс. долл. (около 74 тыс. сир. лир) от доходов подворья в Москве, которые являлись, по его мнению, личной собственностью патриарха. Однако по заключению представительства: «Термин “доходы Антиохийского подворья” должен быть забыт»¹⁴⁵.

Когда страсти улеглись и можно было оценить первую пятилетку правления нового патриарха, епископ Подольский Леонтий (Гудимов)¹⁴⁶ в справке для председателя ОВЦС МП митрополита Никодима (Ротова) емко отмечал: «Став патриархом, Феодосий VI по существу занял недружелюбную позицию по отношению к Русской церкви и социалистического лагеря, хотя на словах именует себя их преданным другом»¹⁴⁷. Таким образом, время подтвердило справедливость опасений архимандрита Иоанна (Вендланда).

Инженер-геолог по образованию, архимандрит Русской церкви, заброшенный волею судьбы в Дамаск, в 1958 г. неожиданно для себя должен был выполнять роль политтехнолога на выборах Антиохийского патриарха. Все это происходило в условиях набиравшего обороты противостояния военно-политических блоков холодной войны в ближневосточном регионе. Оформленное в доктрине Эйзенхауэра, оно реализовалось в начавшейся в период междупатриаршества американской операции в Ливане. Традиционное региональное соперничество ливанских и сирийских митрополий окрашивалось в просоветские и проамериканские тона (традиционно ливанский регион). Внутри группы сирийских митрополитов также не было единства: националист Игнатий (Хрейке) противостоял «прогрессивному» Александру (Жихе). Выбор патриарха превращался в вопрос церковно-политической борь-

¹⁴² Там же. Л. 24.

¹⁴³ Там же. Л. 25.

¹⁴⁴ Там же. Л. 68.

¹⁴⁵ Там же. Л. 71.

¹⁴⁶ Леонтий (Иван Афанасьевич Гудимов) (1928–1992) — представитель РПЦ при патриархе Антиохийском и всего Востока в 1961–1964 гг.

¹⁴⁷ Там же. Оп. 8. Д. 33. Л. 230.

бы. В этих политических платформах и региональных напластованиях геологу-архимандриту необходимо было разобраться в кратчайшие сроки. Несмотря на фактическое поражение кандидатуры митрополита Александра (Жихи), надо отдать должное: Иоанн (Вендланд) сделал в этой ситуации максимум возможного. Сложнейшая международная обстановка, не отвечающая месяцами Москва, оторванная от реальности инструкция представительства в конечном счете превратили отца архимандрита из «смирненного послушника» в жесткого менеджера предвыборной кампании. Однако победить в борьбе, в которой он полноценно участвовал лишь два-три месяца, было невозможно. Надо признать, что весь период 1950-х гг. на Антиохийском направлении был упущен ОВЦС Московского патриархата.

Заслуживают особого внимания строки последнего отчета московского представителя епископа Владимира (Котлярова)¹⁴⁸ от 31 декабря 1966 г.: «Анализируя события минувших лет, мы пришли к выводу о целесообразности изменения метода работы нашего представительства на Ближнем Востоке. Нам кажется, что работу следует вести так, как она велась еще 70–100 лет тому назад. Помощь надо передавать народу через школы и клиники»¹⁴⁹. Иными словами, епископ Владимир признавал фиаско усилий последних двух десятилетий и предлагал вернуться к системе дореволюционного Императорского Православного Палестинского Общества. По мнению епископа Владимира (Котлярова), надо было перестать, «так сказать, гоняться за митрополитами»¹⁵⁰. Отмечая мужество епископа, имевшего смелость писать об этом в 1966 г., можно согласиться с тем, что увлечение «погоней» за высшей иерархией и стало одной из основных причин поражения в 1958 г. штаба архимандрита Иоанна (Вендланда). На признание этого факта ушло еще восемь лет, и конкуренция с западным влиянием внутри Антиохийского патриархата была проиграна.

¹⁴⁸ Объявлен патриархом Феодосием *persona non grata* 1 сентября 1966 г. и отозван из Дамаска.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 59. Л. 167.

¹⁵⁰ Там же.

REFERENCES

1. *Bogomolec A.A.* Prodlenie zhizni [Extention of Life]. Kiev, 1940. 143 s.
2. *Chumachenko T.A.* «Porazila vseh nas, kak gromom, otstavka mitropolita Nikolaja». Kraх odnoj cerkovnoj kar'ery. 1960 // Istoricheskij arhiv. 2008. № 1. S. 47–68. [«Struck all of us as thunder, the resignation of Metropolitan Nicholas», the Collapse of one of the Church's career], in: Ist. arh. 2008. № 1. S. 47–68.
3. *Attié C.* Struggle in the Levant: Lebanon in the 1950s. London, 2004. 257 p.
4. *Schayegh C.* 1958 reconsidered: State Formation and the Cold War in the Early Postcolonial Arab Middle East // International Journal of Middle East Studies. 2013. Vol. 45. № 3. P. 421–443.

Ключевые слова:

Феодосий VI (Абурджели), Александр III (Тахан), Иоанн (Вендланд),
Антиохийский патриархат, православные арабы,
Россия и Православный Восток, Сирия, Ливан.

Evgeny M. Kopot'

**A SPIN DOCTOR UNWILLED:
ARCHIMANDRITE JOHN (WENDLAND)
IN THE ELECTION OF THE ANTIOCHIAN
PATRIARCH THEODOSIUS VI
(ABOU RJAILEH) (1958–1970)**

The article analyses the history of relations between Russian and Antioch Orthodox Churches in the 20th century. The mission key plot of the first Moscow Patriarchate representative to the Patriarch of Antioch Archimandrite John (Wendland) is revealed based on documents from the State Archive of the Russian Federation, which were previously classified, being introduced into scientific circulation for the first time. The election of Patriarch Theodosius VI (Abou Rjaileh) in 1958 was a turning point in the history of bilateral relations between the Russian Orthodox Church and the Patriarchate of Antioch. Acting as a Soviet foreign policy instrument, archimandrite John (Wendland) headed the election campaign of the pro-Soviet candidate, Metropolitan Alexander (Zhikha). In the context of political rivalry between the USSR and the USA in the Middle East, the mission of Archimandrite John was defeated, which was a consequence of the shortcomings in the foreign policy activities of the Moscow Patriarchate in the previous decade.

Key words: Theodosius VI (Abou Rjaileh), Alexander III (Tahan), John (Wendland), Patriarchate of Antioch, the Orthodox Arabs, Russia and the Orthodox East, Syria, Lebanon.

Evgeny M. Kopot' — Senior Lecturer, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (MPGU).

 Копоть Евгений Михайлович

старший преподаватель Института истории и политики МПГУ,
ФГБОУ ВО Московский педагогический государственный университет

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.008

В.В. Орлов

«НЕУКЛОННО СТОЯТЬ НА СТРАЖЕ ГИБРАЛТАРСКОГО ПРОЛИВА...»: В.Р. БАХЕРАХТ И ВОЕННО-МОРСКОЕ ПРИСУТСТВИЕ РОССИИ В МАРОККО В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

историю российско-марокканских связей последних трех столетий флотская тема вплетена многими нитями. Это далеко не случайное обстоятельство. Несмотря на то, что Марокко (Дальний Магриб, араб. *Аль-Магриб аль-Акса*)¹ и Россию разделяют долгие недели морских

переходов, военно-стратегические интересы и геополитические задачи Российского государства в отдельные эпохи требовали самого серьезного внимания петербургского Адмиралтейства к «узким местам» морских и океанских коммуникаций. Марокко — единственная арабская страна, которая одновременно обладает атлантическим и средиземноморским побережьем и контролирует, наряду с британской военно-морской базой на юге Пиренейского полуострова, прохождение кораблей и судов через Гибралтарский пролив. Более того, в отличие от всех других стран

¹ В европейской географической традиции в Новое время утвердилось наименование Марокко «Шерифской империей», в силу того, что правящие в этой стране династии Саадидов (1511–1659 гг.) и Алауитов (с 1631 г.) являлись шерифскими, т.е. вели свое происхождение от пророка Мухаммада. Шерифы пользовались особым авторитетом в арабо-мусульманском мире как носители божественной благодати (араб. *барака*).

Северной Африки, шерифское государство так и не оказалось в административно-политической зависимости от Османской империи. Поэтому в XVI–XIX вв. правительства марокканских султанов еще вполне располагали собой на средиземноморской и международной арене. Все эти условия сделали Марокко заметным ориентиром на карте российских интересов.

Торговые и военно-политические задачи Российской империи на северо-западе Африки сформировались в середине XVIII в. Создание Петром I (1682–1725 гг.) военного флота и его выход за пределы Балтийского и Черного морей превратили Россию в полноценную морскую державу. Препятствия для российских кораблей в Проливах, которые создавала Османская империя, сделали для Петербурга насущным круговой маршрут «Северное море — Ла-Манш — Гибралтар». Российские корабли в эту эпоху нередко заходили в порты Северной Африки. Например, в 1754 г. итальянское судно «Мадонна де ла Грация», плававшее под русским флагом, перевозило грузы и пассажиров из порта Алжир в Александрию. В 1757 г. грузопассажирские перевозки по этому же маршруту осуществил русский капитан Франкович².

Марокко стало втягиваться в орбиту внешнеполитического партнерства России после окончания Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. и заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.). Победа над Османами позволила России взять под свой контроль северные берега Черного моря и «открыть» Босфор и Дарданеллы. Османское правительство (Высокая Порта, тур. *Баб-и Али*) также признало право России «иметь пребывание консулам и вице-консулам, которых Российская империя во всех тех местах, где они признаны будут удобными, назначить за благо рассудит»³. Кроме того, османская сторона согласилась содействовать России в заключении «коммерческих трактатов» со своими североафриканскими провинциями (*эялетами*) Алжир, Тунис и Триполи. Эти обязательства также вошли в состав последующих русско-турецких торговых соглашений 1782 и 1783 гг.⁴

² Мусатова Т.Л. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. Очерки истории русско-марокканских связей в XVIII — начале XX в. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 12.

³ Цит. по: Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 353.

⁴ Орлов В.В. Россия и Марокко в конце XVIII — начале XX в.: от обмена посланиями к обмену посольствами // Исторический вестник. 2015. Т. 11 [158]. С. 129.

Наряду с торговыми ведомствами России Дальний Магриб привлекал внимание и высших чинов Адмиралтейства. Развитие дипломатических связей с Алаутским Марокко удачно вписывалось в общие задачи российской геополитики, поскольку военно-морские операции в Западном Средиземноморье позволяли обеспечить плавание российских торговых судов к европейским и североафриканским портам в обход Босфора и Дарданелл⁵.

События Архипелагской экспедиции Российского императорского флота (1769–1775 гг.) заметно оживили интерес российских правящих кругов к Магрибу⁶. Правда, основная зона крейсерских операций российских эскадр быстро сместилась в восточную акваторию Средиземного моря. Базой россиян стал остров Парос в Эгейском море, и все ключевые рейды и сражения российских кораблей, участвовавших в экспедиции, происходили к востоку от Мальты. Тем не менее сам факт прохождения флота через Гибралтарский пролив позволил российским морякам увидеть северо-западную часть Африки и пусть кратковременно, но все же прикоснуться к ее природе и культуре. Да и опыт массированного применения военно-морской мощи России в бассейне Средиземного моря тоже не пропал даром для российско-марокканских контактов. Первые заметки и статьи о военном и политическом положении в Шерифской империи, как отмечал знаток

⁵ В этом плане примечательна история российского фрегата «Надежда Благополучия». Этот новый и хорошо снаряженный боевой корабль в 1764–1765 гг. был зафрахтован для торговых перевозок тульским купцом Иваном Владимировым и под коммерческим флагом посещал порты Апеннинского полуострова, в том числе Ливорно. Однако его командиром был назначен многоопытный морской офицер, капитан 1-го ранга Ф.С. Плещеев (?–1770). Впоследствии он участвовал в Архипелагской экспедиции в должности флаг-капитана при адмирале Г.А. Спиридове и героически погиб в Чесменском сражении. Экипаж фрегата отличался высокой военно-морской выучкой и слаженностью действий. Коммерческое плавание «Надежды Благополучия», скорее всего, явилось прикрытием для стратегической разведывательной миссии российского флота. — *Образцов В.* «Надежда Благополучия». Первый екатерининский фрегат в Средиземном море // *Родина*. 2010. № 2. С. 78–79; *Рукавишников Е.Н.* Мифы и реалии в истории плаванья фрегата «Надежда Благополучия» (1764–1765 гг.) // *Военно-исторический журнал*. 2021. № 11. С. 84–93. В 1765–1768 гг. группа русских флотских офицеров была командирована на практику на верфях Мальты. Формально они должны были изучать основы кораблестроения, но в действительности негласно осваивали тактику будущих боевых походов в Средиземном море. — *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой / Под общ. ред. Е.Б. Смилянской. М.: Индрик, 2011. С. 34.

⁶ *Дьяков Н.Н.* Магриб — Машрик — Россия. Материалы по историографии и истории арабского мира. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 358.

В.Р. Бахерахт. 80-е гг. XIX в.

истории российского востоковедения Б.М. Данциг, начали появляться в «Санкт-Петербургских ведомостях» уже после заключения Кючук-Кайнарджийского мира⁷. Они во многом были основаны на тех сведениях о Северной Африке, которые поступали в Санкт-Петербург от российского посла в Лондоне (и, по совместительству, консула в Гибралтаре) графа С.Р. Воронцова⁸.

В последней четверти XVIII в. российское военно-морское присутствие в Средиземноморье послужило посреднической платформой для развертывания межгосударственных связей Российской и Шерифской империй. В 1777 г. нештатный консул России в Гибралтаре англичанин

⁷ Данциг Б.М. Забытая страница из истории русско-марокканских отношений в последней четверти XVIII в. // Данциг Б.М. Ближний Восток. Сб. ст. / Вступ. ст. Г.Л. Бондаревского. М.: Наука, 1976. С. 146–147.

⁸ *Ас-Сайих, аль-Хасан*. Аль-Хадара аль-магрибия: аль-бидаи ва-ль-истимрар (Магрибинская цивилизация: начало и преемственность). Ат-таб‘а ас-санийа. Рабат: Маншурат ‘Указ, 2004. Т. 3. С. 125. Семен Романович Воронцов (1744–1832) — граф Священной Римской империи и Российской империи, государственный и военный деятель, дипломат. В годы Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. — командир 1-го гренадерского полка русской армии, отличился в сражениях при Ларге, Кагуле и Силистрии. Полномочный министр в Венеции (1782–1784 гг.), посол в Лондоне (в Королевстве Великобритания, в 1784–1800 гг. и в Соединенном Королевстве, 1800–1806 гг.).

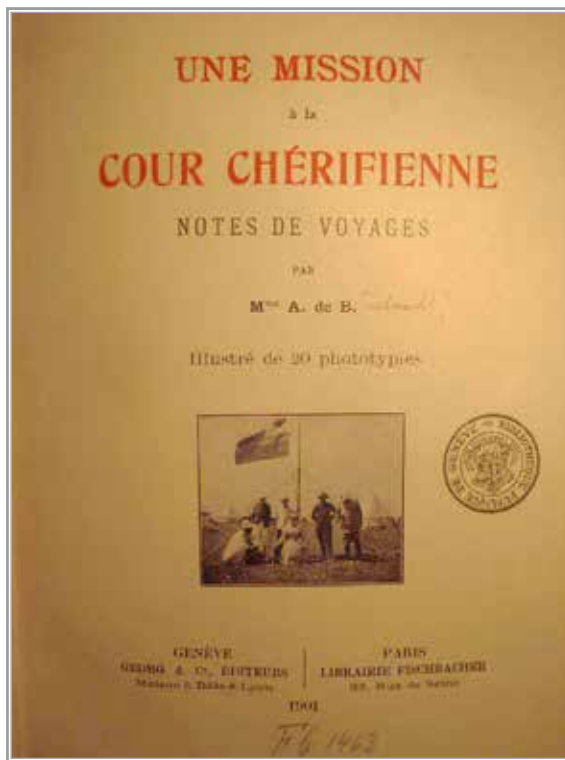
Л. Бут сообщил в Санкт-Петербург о содержании циркулярного письма султана Марокко Сиди Мухаммада ибн Абдаллаха (1757–1790 гг.). В этом документе марокканский государь разрешил свободный заход европейских кораблей в порты Дальнего Магриба и предложил европейским консулам способствовать заключению мирных и торговых трактатов Шерифской империи со представляемыми ими государствами⁹. Сведения, полученные от Л. Бута — агента российского влияния в Испании и резидента российской внешней разведки¹⁰, привели к исторической встрече командира российского фрегата «Северный Орел», капитана 1-го ранга Т.Г. Козлянинова¹¹ с марокканским посланником в Ливорно Мухаммадом ибн Абд ал-Маликом (апрель 1778 г.). Российский офицер и шерифский дипломат обменялись посланиями. В них они уведомили друг друга относительно расположения своих государей к последующему заключению российско-марокканского договора¹². В мае 1778 г. российские фрегаты «Св. Павел» и «Постоянство» доставили Мухаммада ибн Абд ал-Малика и выкупленных его посольством мусульманских пленников в Танжер. Здесь в июле их командиры получили послание султана Екатерине II и вице-президенту Адмиралтейств-коллегии И.Г. Чернышеву.

⁹ Мусатова Т.А. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. С. 16.

¹⁰ Консульское представительство Л. Бута было сопряжено с военно-морскими операциями России. В частности, год начала его консульской миссии в Гибралтаре совпал с началом Архипелагской экспедиции российского флота (1769 г.). Орлов В.В. Марокканские элиты и российско-османский конфликт (XVIII–XIX вв.): проблема восприятия // Встречаясь друг в друга... Россия и арабский мир: взаимное восприятие. Сб. ст. / Сост. Н.Г. Романова, И.М. Смилянская, А.О. Филоник. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2013. С. 164.

¹¹ Тимофей Гаврилович Козлянинов (Козляинов, Козланов) (1739–1798) — офицер российского флота. Был вхож в круг сановников екатерининского двора. Неоднократно направлялся на зарубежные морские практики (Великобритания, 1762–1764 гг.; Голландия, 1765 г.; Мальта, 1765 г.). Участвовал в Архипелагской экспедиции 1769–1775 гг., плывал под командованием капитана 1-го ранга, героя Чесменского сражения С.П. Хметевского (1730–1800). В 1778–1779 гг. в звании капитана 1-го ранга командовал группировкой российских кораблей в Средиземном море. Отличился в Гогландском сражении (1788 г.), блокировал шведский флот под Свеаборгом. Завершил службу в звании вице-адмирала.

¹² Письмо командира фрегата «Северный Орел» капитана первого ранга Т.Г. Козлянинова послу Марокко султана Марокко в Тоскане Мухаммеду бен Абд аль-Малеку с сообщением о выраженном императрицей России Екатериной II желании установить с Марокко отношения мира и дружбы (Ливорно, 5 апреля 1778 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. 1777–1916 / Авт. и сост. Н.П. Подгорнова. М.: Ин-т Африки РАН, 1999. С. 134.

Обложка книги воспоминаний А.А. Бахерахт о миссии в Марокко. 1901 г.

В этом официальном письме алауитский султан выразил пожелание «заключить ... статьи мирные»¹³ с далеким государством «москвитов» (*мускуви*), в которых шерифский двор видел могущественного на море и грозного на суше противника Османской империи. В ответном послании российская самодержица также изъявила свое намерение «сохранять весьма рачительно и твердо искренний мир и дружбу»¹⁴ с Дальним Магрибом. Несмотря на столь многообещающее начало, мирный договор между Санкт-Петербургом и Рабатом остался в сфере благопожеланий. На пути его заключения встали сложные для России проблемы морской торговли и военных коммуникаций. Единственная значимая задача такого соглашения могла состоять в получении права свободно заходить в марокканские порты для купеческих судов, плавающих под

¹³ Письмо султана Марокко Сиди Мухаммеда бен Абдаллаха вице-президенту Адмиралтейств-коллегии Российской империи И.Г. Чернышеву по поводу заключения мирного договора между двумя государствами (Марракеш, 14 июля 1778 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 138.

¹⁴ Грамота императрицы Екатерины II султану Сиди Мухаммеду бен Абдаллаху с сообщением о предоставлении марокканским подданным в России режима наибольшего благоприятствования // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 148.

российским флагом. Также речь в мирном договоре могла идти о защите купеческих компаний от пиратов российским флотом. Однако в конце XVIII в. торговые и транспортные предприятия российских компаний в Средиземном море были маломасштабными и сводились к разовым поставкам или нерегулярным перевозкам небольших партий товаров. Что же касается проецирования военно-морской мощи, то в 1779 г. российские корабли, базировавшиеся в портах Южной Европы, были окончательно выведены из Средиземноморья¹⁵.

Уход из жизни Сиди Мухаммада ибн Абдаллаха (1790 г.) и Екатерины II (1796 г.) поставил точку в этом международно-дипломатическом проекте. С одной стороны, полное насилия правление нового султана Мулай Йазида (1790–1792 гг.) привело Дальний Магриб к династическому конфликту — Семилетней смуте, завершившейся закреплением на престоле второго сына покойного султана — Мулай Сулаймана (1792–1822 гг.). Для преемников Сиди Мухаммада Российская империя оставалась загадочным и далеким явлением¹⁶. С другой стороны, реформаторские усилия Павла I (1796–1801 гг.) и сосредоточение внимания Петербурга на европейских делах также не благоприятствовали юридическим заботам российского императора о торговых привилегиях и безопасности его подданных в Северной Африке¹⁷.

Дальний Магриб и в целом Западное Средиземноморье вновь оказались в фокусе российской морской и внешнеполитической стратегии

¹⁵ В ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Адмиралтейств-коллегия планировала новую экспедицию российского флота в Средиземном море. Однако обострение отношений со Швецией и Русско-шведская война 1788–1790 гг. создали значительную угрозу с моря для безопасности северо-западных провинций империи и самого Санкт-Петербурга. Поэтому российские эскадры под руководством адмирала С.К. Грейга (1735–1788) в полном составе остались на Балтике. — *Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б.* Россия в Средиземноморье. С. 744.

¹⁶ См.: Орлов В.В. Марокко и российский Военно-морской флот: три века контактов // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 5: Мусульманский мир на исторических рубежах России / Отв. ред. В.Я. Белокреницкий, Н.Ю. Ульченко. М.: Ин-т востоковедения РАН, 2017. С. 116.

¹⁷ Оригинальный текст российско-марокканского договора не был обнаружен в фондах Архива внешней политики Российской империи. Его поиски предпринял в 50-х гг. XX в. Б.М. Данциг, но успеха они не дали, как и новая серия изысканий, развернутых в АВПРИ в 80-х гг. XX в. Т.А. Мусатовой и Н.П. Подгорновой. Этот документ не был включен и в содержащиеся в «Полном собрании законов Российской империи» перечни договорных актов России с другими государствами за последнюю четверть XVIII в. См.: Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.] В 45 т. СПб.: В типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851. Т. 20–23.

в последней трети XIX столетия. Видные дипломаты и государственные деятели России XIX в. — посол в Берлине и Лондоне Х.А. Ливен (1774–1838), канцлеры Российской империи А.М. Горчаков (1798–1883) и К.В. Нессельроде (1780–1862), посол в Константинополе, Риме и Париже А.И. Нелидов (1835–1910), посол в Берне, Дрездене и Мадриде М.А. Горчаков (1839–1897) — неоднократно предлагали вернуться к екатерининскому опыту, наладить дипломатические отношения с алауитским двором и назначить в Танжер русского дипломатического или консульского агента. Однако эта задача приобрела подлинную актуальность уже в ходе восстановления международных позиций России после Крымской войны, возрождения боевой готовности Черноморского флота и формирования Сибирской военной флотилии, главной базой которой в 1855 г. стал Николаевск-на-Амуре, а в 1871 г. — Владивосток. В 80–90-х гг. XIX в. правящие и промышленные круги Российской империи на новой организационно-технической основе обратились к идее военного и дипломатического противоборства с европейскими державами за влияние в Средиземноморье¹⁸.

После открытия Суэцкого канала в 1869 г. Гибралтарский пролив как входные ворота Западного Средиземноморья приобрел для российского морского ведомства дополнительную ценность. В том же году на верфях Галерного островка в Санкт-Петербурге началась постройка броненосца «Петр Великий» — первого в России полноценного бронированного корабля, способного к осуществлению дальних морских и океанических переходов. Возможности трансконтинентального проецирования российской военно-морской мощи подтвердили две экспедиции русского флота к берегам Северной Америки (1863–1864 гг. и 1876–1877 гг.)¹⁹. В 90-х гг. XIX в. Россия уже располагала внушительной

¹⁸ Техническое отставание российского кораблестроения от европейского, произошедшее при Александре I и Николае I, стало одной из важнейших предпосылок неудач в Крымской войне. Как сам Николай I, так и его морской министр князь А.С. Меншиков (1787–1869) не смогли оценить по достоинству быстрый переход европейских флотов к применению парового двигателя. См.: *Бутенин А.В.* А.С. Меншиков — государственный деятель, царедворец и человек // Из глубины времен. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т телекоммуникаций им. М.А. Бонч-Бруевича, 1995. Вып. 5. С. 112–122. Преодолению николаевского наследия способствовала разработка российским морским ведомством крупных программ серийного строительства паровых броненосцев, крейсеров, миноносцев и канонерских лодок (60–80-е гг. XIX в.). См.: *Панарский Н.С.* Государственная идеология и военно-морской флот // Военно-исторический журнал. 2019. № 7. С. 71–78.

¹⁹ *Болховитинов Н.Н.* Русские эскадры в США в 1863–1864 гг. // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 195–216; *Кожевников М.* Операция русского флота в Северной Америке. 1863–1864 гг. // Морской сборник. 2009. № 10. С. 69–79.

корабельной группировкой на Тихом океане. Однако условия ее базирования, снабжения и обслуживания были далеки от совершенства, поскольку Дальний Восток до начала XX столетия не располагал сколько-нибудь крупными и оснащенными судоремонтными предприятиями. Поэтому усиление военно-морского присутствия на тихоокеанском направлении длительное время приходилось осуществлять за счет переходов кораблей из балтийских баз (главным образом, Кронштадта)²⁰. В силу этих обстоятельств атлантические и средиземноморские порты Марокко расценивались в Санкт-Петербурге как ценная для сил флота промежуточная стоянка на пути следования к Тихому океану.

Развитие официальных контактов с шерифским государством рассматривалось в Санкт-Петербурге и как важная составная часть дипломатических, разведывательных и военно-организационных усилий Российской империи на фоне колониальных устремлений европейских держав в Африке. Межгосударственная напряженность в Средиземноморье и обострение «Восточного вопроса» сформировали в правительстве Николая II два подхода к участию России в африканских делах. Министерство иностранных дел главным образом стремилось задействовать поток колониальных противоречий западных держав с целью достижения внешнеполитических успехов в других регионах мира, тогда как Военное и Морское министерства России полагали более важной задачей основать опорные стратегические базы на побережье Красного и Средиземного морей²¹.

В 1897 г. по договоренности между российским и марокканским дипломатическими ведомствами в городе Танжере (Марокко) было учреждено официальное российское представительство. Государственный совет Российской империи своим решением от 20 октября 1897 г. определил его статус: генеральное консульство во главе с генеральным кон-

²⁰ В 1858–1860 гг. на Дальний Восток прибывали так называемые Амурские отряды кораблей Балтийского флота. Впоследствии они составили самостоятельное соединение, которое в 1862 г. получило название «Эскадра Балтийского флота в Тихом океане». Корабли эскадры (парусно-винтовые фрегаты, корветы и клиперы) в 60-х гг. XIX в. не базировались совместно с Сибирской флотилией, а несли стационарную службу в портах Японии и Цинской империи. См.: *Панисьяк И.В.* Сибирская флотилия — предшественница Тихоокеанского флота // *Военно-исторический журнал.* 1999. № 2. С. 91–93.

²¹ *Яковлева Е.В.* Колониальный раздел Африки и позиция России (вторая половина XIX в. — 1914 г.). Автореф. дисс. ... к.и.н. Иркутск: Иркутский гос. пед. ун-т, 2004. С. 19. См. также: *Жерлицына Н.А.* Российская позиция по отношению к колониальным захватам Франции в Магрибе в XIX — начале XX в. // *Вопросы истории.* 2017. № 4. С. 75–91.

Могила В.Р. Бахерахта и А.А. Бахерахт в Веве (Швейцария). Современный вид

сулом в ранге министра-резидента²². Также в генеральном консульстве устанавливалась штатная должность переводчика (драгомана) в ранге секретаря²³. 4 декабря 1897 г. указом императора Николая II первым министром-резидентом и генеральным консулом России в Марокко был назначен Василий Романович Бахерахт (1851–1916) — многоопытный профессиональный дипломат, с 1871 г. служивший в представительствах России в Берне, Мюнхене, Риме, Брюсселе и Лиссабоне. Его происхождение, как и сложные перипетии его судьбы и карьеры заслуживают отдельного исследовательского интереса.

Род Бахерахтов происходил из Голландии и первое упоминание о его основателе датируется 1636 г. В этом году Давид, сын Альберта (или Давид Алферьевич), Бахерахт приехал в Москву и наладил морскую торговлю со странами Европы через Архангельск. Его сын и внуки родились уже в России и с основанием Санкт-Петербурга полностью перенесли свою деятельность на северо-запад. Правнук основателя рода — Гавриил Гавриилович Бахерахт (1728–1804) — успешно занимался международ-

²² Державы Священного союза признали на Аахенском конгрессе (1818 г.) статус министра-резидента как промежуточный дипломатический класс между министром 2-го ранга — посланником (*envoyé*) и поверенным в делах (*chargé d'affaires*). Министр-резидент, так же как посол и посланник, имел право на аккредитацию при главе принимающего государства.

²³ Мусатова Т.А. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. С. 99.

ной коммерцией и по размерам своего капитала был приписан к именитым гражданам российской столицы.

Внук Гавриила Гавриловича — Роман Иванович (1778–1884) — избрал дипломатическое поприще и служил в ведомстве Коллегии иностранных дел, представляя российские интересы в Гамбурге, Брюсселе, на острове Корфу и, наконец, в Генуе. В большинстве своих командировок он действовал в должности генерального консула. В.Р. Бахерахт родился во втором браке отца под именем Вильгельм Александр Карл Роберт и получил образование в Европе. В возрасте 20 лет он поступил на российскую дипломатическую службу в миссию Российской империи в Берне, причем сверх штата. Вскоре, в 1874 г., В.Р. Бахерахт был принят в штат, оставил традиционное для его семьи лютеранское вероисповедание и принял православную веру. В 1875 г. в должности второго секретаря миссии он покинул Швейцарию и трудился в российских представительствах в Мюнхене, Брюсселе, Лиссабоне и Берлине²⁴.

Дипломатическую карьеру Бахерахта нельзя назвать легким и ровным путем. Не принадлежа к знати и высшему обществу, потомок голландских купцов был вынужден зарабатывать репутацию длительной и безупречной службой. Коллеги отмечали его блестящее владение языками, остроумие, компетентность, тонкий и изысканный вкус в быту, простоту в общении и великодушие. Среди прославленных в александровскую эпоху ветеранов МИДа ему симпатизировал авторитетный сановник — граф В.Н. Ламсдорф (1845–1907), который в 1857–1900 гг. был товарищем министра иностранных дел, а в 1900–1906 гг. управляющим МИД и министром иностранных дел России. «Бахерахт, — отмечал Ламсдорф в 1891 г., характеризуя облик и достижения российского дипломата, — примерный чиновник, имеющий свыше 20 лет службы, и занимает уже около 10 лет место второго секретаря посольства в Берлине, где его, конечно, очень ценит его начальство»²⁵.

Увы, авторитет и трудолюбие В.Р. Бахерахта далеко не всегда надежно защищали его карьеру. В начале 90-х гг. XIX в. его имя оказалось в центре неприятной для него кадровой интриги. В мае 1892 г. опыт-

²⁴ Грезин И. Василий Бахерахт: последний императорский посланник // Наша газета. Швейцарские новости на русском. Каждый день. 09.02.2011. URL: <https://nashagazeta.ch/news/11275> (дата обращения: 22.08.2023).

²⁵ Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892 / Под ред. и с предисл. Ф.А. Ротштейна. М.; Л.: Academia, 1934. С. 341.

ный дипломат был по рекомендации его непосредственного начальника, посла в Берлине графа П.А. Шувалова и «во внимание к продолжительной службе» назначен Александром III на пост первого секретаря миссии в Лиссабоне. Однако эта вакансия была закулисно оспорена вторым секретарем малозаметного в то время посольства в Афинах М.М. Катковым — совсем недавно начавшим службу, но едва выдержавшим дипломатический экзамен и ничем себя не проявившим, кроме «бесконечной лени и крайней неспособности». Связи Каткова при дворе через его жену княжну О.М. Каткову (Лобанову) привели к неожиданной отмене решения и личному поручению императора: «Бахерахта перевести в Афины, а Каткова в Лиссабон. Исполнить немедленно». Все старания министра иностранных дел Н.К. Гирса и В.Н. Ламсдорфа «спасти ... бедного Бахерахта» не привели к успеху, но его удалось оставить в Берлине до появления в 1894 г. более надежной повторной вакансии в Берне²⁶.

Удобный случай продвинуть своего сотрудника и потомственно-го дипломата представился В.Н. Ламсдорфу в конце 1890-х гг. «Экзотическая командировка» в Дальний Магриб придала В.Р. Бахерахту авторитет при дворе²⁷, а первые семь лет работы генерального консульства, связанные с его именем, заложили надежный фундамент для сотрудничества двух монархий. Стоит отметить, что статус миссии, возглавляемой В.Р. Бахерахтом, с самого начала был двойственным: верительные грамоты Николая II аккредитовывали российского посланника при султানে в качестве «министра-резидента во главе дипломатического представительства» России. Тем самым удостоверялось, что, несмотря на придание миссии консульских функций, между

²⁶ «Зачем было говорить с нашим нынешним монархом о праве и законе? — раздраженно суммировал свою неудачу В.Н. Ламсдорф, — ...он опьянен властью и слишком ограничен, чтобы судить о вещах по существу; он не может признать, что есть пределы произволу». Не менее резок в оценке этой истории был и директор Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьев. «Вся Россия в какую-то вотчину обратилась, — заявил он Ламсдорфу, — а государь — помещик, нигилист». — *Ламсдорф В.Н. Дневник. 1891–1892* / Под ред. и с предисл. Ф.А. Ротштейна. М.; Л.: Academia, 1934. С. 341–344.

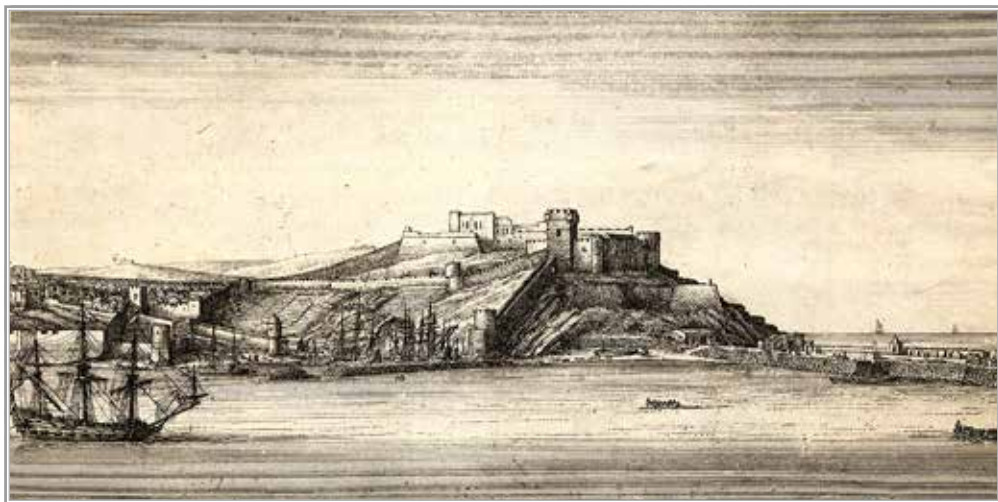
²⁷ В качестве министра-резидента В.Р. Бахерахт представлял Россию на Альхесирасской конференции по Марокко (1906 г.). Этот форум был призван урегулировать противоречия между Францией и Германией из-за контроля над шерифским государством, выразившиеся в Первом марокканском кризисе. См. подробнее: *Taylor A.J.P. The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918*. Oxford: Clarendon Press, 1954. За успешную защиту российских интересов В.Р. Бахерахт был удостоен Высочайшей благодарности. — *Грезин И. Василий Бахерахт: последний императорский посланник* (дата обращения: 22.08.2023).

Россией и Марокко были установлены полноценные дипломатические отношения²⁸.

Секретная инструкция, составленная в МИД Российской империи для руководства генеральным консульством в Танжере, содержала разносторонний анализ положения дел в Западном Средиземноморье. Этот пространственный документ, врученный В.Р. Бахерахту 27 февраля 1898 г., определил как общую стратегию, так и тактические детали его будущей деятельности. В нем, среди прочего, упоминалось немало сюжетов и планов, относящихся к морским делам. «Исторически сложившееся стихийное стремление России к выходу на юг в открытое море, — отмечалось в инструкции, — заставляет нас ревниво следить за всеми происходящими на берегах Босфора событиями, стремиться поддерживать дружелюбные с падишахом отношения и предупреждать единоличное вмешательство в дела Балканского полуострова той или иной державы в предотвращение неблагоприятных от того для нас последствий. Но влечение России к проливам, естественно, встречает противодействие враждебных ей держав и особенно Англии, морскому могуществу которой нанесен будет немалый урон в случае достижения нами означенной цели. Таким образом, становится понятным тесное соотношение, существующее между коренною задачею России в восточной части Средиземного моря и тем или иным разрешением в будущем мароккского вопроса... между положением нашим в Константинополе и тем, которое вам необходимо будет занять в Танжере, существует полная аналогия: задача ваша будет заключаться в том, чтобы неуклонно стоять на страже Гибралтарского пролива и в пределах возможности пецись о целостности и неприкосновенности империи мароккских султанов. Вышеизложенным вполне ясно определяется непосредственная цель нашей политики, сводящаяся к тому, чтобы предотвратить всякое нарушение существующего ныне равновесия сил в бассейне Средиземного моря»²⁹. Далее в инструкции формулировались и задачи военно-морского характера: «Для укрепления нашего престижа мы полагаем также необходимым, чтобы от времени до времени в марокканских водах появлялся русский

²⁸ Мусатова Т.А. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. С. 99. См. также: Жерлицына Н.А. К истории учреждения российских дипломатических представительств в Магрибе (по материалам Архива внешней политики Российской империи) // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 159–171.

²⁹ Из инструкции МИД Российской империи министру-резиденту, управляющему генеральным консульством в Марокко (Танжере) В.Р. Бахерахту. № 132. Санкт-Петербург, 27 февраля 1898 г. // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 184.

Вид порта и крепости Танжер. 2-я половина XIX в.

военный флаг, дабы внушительный вид наших броненосцев мог воочию свидетельствовать о русской мощи и силе. В этом смысле будут нами сделаны сношения с управляющим Морским министерством»³⁰.

Действуя вполне в духе этих распоряжений, В.Р. Бахерахт с первых дней своего пребывания в Алауитском султанате обращал внимание на расстановку военно-морских сил в портах Магриба и усиление престижа российского флота. Уже через несколько месяцев после вступления в должность он докладывал министру о визитах британских кораблей. «В Танжерской бухте, — суммировал свои наблюдения дипломат в июле 1898 г., — уже третий день гостит английский броненосец “Illustrious”, 14900 тонн водоизмещения, с экипажем в 756 человек и 16-ью пушками. По словам моего английского коллеги, судно это еще некоторое время простоит здесь, с тем, чтобы внушительным видом своим содействовать удовлетворению предъявленных ныне британскою миссиею к мароккскому правительству требований»³¹. На основании донесений В.Р. Бахерахта Министерство иностранных дел отмечало и другие подобные случаи. Так, Великобритания в 1898 г. выслала «два броненосца в Мазаган, заявив при этом, что она будет бомбардировать означенный

³⁰ Из инструкции МИД Российской империи министру-резиденту, управляющему генеральным консульством в Марокко (Танжере) В.Р. Бахерахту. № 132. Санкт-Петербург, 27 февраля 1898 г. // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 191.

³¹ Донесение № 12 В.Р. Бахерахта министру иностранных дел М.Н. Муравьеву с сообщением об улаживании дела российского подданного доктора Э. Вестермарка в Марокко. Танжер, 16/28 июля 1898 г. // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 202.

порт, если предъявленные ею требования не будут выполнены. Требования эти были вслед за тем удовлетворены. К такому же приему прибегла Италия и, конечно, не с меньшим успехом»³².

В этих условиях В.Р. Бахерахт полагал правильным противопоставить угрозам западных держав мирную демонстрацию российского военно-морского флага. В январе 1899 г. российский дипломат должен был лично вручить верительные грамоты султану Мулай Абд аль-Азизу (1894–1908 гг.) в южной столице Марокко — Марракеше. Путь из Танжера в Марракеш через предгорья Атласа был долог и небезопасен, в силу чего Бахерахт запросил у министра иностранных дел специальный поход российского крейсера. Он предложил пройти из Танжера вдоль атлантического побережья в порт Мазаган, откуда в Марракеш вела короткая и удобная дорога. «Как я имел честь докладывать императорскому министерству, — писал российский представитель, — необходимо обставить первую поездку в столицу Мароккской империи первого русского представителя обычно торжественностью. Я... придаю большое значение тому, чтобы и обычное мое путешествие морем в Танжер также совершилось под нашим военным флагом... я уведомил султана о намерении моем прибыть в Марракеш к концу марта нашего стиля и полагаю, что вся поездка не займет более шести недель»³³.

Вместо крейсера Морское министерство отрядило для дипломатического визита В.Р. Бахерахта канонерскую лодку «Грозящий», которой было предписано прибыть в Танжер 15/27 марта 1898 г. 17/29 марта «Грозящий» встал на рейде Танжера, и в тот же день Бахерахт отбыл в Мазаган, прибыв туда 18/30 марта утром³⁴. Российский же корабль отправился на временную стоянку в южный испанский порт Кадис, где ожидал дальнейших распоряжений посланника. Выполнив миссию представления султану и вручив ему верительные грамоты, В.Р. Бахерахт

³² Из Отчета МИД Российской империи за 1898 год о деятельности генерального консульства в Танжере // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 206.

³³ Донесение № 3 В.Р. Бахерахта министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьеву с просьбой предоставить ему военное судно для поездки в г. Марракеш с целью вручения верительных грамот султану Марокко (Танжер, 19/31 января 1899 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 208–209.

³⁴ Донесение № 5 В.Р. Бахерахта министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьеву с сообщением о поездке в г. Марракеш (Марракеш, 27 марта/8 апреля 1899 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 212.

Канонерская лодка «Грозный». Фотография нач. XX в.

выехал из Марракеша и на Пасху (18/30 апреля) разместился в Мазагане. Ему пришлось подождать канонерскую лодку, задержанную штормовой погодой на рейде Кадиса. В итоге 22 апреля/4 мая на борту «Грозного» российский министр-резидент отбыл из Мазагана, а 23 апреля/5 мая благополучно прибыл в Танжер. Экипаж «Грозного» удачно выполнил необычное поручение. «Не могу нахвалиться, — докладывал дипломат министру, — как любезной предупредительностью командира корабля капитана 2-го ранга А.Н. Арцеулова и всех офицеров находившегося в моем распоряжении судна, так и умелым управлением судном вдоль малоисследованных берегов Северо-Западной Африки, где плавание вообще сопряжено с немалым риском и опасностью»³⁵.

Называя себя «русским часовым на страже Гибралтарского пролива»³⁶, первый русский посланник в Танжере в известной степени продолжил многолетние семейные традиции. Происходя из Голландии, обладавшей богатейшим морским опытом, род Бахерахтов в XVIII–XIX столетиях успел послужить и Российскому императорскому флоту. В частности, родной брат прадеда В.Р. Бахерахта Гавриила Гавриловича — Генрих (Андрей) Гаврилович (1725–1806) полу-

³⁵ Донесение № 7 В.Р. Бахерахта министру иностранных дел Российской империи М.Н. Муравьеву с сообщением о визитах к султану и великому визирю Марокко (Танжер, 25 апреля/7 мая 1899 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 220.

³⁶ Мусатова Т.А. Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. С. 117.

чил медицинское образование и занимался врачебной практикой на родине предков, в Лейденском университете. Затем, по возвращении в Россию, он в течение 35 лет непрерывно служил врачом на кораблях и во флотских береговых подразделениях. А.Г. Бахерахт получил известность как автор целого ряда практических медицинских пособий, а венцом его карьеры стала должность руководителя медицинской службы российского флота³⁷. Неудивительно, что при анализе позиций европейских держав в Алаутитском султанате В.Р. Бахерахт обращал свое внимание и на проблемы морской торговли между Россией и Северной Африкой.

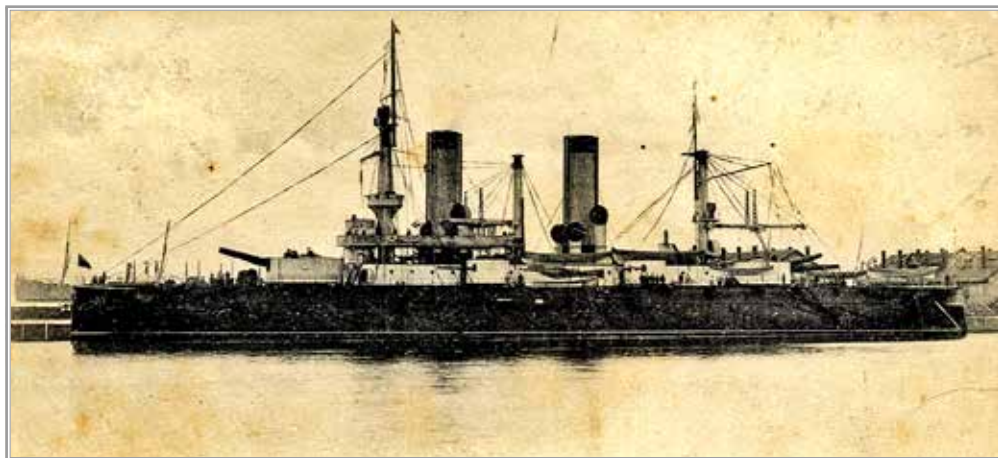
Например, в апреле 1900 г. русский дипломат направил в Санкт-Петербург представление относительно возможностей для развития прямых морских торговых связей между Россией и Марокко. В этом документе он предупреждал Главное управление торгового мореплавания и портов о том, что пользование услугами посреднических компаний в портовом хозяйстве обойдется поставщикам российских товаров довольно дорого. «Некоторые предметы нашей отпускной торговли, — суммировал в 1905 г. В.Р. Бахерахт в специальном донесении о налаживании торговли с Марокко, — легко могли бы найти себе выгодный сбыт на здешнем рынке, под непременною условием, однако, непосредственного их привоза сюда»³⁸. В.Р. Бахерахту принадлежала и ценная инициатива — учредить линию прямого пароходного сообщения с Танжером из балтийских или черноморских портов России: «В этих видах я тогда же вошел в сношения как с некоторыми нашими пароходными компаниями, суда которых, совершая рейсы между Черным и Балтийским морями, проходят, так сказать, мимо Танжера, так и с подлежащими ведомствами и частными лицами из торгового мира, здесь и у нас»³⁹. Однако, несмотря на усилия В.Р. Бахерахта, во время его работы в Марокко⁴⁰ большого сдвига в морской транспортировке российских товаров достичь не удалось.

³⁷ Грезин И. Василий Бахерахт: последний императорский посланник (дата обращения: 22.08.2023).

³⁸ Донесение № 14 В.Р. Бахерахта в МИД Российской империи по поводу налаживания торговли между Россией и Марокко (Танжер, 19 апреля 1905 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 294.

³⁹ Там же. С. 295.

⁴⁰ В 1906 г. В.Р. Бахерахт покинул Танжер и выехал в Швейцарию в качестве чрезвычайного посланника и полномочного министра России. Вплоть до своей кончины (5/18 октября 1916 г.) он также исполнял почетные обязанности дуайена дипломатического корпуса в Берне.

Эскадренный броненосец «Петропавловск». Фотография нач. XX в.

Документы Архива внешней политики Российской империи наглядно свидетельствуют о том, что В.Р. Бахерахт и его сотрудники вдумчиво изучали торговые и экономические ресурсы Дальнего Магриба, давали оценки местным традициям и просчитывали возможные рынки сбыта для товаров российской промышленности⁴¹. Высоко оценивали они и сырьевое значение Марокко. Однако в конце XIX и начале XX столетия военная и геостратегическая важность Шерифской империи, расположенной на берегу Гибралтара, на стыке водных массивов и континентов, превалировала для Российской империи над торгово-экономическим значением этой страны⁴².

В 1899–1905 гг. отдельные российские военные корабли и целые отряды периодически останавливались в порту Танжера по пути следования с Балтики на Дальний Восток. Здесь они проходили бункеровку (снаряжались углем), снабжались техническими припасами и провиантом, получали наличные средства для судовых касс, а при необходимости производили мелкий ремонт после сложных переходов по атлантическим водам. Инфраструктура марокканских портов активно использовалась российским Адмиралтейством в ходе Русско-японской войны 1904–1905 гг. Шерифская империя формально придерживалась

⁴¹ Любопытные заметки об общественной и повседневной жизни Дальнего Магриба в начале XX в. оставила и супруга В.Р. Бахерахта, Александра Адамовна Бахерахт (графиня Гутен-Чапская), уроженка Царства Польского, неизменно сопровождавшая дипломата в его командировках. См.: *Mme A. de B. Une mission à la Cour chérifienne. Notes de voyages. Illustrés de 20 phototypies.* Genève – Paris: Georg & Co, éditeurs; Librairie Fischbacher, 1901.

⁴² *Сухов Н.В. История русской эмиграции в Марокко в XX в. / Отв. ред. А.В. Сарабьев.* М.: Ин-т востоковедения РАН, 2019. С. 14.

нейтралитета в Русско-японской войне. При этом султанские власти не рассматривали обслуживание российских боевых кораблей или содействие их передислокации на Тихий океан как нарушение нейтральности своей политики. На начало XX в. алауитские государи еще не подписали с императором Японии ни одного соглашения. С точки зрения вазиров Мулай Абд аль-Азиза это означало, что Япония для них не существовала в качестве субъекта международного права. В то же время Россия и Марокко к этому времени имели уже почти 120-летнюю историю взаимосвязей, включая установленные в 1898 г. полномасштабные дипломатические отношения.

Свою роль в появлении российских кораблей в марокканских портах играло и международно-дипломатическое соперничество в Северной Африке. В своих реляциях в Санкт-Петербург В.Р. Бахерахт и его сотрудники — секретари генерального консульства князь А.А. Гагарин⁴³, С.А. Каншин⁴⁴ и Е.В. Саблин⁴⁵ — часто отмечали желание соперничающих держав умалить в глазах правящих кругов Дальнего Магриба значение и роль России в мире. Так, британские журналисты и представительство распространяли слухи о том, что российская миссия в Танжере являла собой не более чем филиал миссии Франции. Соответственно, Российское государство по итогам Крымской войны изображалось в Западной Европе как отсталая и неразвитая «окраина цивилизации», постоянно отступающая перед нажимом западных столиц и неспособная к проецированию своей политики во внешний мир.

В этих обстоятельствах визиты в марокканские порты крупных российских кораблей служили в качестве своего рода контрпропаганды. Они способствовали узнаваемости российского флага и усиливали авторитет Российской империи среди марокканцев. Например, одним

⁴³ Александр Александрович Гагарин, князь (1862–?) — на службе в МИД с 1893 г.: секретарь и драгоман агентства в Бухаре (1894 г.), в Бейруте (1895 г.); секретарь генерального консульства в Танжере (1897 г.); консул в Нагасаки (1900 г.); генеральный консул в Бейруте (1905 г.), Генуе (1911 г.), Барселоне (1914 г.). После 1917 г. судьба неизвестна.

⁴⁴ Сергей Анатольевич Каншин (1863–1944) — на службе в МИД с 1891 г.: секретарь и драгоман консульства в Нагасаки (1892 г.); 2-й секретарь миссии в Берне (1896 г.); секретарь генерального консульства в Танжере (1900 г.); консул (1907 г.), генеральный консул в Ницце (1917 г.). После 1917 г. в эмиграции во Франции.

⁴⁵ Евгений Васильевич Саблин (1875–1949) — на службе в МИД с 1898 г.: 2-й секретарь миссии в Белграде (1903 г.); секретарь генерального консульства в Танжере (1905 г.); 1-й секретарь миссии в Лондоне (1908 г.); управляющий посольством, поверенный в делах в Лондоне (1919 г.). После 1917 г. в эмиграции в Великобритании.

Султан Марокко Мулай Абд аль-Азиз

из первых в ноябре 1899 г. в танжерской бухте остановился недавно построенный и оснащенный эскадренный броненосец «Петропавловск», следовавший из Балтийского моря в Тихий океан. По совету В.Р. Бахерахта командир «Петропавловска» вице-адмирал Ф.К. Авеллан предложил всем желающим подняться на борт и совершить экскурсию по палубным надстройкам, посетить каюты, рубки и орудия. За три дня корабль посетили около 300 жителей Дальнего Магриба — не только танжерцев, но и жителей внутренних провинций шерифского султаната. Как отмечал в своем донесении российский дипломат, «своими размерами и внушительным видом “Петропавловск” возбудил всеобщее любопытство и удивление... по всей мароккской земле распространится молва как о могуществе России, так и о радушии и гостеприимстве русских моряков, от которых марокканцы, — не будучи избалованными другими иностранными командами, — остались в полном восторге»⁴⁶. Суммировал В.Р. Бахерахт и психологический эффект от этого визита: «Присутствие на судне нескольких с ними единоверцев из татар, с которыми они довольно свободно могли объясняться, еще [более] способствовало вынесенному ими отрадному впечатлению. Можно поэтому полагать, что

⁴⁶ Донесение № 18 В.Р. Бахерахта товарищу министра иностранных дел Российской империи В.Н. Ламздорфу с сообщением о пребывании в Танжере эскадренного броненосца «Петропавловск» (Танжер, 9/21 ноября 1899 г.) // Россия — Марокко: история связей двух стран в документах и материалах. С. 229.

появление в здешних водах такого богатыря, как “Петропавловск”, не пройдет бесследно в умах марокканцев»⁴⁷.

Впрочем, эпизодическое военно-морское присутствие России в танжерском порту мало походило на классическую для европейцев «политику канонерок». Скорее, наоборот, российские дипломаты и флотоводцы избегали каких-либо демонстративных акций в духе Франции и Испании, которые в начале XX столетия уже готовились к установлению своего протектората над Марокко. Так, например, в декабре 1906 г. командующий учебным отрядом боевых кораблей в Средиземном море капитан 1-го ранга И.Ф. Бострем запланировал переход из Кадиса в Танжер. Однако после переписки с военным министром Мулай Абд аль-Азиза и временным поверенным России в Танжере Е.В. Саблиным он отказался от стоянки в марокканских портах. Это решение привело к неудобствам для экипажей отряда, но дистанцировало российский флот от демонстрации военно-морской мощи, проводившейся осенью–зимой 1906 г. на танжерском рейде французским и испанским правительствами. «Появление сей эскадры в водах Танжера, — отметил в своем донесении в Санкт-Петербург Е.В. Саблин, — рядом с демонстрирующими здесь франко-испанскими судами было бы превратно истолковано и... даже произвело [бы] некоторое нежелательное возбуждение среди туземного населения»⁴⁸.

* * *

С именем В.Р. Бахерахта связано более семи лет российско-марокканских связей — с 1898 г. по начало 1906 г. Значение связей с Алаутским султанатом для Российского императорского флота в эту беспокойную

⁴⁷ Там же. С. 229–230. Близкое знакомство деловых и политических кругов Марокко с офицерами и матросами российского флота произошло уже в 20-х гг. XX в., когда шерифское государство приняло часть экипажей кораблей Черноморского флота, ушедших из Севастополя в 1920 г. Хотя конечным пунктом следования этих кораблей оказался порт Бизерты (Тунис), французские власти предлагали сошедшим на берег русским морякам должности инженеров, топографов, гидрографов, руководителей строительных работ, техников, механиков, электриков, шоферов по всему Магрибу. См.: *Колупаев В.Е.* Русские в Магрибе. История русских общин в Африке в XX веке. М.: Пашков дом, 2009. С. 95–96. Всего в 20-х гг. из Туниса в Марокко перебралось около 250 человек. — *Сухов Н.В.* Эмиграция из России в Марокко в XX в. // *Уральское востоковедение. Международный альманах.* Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2015. Вып. 6. С. 217.

⁴⁸ Цит. по: *Мусатова Т.А.* Россия — Марокко: далекое и близкое прошлое. С. 133.

Султан Марокко Мулай Абд аль-Азиз

эпоху определялось сложным набором часто изменявшихся военно-стратегических и дипломатических приоритетов. Если во второй половине XVIII столетия российские моряки в Средиземноморье только учились противодействовать османскому флоту, то контакты Санкт-Петербурга и Рабата в конце XIX — начале XX в. происходили в иных условиях. Существенно улучшились мореходные качества кораблей, усовершенствовались средства обеспечения навигации, выросли объемы внешней торговли, произошел обмен посольскими миссиями с алауитским престолом. В это же время российской дипломатии приходилось учитывать как геополитические перипетии подготовки к созданию Антанты, так и освоение российским флотом дальних морских коммуникаций, что расширило географические пределы логистики и боевых походов. В сложной обстановке российский представитель умело воспользовался силами флота для укрепления позиций Санкт-Петербурга в «марокканском вопросе». Дипломатическое присутствие России в «стране золотого заката» облегчило начало дружественных взаимоотношений между адмиралами, офицерами и матросами российского флота и марокканской стороной — от высших султанских сановников до рядовых марокканцев.

REFERENCES

1. *Bolkhovitinov N.N.* Russkie eskadry v SShA v 1863–1864 gg. [Russian Squadrons in the USA in 1863–1864] // *Novaya i Noveishaya Istoriya*. 1996. № 5. P. 195–216.
2. *Butenin A.V.* A.S. Men`shikov — gosudarstvennyi deyatel`, tsaredvoretz i chelovek [A.S. Menshikov as Statesman, Courtier and Personality] // *Iz glubiny vremyon. Saint-Petersburg: Sankt-Peterb. gos. un-t telekommunikatsiy im. M.A. Bonch-Bruevicha*, 1995. Vyp. 5. P. 112–122.
3. *Dantsig B.M.* Zabytaya stranitsa iz istorii russko-marokkanskih otnosheniy v posledney chetverti XVIII v. [A Forgotten Page from the History of Russian-Moroccan relations in the Last Quarter of the XVIII Century] // *Dantsig B.M. Blizhniy Vostok. Sb. st. / Vstup. st. G.L. Bondarevskogo. Moscow: Nauka*, 1976. P. 146–152.
4. *Druzhinina Ye.I.* Kuchuk-Kaynardzhiyskiy mir 1774 goda (ego podgotovka i zakluchenie) [Kyuchuk-Kaynardzhi Peace of 1774 (its Preparation and Conclusion)]. Moscow: *Izd-vo Akad. nauk SSSR*, 1955.
5. *Dyakov N.N.* Magrib–Mashrik–Rossiya. Materialy po istoriografii i istorii arabskogo mira [Maghreb–Mashriq–Russia. Materials on Historiography and History of the Arab World]. Saint-Petersburg: *Izd-vo SpbGU*, 2014.
6. *Grezin I.* Vasiliy Bakherakht: posledniy imperatorskiy poslannik [Vasily Baherakht: the Last Imperial Envoy] // *Nasha Gazeta. Shveitsarskie novosti na russkom. Kazhdyi den`*. 09.02.2011. URL: <https://nashagazeta.ch/news/11275>
7. *Kolupaev V.E.* Russkie v Magribe. Istoriya russkikh obschin v Afrike v XX veke [Russians in the Maghreb. History of Russian Communities in Africa in the XX Century]. Moscow: *Pashkov dom*, 2009.
8. *Kozhevnikov M.* Operatsiya russkogo flota v Severnoy Amerike. 1863–1864 gg. [The Operation of the Russian Fleet in North America. 1863–1864] // *Morskoy sbornik*. 2009. № 10. P. 69–79.
9. *Lamzdorf V.N.* Dnevnik [Diary]. 1891–1892 / Pod red. i s predisl. F.A. Rotshteina. Moscow–Leningrad: *Academia*, 1934.
10. *Mme A. de B.* Une mission à la Cour chérifienne. Notes de voyages. Illustrés de 20 phototypies. Genève–Paris: *Georg & Co, éditeurs; Librairie Fischbacher*, 1901.

11. *Musatova T.L.* Rossiya–Marokko: dalekoe i blizkoe proshloe. Ocherki istorii russko–marokkanskih svyazey v XVIII – nachale XX v. [Russia–Morocco: the Distant and Near Past. Essays on the History of Russian–Moroccan Relations in the XVIII – Early XX century]. Moscow: Nauka. Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury, 1990.
12. *Obraztsov V.* «Nadezhda Blagopoluchiya». Perviy ekaterininskiy fregat v Sredizemnom more [«The Hope of Prosperity». The First Catherinian Frigate in the Mediterranean] // *Rodina*. 2010. № 2. P. 78–79.
13. *Orlov V.V.* Marokkanskiye elity i rossiysko-osmanskiiy konflikt (XVIII–XIX vv.): problema vospriyatiya [Moroccan Elites and the Russian–Ottoman Conflict (XVIII–XIX centuries): the Problem of Perception] // *Vsmatrivayas` drug v druga... Rossiya i arabskiy mir: vzaimnoe vospriyatie*. Sb. st. / Sost. N.G. Romanova, I.M. Smilyanskaya, A.O. Filonik. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2013. P. 164–183.
14. *Orlov V.V.* Rossiya i Marokko v kontse XVIII – nachale XX v.: ot obmena poslaniyami k obmenu posol`stvami [Russia and Morocco in the Late XVIII – Early XX century: from the Exchange of Messages to the Exchange of Embassies] // *Istoricheskiy vestnik*. 2015. T. 11 [158]. P. 128–153.
15. *Orlov V.V.* Marokko i rossiyskiy Voенno-morskoy flot: tri veka kontaktov [Morocco and the Russian Navy: Three Centuries of Contacts] // *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*. Vyp. 5: Musulmanskiy mir na istoricheskikh rubezhakh Rossii / Otv. red. V.Ya. Belokrenitskiy, N.Yu. Ul`chenko. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2017. P. 112–121.
16. *Panarskiy N.S.* Gosudarstvennaya ideologiya i voенno-morskoy flot [State Ideology and the Navy] // *Voенno-istoricheskiy zhurnal*. 2019. № 7. P. 71–78.
17. *Panisyak I.V.* Sibirskaya flotiliya – predshestvennitsa Tihookeanskogo flota [Siberian Flotilla – the Predecessor of the Pacific Fleet] // *Voенno-istoricheskiy zhurnal*. 1999. № 2. P. 91–93.
18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Sobranie 1-e. S 1649 po 12 dekabrya 1825 g.]. V 45 t. [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (Collection 1st. From 1649 to December 12, 1825). In 45 vol.]. Saint-Petersburg: V tipografii II Otdeleniya Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva kantselyarii, 1830–1851. T. 20–23.
19. Rossiya–Marokko: istoriya svyazey dvukh stran v dokumentah i materialakh. 1777–1916 [Russia–Morocco: the History of Relations between the Two Countries in Documents and Materials. 1777–1916] / Avt. i sost. N.P. Podgornova. Moscow: In-t Afriki RAN, 1999.
20. *Rukavishnikov Ye.N.* Mify i realii v istorii plavaniya fregata «Nadezhda Blagopoluchiya» (1764–1765 gg.) [Myths and Realities in the History of

- the Voyage of the Frigate «Hope of Prosperity» (1764–1765)] // *Voenno-istoricheskiy zhurnal*. 2021. № 11. P. 84–93.
21. *Al-Sayyib al-Hasan*. Al-Hadara al-maghribiyya: al-bidaya wa-l-istimrar [Maghribi Civilization: the Beginning and Continuity]. Al-tab`a al-thaniya. T. 1–3. Rabat: Manshurat `Ukaz, 2004.
 22. *Smilyanskaya I.M., Velizhev M.B., Smilyanskaya Ye.B.* Rossiya v Sredizemnomor`ye. Arkhipelagskaya ekspeditsiya Ekateriny Velikoy [Russia in the Mediterranean. The Archipelago Expedition of Catherine the Great] / Pod obsch. red. I.M. Smilyanskoy. Moscow: Indrik, 2011.
 23. *Sukhov N.V.* Emigratsiya iz Rossii v Marokko v XX v. [Emigration from Russia to Morocco in the XX Century] // *Ural`skoe vostokovedenie. Mezhdunarodniy almanakh. Yekaterinburg: Izd-vo Ural un-ta*, 2015. Vyp. 6. P. 216–232.
 24. *Sukhov N.V.* Istoriya russkoy emigratsii v Marokko v XX v. [The History of Russian Emigration to Morocco in the XX Century] / Otv. red. A.V. Sarabyev. Moscow: In-t vostokovedeniya RAN, 2019.
 25. *Taylor A.J.P.* The Struggle for Mastery in Europe 1848–1918. Oxford: Clarendon Press, 1954.
 26. *Yakovleva Ye.V.* Kolonial`niy razdel Afriki i pozitsiya Rossii (vtoraya polovina XIX v. — 1914 g.) [The Colonial Partition of Africa and the Position of Russia (the Second Half of the XIX Century — 1914)]. Avtoref. diss. ... k.i.n. Irkutsk: Irkutskiy gos. ped. un-t, 2004.
 27. *Zherlitsyna N.A.* K istorii uchrezhdeniya rossiyskikh diplomaticheskikh predstavitel`stv v Magribe (po materialam Arkhiva vneshney politiki Rossiyskoy imperii) [On the History of the Establishment of Russian Diplomatic Missions in the Maghreb (Based on the Materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire)] // *Vestnik arkhivista*. 2017. № 4. P. 159–171.
 28. *Zherlitsyna N.A.* Rossiyskaya pozitsiya po otnosheniyu k kolonial`nym zakhvatam Frantsii v Magribe v XIX — nachale XX v. [The Russian Position in Relation to the Colonial Seizures of France in the Maghreb in the XIX — Early XX Century] // *Voprosy istorii*. 2017. № 4. P. 75–91.

Ключевые слова:

Архипелагская экспедиция, Российский Императорский флот, Екатерина II, Сиди Мухаммад бен Абдаллах, В.Р. Бахерахт, Танжер, российско-марокканские отношения.

Vladimir V. Orlov

«TO STAND STEADFASTLY ON GUARD
OF THE STRAIT OF GIBRALTAR...»:
V.R. BACHERACHT AND THE NAVAL
PRESENCE OF RUSSIA IN MOROCCO
IN THE 19th — EARLY 20th CENTURY

The article offers a historical retrospective of the relationship between the Russian Imperial Navy and Morocco during the 19th – early 20th century. The characteristic features of Russian-Moroccan contacts are shown in the light of the events that took place in the Mediterranean region during the Archipelago expedition of the Russian Navy of 1769–1775. The historical and cultural prerequisites for the preparation of the Russian–Moroccan peace treaty in the 80s of the XVIII century, as well as the question of its existence, which has not yet been clarified definitively, are considered. The author traces the main tasks of the Russian naval strategy and tactics in the late 19th – early 20th century and proves that the importance of Moroccan harbors for Russian ships has increased significantly with the creation of the Pacific grouping of the Russian Navy and the opening of the Suez Canal in 1869. Special attention is paid to the analysis of the multifaceted activities of the Resident Minister and Consul General of the Russian Empire V.R. Bacheracht (1851–1916) in Morocco in the context of visits by Russian warships to the port of Tangier. The origin of the Bacheracht family and the stages of the career of a Russian diplomat are investigated. The details of the Russian-Moroccan diplomatic relations in the period preceding the Russo-Japanese War of 1904–1905 are also considered.

Key words: the Archipelago Expedition, Russian Imperial Navy, Catherine II, Sidi Muhammad ben Abdallah, Vasilij Romanovich Baherakht, Tangier, Russian-Moroccan relations.

Vladimir V. Orlov — D.Sc. (History), Professor, Department of Middle and Near East Studies, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University.

 Орлов Владимир Викторович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ)

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.009

В.В. Грибанова

ЮЖНАЯ АФРИКА В ОПИСАНИЯХ РОССИЙСКИХ МОРЯКОВ XIX в.

первые русские моряки увидели южноафриканский берег с бортов британских кораблей. По договору между Россией и Англией десятки молодых офицеров проходили обучение на кораблях Королевского флота Великобритании во второй половине XVIII в. Среди первых стажеров были мичман Никифор Полубояринов (1735 — после 1780) и младший лейтенант Тимофей Козлянинов (1740–1798), будущий вице-адмирал. Лондонское Адмиралтейство отправило их на шлюпе Ост-Индской компании «Спикер» в 1763 г. в Индию. На обратном пути в Англию они обогнули Южную Африку. Русские офицеры увидели мыс Доброй Надежды в мае 1764 г. Но они никогда не ступали на южноафриканскую землю. После возвращения в Европу Полубояринов, возможно, с помощью Козлянинова подготовил отчет об этом путешествии. Это, вероятно, было первым российским описанием морского путешествия вокруг Африканского континента¹.

¹ An Entirely Different World. Russian Visitors to the Cape, 1797–1870 / Ed. by Boris Gorelik. Cape Town, 2015. P. 1.

В самом конце XVIII в. достаточно долго прожил на Капе² и оставил документальные свидетельства моряк Юрий Федорович Лисянский (1773–1837), совершивший позднее вместе с И.Ф. Крузенштерном (1770–1846) первое русское кругосветное плавание. Родился Ю.Ф. Лисянский в Нежине в семье протоиерея. С десятилетнего возраста воспитывался в Морском кадетском корпусе, участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг. С 1790 г. приступил к службе на Балтийском флоте. В 1793–1799 гг. проходил военное обучение на кораблях английского флота.

Ю.Ф. Лисянский провел на Капе 15 месяцев, после чего был отправлен в Индию, которую мечтал исследовать, но уже через несколько месяцев был отозван оттуда в Россию. О пребывании на мысе Доброй Надежды Лисянский оставил интересные воспоминания: «Журнал лейтенанта Юрия Федоровича Лисянского, веденный им во время службы его волонтером на судах английского флота с 1798 по 1800 год». В плавание к мысу Доброй Надежды он отправился не один, а с двумя русскими офицерами: Крузенштерном и Баскаковым. Так, в середине 1797 г. на юге Африки оказались три российских моряка, но письменные свидетельства оставил только Лисянский. Вот как выглядел Капштадт конца XVIII в. в его описании: «Город Мыс лежит на подошве гор Столовой, Львиной головы и Львиного зада... Строение его все каменное и расположено по довольно широким прямым улицам, их коих четыре длинные и одиннадцать поперечных пересекаются под прямыми углами. Оный весьма хорошо укреплен, а особливо с морской стороны, и имеет теперь до 5000 человек английского войска для своей защиты»³.

Лисянскому удалось повидать не только Симанштадт и Капштадт, но и большую часть Капской колонии. Он ночевал на фермах, общался с фермерами, осуждал их жестокость: «Один... между разговорами показал мне рану на руке, которую он получил, сказать словами его, на охоте против бушменов или диких готтентотов, он без всякого стыда продолжал свою мерзкую историю, прибавивши к тому, что здешние обыватели нередко собираются и, узнавши жилище бедных дикарей, оные окружают ночью; когда от испуга ружейных выстрелов сии несчастные бросаются из шалашей своих, то тогда, убивая взрослых, берут в плен молодых, которые остаются навек их невольниками». Ли-

² В период голландского правления район, прилежащий к Кейптауну, называли «Кап» («мыс» на голландском языке), а после завоевания его англичанами более распространен термин «Кейп».

³ ЦГАЛИ. Ф.1337. Оп.1. Д.135. Цит. по: Давидсон А.Б. ... Иже именуется Африка. Взгляд из русской старины. М.: Принципус, 2017. С. 241.

Юрий Федорович Лисянский. Художник В.А. Боровиковский

сянский вообще остался невысокого мнения о белых поселенцах Капа: «Бывши здесь более полугода, я не встретился ни с одним мысовским жителем, которого можно бы назвать человеком просвещенным... Это точная правда, что ежели мысовский житель не приобретает денег, так он верно спит»⁴.

В начале XIX в. российские корабли вышли на мировые океанские маршруты. Путь российскому флоту на юг Африканского континента проложило первое российское кругосветное плавание. Надо отметить, что состоялось это плавание во многом благодаря Российско-Американской компании, утвержденной указом императора Павла I в 1799 г. Основателями компании были Григорий Шелихов и Николай Резанов. Именно благодаря деятельности этой компании морские путешествия на дальние расстояния получили поддержку в России в первое десятилетие XIX в.

В 1803–1806 гг. Иван Федорович Крузенштерн и Юрий Федорович Лисянский на шлюпах «Надежда» и «Нева» совершили первую в истории российского флота кругосветную экспедицию. И.Ф. Крузенштерн командовал шлюпом «Надежда» и был руководителем экспедиции. Ю.Ф. Лисянский командовал шлюпом «Нева». Первая русская кругосветная экспедиция внесла огромный вклад в географическую науку. Ю.Ф. Лисянский вышел в отставку в чине капитана 1-го ранга. На соб-

⁴ Там же. С. 242.

Иван Федорович Крузенштерн. *Неизвестный художник*

ственные средства опубликовал книгу о первом российском кругосветном плавании «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах по повелению е.и.в. Александра Первого на корабле “Нева” под начальством флота капитан-лейтенанта ныне, капитана 1 ранга и кавалера Юрия Лисянского» (СПб., 1812).

Также провел больше года на Кейпе и оставил много интереснейших свидетельств Василий Михайлович Головнин (1776–1831). Родился он в с. Гудынки Рязанской губернии. Русский мореплаватель и мемуарист, вице-адмирал, руководитель двух кругосветных путешествий. Представитель старинного дворянского рода. С юного возраста был определен в Морской кадетский корпус. В молодости участвовал в ряде сражений. С 1802 по 1805 г. стажировался на судах английского флота. По возвращении составил книгу «Военные морские сигналы для дневного и ночного времени», которой пользовались долгие годы на российском флоте. В 1806 г. был назначен командиром шлюпа «Диана»⁵. Совершая кругосветное путешествие на этом шлюпе, он со всей командой был задержан англичанами в порту Саймонстауна (Саймонс-бей) недалеко от

⁵ Шлюп — небольшой трехмачтовый парусный корабль.

Кейптауна в связи с конфликтом между Россией и Великобританией. За время своего пленения он побывал на большой территории Капской колонии и оставил многократно переиздававшиеся записки. В 1811 г. во время проведения географических исследований у берегов Курильских и Шантарских островов В.М. Головнин с помощниками был задержан у о. Кунашира японцами и более двух лет провел в плену. Позднее, уже в должности вице-адмирала, он также стал действительным членом Академии наук. В.М. Головнин сыграл очень важную роль в утверждении России в статусе морской державы. В 1827 г. он был назначен главой сразу нескольких департаментов Российского императорского военно-морского флота.

В 1806 г., когда Россия праздновала возвращение «Невы» и «Надежды», кораблей, совершивших первое в истории российского флота кругосветное путешествие, было решено отправить еще одно судно в Русскую Америку. Под руководством Головнина была выполнена обширная работа по переоснащению шлюпа для кругосветного плавания. «Диана» должна была стать первым построенным в России кораблем, предназначенным для этой цели («Нева» и «Надежда» были построены в Англии).

В сентябре 1807 г. «Диана» прибыла в Портсмут, а через два месяца покинула британский берег, направляясь к Бразилии. Головнин собирался обогнуть Южную Америку и добраться до Камчатки через Тихий океан. Но сильные ветры и шторм заставили его пересмотреть первоначальный план. Кроме того, у некоторых членов экипажа появилась цинга. Поскольку Адмиралтейство оставило на усмотрение капитана выбор маршрута, он остановился на более длинном, но более надежном пути. «Диана» взяла курс на восток вокруг Африки и добралась до мыса Доброй Надежды 18 апреля 1808 г., войдя в «Симанскую губу», как называли русские моряки Саймонс-бей — бухту восточнее Столового залива, где расположен Капштадт.

С 1806 г. Кап был оккупирован англичанами. И уже полгода к моменту прибытия «Дианы» на мыс Доброй Надежды шла война между Великобританией и Россией. Россия была вынуждена объявить войну Англии после подписания Тильзитского мирного договора с наполеоновской Францией. Головнин не знал о начавшейся войне, последним пунктом, где он мог быть об этом проинформирован, была Бразилия, но и там ему не сообщили об этом. Затем в течение 93 дней «Диана» не заходила ни в один порт и не встретила ни одно судно. В результате российское судно было задержано в Саймонс-бей.

Василий Михайлович Головнин. Художник О.А. Кипренский

Ярким эпизодом морской истории русского флота стал побег шлюпа «Диана» из бухты Саймонс-бей в мае 1809 г.⁶ Этот эпизод, как и его предыстория, а также интереснейшие наблюдения Головнина о стране, где ему довелось задержаться не по своей воле, подробно описаны в его «Путешествии»⁷.

«Путешествие» В.М. Головнина содержит обширные описания жизни и хозяйства Капской колонии начала XIX в. Головнин оказался единственным русским, кто рассказал о капских голландцах до коренных перемен. Головнин еще застал уходящую в прошлое жизнь, которая длилась полтора столетия при господстве Голландской Ост-Индской компании.

В.М. Головнин был отличным офицером, высокообразован, с 14 лет три десятилетия провел почти в непрерывных плаваниях. Во всех его путевых заметках, а их опубликовано немало, отразились наблюдательность, широта взглядов, умение увидеть главное. Одно лишь «Путешествие шлюпа “Диана”...» выдержало несколько изданий еще при жизни автора, а его сочинения переводили в XIX в. на основные европейские

⁶ В 2009 г. в честь этого события силами Российского консульства в Кейптауне на набережной Саймонстауна установлена памятная доска.

⁷ Головнин В.М. Путешествие шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку в 1807, 1808 и 1809 годах // Сочинения и переводы В.М. Головнина. В 2 т. Т. 1. М.; Л.: Издательство Главсевморпути, 1949. 508 с. URL: http://az.lib.ru/g/golownin_w_m/text_0050.shtml.

языки. Записки Головнина о пребывании на Капе интересны еще и тем, что автор, по собственному признанию: «На мысе Доброй Надежды перечитал почти все, что только об нем ни было писано, и сравнивал между собой замечания и мнения о разных предметах мною читанных авторов»⁸.

К 40-м гг. XIX в. жители Саймонс-бей уже привыкли видеть флаг военно-морского флота Российской империи — синий Андреевский крест на белом фоне. В первой половине XIX в. российские суда совершили 36 кругосветных и полукругосветных плаваний. Недолгий перерыв был связан только с Отечественной войной 1812 г. Плавания совершались в основном для перевозки грузов и исследования берегов северной части Тихого океана. Некоторые экспедиции имели своей целью дипломатические задачи. Морское сообщение между Санкт-Петербургом (порт Кронштадт) и российскими территориями на Дальнем Востоке и в Америке стало регулярным. Плавать можно было только вокруг Африки или Америки — Суэцкий канал лишь с 1869 г. принял на себя большинство рейсов. Далеко не все корабли, которые огибали Африку, заходили в Кейптаунский порт. Так, в марте 1819 г. Василий Михайлович Головнин обогнул мыс во время своего второго кругосветного плавания. Он возвращался в Россию с Камчатки. Тем не менее многие российские корабли бросали якорь в южноафриканских портах.

17 марта 1822 г. в Саймонс-бей пришвартовались бриги «Рюрик» и «Елисавета». На борту кораблей везли железо, паруса, холсты, материи, кожи, посуду, рожь, сальные свечи. В Саймонстауне стояли долго — на «Елисавете» заделывали пробоину. 7 мая суда решились выйти в океан, но сразу же пришлось вернуться. Дальнейшее плавание на «Елисавете» оказалось невозможным. Корабль был продан с аукциона, военная часть его команды была пересажена на «Рюрик», который 22 мая отправился в Русскую Америку, в Ново-Архангельск, где и остался на службе у Российско-Американской компании. Капитан «Елисаветы» И.М. Кисловский и два штурмана отправились обратно в Россию. Вольнонаемных рассчитали. Так, на Кейпе более двух ме-

⁸ Там же.

сяцев пробыли экипажи двух русских судов, а вольнонаемные с «Елисаветы» и дольше, а возможно, кто-то мог остаться навсегда. После продажи корабля и части груза здесь, на Кейпе, лучше узнали россиян и российские товары. Краткое сообщение об этом инциденте оставил капитан «Рюрика» Е.А. Клочков в «Путешествии вокруг света в колонии Российско-Американской компании»⁹.

Интересны очерки о Кейпе офицеров военного транспорта «Або». Корабль обогнул мыс Доброй Надежды, направляясь в Охотск и Петропавловск-Камчатский. Длившееся более двух лет, это кругосветное плавание оказалось одним из самых тяжелых для российских кораблей за всю первую половину XIX в. Военно-морской транспорт «Або» достиг Столовой бухты 24 января и до 18 февраля 1841 г. находился там для ремонта такелажа. Во время кругосветного плавания корабль сильно пострадал от жестоких штормов и ураганов, а экипаж — от различных болезней. Уже после стоянки в Столовой бухте по пути в Сингапур большая часть команды заболела тропической малярией. К приходу транспорта в Петропавловск скончалось 18 моряков. На обратном пути от цинги умерло еще 19 человек. В результате после плавания экипаж недосчитался почти 40 человек. Это был самый высокий показатель гибели моряков во время кругосветного плавания с 1820 г.

Очерки о плавании написали два молодых офицера — Густав Карлович Блок и Алексей Иванович Бутаков. Они оставили интересные характеристики природы и обычаев, описания народов Южной Африки, как европейцев, так и африканцев.

Густав Карлович Блок служил на «Або» кондуктором¹⁰. Он написал воспоминания в двух томах «Два года из жизни русского моряка», изданные в Санкт-Петербурге в 1854 г.¹¹ «Або» стоял на Кейпе чуть больше месяца, но в записках Блока много описаний как Капштадта, так и сведений об африканских народах. Видно, что все свободное от службы время он посвятил изучению того места, куда он попал, пусть даже не

⁹ *Klochkov E.A.* Journey around the world in the colonies of the Russian-American Company [Puteshestviye vokrug sveta v kolonii Rossiysko-Amerikanskoy kompanii // Severnyy arkhiv] // Northern Archive. St. Petersburg. 1826. No. XXI–XXII.

¹⁰ *Blok G.K.* Two years in the life of a Russian sailor: a description of a round-the-world voyage made in 1840–1842 on the Russian transport «Abo» [Dva goda iz zhizni russkogo moryaka: opisaniye krugosvetnogo plavaniya, sovershennogo v 1840–42 godakh na rossiyskom transporte «Abo»]. V. 1–2. St. Petersburg, 1854.

¹¹ Там же.

Алексей Иванович Бутаков

на долгое время. Описывая белых жителей Капштадта, он делает вывод, что «антипатия голландцев к британцам вряд ли прекратится когда-нибудь». Но гораздо больше сведений — об африканцах. Автор ссылается на труды своих предшественников: Джона Бэрроу и профессора Лихтенштейна. Но добавляет и свое мнение об африканцах, которых он видел в портовых городах. Он подробно описывает различные племена банту, населяющие Южную Африку, которых автор называет кафрами. Дает описание четырех племен: амакоса, аматемба или тамбукиса, амапонда или мамбукиса, зулахи или амазулахи, или просто зулу. А также описывает коренных жителей готтентотов. Подробно рассказывает Г. Блок о своем трудном восхождении на Чертову гору, куда, по словам автора, до него и его спутников еще никто не поднимался, а затем и на Столовую гору.

Лейтенант Алексей Иванович Бутаков (1816–1869) — русский военно-морской деятель, контр-адмирал (1867), один из первых исследователей Аральского моря. Происходил из семьи потомственных моряков. Все пять братьев, сыновей И.Н. Бутакова, выбрали морскую карьеру. А.И. Бутаков окончил Морской кадетский корпус в 1832 г. Служил на флоте, принял участие в кругосветном плавании на транспорте «Або» в качестве старшего офицера. В 1849 г. А.И. Бутаков был принят в члены Российского географического общества. За исследования Аральского моря он также стал почетным членом Берлинского географического общества, а в 1867 г. получил золотую медаль Лондонского географическо-

го общества. Южный мыс острова Барса-Кельнес на Аральском море назван именем Бутакова.

«Записки русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1842 гг.» А.И. Бутакова были напечатаны в журнале «Отечественные записки» в 1844 г. «Подвигаясь мало-помалу вперед и не отдавая рифов, как директория Ост-Индской Компании предписывает своим судам, мы обогнули Грин-Пойнт и вошли в Столовую-Губу. Тогда открылась во всем своем мрачном величии Столовая-Гора и такие же, как она, дикие и бесплодные соседи ея: с правой стороны *Львиная-Голова с Львиным-Хребтом*, а с левой *Чортв-Пикъ* или *Чортва-Голова*»¹². Таким образом представляет автор свое первое впечатление от вида панорамы Столовой бухты. Очень интересно описывает Бутаков уникальные метеорологические свойства этой местности.

А вот первое впечатление автора от Капштадта: «Первые три дня нашей стоянки прошли в работах; после окончания их я при первом случае съехал на берег с Б. От деревянной пристани, омываемой прибоем, около которой нас встретила целая толпа людей всех цветов и возрастов, мы прошли через большой плацпарад, обсаженный деревьями, наклоненными от юго-восточных ветров в противную сторону. Потом мы отправились бродить по чистым прямым улицам Капштадта; <...> Гуляя по Капштадту, видишь себя совершенно в европейском городе: дома, экипажи, лавки, трактиры — все европейское; одна только Столовая-Гора и ее соседи, показывающие свои дикие голые вершины над строениями, и разноцветные лица, попадающиеся на каждом шагу, напоминают Южную Африку. Иногда встречается тяжелая фура, запряженная десятью, двенадцатью, даже иногда восемнадцатью или двадцатью огромными быками, по два в ряд; подле передовых стоит босой мальчишка, а у фуры малаец, готтентот или стройный мозамбикский негр с длиннейшим бичом, у которого бамбуковая трость около 20 футов длины, та самая плеть, свитая из воловьих кишок, не короче 30 или 50 футов. <...> Все цветное племя ходит здесь босиком; презабавно видеть какого-нибудь негра, наряженного во фрак, в красном шейном платке, повязанном огромными бантами, с длинными жабо, в жилете и круглой шляпе, прогуливающегося

¹² Butakov A. Notes of a Russian naval officer during a trip around the world in 1840, 1841 and 1842 // Domestic notes [Zapiski russkogo morskogo ofitsera vo vremya puteshestviya vokrug sveta v 1840, 1841 i 1842 gg // Otechestvennyye zapiski]. St. Petersburg, 1844. V. XXXIII. Part 2. P. 10–37.

босиком и напевающего, помахивая тросточкой, мозамбикские романсы»¹³. Рассказывает А.И. Бутаков и о своих путешествиях вглубь колонии: в поместье известного ботаника барона Лудвига и на миссионерскую станцию английского пастора Фрайя, о восхождениях на Столовую гору.

Очень интересно описание посещения знаменитой винодельческой фермы Констанция, хозяином которой был голландец Ван Ренен: «В Винберге, не доезжая Констанции, какой-то добрый человек указал нам путь, и через несколько времени езды по прекрасной дороге, окруженной чудесными видами, мы очутились перед домом г. Фан-Ренена, хозяина Верхней Констанции. Дом осенен столетними дубами; в стороне маленький пруд, обсаженный плакучими ивами, у которых длинные ветви красиво склонялись до самой воды; все тихо, спокойно, все дышит изобилием. Негренок взял наших лошадей, и какой-то молодой человек, введя нас в комнаты, просил подождать хозяина. Комнаты отделаны просто, но со вкусом и комфортом; везде величайшая, истинно-голландская опрятность. Через несколько минут вошел, не снимая шляпы, мёнгер Фан-Ренен, человек лет 50-ти, высокого роста, дородный, с важною осанкой; получив, вероятно, не весьма высокое понятие о важности наших особ, судя по запыленной наружности (жара заставила нас нарядиться в белые куртки и соломенные шляпы), он очень холодно спросил нас: “Чего вам нужно?” — “Мы русские офицеры”. — “Русские офицеры!” — и доброе лицо его засияло радушным приветом; он снял шляпу и вежливо пригласил нас сесть и выпить рюмку констанцсаго. Принесли вина и чудеснейшего винограда, и мы пустились беседовать, разумеется, о политике — это уже всеобщая страсть в отдаленных колониях, особенно английских и голландских. Фан-Ренен бранил Англичан напропалую: “Эти проклятые Джоны-Булли ограбили меня совершенно даром на 2000 фунтов стерлингов, не говоря уже о других убытках. Я за своих негров заплатил чистыми деньгами 3000 фунтов стерлингов, а мне при освобождении их выдали только тысячу, да и за тою я должен был ехать в Европу, и теперь у меня даром пропадает множество земли, потому что ее некому обрабатывать. Вы, Русские, сильны: что б хоть вам избавить нас от этих раздутых портером пожирателей ростбифа! Да, говорят, что вы и пришли-то сюда не затем ли, чтоб высмотреть, как бы удобнее прибрать к рукам Кап, ге?”

¹³ Там же.

И он от души рассмеялся и был чрезвычайно счастлив своею политическою догадливостью»¹⁴.

Вообще автор четко указывает на разделение двух групп белого населения колонии и их взаимную неприязнь: «Общество Капштадта и всей колонии разделяется на две половины, которые никогда не сольются в одно согласное целое: на Англичан и Голландцев, из которых состоит наибольшая часть белого народонаселения. Голландцы ненавидят своих завоевателей от всей души и тем с большим жаром, что ненависть их бесильна; Англичане же платят им за то самым глубоким и обидным презрением». И очень подробно анализирует причины такого отношения европейцев друг к другу. Среди причин недовольства голландских колонистов А.И. Бутаков, конечно же, указывает как на главную, на отмену рабства англичанами, но, к чести автора, он совершенно правильно оценивает моральные стороны этого явления: «Как бы то ни было, от освобождения невольников пострадали почти исключительно люди богатые или, по крайней мере, не бедные, а между тем английское правительство нанесло этим сильнейший удар величайшему из нравственных зол, порожденных корыстолюбием. Надобно видеть положение негров в странах, где невольничество еще существует, и невероятные жестокости, которым эти несчастные жертвы корысти подвергаются там ежедневно, чтоб понять всю великость предприятия английского правительства, решившегося на их освобождение. Некоторые колонисты пострадали, другие пострадают еще более, но целое человечество от этого выиграло: будем же смотреть на дурные стороны этого вопроса как на необходимое зло, незаметное в сравнении с огромным количеством происшедшего от того добра»¹⁵.

Очень подробно описывает А.И. Бутаков политическое и экономическое положение Капской колонии. Пишет о многих южноафриканских народах. О даммарах, бечуанах, зулусах, кораннах. С большим сочувствием описывает тяжелое положение бушменов — этих коренных обитателей Кейпа. Их униженное положение среди всего населения колонии, постоянный голод, терзающий эти отверженные племена, постоянные угрозы физического уничтожения. Приводит автор и примеры преступной жестокости капитанов судов, перевозящих негров — негреров. Работорговля уже была запрещена и велась тайком, часто капитаны негреров, уходя от погони, выбрасывали невольников за борт, чтобы задержать преследователей.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Для читающей публики России образ Юга Африки во второй половине XIX в. был сформирован в основном по сочинениям Ивана Александровича Гончарова (1812–1891). Он посетил Кейп в 1853 г., когда ему было 40 лет. В 1852 г., когда Гончаров узнал, что в морской экспедиции на Дальний Восток на фрегате «Паллада» есть должность секретаря, он не замедлил воспользоваться случаем. Первая книга о путешествии (Гончаров назвал ее «На мысе Доброй Надежды») вышла в 1856 г. в журнале «Морской сборник». Через два года, когда были завершены и опубликованы целиком очерки «Фрегат “Паллада”». Очерки путешествия в двух томах» (СПб., 1858), она вошла туда составной частью.

Когда «Паллада» бросила якорь в Саймонс-бей, у нее было несколько протечек. Судну требовался ремонт, ради которого фрегат оставался в бухте с 10 марта по 12 апреля 1853 г., пока все не было исправлено, и он мог продолжать путешествие по бурному Индийскому океану. Пока чинили корабль, Гончаров и его спутники посетили Капштадт и даже отправились в десятидневную экспедицию вглубь колонии, проделав более 300 километров.

Описания Гончарова интересны более всего тем, что сделаны с мастерством великого русского литератора. Этот сюжет чрезвычайно интересен, но достаточно известен, поэтому на нем мы не будем останавливаться в своем очерке. Но приведем другие интересные воспоминания российского моряка из той экспедиции.

Поездкой вглубь Капской колонии руководил капитан-лейтенант Константин Николаевич Посьет (1819–1899) — в дальнейшем российский государственный деятель, адмирал, министр путей сообщения, член Госсовета. Потомок древнейшего французского рода, чей предок переселился в Россию во времена Петра I. Родился в Эстляндии (Российская империя), окончил Морской кадетский корпус (1836) и Офицерские классы (1840). В 1852–1854 гг. принимал участие в экспедиции вице-адмирала Е.В. Путягина на фрегате «Паллада» под командованием И.С. Унковского в качестве старшего офицера и переводчика документов в процессе подписания Русско-японского (Симодского) договора. Посьет в совершенстве владел голландским и японским языками. В 1855 г. ему было присвоено звание капитана 1-го ранга, потом он был произведен в звание контр-адмирала. В дальнейшем отряд из трех кораблей под командованием К.Н. Посьета совершил плавание к берегам Новой Земли, где впервые был водружен российский флаг. Проявил себя в качестве

Константин Николаевич Посьет. Гравюра И.И. Матюшина по рисунку П.Ф. Бореля с фотографии С.Л. Левицкого

министра путей сообщений, в частности, как сторонник казенного железнодорожного строительства. Автор многих трудов по морскому делу. Именем Посьета названы поселок и залив в Японском море.

К.Н. Посьет также опубликовал свои записи о Капе и обо всем плавании «Письма с кругосветного плавания в 1852, 1853 и 1854 годах». Опубликованы они были в журнале «Отечественные записки» в 1855 г. «Наконец, вот и южная оконечность Африки! Вот Столовая Гора (3400 футов), левее Львиная Голова, а вправо Мыс Доброй Надежды. Какие обрывы, какие мрачные вершины, какие бесплодные скалы! Если б португальцы не искали за этим мысом Индии, то, вероятно, назвали бы его мысом безнадежным — так как мало он обещает за своими крутыми берегами», — так описывает Посьет свое первое впечатление о видах Капа. А вот описание Посьета десятидневной поездки-экспедиции по Капской колонии: «Прожив неделю в семействе одного голландца, я отправился в так названную нами ученую экспедицию с целью ботанико-геологическо-этнологическою. Сделав всего около трехсот верст и употребив на это семь дней, мы проехали до хребта гор, ограничивающего последний к югу уступ террасообразной Южной Африки. Путь вел между непрерывными холмами и горами, высота которых доходила до 6000 футов, наибольшей в западной половине в капской колонии. Мы миновали в высшей степени живописное селение Парл, другое Стелленбоск — чисто-голландское, Соммерсет, Веллингтон и Воргестр; неоконченную дорогою проехали по уще-

лю Vain's Cloof, богатому грозными картинами, барсами, обезьянами и змеями. По этому ущелью сопровождал нас сам Vain, строитель дороги, высота которой над поверхностью моря доходила до 4500 футов. Здесь мы видели чистых кафров, готтентотов, бушменов, мозамбиков, фингов, которых вы тщетно будете искать в селах, населенных голландцами и англичанами! Насмотревшись африканских чудес, мы воротились в Капштат, чтоб поспешить в Симонс-Бей, где готовились увеселения, взаимно устроенные англичанами и нами»¹⁶.

Посъет дает достаточно подробное описание колонии, приводит статистические сведения. Как и все путешественники по Капу, он уделяет много внимания двум группам белых жителей колонии и их взаимоотношениям: «Колонисты вообще народ меркантильный, особенно же голландцы и англичане, а капские колонисты — потомки тех и других. Когда эти два холодные, эгоистические характеры сольются и составят каких-то капландцев — то-то будет совершенная проза!» Посъет тщательно обрисовывает внешний вид коренных жителей Капа, рассказывает о их быте, занятиях, отношениях с белыми. Пытается разобраться с ситуацией, связанной с «кафрскими войнами».

Очень интересно сообщение Посъета о впечатлении, которое оставил в колонии побег шлюпа «Диана» под командованием В.М. Головнина, произошедший более полувека назад. «Другой бур, угощавший нас превосходным кофе, рассказывал знакомство свое с знаменитым Головниным, когда он в 1806 году был задержан на Мысе англичанами как военнопленный. Несмотря на свою голландскую натуру, толстый фермер пришел в совершенный восторг, когда описывал побег Головнина из Симонс-бухты и досаду англичан, только что вторично занявших мыс»¹⁷.

Через 6 месяцев после того, как фрегат «Паллада» покинул Саймонс-бей, разразилась Крымская война. По ее завершении сразу начинается активное строительство судов на паровых двигателях, что стало одним из результатов поражения России в этой войне. Количество дальних морских

¹⁶ *Pos'yet K.N. Letters from circumnavigation in 1852, 1853 and 1854 // Otechestvennyye zapiski [Pis'ma s krugosvetnogo plavaniya v 1852, 1853 i 1854 godakh // Otechestvennyye zapiski]. St. Petersburg, 1855. T. XCIX, section VI. P. 1–26.*

¹⁷ Там же.

плаваний также увеличилось. Весной 1858 г. эскадра из шести новейших паровых винтовых судов, совершавших кругосветное плавание под командованием адмирала Муравьева, направлявшаяся к устью реки Амур для укрепления позиций России и усиления присутствия российского флота у побережья Китая и Японии, прибыла в Саймонс-бей.

Интересный рассказ об этом путешествии написал Алексей Вышеславцев, бывший на клипере «Пластун» и корвете «Новичок», входивших в эту эскадру, корабельным врачом. Его книга, написанная во время кругосветного плавания, «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах» привлекала читателей не меньше, чем «Фрегат “Паллада”», который появился четырьмя годами ранее. 27-летний Вышеславцев посетил Кейп в то же время года, что и Гончаров. Он видел много тех же мест и людей, что и писатель. Но он пробыл здесь вдвое дольше, чем Гончаров, более двух месяцев. «Пластун» вошел в Саймонс-бей 15 марта 1858 г. 25 апреля корабль снялся с якоря, но, пройдя 500 км, был вынужден вернуться обратно. В корме обнаружилась сильная течь, и о путешествии через Индийский океан не могло быть и речи. После продолжительного ремонта «Пластун» смог продолжить путешествие только 6 июня.

Алексей Владимирович Вышеславцев — русский врач, литератор, искусствовед и путешественник (1831–1888). После окончания Московского дворянского института (1848) и медицинского факультета Московского университета (1854) А.В. Вышеславцев был назначен врачом в Полтавский пехотный полк и вместе с ним участвовал в обороне Севастополя. В мае — июне 1855 г. он спасал раненых на одном из наиболее сильно обстреливаемых участков в укреплении, защищавшем Малахов курган, являвшийся ключевым в обороне города. После завершения Крымской войны осуществилась его мечта о длительном морском путешествии. Он получил назначение на клипер «Пластун» и корвет «Новик». В качестве корабельного врача он совершил в 1857–1860 гг. кругосветное путешествие на этих судах. Начиная плавание он на «Пластуне», а на обратном пути был переведен на «Новик», что спасло ему жизнь. При входе в гавань Кронштадта «Пластун» взорвался, и Вышеславцеву пришлось наблюдать с борта корвета гибель товарищей.

На клипере «Пластун» Вышеславцев обогнул мыс Доброй Надежды, побывал на островах Атлантического океана, в Сингапуре, Гонконге, целый год клипер провел в японских территориальных водах. «Пластун» пережил не один серьезный шторм, а также долгое одиночное плавание. На обратном пути в составе эскадры адмирала А.А. Попова Вышеслав-

цев увидел Полинезию, побывал в Южной Америке, вторично пересек Атлантический океан. А. Вышеславцев привез в Санкт-Петербург около 100 рисунков с натуры и записки о впечатлениях «Очерки пером и карандашом из кругосветного плавания в 1857, 1858, 1859 и 1860 годах», которые вышли в свет в 1862 г. в издательстве Морского министерства. В книге было 27 рисунков автора в виде литографий. Во время всего путешествия Вышеславцев делал зарисовки наиболее интересных мест, характерных типов жителей разных стран, этнографических особенностей их быта. Пока «Пластун» стоял в Саймонс-бей, он сделал много набросков людей, встречававшихся ему, и пейзажей Кейпа. Это было не удивительно, поскольку он много занимался искусством, главным образом историей живописи, посещал с этой целью Италию, Грецию, Константинополь. Собирал картины и гравюры известных русских художников. На основе собрания Вышеславцева после 1917 г. была сформирована основная коллекция Тамбовского художественного музея. Рисунки Вышеславцева — это первые опубликованные картины южноафриканской жизни, сделанные русским художником.

Записки и зарисовки Вышеславцева документальны. Побывал Вышеславцев во многих местах: «Знакомство мое с капскими колониями ограничилось не одною поездкою в Капштадт и его окрестности; времени у меня было, и я успел несколько раз побывать во внутренних землях колонии; был в Стелленбоше, в Дракенстеене, в Паарле и Веллингтоне; проехал по знаменитой дороге Бена чрез ущелье, которое получило имя этого геолога-инженера (Bens-Kluft). Но я не хочу употреблять во зло ваше внимание, и притом почти все эти места вы знаете уже по превосходным описаниям г. Гончарова, которые, кроме своего литературного достоинства, отличаются удивительною верностью. <...> Прибавлю еще, что я познакомился со всеми докторами и даже миссионерами тех местечек, где мне случалось быть, прибавлю потому, что большая часть их показалась мне какими-то странными людьми; между прочим, один смотрел Маниловым с голландскою обстановкою, другой был решительно Михайло Семенович Собакевич. Даже приглашение его, когда он просил нас садиться “ich bitte”, звучало известным “прошу”, и весь разговор был в духе Собакевича. Когда я заговорил о беновской дороге, он сказал: “А зачем нужна эта дорога? Разве павианам ходить по ней?” О губернаторе отозвался нехорошо; а о бывшем секретаре, который хотел взять взятку за дорогу, он говорил с ожесточением, так что если бы говорил по-русски, то, конечно, назвал бы его Гогой и Магогой. Близ этого олицетворения Собакевича неподвижно сидел его сын, настоя-

Алексей Владимирович Вышеславцев. Художник А.И. Корзухин

щий Митрофанушка; когда отец говорил, то этот детина, разинув рот, с подобострастием смотрел в глаза своему папеньке. Вот сколько русских воспоминаний...»¹⁸

Интересно описание Вышеславцева первой встречи команды корабля и местного населения: «Клипер наш целый день осаждали коричневые и черные гости, кто в остроконечной соломенной шляпе, кто вовсе без шапки, с натуральным войлоком на голове, прикрывавшим голову лучше всякой шляпы. Матросы наши скоро освоились с ними: кто покупал виноград, кто арбуз, кто рыбу. Солдат наш, как известно, говорит на всех языках; по крайней мере, нимаало не затрудняется говорить с французом, англичанином, малайцем, готтен-тотом. Любопытно слышать и видеть разговор матроса с малайцем по-русски; он хотя и дополняет слова самыми выразительными жестами и движениями, но говорит бойко и много, как-будто малаец совершенно понимает его, и выйдет точно, что они друг друга как-то поняли!»¹⁹

Хотя описывает Вышеславцев и города, и природу Кейпа (интересны его впечатления от подъема на Столовую гору), но все-таки главный предмет, который его интересует — это люди: «Кажется, будто

¹⁸ *Vysheslavtsev A.V. Essays in pen and pencil from the voyage around the world in 1857, 1858, 1859 and 1860 [Ocherki perom i karandashom iz krugosvetnogo plavaniya v 1857, 1858, 1859 i 1860 godakh]. Izdaniye M.O. Vol'fa, St. Petersburg, 1867.*

¹⁹ Там же.

все народы мира прислали в Каптаун по образчику своей национальности; на улицах пестрота удивительная: то краснеются малайские тюрбаны, то стоит толпа кафров, людей сильно сложенных, с лицами темно-медного цвета, то мозамбик, то негр *pursang*, то индус в своем живописном белом плаще, легко и грациозно драпированном. Прибавьте англичан во всевозможных шляпах, как, например, в виде серой войлочной каски с каким-то вентилятором, чем-то вроде белого стеганого самовара; то в соломенной шляпе с вуалью. Между кафрами, неграми, англичанами и малайцами изредка являются шкиперы и капитаны с купеческих судов, и солдаты в красном мундире, наконец, и мы, жители Орла, Тамбова, Твери... Вся эта толпа постоянно движется, как муравейник: на улице, на рынке у пристани, хлопочет около тюков, на площади обступает акционера, мчится в щегольских кебах, фиакрах, омнибусах, с империалом и без империала, скачет верхом, бежит пешком, суетится...»²⁰

Свидетельства Вышеславцева о жителях Капской колонии особенно интересны потому, что он подробнее, чем кто-либо из русских путешественников, описал африканское население. Он описывает и бушменов, и готтентотов, и «кафров», особенно подробно рассказывая о племени коса и о его отношениях с колонистами. Причина внимания Вышеславцева к народу коса, скорее всего, крылась в том, что в годы перед его приездом происходили серьезные военные столкновения между коса и колонистами — «кафрские войны».

Другим участником плавания указанной эскадры был гражданский пассажир барон Александр Егорович Врангель (1833–1915), который также оставил отчет о своем пребывании на Кейпе. Русский дипломат, камергер. Его мать была троюродной сестрой А.С. Пушкина. Родился в имении Верино недалеко от Нарвы. В 1853 г. окончил Императорский Александровский лицей и поступил на службу в Министерство юстиции. Во время кругосветного плавания русской эскадры Муравьева Врангель был секретарем на корвете «Воевода», который 10 мая 1858 г. достиг Саймонс-бей. В своих заметках «С мыса Доброй Надежды», напечатанных в «Морском сборнике» в 1859 г., Врангель также описывает Капштадтский музей редкостей и естественной истории, где «между прочими редкостями музеума находятся чугунные печные дверцы... старая каска, ранец, ружье и др. принадлежности русского солдатского вооружения; два медных гроша тоже были выставлены...

²⁰ Там же.

Кое-кто из наших подарил целую коллекцию новейших русских серебряных монет»²¹.

В конце 1850-х и в 1860-х гг. рассказы русских моряков — офицеров, прапорщиков и простых матросов — стали множиться. Все большее их число описывало то, что они видели в дальних рейсах и во время кругосветных плаваний. Многие журналы охотно брали в печать эти описания, платили за них гонорары. Также авторами двигало желание поделиться своим опытом, рассказать о драматических, трагических или даже забавных приключениях в далеких странах. Многие моряки получили пример для подражания, прочитав записки Головнина, Гончарова и Вышеславцева. Авторы часто выступали в качестве внештатных корреспондентов, быстро писали свои очерки еще во время плавания и отправляли их в редакции журналов при первой возможности.

Русские корабли теперь менее чем за 40 дней доходили до мыса Доброй Надежды, это было в 2 раза быстрее, чем на рубеже XVIII–XIX вв., во времена Лисянского, Крузенштерна и Головнина. Но с 1869 г. большинство русских кораблей, направляясь на тихоокеанское побережье России, уже проходило по вновь открытому Суэцкому каналу, а не вокруг мыса Доброй Надежды. Лейтенант Вильгельм Михайлович Линден (1843–1937) посетил Кейп в этот переходный период.

В.М. Линден родился в Иркутске, сын офицера. В 13 лет поступил в Морской корпус. Закончил его в 1862 г. с отличием и именными наградами серебряными часами и был послан служить на винтовой клипер «Алмаз». Командовал «Алмазом» капитан-лейтенант П.А. Зеленый, который был спутником И.А. Гончарова в его плавании на «Палладе». Возможно, Линден много слышал от него о Кейпе. После окончания Морской академии осенью 1869 г. В.М. Линден поступил на службу в эскадру под командованием капитана Константина Павловича Пилкина (1824–1913). Корабли «Алмаз», «Боярин», «Всадник», «Гайдамак» отправились из Кронштадта за месяц до открытия Суэцкого канала. Они направлялись на русский Дальний Восток через Австралию, Японию и другие государства в Тихом океане. Плавание продолжалось более двух с половиной лет.

В кругосветное плавание В.М. Линден отправился на корвете «Боярин», который был частью эскадры, на которой приплыли на Кейп Вышеславцев и Врангель 10 лет назад. Сначала отряд К.П. Пилкина до-

²¹ *Vrangel' A. From the Cape of Good Hope // Marine collection [S mysa Dobroy Nadezhdy // Morskoy sbornik]. St. Petersburg, 1859. № 1. P. 5–21.*

брался до Бразилии через Копенгаген, затем пересек Атлантику и после 37-дневного путешествия достиг мыса Доброй Надежды. «Боярин» стал на якорь в Саймонс-бей 22 марта 1870 г. Он оставался там около двух недель, а затем отправился в Австралию, Японию и Сан-Франциско. По возвращении Линден вскоре был назначен Российским военно-морским агентом в Англии и оставался на этом посту в течение 10 лет. Он ушел в отставку в звании генерал-лейтенанта военно-морского флота, прослужив во время царствования трех императоров и став свидетелем того, как деревянные суда под парусами уступили место стальным кораблям, движимым паром. После революции 1917 г. и последовавшей за ней Гражданской войны В.М. Линдену со всей семьей пришлось уехать в изгнание. В 1920 г. он покинул Крым незадолго до прихода туда Красной армии. В середине 1930-х гг. Линден был старейшим офицером российского военно-морского флота за пределами СССР. Он умер в Париже в возрасте 94 лет.

В своем отчете о пребывании на Кейпе «Капская колония. Из письма лейтенанта Линдена с корвета “Боярин”», опубликованном в «Морском сборнике» в 1870 г., В.М. Линден, описывая, как и прочие авторы, свои первые впечатления о прибытии на мыс, написал: «К нам наехало (на корабль после прибытия в порт. — В.Г.) множество господ, навезших целые кипы рекомендательных писем с прежде здесь бывших русских судов, предлагавших свои разнообразные услуги»²². Еще одно свидетельство, что и российские корабли хорошо знали эту «таверну» на перекрестке океанских путей и русских здесь также хорошо знали. Во время поездки из Саймонстауна в Кейптаун Линден отмечал: «Экипаж, подъехав к небольшому домику, крытому камышом, как большинство здешних домов, вдруг остановился — это Half Way Hotel; мы вышли выпить по чашке чаю; я оглядел бегло комнаты: они совершенно такие же, какими их видели Гончаров и Вышеславцев: та же древняя мебель, те же почерневшие от времени картины, собрание редкостей и даже те же засохшие цветы на камине. Над входом в отель красуется оригинальная надпись, из уважения к старине сохраняемая хозяином до настоящего времени»²³.

Очень интересно описывает Линден виноградники Констанции, окружающую природу, жителей колонии. Подробно рассказывает

²² *Linden V. Cape Colony // Marine collection [Kapskaya koloniya // Morskoy sbornik]. St. Petersburg, 1870. № 10.*

²³ Там же.

о своем посещении библиотеки Капштадта, ботанического сада. Как и многие моряки, подробно рассуждает о хозяйственных делах колонии: от строительства мола в порту до объемов вывоза шерсти. Посетив в Капштадте музей естественных наук, Линден записал: «Что же сказать про город? Наружность его чисто английская, только вывески с частицей “van” пред именами напоминают о голландском элементе, еще очень значительном в колонии. Улицы широкие, чистые, пересекающиеся под прямыми углами; много отелей, блестящих магазинов, где мануфактурные вещи вы купите почти по тем же ценам, как и в Англии. Как подобает всякому туристу, я осмотрел музей естественных наук, содержащий среди скелетов и чучел разных птиц и животных одежды диких, их оружие и музыкальные инструменты; остатки солдатской русской амуниции — трофеи, вывезенные из Бомарзунда». Он тщательно записал и местную легенду: «Для возбуждения народа хитрый Крали употребил колдуна пророка Умлакази; замечательно, что в своих красноречивых пророчествах он не забыл о нас, русских. Между прочим, он говорил народу, что имеет во сне сообщения с духами прежних предводителей кафров; что все они готовы воскреснуть и приведут с собой русских; что последние не белые, как полагают, а черные, и все были храбрыми кафрскими воинами; что Лин пророк 1819 года и Гайка бьют уже англичан за морем. Чтобы умилостивить своих славных предков и ускорить их победы над белыми, он возвещал необходимость уничтожения запасов хлеба, скота и всего, за исключением лошадей и оружия, за чем должно было последовать воскресение их предков и всего убитого скота, водворение богатства, довольства и полное уничтожение белых. <...> Некоторые поддались льстивому пророку, который даже назначил 18 февраля 1857 года днем исполнения своих чудес. Но — увы! Всеобщие ожидания не оправдались, скот не воскресал, предки и русские не являлись. Англичане приготовились к отпору и восстанию, кроме отдельных небольших стычек, совершенно рушилось».

В 1904 г. мимо Кейптауна прошла самая большая на тот момент военная эскадра, когда-либо огибавшая Африканский континент. Среди кораблей были броненосцы «Суворов», «Бородино», «Ослябя», «Александр III», «Орел», крейсера «Аврора», «Дмитрий Донской», «Адмирал Нахимов», транспорты «Анадырь», «Метеор», «Корея» и «Малайя», пла-

вучая мастерская «Камчатка» и второе судно под названием «Орел» — плавучий морской госпиталь и другие. Тысячи русских моряков во главе с адмиралом И.С. Рожественским шли на Дальний Восток, к Цусиме, сражение при которой стало одной из самых трагичных страниц в истории российского флота. Из-за сложных дипломатических отношений с Англией в порт Кейптауна зашел только морской госпиталь «Орел».

После прохождения эскадры в кейптаунской газете «Кейп Аргус» опубликовали записку, найденную на берегу мыса Доброй Надежды. Копия этого послания, написанного по-русски, хранится в Кейптаунском военно-историческом музее. Записка, брошенная в запечатанной бутылке с одного из судов эскадры адмирала Рожественского, гласила: «Идем умирать, просим помолиться за нас». Вид русской эскадры так впечатлил жителей Кейптауна, что южноафриканский писатель Лоуренс Грин посвятил «русской армаде» главу в своей «Неписаной истории о кораблях и людях в южноафриканских водах и о некоторых забытых происшествиях и тайнах тех бескрайних океанов, что омывают берега Африки».

REFERENCES

1. An entirely different world. Russian visitors to the Cape, 1797–1870 / Ed. by Boris Gorelik. Cape Town, 2015.
2. *Blok G.K.* Two years in the life of a Russian sailor: A description of a round-the-world voyage made in 1840–1842 on the Russian transport «Abo» [Dva goda iz zhizni russkogo moryaka: Opisanie krugosvetnogo plavaniya, sovershyonnogo v 1840–1842 godakh na rossiyskom transporte «Abo»]. Vols. 1–2. St. Petersburg, 1854 (in Russian).
3. *Butakov A.* Notes of a Russian naval officer during a trip around the world in 1840, 1841 and 1842 [Zapiski russkogo morskogo ofitsera vo vremya puteshestviya vokrug sveta v 1840, 1841 i 1842 gg.] // Domestic Notes [Otechestvennye zapiski]. St. Petersburg, 1844. Vol. XXXIII. Pt. 2. pp. 10–37 (in Russian).
4. *Golovnin V.M.* Voyage of the sloop «Diana» to Kamchatka in 1807, 1808 and 1809 [Puteshestvie shlyupa «Diana» v Kamchatku v 1807, 1808 i 1809 gg.] // Works and translations by V.M. Golovnin. In 2 vols. [Sochineniya i perevody V.M. Golovnina. V 2-kh tt.]. Vol. 1. Moscow–Leningrad: Izd-vo Glavsevmorputi, 1949 (in Russian).
5. *Davidson A.B.* ...Also called Africa. View from Russian antiquity [...Izhe imenuetsa Afrika. Vzgl'yad iz russkoy stariny]. Moscow: Printsipum, 2017 (in Russian).
6. *Klochkov E.A.* Journey around the world in the colonies of the Russian–American Company [Puteshestvie vokrug sveta v kolonii Rossiysko-Amerikanskoy kompanii] // Northern Archive [Severnyi arkhiv]. St. Petersburg, 1826. № XXI–XXII (in Russian).
7. *Linden V.* Cape Colony [Kapskaya koloniya] // Marine collection [Morskoy sbornik]. St. Petersburg, 1870. № 10 (in Russian).
8. *Pos'yet K.N.* Letters from circumnavigation in 1852, 1853 and 1854 [Pis'ma s krugosvetnogo plavaniya v 1852, 1853 i 1854 gg.] // Domestic Notes [Otechestvennye zapiski]. St. Petersburg, 1855. Vol. XCIX, Sect. VI. pp. 1–26 (in Russian).

9. *Vrangel' A.* From the Cape of Good Hope [S mysa Dobroy Nadezhdy] // Marine collection [Morskoy sbornik]. St. Petersburg, 1859. № 1. pp. 5–21 (in Russian).
10. *Vysbeslavtsev A.V.* Essays in pen and pencil from the voyage around the world in 1857, 1858, 1859 and 1860 [Ocherki perom i karandashom iz krugosvetnogo plavaniya v 1857, 1858, 1859 i 1860 gg.]. St. Petersburg: Izd-vo M.O. Vol'fa, 1867 (in Russian).

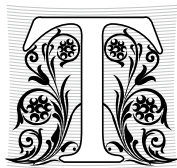

Ключевые слова:

Россия, Южная Африка, Кейп, российские моряки, кругосветные плавания, Морской сборник.

Valentina V. Griбанova

SOUTH AFRICA IN THE DESCRIPTIONS OF RUSSIAN SAILORS OF THE 19th CENTURY

The article is based on overview of descriptions of the Cape Peninsula (Cape) made by Russian sailors who visited this territory from the end of the 18th to the 19th centuries. Information is presented about the circumnavigations of the world by Russian ships during this time, calling at the port of Cape Town, and the biographies of the sailors who left their notes. Works of Yu.F. Lisyansky, V.M. Golovnin, G.K. Blok, A.I. Butakov, K.N. Posiet, A.V. Vysheslavtsev, A.E. Wrangel, V.M. Linden, which were published during their lifetime and were very popular among the readers, contain detailed information about the natural features, economic activities, and lifestyle of South African White Colonists, Africans, Colored and Asians. In the works of educated Russian sailors, representing a whole cohort of Russian researchers, we see not only interesting literary descriptions, but also historical evidence of the life of South Africa at the end of the 18th–19th centuries.

Key words: Russia, South Africa, Cape, Russian sailors, circumnavigations, Marine collection.

Valentina V. Griбанova – PhD (history), Senior Research Fellow, Head of the Centre for History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences.

 Грибанова Валентина Валерьевна

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
заведующая Центром истории и культурной антропологии
ФГБУН Институт Африки Российской академии наук

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.010

А.А. Сафронова

БУДДИЙСКИЙ МИР ЮЖНОЙ АЗИИ В ТРУДАХ И ТВОРЧЕСТВЕ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ И ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ XIX — НАЧАЛА XX в.

лестящие, яркие имена, неповторимые судьбы российских философов, ученых-востоковедов, путешественников, писателей и поэтов, которые жили и творили в одно и то же время, задумывались над тем, что было «дыханьем эпохи» — поисками смысла бытия и места человека

в круговороте жизни и смерти сквозь призму диалога цивилизаций, навсегда вписаны в сокровищницу интеллектуальных традиций мировой культуры. В истории есть периоды особо значимые, намечающие основные направления научного поиска, генерирующие мудрые мысли и создающие высокие образы. В отечественном востоковедении в целом и в индологии в частности именно таким был период середины XIX — начала XX в. Не менее продуктивным он был и с точки зрения художественного творчества русских поэтов и писателей, обративших свои взоры на Южную Азию, казавшуюся им загадочной, неизведанной, полной скрытых смыслов и тайных знаков и символов.

Мир буддизма, его мотивы и образность оказались созвучны умонастроениям эпохи и заняли заметное место в палитре творчества российских деятелей культуры. Интерес к индийской культуре и буддизму всегда был свойствен российскому просвещенному обществу. Одни со-

здавали умозрительные картины, так и не побывав на родине буддизма, другие оставили яркие и сочные зарисовки своих путешествий по священным буддийским местам Южной Азии, подарили нам как живописные описания древностей, так и живые впечатления от современного им положения буддизма. Именно на этих представителях российской науки и культуры сосредоточено внимание в данной статье.

Как отдельная дисциплина буддология сформировалась в XIX в. В это время складываются буддологические школы: франко-бельгийская, англо-германская¹. Изучение буддийской традиции на родине учения стало отдельным направлением буддологии. Научный интерес к культуре и религиям Южной Азии возник на Западе почти одновременно с британским завоеванием Индии и сопредельных территорий. На рубеже XVIII–XIX вв. появились первые работы по истории индийской цивилизации, вышли в свет работы по истории буддизма².

Качественно новый этап в исследовании буддизма приходится на середину XIX — начало XX в. Он связан с началом систематического изучения южноазиатских цивилизаций академической наукой. Европейские ученые осваивают санскрит, пали и новоиндийские языки, издают словари, переводят на английский, французский и немецкий исторические хроники, публикуют труды по истории буддизма на родине этого учения. Основы научного подхода к освоению сложного комплекса проблем развития буддийских цивилизаций были заложены первыми переводчиками и комментаторами буддийских источников Э. Апхэмом, Дж. Тернером, Х. Невиллем, чьи разработки были продолжены на рубеже веков В. Гайгером, Г. Ольденбергом, Э. Шнайдером, Р.О. Франке, Г. Гюнтером, М. Мюллером, Т.У. Рис Дэвидсом, Р.С. Чайлдерсом, Р. Чэлмерсом.

В 1845 г. Королевское азиатское общество организовало Археологическую службу в Индии и на Цейлоне. В 1879 г. Э. Арнольд написал известную поэму «Свет Азии», вызвавшую большой интерес к буддизму у европейских читателей. Огромное значение для развития буддологических исследований имело создание в 1881 г. известными учеными М. Мюллером и Т.У. Рис Дэвидсом Общества палийских текстов, а также основание в 1907 г. Буддийского общества Великобритании и Ир-

¹ Они продолжали доминировать в течение первой половины XX в. В XX в. к этим школам добавились японская и американская буддологические школы. В конце XX в. Япония и США стали лидерами во многих областях буддологических исследований.

² *Vaput P.V. 2500 Years of Buddhism. Calcutta, 1976. P. 122–140.*

ландии. Значительное место занимало изучение буддизма и у представителей Теософского общества, основанного Е.П. Блаватской и Г.С. Олкоттом в Адьяре (близ Мадраса, ныне Ченнаи) в Индии и в Коломбо на Цейлоне. Для англо-германской школы характерно внимание к тхераваде и палийскому канону (М. Мюллер, Т.У. и К.А.Ф. Рис Дэвидсы, Г. Ольденберг, В. Гайгер), для франко-бельгийской школы (Э. Бюрнуф, Э. Сенар, С. Леви, Луи де ла Валле-Пуссен, Э. Ламонт) типичен интерес к истории индийского буддизма махаянских школ и их философским аспектам, к санскритским буддийским памятникам.

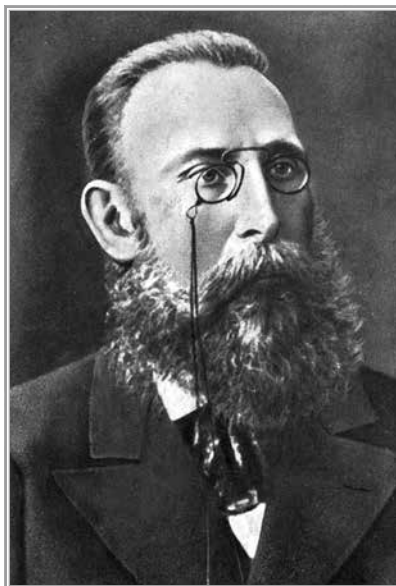
К последней четверти XIX в. относится зарождение буддологических исследований в Южной Азии (Раджендралал Митра, Хара Прасад Шастри, Сарат Чандра Дас, Сатиш Чандра Вибхусан, Дамодар Дхармананд Косамби, Бенимадхаб Баруа, Сенарат Паранавитана, Гунапала Пиясена Малаласекара), начавшееся с филологического направления в классической буддологии, развивавшей текстологическую традицию: переводы и комментарии буддийских текстов, а также с изучения философских аспектов буддизма. Они подчеркивали те стороны буддизма, которые, по их мысли, должны были способствовать единению индийцев — незначимость для буддистов этнических границ и сословно-кастовых разграничений³.

Знакомство с воззрениями крупных европейских философов различных направлений (работы И. Канта, А. Шопенгауэра, Л. Бюхнера, Ф. Ницше и др.) стимулировало интерес к буддизму у российских мыслителей. А. Швейцер в известном труде «Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика» отмечает: «Будда дал Индии то, чего она еще не имела: этическое учение, созданное на основе философской мысли»⁴. И далее: «Его этическое учение стало всеобщим достоянием. Его влияние заметно еще и сегодня»⁵. Он размышлял о значимости принятия буддизма Ашокой для последующего развития всей индийской истории и ментальной традиции, впитавшей идеи веротерпимости, неприятия войн и насилия. По его мысли, именно эти буддийские принципы могут быть положены в основу единения народов мира.

³ Подробнее см.: *Abir A.C. Buddhism in Modern India. Nagpur, 1972; Vapat P.V. 2500 Years of Buddhism. Calcutta, 1976; Ермакова Т.В. Буддийский мир глазами российских исследователей XX — первой трети XX в. СПб., 1998.*

⁴ *Швейцер А. Мировоззрение индийских мыслителей. Мистика и этика. М., 2002. С. 118.*

⁵ Там же. С. 134.

И.П. Минаев

Среди российских философов, обратившихся к мировоззренческим проблемам буддизма, следует назвать имена Вл. Соловьева, С.Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, представителей евразийства Н.С. Трубецкого и Г.В. Флоровского⁶. Значительный интерес представляют работы Д.Б. Горохова⁷, А.Ф. Гусева⁸, В.А. Кожевникова⁹, В. Лесевича¹⁰.

Имена таких российских ученых, как И.П. Минаев, Ф.И. Щербатской, С.Ф. Ольденбург, О.О. Розенберг, Е.Е. Обермиллер, стали гордостью отечественной буддологии и всего востоковедения в целом.

Интерес к буддизму не только российских академических кругов, но и широкой общественности был обусловлен тем, что буддийская община существовала в самой Российской империи как конфессиональное меньшинство. Буддизм в Российской империи получил официальное признание в 1741 г. по указу императрицы Елизаветы Петровны¹¹. Межкультурный диалог православия и буддизма, государственные интересы

⁶ Подробнее см.: *Е.С. Сафронова. Буддизм в России. М., 1998 (Глава 5. Буддизм в трудах русских философов, мыслителей, богословов XX века. С. 134–169).*

⁷ *Горохов Д.Б. Буддизм и религия христианская. Киев, 1915.*

⁸ *Гусев А.Ф. Нравственный идеал буддизма в его отношении к христианству. СПб., 1874.*

⁹ *Кожевников В.А. Буддизм в сравнении с христианством. Пг., 1916.*

¹⁰ *Лесевич В. Новейшие движения в буддизме, поддерживаемые и распространяемые европейцами // Русская мысль. 1887. № 8. С. 15–19.*

¹¹ *Житенев Т.Е. Буддизм в России: вехи истории // <https://cyberleninka.ru>. Дата обращения: 06.05.2020.*

империи и академические интересы ученых привели к углубленному научному изучению буддизма в России, в столице Санкт-Петербурге возникла одна из сильнейших в мире школ по изучению буддизма¹².

«Буддийский Восток» на территории России радикально менял ее отношение к проблеме буддизма. Это была общегосударственная проблема, проблема внутренней политики России, хотя и связанная с ее внешнеполитическими ориентациями¹³. Выход же этой религии в последней четверти XIX — начале XX в. за пределы своего традиционно распространения, повышенный интерес к ней определенной части российского общества, прежде всего Москвы и Петербурга, совпавший во времени с интенсивным развитием сравнительного религиоведения, привели к появлению большого количества публикаций, рассматривающих философские аспекты буддийской религии, как ряда богословов, так и философов и мыслителей.

На религиозный аспект повседневной жизни буддистов особое внимание обращали не только русские ученые, но и дипломаты, и рядовые путешественники, посетившие Южную Азию, в травелогах которых было отражено их видение буддизма и желание постичь разные стороны буддийской практики в странах распространения буддизма в Южной Азии.

Южная Азия издавна привлекала внимание наших соотечественников, чьи суждения представляют большой интерес для исследования религиозных проблем в целом и буддизма в частности. Еще в XIX столетии русские путешественники, посетившие эти края, оставили в своих записях восторженные отзывы об увиденных ими культурных памятниках. Они принадлежат князю А.Д. Салтыкову, совершившему кругосветное путешествие в 1841 г.¹⁴, барону Ф.Р. Остен-Сакену, ученому-географу, секретарю Русского географического общества, посетившему Южную Азию в 1858 г.¹⁵, княгине О.А. Щербатовой¹⁶, а также российскому ученому А.Н. Краснову¹⁷ (70–90-е гг. XIX в.). И.А. Гончаров в своем знамени-

¹² Торчинов Е.А. Лекция 10. Очерк истории изучения буддизма в России и за рубежом // Введение в буддологию: курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. С. 208–228 // <http://anthropology.ru>. Дата обращения: 06.06.2020.

¹³ Сафронова Е.С. Буддизм в России. М., 1998. С. 16.

¹⁴ Салтыков А.Д. Письма об Индии. СПб., 1851.

¹⁵ Остен-Сакен Ф.Р. Заметки о Цейлоне. СПб., 1866.

¹⁶ Щербатова О.А. По Индии и Цейлону. Мои путевые заметки. СПб., 1898.

¹⁷ Краснов А.Н. Индия и Цейлон. СПб., 1900.

том «Фрегате “Паллада”» красочно описывает свое путешествие в Южную Азию. В 1890 г. в числе пассажиров парохода «Петербург» в порту Коломбо на землю Цейлона сошел А.П. Чехов. Здесь он закончил свой известный рассказ «Гусев» и подписал его «Коломбо, 12 ноября». Индию и Цейлон посетил Николай II в ходе своего Восточного путешествия (1891). В Южную Азию приехала в 1880 г. легендарная и таинственная Е.П. Блаватская и основала здесь до сих пор существующее «Теософское общество». Здесь работали известные российские этнографы супруги А.М. и Л.А. Мерварты в составе первой русской этнографической экспедиции на Цейлон и в Индию в 1914–1918 гг., организованной Музеем антропологии и этнографии (МАЭ) имени Петра Великого. Они собрали богатейшую коллекцию, которая хранится в Кунсткамере в Санкт-Петербурге, написали книгу «В глуши Цейлона»¹⁸, представляющую большую ценность для этнографических и культурологических исследований¹⁹.

Безусловно, путевые заметки российских путешественников не акцентированы исключительно на проблемах буддизма. Так, А.Д. Салтыков в вышедшей в 1851 г. книге «Письма об Индии» сосредоточивает внимание читателей на охоте на слонов и различных экзотических зарисовках вне религиозного дискурса, однако его описание осмотренного им храма Зуба Будды в Канди представляет немалый интерес. Ф.Р. Остен-Сакен в заметках в журнале географического научного общества предупреждает читателей, что Цейлон он посетил «просто как турист и любитель ботаники». Тем не менее его ремарки относительно особенностей религиозной композиции общества представляют интерес для оценки роли буддизма в религиозной палитре региона.

И.П. Минаев (1840–1890), выдающийся российский буддолог, был первым русским ученым, сочетавшим интерес к древней и современной ему Индии. Непосредственный научный интерес представляют его глубокие теоретические труды по буддизму²⁰, а также заметки, составленные им при посещении Южной Азии. Во время трех своих поездок в Южную Азию И.П. Минаев не только собирал фольклор и искал рукописи по истории, философии и религиям Индии, но и внимательно наблюдал за тем, что творилось вокруг.

¹⁸ Мерварт А.М., Мерварт Л.А. В глуши Цейлона. М., 1998.

¹⁹ Подробнее см.: Русские на Цейлоне в XIX — начале XX в. Сборник архивных документов и материалов / Сост., авт. предисл. и прим. Т.Н. Загородникова. М., 2010.

²⁰ Минаев И.П. Буддизм: Исследования и материалы. Т. I. СПб., 1887.

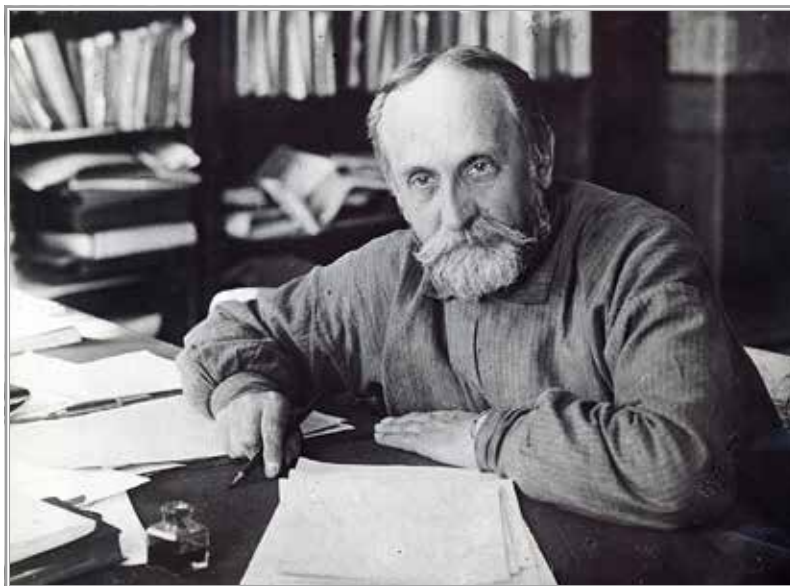
Результаты путешествия 1874–1875 гг. систематизированы в его известном труде «Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русско-го», а также в ряде его статей²¹. Главной задачей путешествия И.П. Минаев считал сбор палийских и санскритских рукописей и знакомство с памятниками буддийской материальной культуры для анализа религиозно-философской системы буддизма. И.П. Минаев описал места, которые религиозная традиция связывала с Буддой, важнейшие центры паломничества буддистов и богатые историческими памятниками столицы древних и средневековых государств: Анурадхапуру, Полоннаруву, Япахуву, Курунегалу и Канди. Он также посетил буддийские храмы и монастыри юга Цейлона — в Галле, Матаре, Дондре, Мулгиригале и Тиссамахараме. Собирая палийские рукописи, он вступил в переписку с буддийскими монахами С.А. Сулакхандхой, Лубхете Терунансе и Васкадуве Субхути Терунансе. Большое внимание было уделено им и изучению «живого» буддизма тхеравады: ученый подробно описывает свои встречи с представителями буддийской сангхи, среди которых были наиболее известные буддийские просветители и реформаторы XIX столетия — Хиккадуве Шри Сумангала Тхеро, Мигеттуватте Гунананда Тхеро, Васкадуве Шри Субхути Тхеро. И.П. Минаев встречался с главами различных школ — никай, пытаясь проникнуть в суть различий между ними. Он оставил интереснейшие зарисовки своих встреч и комментарии к услышанным им разъяснениям. Они представляют ценнейший источник информации по проблемам дифференциации буддийской сангхи.

И.П. Минаева, лично знакомого с Гунанандой, Сумангалой и Васкадуве Субхути, интересовали проблемы взаимодействия индуизма и буддизма. Описывая многие буддийские храмы, в том числе и современной ему постройки, он отмечал, что в них соседствуют статуи Будды и индуских божеств. В Дондре, как отметил Минаев, «рядом с буддийской святыней встречаешь статую индуских богов; Васудева изображен в нескольких экземплярах»²². После посещения пещер Дамбуллы Минаев вновь замечает: «Статуи Будды очень много... но, кроме того, есть статуи индуских богов, и в некоторых храмах стоят статуи и царей, благодетельствовавших монастырю»²³. Вероятно, вопрос о месте ин-

²¹ Минаев И.П. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. Часть первая. СПб., 1878.

²² Минаев И.П. Очерки Цейлона и Индии... С. 23.

²³ Там же. С. 14.

С.Ф. Ольденбург

дусских божеств в буддийском пантеоне был предметом бесед Минаева с буддийскими учеными, ибо он нашел отражение в его работах, в частности, в замечании, что Гунананда выступал за поклонение индусским божествам. Сам Минаев пришел к следующему убеждению: «Доказать, что служение богам противно буддизму, — нет возможности: боги рисуются и иначе изображаются во всех буддийских храмах»²⁴.

И.П. Минаев посетил множество буддийских монастырей, побывал на буддийских праздниках, изучал ритуальную сторону буддизма, наблюдал быт монахов. Он обратил внимание на сохранение в повседневной жизни бхиккху, в том числе и ведущих реформаторов острова, традиционного для буддийского монаха рутинного распорядка дня, всех основных предписаний классического буддийского канона. Их теоретические нововведения не меняли практического течения жизни как буддистов в целом, так и их самих. Знакомясь с различными аспектами жизни мирского населения, а не только монахов, Минаев пишет о живучести буддийской религиозной традиции.

Сохранение традиционалистского подхода в трактовке основных положений буддийского учения у представителей буддийской сангхи, принадлежавших к школам, которых принято считать реформаторскими, дало основание Минаеву заключить, что в основе деления на никаи лежали не различия в подходе к буддийским догмам, а вопросы

²⁴ Там же. С. 61–62.

кастовой принадлежности. Он связывает укрепление позиций реформаторских школ и рост их рядов с развитием антикастового движения и деятельности, направленной против активизации христианских миссионеров, вербовавших своих приверженцев среди представителей низших каст. Минаев подчеркивает, что буддийские священнослужители выступали в защиту духовного мира буддистов, их традиционных ценностей и национальной культуры, видя основными своими соперниками христианских миссионеров. В этой связи он уделяет особое внимание изучению материалов дебатов между буддийскими монахами и представителями миссий. Об интересе Минаева к содержанию дискуссий между буддистами и христианами могут свидетельствовать, в частности, его переписка с миссионером С. Лонгденом и сообщение последнего о посылке ему памфлета «Дебаты в Панадуре» и статей по вопросам буддизма, а также его личные тесные контакты с Мигеттуватте Шри Гунананда Тхеро, представлявшим на дебатах буддийскую сторону. Панадурский дебат состоялся за год до приезда И.П. Минаева на Цейлон — в 1873 г. «Он (Гунананда. — А.С.) не старался убедить своих противников или разъяснить истину, — писал о диспуте Минаев, — ему нужно было подорвать в народе доверие к миссионерам, и этого он достиг вполне»²⁵.

Вторая поездка профессора Минаева в Северную и Северо-Западную Индию состоялась в 1880 г., третья — в 1885–1886 гг.²⁶

И.П. Минаев внес огромный вклад в становление российской буддологической школы, представленной именами выдающихся ученых Ф.И. Щербатского (1866–1942)²⁷, С.Ф. Ольденбурга (1863–1934)²⁸, О.О. Розенберга (1888–1919)²⁹, Е.Е. Обермиллера (1901–1935)³⁰.

Ф.И. Щербатской получил санскритологическое образование в Петербургском и Венском университетах. В Вене он стажировался у санскритолога Г. Бюлера, в Бонне работал совместно с немецким буддологом и санскритологом Г. Якоби. Деятельность Ф.И. Щербатского и его

²⁵ Там же. С. 57.

²⁶ Загородникова Т.Н. Начало изучения современной Индии в России. Минаев И.П. // Ориенталистика. 2018. № 1. С. 82–97. Маршрут поездок (Бомбей, Хайдарабад, Индор, Ратлам, Гвалиор, Раджпутана, Северо-Западные провинции, Пенджаб, Гуджарат и Барода) не связан с распространением буддизма в Индии.

²⁷ Щербатской Ф.И. Избранные труды по буддизму. М., 1988.

²⁸ Ольденбург С.Ф. Буддийские легенды и буддизм. СПб., 1895.

²⁹ Розенберг О.О. Труды по буддизму. М., 1991.

³⁰ Подробнее см.: Вигасин А.А. Изучение Индии в России (очерки и материалы). М., 2008.

Ф.И. Щербатской

школы — качественно новый этап в изучении философии буддизма и буддийской культуры, целая эпоха в мировой буддологии. Он активно участвует в создании «*Bibliotheca Buddhica*» — «Собрании оригинальных и переводных буддийских текстов».

Серия была основана в 1897 г. академиком С.Ф. Ольденбургом и получила всемирную известность. Сам С.Ф. Ольденбург в своей научной деятельности уделил особое внимание анализу буддийских легенд и их сопоставлению с буддийской канонической литературой, подчеркивая необходимость различать в буддийской культуре философские доктрины и массовое религиозное сознание. Его идеи отражены в работе «Буддийские легенды» (1895). Много лет С.Ф. Ольденбург посвятил исследованию индийского буддийского искусства, выступал с курсами лекций «Введение в историю индийского искусства». Эти лекции составили сборник его трудов под названием «Культура Индии».

Научные интересы Ф.И. Щербатского сосредоточивались на проблемах индийской философии и буддийской культуры в целом. Этому в значительной мере способствовало близкое соседство России со странами буддийского мира. «Через буддизм, — писал он, — Индия становится нашим соседом на всем протяжении нашей азиатской границы от Байкала до Нижней Волги»³¹.

³¹ Цит. по: Индийская культура и буддизм. Сборник статей памяти Ф.И. Щербатского. М., 1972. С. 17.

Свои занятия по буддийской философии Ф.И. Щербатской начал с изучения трактата индийской логики Дхармакирти, знаменитого буддийского философа VII в. Результаты своих исследований он изложил в капитальном двухтомном труде «Теория познания и логика по учению позднейших буддистов», впоследствии переведенном на французский и немецкий языки.

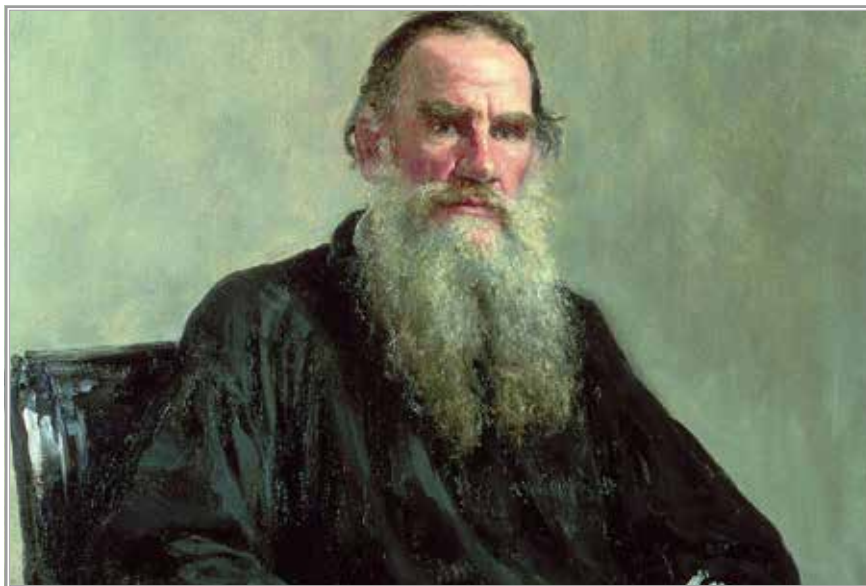
Имя Ф.И. Щербатского было популярным в Индии. Он посетил Варанаси (Бенарес), Махабалешвар, Бомбей, Калькутту, Дарджилинг и другие места. Большую часть времени он провел в Варанаси, центре традиционного образования, общаясь с пандитами, носителями духовной культуры Индии. В Варанаси он принимал участие в диспутах по различным вопросам таких учений, как ньяя, миманса, вайшешика. Во время своей поездки в Индию в 1909–1911 гг. он изучает индийскую философию и древние сохранившиеся тексты. «Целью моего путешествия в Индию, — писал он, — кроме общего знакомства со страной, было прежде всего разыскание остатков буддийской научной литературы»³². Для этого он совершает поездку в Дарджилинг для изучения ценных рукописей в буддийских монастырях и встречи с Далай-ламой, пребывавшим там в то время. Одновременно он занимается переводом труда Васубандху «Абхидхармакоша», одного из важнейших буддийских трактатов.

«...Ф.И. Щербатской высоко ценил складывавшуюся веками в Индии практику передачи и истолкования древних текстов. Он полагал, что живая традиция во многих отношениях полезнее для современного исследователя, нежели абстрактный критический метод, выработанный в Европе. ...Проблемы интерпретации текстов, а не их хронологии, оценка результатов духовного развития... — вот что казалось ему наиболее важным», — отмечает в своей книге проф. А.А. Вигасин, много лет посвятивший изучению жизни и творчества выдающихся представителей отечественной буддологии³³. Ф.И. Щербатской писал в своем отчете: «Жили мы в совершенно индийской обстановке, в местности, в которой не было ни одного европейца, где единственно разговорный язык был санскрит, проводя время с утра до вечера в философских диспутах, с двумя перерывами в месяц — в день новолуния и полнолуния»³⁴.

³² Там же. С. 18.

³³ Вигасин А.А. Изучение Индии в России... С. 239.

³⁴ Там же. С. 246.

Л.Н. Толстой. Худ. И.Е. Репин

Труд Ф.И. Щербатского «Концепция буддийской нирваны» («The Conception of Buddhist Nirvana», 1927) стал признанным шедевром мировой буддологии.

Ф.И. Щербатский был не только ученым-исследователем, но и блестящим педагогом, воспитавшим целую плеяду ученых, образовавших российскую буддологическую школу (прежде всего это Е.Е. Обермиллер и О.О. Розенберг). Большинство опубликованных работ Обермиллера написано по-английски. Это в основном переводы тибетских рукописей³⁵. Последние годы жизни он провел в Бурятии, занимаясь буддийской философией в Ацагатском дацане. О.О. Розенберг стал автором книги «Проблемы буддийской философии», опубликованной в Петрограде в 1918 г. Он показал наличие нескольких уровней в буддизме и отличие народного буддизма от философских интерпретаций.

Многие деятели науки и культуры внесли огромный вклад в развитие буддологии в России. Именно период конца XIX — начала XX в. характеризуется ярким взлетом художественного творчества, поиском новых идей и художественных форм их воплощения. Заметную роль в этом процессе сыграл буддизм. Буддизм повлиял на творчество Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.А. Бунина, буддийская образность и символика проявились в русской поэзии Серебряного века, прежде всего у символи-

³⁵ Будон Ринчендуб. История буддизма / Пер. с тибет. Е.Е. Обермиллера, с англ. — А.М. Донца. СПб., 1999.

стов (Д.С. Мережковский, Ф.К. Сологуб, В.Я. Брюсов, К.Д. Бальмонт, А.А. Блок, А. Белый, В.И. Иванов, М.А. Волошин), акмеистов (Н.С. Гумилев, О.Э. Мандельштам), футуристов (В.В. Хлебников). Анализ влияния буддизма на искусство России позволяет наиболее ярко представить то особое внимание, которое в это время было направлено на восточные культурные традиции³⁶.

В библиотеке Ясной Поляны хранится немало книг и журналов об Индии, включая известную работу немецкого востоковеда Г. Ольденберга «Будда, его жизнь, учение и община» (русский перевод А. Ачкасова); знаменитую поэму Эдвина Арнольда «Свет Азии». Л.Н. Толстой (1828–1910) специально выписывал журналы из Индии, вел переписку с Махатмой Ганди, основавшим учение о ненасилии, близкое принципам Толстого. В литературе о Толстом имеются указания на то, что он еще в молодые годы обратился к индийской философии и религии, упоминается, что он познакомился в 1847 г. в казанском госпитале с буддийским ламой и от него впервые узнал о сущности закона непротивления злу насилеи³⁷. В произведениях Толстого первое упоминание об учении Будды относится к 1879 г.: именно в «Исповеди», повествуя о своих духовных исканиях, Толстой привел наряду с суждениями других мыслителей и легенду о Будде, искавшем смысл жизни³⁸.

Большую роль в знакомстве Толстого с буддизмом сыграла его встреча в Туле 26 октября 1883 г. с выдающимся русским индологом И.П. Минаевым. Сохранились письма Минаева, в которых он рассказывает об их беседе о принципах индийской философии. Позднее, в 1888 г. Толстой прочитал присланный ему И.П. Минаевым обширный труд «Буддизм. Исследования и материалы» (т. I, вып. 1 и 2) и почерпнул из него много ценных для себя сведений³⁹. Толстой, увлеченный идеей издания популярных книг о великих основателях вероучений, в начале 1886 г. приступил к работе над очерком о Будде, впоследствии неоднократно возвращался к идее о создании популярной книги о буддизме. В 1905 г. вышел его краткий очерк о жизни Будды «Сиддхардха Гаутама, прозван-

³⁶ Подробнее см.: *Бернюкевич Т.В.* Буддизм в русской литературе конца XX — начала XX века: идеи и реминисценции. М., 2018.

³⁷ *Серебряный С.Д.* Лев Толстой и буддизм // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2007. № 1. С. 18–30.

³⁸ *Толстой Л.Н.* Исповедь // *Толстой Л.Н.* Избранные сочинения. В 3 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1989.

³⁹ *Александрова О. И.П. Минаев и Л.Н. Толстой* // Русская литература. 1960. № 3. С. 201–203.

И.А. Бунин

ный Буддой», который заинтересовал многих современников писателя, в 1908 г. он переработал его для второго издания. Позднее он включил в свои сборники для чтения изречения из сборника буддийской этики «Дхаммапада». Идеи буддийской философии нашли отражение как в художественных произведениях, так и философских работах писателя.

Рубеж XIX–XX вв. в России ознаменовался пробуждением интереса у русских писателей к теме Востока — духовными поисками, изысканием принципиально новых идей в литературе и художественных форм их воплощения. В это время в России издается множество научных трудов по истории, религии и культуре Востока, выходят в свет оригинальные произведения древнеиндийской литературы и канонические книги буддизма. Одна из них, «Сутта-Нипата», древнейшая часть буддийского канона, оказала непосредственное влияние на И.П. Бунина (1870–1953), который был заморожен ее русскоязычным переводом⁴⁰. Обращение Бунина к буддизму во многом было обусловлено увлечением толстовством и Толстым⁴¹.

Ценную роль в формировании взглядов писателя сыграли его путешествия. После цейлонской поездки, которая длилась с середины де-

⁴⁰ Заглавие переводного издания, которое, очевидно, было у Бунина, звучит так: «Сутта-Нипата. Сборник бесед и поучений. Буддийская каноническая книга, переведенная с языка пали доктором Фаусбеллем. Русский перевод и предисловие Н.И. Герасимова».

⁴¹ Бунин И.А. Освобождение Толстого // Бунин И.А. Собр. соч. В 9 т. Т. 9. М., 1967.

кабря 1910 г. до середины апреля 1911 г., Бунин, увлеченный буддийской культурой, пишет рассказы «Братья», «Ночь отречения», «Готами», «Соотечественник», «Воды многие» и др.⁴² Незабываемое впечатление на Бунина произвело посещение Анурадхапуры — руин древней столицы Ланки. Эта сингальская «поэма в камне» вдохновила Бунина на написание рассказа «Город Царя Царей». Бунин читал научную литературу, изучал быт, нравы и религию народов Южной Азии.

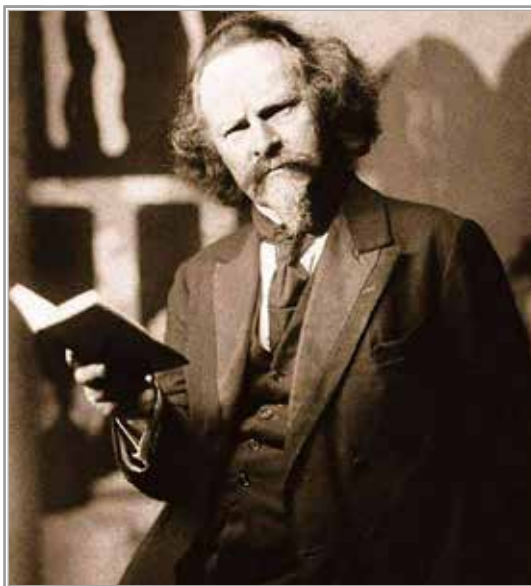
Остров Цейлон опозитизирован И.А. Буниным, утверждавшим, что «только в океане, под новыми и чуждыми нам звездами, среди величия тропических гроз, ...на Цейлоне, где в черные знойные ночи, в горячем мраке, чувствуешь, как тает, растворяется человек в этой черноте, в звуках, в запахах, в этом страшном Все-едином, — только там понимаем в слабой мере, что значит эта наша Личность...»⁴³, описавшим, как «в пестроте лесов, в их тени и лаковом блеске сладко и тяжело пахнут в оградах старых буддийских вихар, крытых черепицей, сливочные цветы безлиственного жертвенного дерева, похожие на маленькие туберозы», а «в далекой лесной кумирне, перед лампадой, чуть мерцающей на черном жертвеннике, облитом кокосовым маслом, усыпанном рисом и увядшими цветочными лепестками... покоится Возвышенный, гигант из сандалового дерева, с широким позолоченным лицом и длинными косыми глазами из сапфира, с улыбкой мирной грусти на тонких губах»⁴⁴.

Другим известным русским литератором, посетившим Индию и Цейлон, был К.Д. Бальмонт (1867–1942). С письменными памятниками индийской культуры Бальмонт впервые познакомился в 1897 г., когда читал лекции по русской литературе в Оксфорде и встретился с Максом Мюллером, выдающимся санскритологом, индологом, организатором всемирно известной серии «Священные книги Востока». В Англии Бальмонт начал увлекаться теософией, прочитав книгу Е.П. Блаватской «Голос Безмолвия» («The Voice of the Silence»), в которой был широко представлен индийский материал, в том числе буддийские тексты. Стихотворение «Маяя» и другие, в которых слышны мотивы индийских религий и философии Востока, а также стихи на индийские сюжеты («Индийский мотив», «Индийский мудрец», «Паук») были объединены

⁴² Берньюкевич Т.В. Буддизм в русской литературе конца XX — начала XX века... М., 2018. С. 33–52.

⁴³ Бунин И.А. Избранные сочинения. М., 1984. С. 48–49.

⁴⁴ Там же. С. 51.

К.Д. Бальмонт

в специальный цикл под названием «Индийские травы». Во Франции Бальмонт знакомится с выдающимся французским индологом Сильвэном Леви, автором известных трудов по религии и культуре Индии. Под его влиянием Бальмонт интенсивно работал над переводом «Жизни Будды» Ашвагхоши⁴⁵. После работы над поэмой Бальмонт приступает к переводу других индийских сочинений⁴⁶.

Константин Бальмонт отправляется в путешествие на Цейлон и в Индию 1 февраля 1912 г., посещает Коломбо, затем древнюю столицу «жемчужного Цейлона», «священный город буддизма» — Анурадхапуру. На Цейлоне поэт знакомится с буддийской скульптурой, осматривает грандиозные буддийские ступы, изучает легенды о Будде. В Индии Бальмонт посещает Бенарес, Бомбей, Дели⁴⁷. Как известно, в своем путешествии он особое значение придавал посещению мест, связанных с буддизмом. В стихотворениях этого цикла поэт обращается к образу Будды. В стихотворении «Будда» Бальмонт рисует яркий

⁴⁵ *Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драммы. М.: Художественная литература, 1990.*

⁴⁶ *Бонгард-Левин Г.М. Свет мой, Индия, святыня // Русская мысль. СПб.: Алетейя, 2002. С. 44–61; Бонгард-Левин Г. Индийская культура в творчестве К.Д. Бальмонта // Жизнь Будды / Ашвагхоша. Драммы / Калидаса. М., 1990. С. 23–25.*

⁴⁷ *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Кругосветное путешествие К.Д. Бальмонта 1912 года и его поэтическое «эхо» в книге «Белый Зодчий» // Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер.: Филология. Иваново, 2003. Вып. 1. С. 17–29.*

образ «Просветленного», с которым связывает ощущение Безбрежности, Вечности, Высоты. Его волнует тема духовного сходства и различия Индии и России, которая с середины XIX в. стала постоянной в русской науке и культуре. Бальмонт выступает с публичными лекциями об Индии и буддийских традициях в Москве, Екатеринбурге, Хабаровске и других городах, читает циклы индийских стихов («Индийские травы»).

Знакомство с древними культурами часто происходило через распространившиеся на рубеже веков работы европейских и российских философов, через теософские произведения, среди которых особым влиянием пользовались книги Е.П. Блаватской и Р. Штайнера, соединявшие мистику, эзотерическую практику с философией, психологией, широким использованием буддийских текстов. В интеллектуальных кругах Петербурга и Москвы возникла своеобразная «мода» на «буддийскую тему». Индийскими классическими сочинениями увлекались Вяч. Иванов и особенно Андрей Белый, подчеркивавший связь символизма с индийскими религиозно-философскими системами. Итогом изучения буддизма Д.С. Мережковским были его статьи «Нирвана» и «Будда», ставшие популярными среди его современников. Н.С. Гумилев в 1920 г. работал над созданием пьесы «Жизнь Будды» в соавторстве с академиком С.Ф. Ольденбургом на основе его конспекта лекции «Жизнь Будды»⁴⁸. И.Ф. Анненский, изучавший в студенческие годы санскрит под руководством И.П. Минаева, написал известное стихотворение «Буддийская месса в Париже», вошедшее в сборник «Кипарисовый ларец» (1910), породившее дискуссию о реальности проведения буддийской службы в Музее восточных культур Э. Гимэ или ее фантазийности⁴⁹.

Духовные поиски коснулись и представителей музыкальной культуры и художественного творчества. Поэты-символисты во главе с Вяч. Ивановым видели в А.Н. Скрябине (1872–1915) композитора, способного воплотить в музыке их эстетические идеалы. Как и Бальмонт, Скрябин был поклонником индийской культуры, интересовался древнеиндийскими теориями музыкального и поэтического искусства. Его эксперименты со светомузыкой тесно связаны с представлениями о единстве звука и цвета в практике произнесения буддийских

⁴⁸ Подробнее см.: Мещерина Е.Г. Эстетика Древнего Востока. Китай. Индия. Япония. Буддизм и искусство XX века. М., 2017.

⁴⁹ Подробнее см.: Бернюкевич Т.В. Буддизм в русской литературе... С. 120–129.

мантр, где каждый звук соотносится с определенным цветом в палитре красок⁵⁰.

Буддийские образы стали одной из главных тем художественных полотен знаменитого русского художника Н.К. Рериха (1874–1947), воплотившего в своем творчестве образ Будды Майтрейи⁵¹. Тибет занимал центральное место в его творчестве и размышлениях на протяжении всей его жизни, этот интерес был воплощен в организации Центрально-Азиатской экспедиции 1923–1928 гг. и последующем создании Института гималайских исследований «Урусвати» в долине Кулу (Индия), где он и завершил свой жизненный путь.

Обращение к буддизму в российском обществе в середине XIX — начале XX в. показывает, что он воспринимался не только как религиозное учение конкретных групп его адептов, проживающих на территории Южной Азии, но и имел звучание вне религиозного контекста: как единая историко-культурная основа индийской цивилизации, как стимул к философским размышлениям, как источник творческого вдохновения.

⁵⁰ Бальмонт К. Светозвук в природе и световая симфония Скрябина. М., 1917. С. 13–15.

⁵¹ См.: Лукашов А.М. Николай Рерих. М., 2001.

REFERENCES

1. *Aleksandrova O. I.P. Minaev i L.N. Tolstoy // Russkaya literatura. 1960. № 3. S. 201–203.*
2. *Ashvaghosha. Zhizn` Buddhy`. Kalidasa. Dramy` / Per. K. Bal`monta. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 576 s.*
3. *Bal`mont K. Svetozvuk v prirode i svetovaya simfoniya Skryabina. M.: Rossiyskoe muzi`kal`noe izdatel`stvo, 1917. 24 s.*
4. *Bernukevitch T.V. Buddhizm v russkoy literature kontsa XIX – nachala XX veka: idei i reministsentsii. M.: Nestor-Istoriya, 2018. 167 s.*
5. *Bongard-Levin G.M. Svet moy, Indiya, svyaty`nya // Russkaya my`sl`. SPb.: Aleteyya, 2002. S. 44–61.*
6. *Budon Rinchendub. Istoriya buddhizma / Per. s tib. Ye.Ye. Obermillera, s angl. A.M. Dontsa. SPb.: Yevraziya, 1999. 335 s.*
7. *Bunin I.A. Izbranny`e sochineniya. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1984. 544 s.*
8. *Bunin I.A. Osvobozhdenie Tolstogo // Bunin I.A. Sobr. soch. V 9 t. T. 9. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1967. 408 s.*
9. *Vigasin A.A. Izuchenie Indii v Rossii (ocherki i materialy`) M.: Izdatel` Stepanenko, 2008. 544 s.*
10. *Gorokhov D.B. Buddhizm i khristianstvo. Kiev: Tip. Akts. ob-va «Petr Barskiy v Kieve», 1914. 464 s.*
11. *Gusev A.F. Nravstvenny`i ideal buddhizma v yego otnoshenii k khristianstvu. SPb.: Tip. Popovitskogo, 1874. 285 s.*
12. *Yermakova T.V. Buddhiyskiy mir glazami rossiyskih issledovateley XX – pervoy trety XX v. SPb.: Nauka, 1998. 344 s.*
13. *Zhitenev T.Ye. Buddhizm v Rossii: vehi istorii // <https://cyberleninka.ru>. Data obrashcheniya: 06.05.2020.*
14. *Zagorodnikova T.N. Nachalo izucheniya sovremennoy Indii v Rossii. Minaev I.P. // Orientalistika. 2018. № 1. S. 82–97.*
15. *Indiyskaya kul`tura i buddhizm. Sbornik statey pamyati F.I. Shcherbatskogo. M.: Nauka, 1972. 279 s.*
16. *Kozhevnikov V.A. Buddhizm v sravnenii s khristianstvom. Pg.: Tip. M. Merkusheva, 1916. 633 s.*

17. *Krasnov A.N.* Indiya i Tseylon. SPb.: O.N. Popova, 1900. 102 s.
18. *Kupriyanovskiy P.V., Molchanova N.A.* Krugosvetnoe puteshestvie K.D. Bal`monta 1912 goda i yego poeticheskoe «eho» v knige «Bely` Zodchyi» // Vestnik Ivanovskogo Gos. un-ta. Ser. Filologiya. Ivanovo, 2003. Vy`p. 1. S. 17–29.
19. *Lesevich V.* Noveyshie dvizheniya v buddhizme, podderzhivaemy`e i rasprostranyaemy`e yevropeytsami // Russkaya my`sly. 1887. № 8. S. 15–19.
20. *Lukashov A.M.* Nikolay Rerikh. M.: Trilistnik, 2001. 24 s.
21. *Mervart A.M., Mervart L.A.* V glushi Tseylona. M.: Nauka, 1998. 376 s.
22. *Meshcherina Ye.G.* Estetika Drevnego Vostoka. Kitay. Indiya. Yaponiya. Buddhim i iskusstvo XX veka M.: Kanon+, 2017. 352 s.
23. *Minayev I.P.* Ocherki Tseylona i Indii. Iz putevy`h zametok russkogo. SPb.: L.F. Pantelev, 1878. 239 s.
24. *Minayev I.P.* Buddhim: Issledovaniya i materialy`. T. I. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1887. 280 p.
25. *Ol`denburg S.F.* Buddhiyskie legendy i buddhim. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1895. 140 s.
26. *Osten-Saken F.R.* Zametki o Tseylone. SPb.: Tip. Imp. Akad. nauk, 1866. 123 s.
27. *Rozenberg O.O.* Trudy` po buddhizmu. M.: Nauka, 1991. 295 s.
28. Russkiye na Tseylone v XIX — nachale XX v. Sbornik arkhivny`h dokumentov i materialov / Sost., avt. predisl. i prim. T.N. Zagorodnikova. M.: Institut vostokovedeniya RAN, 2010. 283 s.
29. *Salty`kov A.D.* Pis`ma ob Indii. M.: Nauka, 1985. 176 s.
30. *Safronova Ye.S.* Buddhim v Rossii. M.: Izdatel`stvo RAGS, 1998. 172 s.
31. *Serebryanyi S.D.* Lev Tolstoy i buddhim // Gumanitany`e issledovaniya Vnutrenney Azii. 2007. № 1. S. 18–30.
32. Sutta-Nipata. Sbornik besed i pouchenyi. Buddhiyskaya kanonicheskaya kniga / Per. s pali na angl. dr-a Fausbella; per. s angl. N.I. Gerasimova. M.: Izd. T-va A.A. Levinsona, 1899. 159 s.
33. *Tolstoy L.N.* Ispoved` // *Tolstoy L.N.* Izbranny`e sochineniya. V 3 t. T. 3. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. 671 s.
34. *Tompakova O.M.* Skryabin i poety` Serebryanogo veka. M.: Muzy`ka, 1995. 38 s.
35. *Torchinov E.A.* Lektsiya 10. Ocherk istorii izucheniya buddhizma v Rossii i za rubezhom // Vvedenie v buddhologiyu: kurs lektsiy. SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshchestvo, 2000 S. 208–228 // <http://anthropology.ru>. Data obrashcheniya: 06.06.2020.

36. *Shveitser A.* «Mirovozzreniye indiyских my`sliteley. Mistika i etika». М.: Aleteyya, 2002. 287 s.
37. *Shcherbatova O.A.* Po Indii i Tseylonu Moi putevy`e zametki. SPb.: Tipolit. t-va I.N. Kushnerev i K, 1898. 571 s.
38. *Shcherbatskoy F.I.* Izbranny`e trudy` po buddizmu. М.: Nauka, 1988. 425 s.
39. *Abir D.C.* Buddhism in Modern India. Nagpur: Sri Satguru Publications, 1972. 201 c.
40. *Bapat P.V.* 2500 Years of Buddhism. Calcutta: Government of India, 1976. 552 c.

Ключевые слова:

буддизм, буддология, индология, Южная Азия, индийская цивилизация.

Alexandra L. Safronova

THE BUDDHIST WORLD OF SOUTH ASIA IN RUSSIAN ACADEMIC AND CULTURAL TRADITION OF THE 19th — EARLY 20th CENTURIES

The article deals with the issues of intercivilizational cultural contacts and the specifics of the perception of different traditional values by Russian academicians and cultural figures of the 19th — early 20th century. Interest in Buddhism and the culture of India and neighboring countries has always been characteristic of the Russian enlightened society.

The article reveals the contribution of Russian philosophers who analyzed the ideological problems of Buddhism — V. Solovyov, S.N. Bulgakov, N.A. Berdyaev, representatives of Eurasianism N.S. Trubetskoy and G.V. Florovsky. Special attention is paid to the legacy of such Russian academicians as I.P. Minaev, F.I. Shcherbatskoy, S.F. Oldenburg, O.O. Rosenberg, E.E. Obermiller, who became the pride of Russian Buddhist and Oriental studies in general.

The article shows how Buddhism influenced the works of L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov, I.A. Bunin, how Buddhist imagery and symbolism manifested in Russian poetry of the Silver Age, primarily among symbolists (D.S. Merezhkovsky, F.K. Sologub, V.Y. Bryusov, K.D. Balmont, A.A. Blok, A. Bely, V.I. Ivanov, M.A. Voloshin), acmeists (N.S. Gumilev, O.E. Mandelstam), futurists (V.V. Khlebnikov). Spiritual pursue touched both representatives of musical culture (A.N. Scriabin) and artistic creativity (N.K. Roerich). The analysis of the influence of Buddhism on the art of Russia allows us to present the special attention that was focused on Eastern cultures at that time.

Key words: Buddhism, Buddhist Studies, Indian Studies, South Asia, Indian Civilization.

Alexandra L. Safronova — D.Sc. (History), Head of the Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

Александра Львовна Сафронова

профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой
истории Южной Азии, Институт стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова (ИСАА МГУ)

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.011

Р.М. Валеев, Р.З. Валеева, Д.Е. Мартынов

НАУЧНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ КАЗАНСКИХ ВОСТОКОВЕДОВ В АЗИАТСКУЮ РОССИЮ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ВОСТОК (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Изучение феномена путешествия и экспедиции на Восток и их типологии имеют огромное значение для оценки направлений и итогов развития практического (военного, дипломатического), академического и университетского востоковедения XIX–XX вв. Можно выделить несколько

взаимосвязанных типов научных путешествий и экспедиций, выполнявших торгово-экономические, военно-политико-дипломатические, научно-исследовательские и образовательные, религиозно-просветительские задачи и цели.

Геополитические, социокультурные и научно-образовательные цели и факторы влияли на феномен востоковедческих путешествий и формирования оригинального пласта источников-травелогов (книги и дневники путешествий, путевые записи и заметки, письменные тексты, описывающие быт, культуру, историю народов Русского Востока и зарубежного Востока). Служение идее целевой востоковедческой подготовки в период путешествия, научно-исследовательской, просветительской деятельности и гуманистические ценности — значимые составляющие путешественников из Казанского университета и других институциональных центров. Также заметны другие профессиональные, культур-

ные и этнонациональные факторы развития путешествий на арабo-мусульманский Восток и в Центральную Азию. В целом путешествия и экспедиции стали важным фактором развития востоковедения и социокультурного прорыва на восток Российской империи и зарубежный Восток. Университетские программы и инструкции путешествий на Восток и особенно периоды образовательной (изучение восточных языков и др.) и разнообразной исследовательской деятельности путешественников сформировали гуманистическую парадигму и культурную цель.

Востоковедение в Казани и России: центры, востоковеды и наследие

Историко-культурным и образовательным символом является начало преподавания татарского языка в Первой Казанской гимназии в 1769 г., которая на начальном этапе создания была частью Московского университета. Это событие органично вплетено в историю российского и зарубежного востоковедения и является особенной неотъемлемой составляющей цивилизационного и культурного взаимодействия России–Востока–Запада Нового и Новейшего времени. Преподавание языков народов России и различных языков зарубежного Востока в общеобразовательных школах и университетах отвечало запросам и интересам государства и общества. Комплексные и планомерные исследования истории, этнографии, материальной и письменной культуры народов древнего и современного Востока формировали перспективную шкалу национальных интересов, приоритетные материальные и духовные ориентиры многонационального Российского государства и общества. Востоковедение в России сыграло важную роль в развитии таких значимых составляющих национальной идеи, как сохранение языка и культур народов и этносов; прав личности; развитие геополитических, политических, экономических, культурных и интеллектуальных интересов; поиск своего места в мировой цивилизации. Это гуманитарное направление обеспечивало усиление позитивных процессов в национальном сознании, раскрывало историко-культурные устремления и в целом историческую мечту многих народов России и Востока.

Поволжье и Приуралье, и прежде всего, крупный экономический, политический и культурный центр — Казань, на протяжении многих веков играли ведущую роль в военно-политическом и историко-культурном взаимодействии России со странами и народами Востока. Эти

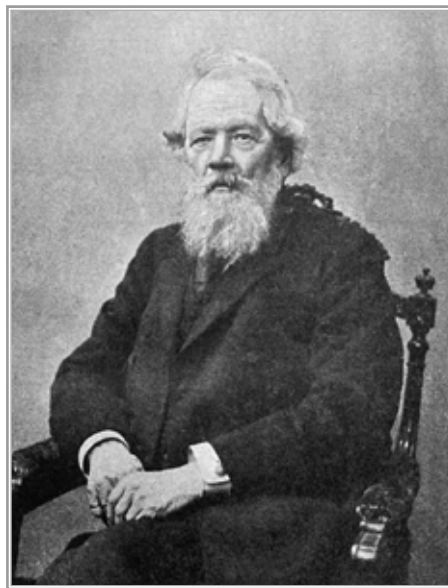
геополитический и культурный факторы стали основополагающими в формировании и развитии востоковедения в Казанском университете.

В XVI–XIX вв. регионы и народы Востока постепенно входили в состав формирующейся Российской империи (Волго-Уральский регион, Сибирь, Крым, Дальний Восток, Кавказ, Центральная Азия), и эти сложные процессы вхождения народов и этносов с различными религиями и культурами ставили задачи изучения и познания друг друга. Казанский университет в XIX — начале XX в. и другие российские академические и университетские центры играли ведущую роль в формировании объективных представлений и знаний об истории и культуре народов Востока.

Университетские путешествия из Казани на Русский Восток и в зарубежную Азию в первой половине XIX в. становились органичной составляющей российских центров востоковедения и базой формирования уникальных научно-исследовательских и образовательных институтов, в которых велись исследования классических и современных проблем и реализации образовательных программ.

В декабре 1829 г. известный монголовед и тибетолог академик Я.И. Шмидт в своей инструкции на немецком языке «...для отправляемых в Китай путешественников по части восточного языкоучения, истории и литературы», посвященной членам 11-й Российской православной духовной миссии в Пекине, писал: «Не говоря уже о политических видах, которые сами по себе, по причине географического положения России и близкого ее соприкосновения с большею частию важнейших восточных государств, требуют точнейшего познания сих стран, обитающих в оных народов, их нравов, обычаев и религии, равно как и древней и новой истории, и литературы, и в особенности разных употребляемых ими языков, — не говоря уже об этом, самая жажда новых открытий на сем обширном и плодоносном поле, содержащем столь много нового, полезного и любопытного, должны бы воспламенить ревность российского юноши и возбудить в нем живейшее усердие воспользоваться сим ближайшим и удобнейшим случаем, чтобы на сем достославном пути высветить блеск и славу своего отечества и в то же время уготовить и собственному своему имени почетное место наряду с именами славных мужей учености вообще и восточной литературы в особенности»¹.

¹ Додеус М.Н. «Инструкция для отправляемых в Китай путешественников по части восточного языкоучения, истории и литературы» Я.И. Шмидта как памятник эпохи // Письменные памятники Востока. 2023. Т. 20. № 2 (вып. 53). С. 101.

Василий Павлович Васильев

Российская ориенталистика способствовала установлению тесной связи и взаимодействия российского общества с Азиатским миром, углублению государственных и культурных взаимодействий с Русским Востоком и зарубежным Востоком. Разнообразный востоковедный, страноведческий и историко-культурный материал, формируемый в российском государственном и общественном сознании, также постановка проблемы «Россия–Восток–Запад» оказывали существенное влияние на традиционное теологическое, историко-философское осмысление судьбы и миссии России в истории и культуре человеческой цивилизации Востока.

В наследии российского востоковедения в формировании объективных научных и гуманистических знаний об истории и культуре народов Востока и признании его исторического и культурного разнообразия важную миссию выполняли научные путешествия, в том числе из императорского Казанского университета в 1807–1854 гг. до перевода его восточного разряда и создания Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

Историко-культурное пространство Волго-Уральского региона с его ведущими политическими и культурными центрами — Казанью и Казанским университетом и, в частности, путешествия на Восток сыграли важную роль в цивилизационном взаимодействии России–Востока–Запада.

На рубеже реорганизации в 1855 г. один из официальных документов Казанского университета сообщал: «Главную и существенную по-

требность края, для которого Казань служит средоточием, составляют мусульманские языки: в этом случае восточный факультет при Казанском университете как относительно своих преподавателей, так относительно и воспитанников и учебных пособий вполне удовлетворяет всем требованиям, распространяя вместе с практическим знанием мусульманских языков основательное и верное знакомство с историей и настоящим положением мусульманского Востока...»²

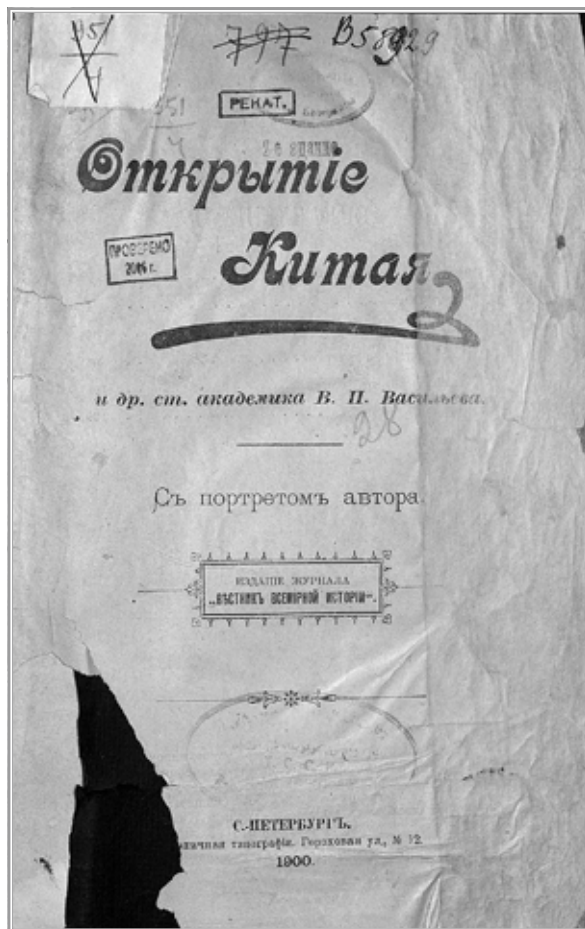
Первая половина — середина XIX в. была временем, когда востоковедение в России и Европе выделилось в самостоятельные дисциплины и науку. Это произошло благодаря формированию и развитию востоковедения в России — преподавание, знание и изучение восточных языков, сбор и исследование восточных рукописей, грамматическое и лексикографическое изучение языков народов Азии, сравнительное языкознание, научные путешествия, комплекс филологических и культуроведческих методик, создание каталогов восточных рукописей и книг и т.д.

Один из первых историков отечественного востоковедения А. Рихтер отмечал, что «могущество России в Азии должно поощрять сынов ее более, нежели других европейцев, к приобретению сведений о произведениях сей обширной страны и населяющих оную народах». И далее он писал: «Но между тем, как наши познания об Азии непрестанно увеличиваются, история и словесность восточных народов не вдохнули еще в нас охоты к познанию сих предметов любопытных и богатых»³. В его публикации пристальное внимание обращалось на важные и примечательные факты «изучения восточных языков и словесности» — роли путешествий на Восток, о деятельности Пекинской духовной миссии, классах восточных языков в гимназиях, основании Лазаревского института и кафедр восточных языков в университетах, собирании восточных рукописей и книг, пособиях и грамматиках азиатских языков, преподавательской и научной деятельности отечественных востоковедов и т.д.

Казанское востоковедение претерпело крупные учебные и научно-организационные изменения, особенно на первом этапе институционального развития, т.е. в первой половине XIX в. В результате масштабных правительственных и внутриуниверситетских мероприятий к середине XIX в. разряд восточной словесности стал очагом университетского востоковедения в России и Европе. Востоковедение в университете

² Государственный архив Республики Татарстан (далее — ГА РТ). Ф. 92. Оп. 1. Д. 6902. Л. 57.

³ А.Р. (Рихтер А.Ф.). О состоянии восточной словесности в России // Азиатский вестник. 1825. Кн. 7–12. С. 81–82.

Обложка работы академика В.П. Васильева «Открытие Китая». 1900 г.

приобретает официальный дисциплинарный статус благодаря первому уставу императорского Казанского университета, который определил на отделении словесных наук штатную должность профессора восточных языков. Историк университета Н.П. Загоскин в начале XX в., выделяя характерную особенность структур, отмечал, что «...на отделении словесных наук положена — ввиду исключительного положения Казанского университета — самостоятельная кафедра восточных языков»⁴.

Востоковедение в Казанском университете приобретает самостоятельный дисциплинарный статус и становится значимой областью научного знания, просветительства и гуманизма. В середине XIX в. выделяется предметная, методологическая и методическая, а также институциональная обособленность востоковедного направления от других

⁴ Загоскин Н.П. История императорского Казанского университета. Казань, 1902. Т. 1. С. 11.

гуманитарных наук в российских университетах. Формируются устойчивое профессиональное, компетентное сообщество ориенталистов и коммуникативная среда обучения, воспитания и профессионального общения.

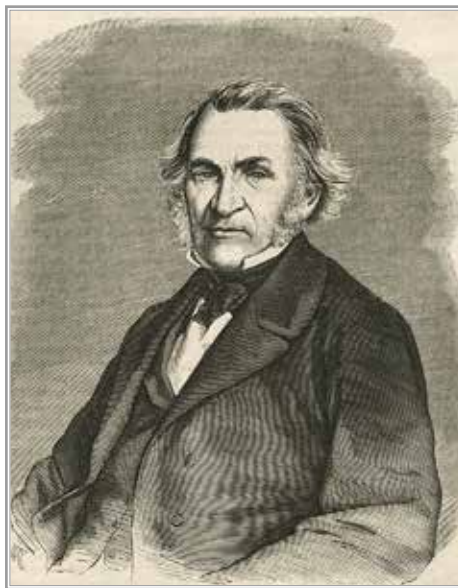
Развиваются характерная и устойчивая взаимосвязь между региональными направлениями и дисциплинами (тюркология, арабистика, синология и др.), особые образовательные и исследовательские институты (разряд восточной словесности, кафедра восточной словесности и т.д.), социальный тип преподавателей и ученых — востоковедов. Университетская ориенталистика формируется как определенный образовательный, исследовательский, просветительский и в целом как историко-научный и социальный феномен. В основе университетской ориенталистики развиваются комплексные программы и дисциплины, издаются учебно-методическая и научная литература, создаются общества, организуются научные экспедиции и путешествия, связанные с Азией/Востоком. В первой половине XIX в. Казань и особенно университет становятся одним из центров по организации изучения восточных языков и в целом Востока в России и Европе. Один из основоположников казанского университетского востоковедения — О.М. Ковалевский — в «Кратком обозрении хода и успехов преподавания азиатских языков при Казанском университете» отмечал, что Казань «в последнее десятилетие... после столицы приобрела известность как рассадник азиатской учености»⁵.

Развитие новой институциональной модели востоковедения в университете и в целом в Казани было связано с направлением исследования письменных памятников как историко-культурных источников — поиск, издание и перевод оригинальных текстов; изучение и публикация отдельных памятников и извлечений из разных исторических и литературных источников; описание и каталогизация рукописей и книг и в целом источниковедческая систематизация рукописной и книжной коллекции народов Востока⁶. Эти направления формировались благодаря командировкам и путешествиям выпускников и преподавателей университета.

В 1840 г. журнал «Отечественные записки» так описывал данный феномен: «Всем известно, что восточное отделение философского факультета в Казани есть не только первое между русскими учебными за-

⁵ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5357. Л. 34.

⁶ Бартольд В.В. Сочинения. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977; История отечественного востоковедения до середины XIX в. М., 1990; История отечественного востоковедения с середины XIX в. до 1917 г. М., 1997; и др.

Осип Михайлович Ковалевский. Гравюра с фотографии, 1864 г.

ведениями, но даже занимает одно из почетных мест в кругу подобных заведений и ученых азиатских обществ всей Европы. Взгляните на страницы парижского и лондонского “Азиатских журналов” — там увидите, как думают в Европе о казанских ориенталистах, богатых своими знаниями, но издающих свои дельные сочинения без шума, без неистовых возгласов, которыми иные — прочие хотят поддержать свои сочинения по части Востока»⁷.

Целая эпоха в преподавании арабо-мусульманских языков и развитии востоковедения в России, в том числе в Казанском университете, связана с педагогической и научной деятельностью профессора Х.Д. Френа (Christian Martin Joachim Frähn) (1782–1851).

Ученик профессора Х.Д. Френа и первый казанский кандидат восточной словесности (1813 г.) Я.О. Ярцов (1792–1861) 19 мая 1816 г. успешно защитил магистерскую диссертацию «О восточных словах, находящихся в русском языке»⁸, а уже 25 мая 1816 г. был утвержден в степени магистра восточной словесности.

Начало летописи научных путешествий из стен Казанского университета связано с фигурой Я.О. Ярцова и стало одной из первых университетских научных командировок его выпускников на мусульманский Восток. С января 1817 г. по январь 1818 г. Ярцов находился в составе рос-

⁷ Отечественные записки. 1840. Т. 9. Отд. Смесь. С. 16.

⁸ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 11. Л. 11.

Христиан Данилович Френ. *Неизвестный художник*

сийского посольства в Иране на должности канцелярского чиновника⁹. В переписке между попечителем Казанского учебного округа и Министерством народного просвещения 29 декабря 1816 г. отмечалось, что, «пробыв некоторое время в Персии, он может совершенствоваться в восточных языках и заменить со временем профессора Френа, который собирается оставить Россию, и чрез сие Казанский университет лишится знаменитого и известного в Европе ученого мужа»¹⁰. По итогам данной поездки Я.О. Ярцов представил в Совет университета «Краткий журнал путешествия в Персию», «Дневные записки, веденные во время переезда от Тифлиса до Астрахани» и «Рассуждение о религии персиян». Магистр даже был награжден шахом знаком ордена Льва и Солнца второй степени за успехи в изучении фарси¹¹.

В представлении университетским отделением словесных наук Я.О. Ярцова к званию адъюнкта от 14 мая 1818 г. отмечалось, что он «оказал отличные успехи в языках восточных и по отбытии из университета проф. Френа остался единственным чиновником, который с пользою для дела и к чести самого университета, как бывший воспитанник оногo, может занять место проф. Френа»¹².

⁹ ГА РТ. Ф. 92. Оп. Д. 822. Л. 1.

¹⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 39. Д. 192. Л. 3.

¹¹ Там же. Л. 17.

¹² ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 3. Л. 2.

Михаил Николаевич Мусин-Пушкин. *Неизвестный художник*

Переезд Ярцова со своим учителем Х.Д. Френом в Санкт-Петербург не позволил ему продолжить учебную и научную деятельность в Казанском университете. С утверждения в декабре 1818 г. Я.О. Ярцова в звании адъюнкта восточных языков Академии наук начался его петербургский период востоковедческой деятельности. В Академии наук Ярцов стал «первым русским адъюнктом по тюркским языкам»¹³. Ученый оставил заметный след в истории российского востоковедения XIX в.

Наиболее плодотворным этапом в развитии модели разряда восточной словесности в казанском университетском востоковедении и организации комплексных путешествий стали 1827–1854 гг., особенно связанные с деятельностью в Казанском учебном округе М.Н. Мусина-Пушкина и «великого строителя» ректора университета (1827–1845 гг.) Н.И. Лобачевского (1792–1856).

В декабре 1827 г. попечитель учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин, обосновывая «умножение» кафедр в университете, представленное в Министерство народного просвещения, считал эти перемены «первым началом учреждения при университете Восточного института, столь полезного для образования молодых людей, могущих быть употребленными в постоянных торговых и политических сношениях России с го-

¹³ Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 403.

сударствами восточными и отправленными путешествовать на Восток для узнания нравов, обычаев, законов и проч. народов, там обитающих и России столь мало известных»¹⁴.

В официальной идеологии и практике централизованного имперского государства в XIX — начале XX в. особо выделялось возрастание интереса к Востоку и развитию востоковедения. Формирование университетского востоковедения было тесно связано с развитием имперской восточной политики, расширением военно-политических контактов России и Азии, и наследие Востока активно входило в университетские программы и сообщество. Культ античности и официальный статус антиковедения, столь характерный для отечественных университетов, дополнялся образом Востока, ориенталистики и ориентализма на протяжении XIX в. В эпоху Петра I в парадигму государства и общества входили идеи о том, что Россия становится центром просвещения в Европе, что она уже отделяется от Азии. На рубеже XIX–XX вв. официальная идеология и российское просвещение и особенно университеты стремились изучить и осмыслить не только романтический, но и реальный Восток. В идеологии и деятельности университетского просвещения и сообщества Восток приобретал статус колыбели мировой науки, философии и религии. История восточных народов определяется в качестве важного звена в истории мировой цивилизации, и познание восточной словесности сыграет ключевую роль в просвещении и культуре России¹⁵.

Официальная программа формирования и развития университетского востоковедения в Казани была изложена попечителем учебного округа М.Н. Мусиным-Пушкиным 14 апреля 1833 г. в письме в Министерство народного просвещения. Выделяя общественный интерес к Востоку и трудности, оценивая состояние востоковедения в университете, он писал, что студенты «многие изъявляют желание обучаться восточным языкам, и многие из них с значительным успехом занимаются оными. Но трехлетнего академического курса при многообразности предметов, в оный входящих, недостаточно для усовершенствования в восточных языках. Сверх того, казеннокоштные студенты, занимавшиеся прилежно восточными языками, при окончании курса определяются наравне с прочими в старшие учителя гимназии. И так все их труды, все их успехи, все их познания в языках восточных оста-

¹⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 5 об.

¹⁵ Уваров С.С. Речь президента (имп.) Академии наук, попечителя С.-Петербургского учебного округа на торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 г. СПб., 1818. С. 3–5; 6–11.

ются совершенно бесполезными как собственно для них, так и для государства, и они, не имея в виду никакой цели, побуждающей их к усовершенствованию и распространению сведений, оставляют, наконец, совершенно свои занятия»¹⁶.

Важными составляющими этой программы стали подготовка и организация путешествий на Ближний и Средний Восток, в Центральную Азию и Китай.

Ключевым итогом мероприятий стало образование институциональных основ разряда восточной словесности Казанского университета в 1828–1854 гг.: арабо-персидская (1828), турецко-татарская (1828), монгольская (1833), китайская (1837), санскритская (1842), армянская (1842) и калмыцкая (1846) кафедры.

Созданная в 1846 г. в университете кафедра калмыцкого языка, возглавляемая монголоведом и калмыковедом А.В. Поповым¹⁷, к сожалению, не получила в дальнейшем организационного, научно-методического и исследовательского развития. О перспективности официальных мер свидетельствует планирование проектов в 40-х гг. XIX в. по открытию трех новых восточных кафедр — «индустанского», тибетского и еврейского языков¹⁸.

Мы только обзорно выделили примечательные факты и процессы феномена развития научных дисциплин и дисциплинарности университетского востоковедения в России, в том числе в Казани. Широкая специализация и гуманитарная линия диктовалась не только внутренним ходом развития классического востоковедения, но также внешними политическими и социальными процессами во взаимоотношениях России–Востока–Запада.

В целом история образования и деятельности востоковедных кафедр Казанского университета имеет особое значение. В архивных фондах Санкт-Петербурга и Казани сохранился огромный источниковый материал. К сожалению, в отечественной и зарубежной историографии по-

¹⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 41. Д. 86. Л. 1–1 об.

¹⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 43. Д. 78. «Дело об учреждении при Казанском университете кафедры калмыцкого языка и о присвоении проф. А.В. Попову звания ординарного профессора. 6 февраля 1843 — 15 сентября 1846 гг.» 61 л.; Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. — 1917 г.). СПб., 1994. С. 221.

¹⁸ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5529. «Об учреждении при Казанском университете кафедры индустанского языка. 15 января 1844 г.» 5 л.; ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 5256. «Об открытии при Казанском университете кафедры еврейского языка. 29 января 1843 г.» 12 л.

дробно изучены только некоторые из этих университетских востоковедческих кафедр. В этой огромной по объему литературе не представлен разнообразный и комплексный архивный материал российских фондов, позволяющий обобщить историю и выявить особенности деятельности востоковедческих кафедр Казанского университета в XIX в. — первых двух десятилетиях XX в., а также в сравнительном плане с другими кафедрами отечественных и зарубежных университетов. Судьба восточных кафедр университета, их учебно-педагогическая, научная и просветительская роль была неоднозначной и порой трагичной. В первой половине XIX в. ведущую роль в Казанском университете играли кафедры, специализирующиеся по мусульманскому миру и Центральной Азии¹⁹.

Формирование семи специализированных восточных кафедр, охватывающих крупнейшие ареалы Востока, несомненно, явилось для своего времени значительным событием в истории востоковедения в России и Европе. Подобной широкой востоковедной специализации и комплексности не было к середине XIX в. как в российских, так и европейских гуманитарных центрах.

Традиционные для данной эпохи университетского востоковедения формы и модели институционализации знания и науки о Востоке в России и Европе отмечаются в ряде центров Российской империи.

В Санкт-Петербургском университете кафедры арабской и персидской словесности были официально открыты 22 марта 1818 г. Первыми профессорами и преподавателями стали приглашенные представители французской ориенталистики И.Ф. Деманж (1789–1839), Ф.Ф. Шармуа (1793–1868), а также Мирза Джафар Топчибашев (1790–1869).

Символичность 1818 г. в истории отечественного востоковедения также связана с открытием особого отделения «для медалей, рукописей и книг восточных под названием Восточного кабинета». В дальнейшем — знаменитый Азиатский музей, первым директором которого стал профессор Казанского университета Х.Д. Френ²⁰.

¹⁹ Для сравнения отметим, что до создания факультета восточных языков в Санкт-Петербургском университете в 1854–1855 гг. в рамках разряда восточной словесности были учреждены самостоятельные кафедры арабской и персидской словесности (1816–1818 гг.), кафедра турецкого языка (1839 г.) и кафедры грузинского, армянского и азербайджанского языков (1844 г.).

²⁰ Азиатский музей Российской Академии наук. 1818–1918 гг. Краткая памятка. Пг., 1920; Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972; Азиатский музей — Институт восточных рукописей РАН: путеводитель / Ин-т восточных рукописей РАН (Азиатский музей); отв. ред. И.Ф. Попова. М., 2018.

Мирза Джафар Топчибашев. С дагеротипа 1848 г.

В 1829 г. приглашенный немецкий востоковед Б.А. Дорн возглавил кафедру восточной словесности в Харьковском университете. В 1829–1833 гг. он вел курсы арабского и персидского языков, преподавал санскрит, древнееврейский и, впервые в России, амхарский языки. В 1838–1842 гг. он вел санскрит, в 1856–1857 гг. преподавал афганский язык (пашто) на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета²¹. Вполне справедливо, что он как «востоковед широкого профиля, ученый, обладавший энциклопедическими знаниями, преподаватель многих восточных языков» и основоположник отечественной афганистики олицетворял формирующийся социальный тип крупного представителя академического и университетского востоковедения XIX в.²², представленного прежде всего в Казани и Санкт-Петербурге.

Кстати, надо отметить, что европейские ученые-востоковеды, приглашенные в Академию наук и российские университеты в XVIII — первой половине XIX в., также совершили символическое путешествие на Восток, поскольку в европейском сознании Россия была политическим и социокультурным пространством Азии.

В летописи приезда в Россию и российско-немецких связей в области отечественного востоковедения особое место принадлежит

²¹ Колесников А.И., Лужецкая Н.А. Выдающийся востоковед академик Б.А. Дорн // Письменные памятники Востока. 2005. № 2 (3). С. 5–15.

²² Куликова А.М. Б.А. Дорн и университетское востоковедение в России // Народы Азии и Африки. 1975. № 2. С. 220–228.

Х.Д. Френу, а также его соратникам и коллегам, в том числе выпускникам университетов Германии и представителям немецкого ориентализма в России, а именно таким ученым, как Готлиб Зигфрид Теофил Байер (1694–1738) («первый в России академик-востоковед»), Иоганн Готфрид Барендт (1761–1805) («первый в России университетский профессор востоковедения»), Альбрехт Бернгардт Дорн (1805–1881) («впервые в России стал вести курс эфиопского языка») и др. Судьба их востоковедного научного творчества в Германии и России имеет много общего и особенного.

Мусульманский Восток и Центральная Азия: университетские путешествия

Наиболее значимой и отличительной особенностью формирования университетского востоковедения в Казани в первой половине XIX в. и в целом в России стали образовательные и научные путешествия на мусульманский Восток и в Центральную Азию.

Наряду с практическими занятиями с природными носителями живых азиатских языков непосредственное знакомство воспитанников с историей, языками, культурой, бытом и нравами во время научных командировок и путешествий стало важной чертой казанской школы востоковедов XIX — начала XIX в.

В архивных фондах Казани, Москвы и в отечественной историографии представлен огромный материал, посвященный научным путешествиям воспитанников разряда восточной словесности Казанского университета в первой половине XIX в. — О. Ковалевского и А. Попова в Центральную Азию (Сибирь, Монголию, Китай) (1828–1833 гг.), В. Васильева в Китай в составе Пекинской духовной миссии (1840–1850 гг.) и И. Березина и В. Диттеля на Ближний Восток (1842–1845 гг.).

Они начали свою творческую деятельность, и их путешествия обозначили эпоху, по образной оценке С.Ф. Ольденбурга, когда Восток «... только что открылся удивленной Европе, когда все восточное относилось далеко назад, в глубь веков, и когда на Востоке искали первые проблески человеческой мысли»²³.

Традиция научных путешествий в страны Востока сохранялась и развивалась в казанском востоковедении во второй половине XIX — начале

²³ *Ольденбург С.Ф. Этюды о людях науки / Сост. А.А. Вигасин. М., 2012. С. 155.*

XIX в. Данная тема заслуживает особого изучения и презентации, о которых можно сообщить читателям журнала в дальнейшем.

Их научные путешествия из стен Казанского университета были связаны с геополитическими и особенно образовательными и научными задачами.

Эти командировки и научные путешествия на Восток обозначили новый качественный рубеж в полевом изучении географии, истории и культуры восточных народов в российских университетах, особенно ярко проявившийся в миссии Академии наук, восточного факультета Санкт-Петербургского университета и других научных центров и обществ во второй половине XIX в. — первые десятилетия XX в.

Благодаря организации путешествий И.Н. Березина и В.Ф. Диттеля арабистика, иранистика, тюркология и в целом арабо-мусульманские штудии как комплекс знаний и научные направления ориенталистики по истории и культуре мусульманских народов становились органической сферой отечественной науки, культуры Российского государства и общества. Заметна эпоха рождения научных и культурных традиций отечественных арабо-мусульманских штудий. Феномен этого рубежа мы связываем прежде всего с истоками классической арабистики, иранистики, тюркологии, османистики и других научных дисциплин в России — систематическим и комплексным освоением, изучением и преподаванием арабского, персидского и тюркских и в целом мусульманских языков, письменных и материальных памятников и осмыслением исторического и современного политического, историко-географического и этнокультурного арабо-мусульманского наследия.

В 1822 г. по поручению Совета университета Ф. Эрדман и К. Фукс готовят свои предложения для инструкции путешественникам по России и Армении, которые должны заниматься собиранием «отечественных и татарских древностей в памятниках, рукописях, медалях, преданиях»²⁴. Эти и другие факты ярко подтверждают феномен исключительной роли научных путешествий в истории востоковедения в университете и в целом в жизни университетского сообщества Казани.

В 1829–1834 гг. отделение словесных наук, Совет Казанского университета и академики — востоковеды Х.Д. Френ и Я.И. Шмидт обсуждали предложение профессора Ф. Эрдмана «о составлении словаря татар-

²⁴ В фонде университета (ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 61. Л. 2–3) сохранился латинский текст инструкции путешественникам по отечественным и татарским древностям «в памятниках, рукописях, медалях и преданиях» Ф. Эрдмана.

Илья Николаевич Березин. Гравюра с фотографии

ского языка». Он писал: «... Странно должно показаться всякому, что мы, будучи окружены татарами со всех сторон, до сих пор еще не имеем совершенного понятия о Татарском языке во всем его объеме и различных отраслях; мы не можем даже показать ни подробной, систематически изложенной Грамматики, ни словаря, не только полного, но даже и средственного, не можем, наконец, вычислить всех существующих на сем языке сочинений. Все то, что ни сделано в сем отношении, едва ли заслуживает быть упомянутым. Между тем вся ученая Европа ожидает от нас и в праве ожидать распространения всех сих сведений...»²⁵ Ф. Эрдман предложил отправить специалиста, знающего восточные языки, в Казанскую, Астраханскую, Оренбургскую и Тобольскую губернии для сбора лингвистического материала. Собранный материал должен был лечь в основу «полной грамматики» и словаря, «который бы обнимал весь Татарский диалект во всех его различных отраслях, и к подробному и верному изложению Истории Татарской Литературы»²⁶.

В университетской инструкции для путешественников по Ближнему Востоку И. Березина и В. Диттеля было особо подчеркнуто: «Как путешествие по Востоку представляет обширные виды приобретения для университета разных редких восточных рукописей и книг, то с этой целью будет отпускаться Вам ежегодно обоим вместе по триста рублей.

²⁵ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3110. Л. 1–1 об.

²⁶ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3110. Л. 2.

А дабы Вы положительно знали, каких именно сочинений приобретение наиболее важно и желательно, то... (прилагаются. — Р.В., Р.З., Д.М.) а) печатный хронологический список ста восточных рукописей, составленный г. Академиком Френом; б) печатный... хронологический список некоторых Армянских историков и рукописных сочинений других литератур Грузии и Кавказского края; в) рукописный дополнительный список, составленный гг. профессорами Эрдманом и Казембеком»²⁷.

Научное путешествие в 1842–1845 гг. в страны и регионы мусульманского Востока — Кавказа, Ирака, Ирана, Сирии, Палестины, Египта и Турции — воспитанников разряда восточной словесности И. Березина (1818–1896) и В. Диттеля (1816–1848) получило обзорное освещение в российской историографии²⁸. Они также привезли в университет арабо-мусульманские рукописи. Среди них, например, выделяется трактат о канонических телах греческого математика Аполлония из Перги в переводе Хиляля ибн Абу Хиляля, датируемый XI в.²⁹, и др.

Современный историк российской ассириологии пишет о вкладе В. Диттеля: «В 1842–1845 гг., путешествуя по Переднему Востоку, он открыл несколько ранее неизвестных клинописных надписей на территории Персеполя (одна из столиц ахеменидских царей) и на скале Накши-Рустам (несколько километров к северу от Персеполя, где высечены гробницы четырех ахеменидских царей, в том числе Дария I (521–486 гг. до н.э.) и Ксеркса (486–464 гг. до н.э.)). Вместе с датским путешественником Н. Вестергардом В.Ф. Диттель снял копии с Накши-рустамских надписей Дария I (Диттель, 1847, с. 12). Эламский вариант Накширустамской надписи DN-Ra В.Ф. Диттель предоставил Г. Роулинсону, известному дипломату и выдающемуся английскому ассириологу, и этим существенно помог последнему в его работе над дешифровкой клинописи»³⁰.

Значимым научным итогом путешествия И.Н. Березина по Ближнему Востоку стали его работы, связанные с обзором трехлетнего пу-

²⁷ ГА РТ. Ф. 977. Оп. ИФФ. Д. 388. Л. 3.

²⁸ Шофман А.С., Шамов Г.Ф. Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 2. М., 1956. С. 429–430; Мазитова Н.А. Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете (первая половина XIX в.). Казань, 1972. С. 86–96; Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 200–203 и др.

²⁹ Фролова О.Б., Дерягина Т.П. Арабские рукописи восточного отдела библиотеки Санкт-Петербургского университета: Краткий каталог. СПб., 1996. С. 151.

³⁰ Каплан Г.Х. Роль русских исследователей в зарождении ассириологии // Письменные памятники Востока. 2010. № 1(12). С. 255.

тешества по Востоку³¹, и арабские диалоги, собранные во время путешествия, которые свидетельствуют об исследовательском интересе к сложной проблеме диалектов арабского языка Месопотамии, Сирии и Египта. Академик И.Ю. Крачковский, оценивая изданную на французском языке в 1857 г. работу И.Н. Березина³² в сравнении с работами европейских и отечественных арабистов в этой области, писал: «Березин не был арабистом и тем более диалектологом; однако разбор отмеченных работ показывает, что и в этой области его труды представляют положительный факт в науке. В русской арабистике он дает прочное звено в ряду мало известных работ русских ученых по диалектологии, которые, однако, представляют непрерывную цепь: от записей и замечаний первого русского арабиста в Петербургском университете Сенковского до грамматического очерка и собрания пословиц, записанных в Сирии Гиргасом в 60-х г.»³³.

Путешествия университетских востоковедов в первой половине — середине XIX в. — это не только продолжение известных традиций «хождений» на мусульманский Восток, характерных для российского и европейского обществ XVII–XVIII вв. На первом плане для путешественников было уже не увлечение экзотичностью и романтикой истории и культуры мусульманских народов, а исследовательские и социокультурные потребности научного исследования мира ислама.

В университетское востоковедение первой половины XIX в. был внесен живой, неповторимый и уникальный Восток, хорошо знакомый по личным наблюдениям и впечатлениям.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на оригинальное сочинение О.И. Сенковского «Способности и мнения новейших путешественников по Востоку» (1835), которое оказало огромное влияние на развитие казанского университетского востоковедения первой половины XIX в. Оценивая описания европейских путешествий на Восток, О.И. Сенковский писал: «Во всех этих безчисленных томах нет ни од-

³¹ *Березин И.Н.* Путешествие по Востоку. I. Путешествие по Дагестану и Закавказью. С картами, планами и видами замечательных мест. II. Путешествие по Северной Персии. Казань, 1850–1852.

³² *Berésine E.* Guide du voyageur (voyageur) en Orient, Dialogues arabes d'après trois principaux dialects: de Mesopotamie, de Syrie et d'Egypte. Moscou et St-Petersbourg, 1857 (*Березин И.* Путеводитель путешественника по Востоку, арабские диалоги в соответствии с тремя принципиальными диалектами: Месопотамии, Сирии и Египта. Москва и Санкт-Петербург, 1857).

³³ *Крачковский И.Ю.* Мелочи для характеристики И.Н. Березина // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. Т. V. М.; Л., 1958. С. 228.

ного наблюдения, которое бы показывало, что ум сочинителя был в состоянии чувствовать важность современных фактов Востока и необходимость найти для них настоящее объяснение»³⁴. Обращаясь к исследователям Османской империи, он отмечал: «Чтобы понять Турцию, надобно сперва освободиться от огромной тяжести своих предрассудков. Выражения, которые он употребляет в Европе... очень неверно изображают различные части общественного порядка на Востоке, так что... он должен выучиться мыслить на чуждом ему языке... Оценивая восточное общество, вы должны разыскать и определить их, создать новую науку и привыкнуть рассуждать по другим началам и другой логике»³⁵. Подобного рода и другие позитивные установки и принципы профессиональных востоковедов из университетских центров России обозначили появление новой информации и знаний об азиатских народах, кардинальное изменение статуса Востока в историческом мировидении и формирование парадигмы российского классического востоковедения.

Значимой университетской традицией в Казани, в том числе благодаря научным путешествиям, становится открытие научной и просветительской мыслью географического и историко-культурного пространства Сибири, Монголии и Китая.

В Казанском университете сформировались и развивались монголоведение, бурятоведение, калмыковедение, китаеведение, маньчжуроведение. Благодаря трудам востоковедов — О.М. Ковалевского (1800/01–1878)³⁶, А.В. Попова (1808–1865), архимандрита Даниила (1798–1871), И.П. Войцеховского (1793–1850), В.П. Васильева (1818–1900) и других преподавание и изучение языков, истории, этнографии и культурного наследия народов Монголии, Калмыкии, Бурятии, Китая получили в казанском востоковедении систематический и интенсивный характер.

В апреле 1835 г. в связи с определением в Первую Казанскую гимназию пяти молодых бурят, в том числе ламы Г. Никитуева, отмечалось, что «Россия приобретет ту славу, что ученые ее первые в Европе начнут разрабатывать богатую, но еще неприступную для изысканий сокровищницу языка Тибетского»³⁷.

³⁴ Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса). СПб., 1858. Т. 6. С. 72.

³⁵ Там же. С. 74–75.

³⁶ См.: Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р.М. Валеев, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Д.Е. Мартынов, О.Н. Полянская; отв. и науч. ред. Р.М. Валеев, И.В. Кульганек. СПб.; Казань: Петербургское востоковедение, 2020.

³⁷ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 3 об.

Обучение в гимназии молодых бурят — Доржи Банзарова, Цокто Чимитова, Гырыла Бадаева, Доржи Бумитуева и ламы Галсана Никитуева имело огромное значение для развития культуры бурятского народа. Учеба Доржи Банзарова на разряде восточной словесности и его научные труды являются ярким свидетельством формирования в Казанском университете национальных научных гуманитарных школ.

Ламе Г. Никитуеву с первых дней в Казани было предложено «заниматься преподаваемыми в Гимназии предметами по его собственному усмотрению; в особенности же возложить на него практические упражнения в разговорах с воспитанниками, обучающимися монгольскому языку, и с двумя казеннокоштными студентами университета — Васильевым и с Навроцким, которые для этой цели помещены... в Первую гимназию... С Васильевым Лама сверх того должен заниматься и языком Тибетским»³⁸. С августа 1836 г. Г. Никитуев занимался практическим монгольским языком с действительным студентом Сергеем Протопоповым.

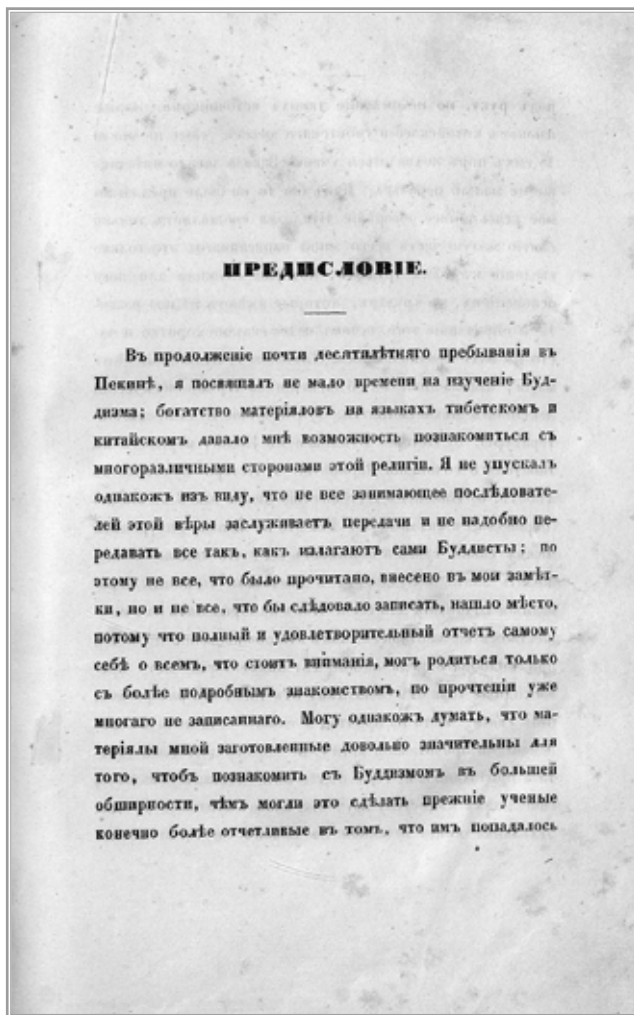
Образовательные и научные дисциплины, ориентированные на Центральную и Восточную Азию, расширили рамки классического университетского востоковедения 30–50-х гг. XIX в. в России, в первую очередь связанного с языками и письменностью мусульманского Востока.

После переезда в Санкт-Петербург в 1857 г. выпускник и профессор Казанского университета и профессор столичного университета В.П. Васильев, выделяя значимость собранных восточных рукописей и книг по итогам научных путешествий, а также роли библиотечных фондов, писал: «Библиотека Санкт-Петербургского университета может считать свое существование еще только месяцами. Она привезена вся в целости недавно из Казани по случаю... открытия в Санкт-Петербургском [университете] расширенного преподавания восточных языков, между которыми нашли место китайский, маньчжурский и монгольский. Следовательно, история нашей библиотеки, за исключением шкафов, вся принадлежит Казани»³⁹.

Формирование и развитие научных дисциплин в Казани, связанных с центральноазиатскими ареалами, были обусловлены общим уровнем востоковедных исследований в академических и университетских центрах России и Европы, подготовкой специалистов в данных обла-

³⁸ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4340. Л. 42 об.

³⁹ Васильев В.П. Записка о восточных книгах в С.-Петербургском университете // Русский вестник. 1857. Т. 11. № 7. С. 322.

Первый лист предисловия работы В.П. Васильева «Буддизм, его догматы, история и литература». СПб., 1857 г.

стях и интересами казанских монголоведов и китаеведов. В их учебной и научной деятельности наиболее заметны изучение и преподавание языков, сбор материалов по географии и страноведению, знакомство и текстологическое исследование рукописей и сочинений, контакты с живыми носителями языков, путешествия в регионы и государства Центральной Азии и Цинского Китая, составление грамматик, словарей и хрестоматий. Эти основные направления исследований формировались на базе командировок и путешествий и определялись не только прикладными интересами Российской империи, но и научными целями.

В июне 1833 г. после научного путешествия О. Ковалевский и А. Попов были проэкзаменованы академиком Я.И. Шмидтом и в июле

1833 г. назначены адъюнктами монгольского языка в Казанском университете⁴⁰. По итогам экзамена кандидатов университета академик Я.И. Шмидт записал: «Итак, я могу не только по доброй совести, но и с полным убеждением рекомендовать обоих, гг. Ковалевского и Попова, на звание преподавателей Монгольского языка в случае, если при Казанском Университете учреждена будет для сего языка кафедра. Это первые питомцы Русского университета, которые с успехом шествовали сею стезею, первые, которые могут явиться наставниками по такому предмету, на который не было обращено внимания, потому что недоставало людей, которые могли бы служить руководителями»⁴¹.

В летописи научных и этнокультурных связей первой половины — середины XIX в. органичным наследием выделяются монголоведы — Г. Никитуев (род. н. 1808 — ?), Г. Гомбоев (1822–1863), Д. Банзаров (ок.1822–1855), К.Ф. Голстунский (1831–1899) и А.А. Бобровников (1821–1865).

В марте — апреле 1833 г. О. Ковалевский и А. Попов разбирали коллекцию монгольских рукописей и книг, привезенных из научного путешествия, отмечая «на каждом сочинении монгольское заглавие русскими буквами, присовокупляя вкратце содержание на русском языке; далее разделили все книги и рукописи числом до 179 сочинений на четыре отделения..., составили оным полный каталог...»⁴².

Университет в 1835 г. приобрел коллекцию О.М. Ковалевского. Данное собрание, состоящее из 1272 наименований, включало в себя китайские, маньчжурские, монгольские сочинения и этнографическую коллекцию (костюмы лам, буддийские божества, монеты, картины и др.)⁴³. Основу книжной коллекции составляли монгольские, маньчжурские и китайские календари, китайский перевод Нового Завета Моррисона, китайский библиографический каталог грамматики, рукописи на маньчжурском языке. По современной оценке В.А. Успенского: обширная коллекция книг на восточных языках была собрана О. Ковалевским во время его пребывания в Забайкалье, в Монголии и Пекине в 1828–1833 гг. Сам Ковалевский составил каталог санскритским, монгольским, тибетским, маньчжурским и китайским книгам и рукописям, в библио-

⁴⁰ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3829. Л. 7–8.

⁴¹ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 3829. Л. 7 об.

⁴² Там же. Л. 17–17 об.

⁴³ Там же. Д. 4251. Л. 6–17.

теке Императорского Казанского университета хранящимся, который опубликовал в 1834 г.⁴⁴

Монгольская коллекция О.М. Ковалевского включала старомонгольские книги: двуязычные тибетско-монгольские учебные словари «Океан имен», «Легкий для понимания»; терминологический словарь буддизма «Источник мудрецов»; различные многоязычные маньчжуро-монгольско-тибетско-китайские словари и разнородные монгольские книги, напечатанные в Пекине и в различных буддийских центрах⁴⁵. Среди разнородных китайских книг О.М. Ковалевского, поступивших в библиотеку университета, выделялись историческое сочинение «Всеохватывающее зеркало в помощь управляющим», сборник стихов императора Канси «Бегство от жары в летнее время» и оригинальные книжные собрания Китая и др.

Университетское китаеведение, маньчжуроведение и истоки тибетоведения в Казани до 1855 г. тесно связаны с традициями и участниками известной Пекинской духовной миссии — архимандритом Даниилом (1798–1871, Пекин, 1821–1830), И.П. Войцеховским (1793–1850, Пекин, 1819–1831) и воспитанником восточного разряда, также членом миссии в 1839–1850 гг. В.П. Васильевым (1818–1890). Языковедческие, литературоведческие и историко-этнографические работы ученых в казанский период творчества, как опубликованные, так и оставшиеся в рукописях, внесли существенный вклад в изучение истории и культуры народов Центральной Азии.

Университетская кафедра китайской словесности (1837 г.), преобразованная в 1844 г. в кафедру китайско-маньчжурской словесности, и исследования казанских востоковедов олицетворяли истоки и развитие университетской традиции изучения в России дальневосточных цивилизаций и государств.

В отечественном востоковедении XVIII – начала XX в. огромный интерес вызывал Китай, и особую роль в развитии российско-китайских связей и становлении российского китаеведения в Казанском университете сыграла Пекинская духовная миссия, куда также стали отправляться представители университетских центров.

⁴⁴ Рукописи и ксилографы на восточных языках в Научной библиотеке им. М. Горького СПбГУ / Под ред. В.А. Успенского. СПб., 2014. С. 136.

⁴⁵ Успенский В.А. Коллекция О.М. Ковалевского в собрании восточных рукописей и ксилографов библиотеки Санкт-Петербургского университета // Монголовед О.М. Ковалевский: биография и наследие. Казань, 2004. С. 231–250.

В истории российского университетского востоковедения и китаеведения первой половины XIX в. важное место занимают научные путешествия в Китай и участие в составе Пекинской духовной миссии монголоведа О.М. Ковалевского и китаеведа В.П. Васильева.

Казанский период учебы на разряде восточной словесности и научно-педагогической деятельности В.П. Васильева (1834–1855 гг.) в Казанском университете стал переломным рубежом в истории отечественной монголистики, китаеведения, буддологии и тибетологии.

Завершая обзор научных путешествий на Восток из Казанского университета первой половины XIX в., выделим только некоторые страницы подготовки и пребывания В.П. Васильева в Пекине.

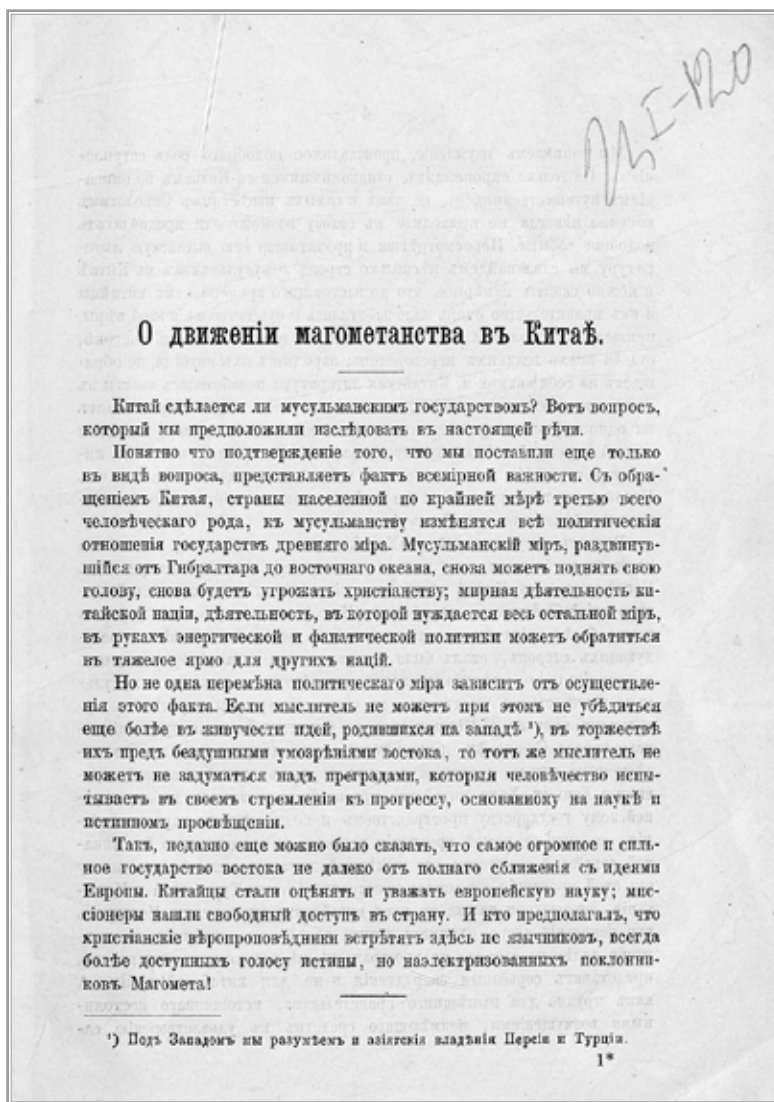
Истоки образовательной подготовки будущих монголоведов, синологов и буддологов в Казанском университете для научного путешествия в составе Пекинской духовной миссии связаны с интересными архивными материалами, касающимися биографий и наследия российских востоковедов.

В марте 1838 г. профессор китайского языка архимандрит Даниил, выделяя студентов, показывающих усердие и успехи в изучении китайского языка, писал: «Таковой воспитанник... мог бы быть способен и с пользою для себя, как и для отечественного употребления, совершенствовать себя и дальше в предметах восточных языков, находясь в числе студентов духовной миссии, скоро имеющей быть отправленной в Пекин»⁴⁶.

Среди этих воспитанников, планируемых для включения в состав Пекинской духовной миссии, были: С. Рушко (выпускник восточного разряда университета 1841 г., преподаватель китайского языка в гимназии и университете в 1841–1845 гг.), В. Васильев (выпускник восточного разряда университета 1837 г., преподаватель китайского языка в Казанском университете в 1851–1855 гг. и преподаватель китайского и маньчжурского языков в Петербургском университете в 1855–1900 гг.) и М. Навроцкий (выпускник восточного разряда университета 1846 г., преподаватель арабского языка в Казанском университете в 1846–1855 гг. и Петербургском университете в 1855–1871 гг.).

Попечитель Казанского учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин (1795–1862) просил оценить знания студентов, намереваясь впоследствии С. Рушко «отправить в Пекин для усовершенствования в языке китайском», В. Васильева для «усовершенствования в языке тибетском»,

⁴⁶ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 10.

Страница работы академика В.П. Васильева «О движении магометанства в Китае». СПб., 1867 г.

а студента М. Навроцкого «для усовершенствования в языке монгольском, изучения языка маньчжурского»⁴⁷.

Отправка студентов Казанского университета в Китай планировалась в составе духовной миссии, представлявшей на тот момент одну из немногих официальных возможностей посетить Среднюю империю. С XVII в. миссия являлась единственным центром для подготовки в России знатоков китайского и маньчжурского языков. В задачи членов Пекинской духовной миссии входило изучение маньчжурского, китайско-

⁴⁷ Там же. Л. 1–3 об.

го и монгольского языков, а также истории, культуры и религии народов Цинской империи и сопредельных государств и обществ.

В марте 1838 г. преподаватели китайского и монгольского языков архимандрит Даниил и Осип Ковалевский положительно оценили успехи вышеупомянутых студентов и отметили, что отправление их на стажировку за границу «послужит единственным средством доставить им все возможные способы к приобретению основательных познаний в восточных языках». Выделяя перспективы изучения тибетского языка, ординарный профессор Осип Ковалевский, посещавший в 1831 г. Пекин в составе XI Пекинской духовной миссии, отмечал, что «в Китайской столице, сколько мне известно, находятся тысячи лам из природных тибетцев, а в том числе и таких, которые знают язык санскритский и разные индийские наречия»⁴⁸.

В связи с предполагаемым открытием при Казанском университете кафедры тибетского языка было принято решение направить в Пекин в составе духовной миссии В. Васильева, выдержавшего испытания на степень магистра⁴⁹.

С отъездом В. Васильева из Казани 20 января 1840 г. в составе XII духовной миссии в научное путешествие в Китай открывалась новая страница в жизни молодого ученого, где, по его словам, родились «многие его мысли и взгляды». Уникальная образовательная и научная командировка В.П. Васильева в Пекин (с января 1840 г. по сентябрь 1850 г.), продолжавшая традиции научных путешествий в истории российского востоковедения и китаеведения XIX в., сыграла исключительную роль в его научной судьбе и в феномене российско-китайских научных и культурных связей⁵⁰.

Научное путешествие В.П. Васильева — переломный этап в истории отечественной и европейской синологии XIX в. В истории Российской духовной миссии в Пекине (1715–1864 гг.) впервые к ней был специально прикомандирован выпускник российского университета и магистр восточной словесности. В Пекине он развил наблюдательность, память и удивительную способность научной работы над оригинальными клас-

⁴⁸ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 3 об.

⁴⁹ ГА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Д. 4814. Л. 14.

⁵⁰ Подробнее см.: Академик-востоковед В.П. Васильев: Казань — Пекин — Санкт-Петербург (очерки и материалы) / Р.М. Валеев, Х. Валравенс, В.Г. Дацьшен, О.П. Еланцева, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек, Лю Лицю, Д.Е. Мартынов, Д.И. Маяцкий, Т.А. Пан, В.Л. Успенский; сост. Т.А. Пан; отв. ред. Р.М. Валеев и И.В. Кульганек. СПб.; Казань, 2021.

сическими текстами. Именно в этот период сформировались особенные черты характера его личности — скептицизм, упорство, настойчивость и твердость. В основном сформировался в наследии В.П. Васильева основательный научный фундамент разносторонних знаний об истории и культуре народов Китая и положил новый этап академических исследований в России и Европе.

REFERENCES

1. Academician-orientalist V.P. Vasil'ev: Kazan' – Beijing – St. Petersburg (Essays and materials) [Akademik-vostokoved V.P. Vasil'ev: Kazan' – Pekin – Sankt-Peterburg (Ocherki i materialy)] / R.M. Valeev, X. Valravens, V.G. Dacyshen et al.; Compilation by T.A. Pan; Executive ed. by R.M. Valeev and I.V. Kul'ganek. St. Petersburg–Kazan', 2021 (in Russian).
2. Asian Museum – Leningrad branch of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences [Aziatskiy muzey – Leningradskoe otdelenie Instituta vostokovedeniya AN SSSR]. Moscow, 1972 (in Russian).
3. Asian Museum – Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences: Guidebook' [Aziatskiy muzey – Institut vostochnykh rukopisey RAN: Putevoditel'] / Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Asian Museum) [Institut vostochnykh rukopisey RAN (Aziatskiy Muzey)]. Executive ed. by I.F. Popova. Moscow, 2018 (in Russian).
4. *Bartol'd V.V.* Essays. Vol. IX. Works on the history of oriental studies [Sochineniya. T. IX. Raboty po istorii vostokovedeniya]. Moscow, 1977 (in Russian).
5. *Berezin I.N.* Traveling around the East. I. Travel through Dagestan and Transcaucasus. With maps, plans and views of wonderful places. II. Travel through Northern Persia [Puteshestvie po Vostoku. I. Puteshestvie po Dagestanu i Zakavkaz'yu. S kartami, planami i vidami zamechatel'nykh mest. II. Puteshestvie po Severnoy Persii]. Kazan', 1850–1852 (in Russian).
6. Biography and scientific heritage of the orientalist O.M. Kovalevsky (based on materials from archives and manuscript collections) [Biografiya i nauchnoe nasledie vostokoveda O.M. Kovalevskogo (po materialam arkhivov i rukopisnykh fondov)] / R.M. Valeev, V.Yu. Zhukov, I.V. Kul'ganek et al.; Executive and sci. ed. by R.M. Valeev and I.V. Kul'ganek. St. Petersburg–Kazan': Peterburgskoe vostokovedenie, 2020 (in Russian).
7. Collected works of Senkovsky (Baron Brambeus) [Sobranie sochineniy Senkovskogo (Barona Brambeusa)]. Vol. 6. St. Petersburg, 1858 (in Russian).

8. *Dancig B.M.* The Middle East in Russian science and literature [Blizhniy Vostok v russkoy nauke i literature]. Moscow, 1973 (in Russian).
9. History of Russian Oriental studies until the middle of 19th century [Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do serediny XIX veka]. Moscow, 1990 (in Russian).
10. History of Russian Oriental studies from the middle of 19th century to 1917 [Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya s serediny XIX veka do 1917 goda]. Moscow, 1997 (in Russian).
11. *Kulikova A.M.* Oriental studies in Russian legislative acts (end of the 17th century – 1917) [Vostokovedenie v rossiyskikh zakonodatel'nykh aktakh (konets XVII v. – 1917 g.)]. St. Petersburg, 1994 (in Russian).
12. *Mazitova N.A.* Study of the Near and Middle East at Kazan University (first half of the 19th century) [Izuchenie Blizhnego i Srednego Vostoka v Kazanskom universitete (pervaya polovina XIX veka)]. Kazan', 1972 (in Russian).
13. *Ol'denburg S.F.* Sketches about people of science [Etyudy o lyudyakh nauki]. Compilation by A.A. Vigasin. Moscow, 2012 (in Russian).
14. *Uspenskiy V.L.* Collection of O.M. Kovalevsky to the collection of oriental manuscripts and woodcuts of the library of St. Petersburg University [Kollektsiya O.M. Kovalevskogo v sobranii vostochnykh rukopisey i ksilografov biblioteki Sankt-Peterburgskogo universiteta] / Mongolian expert O.M. Kovalevsky: Biography and heritage [Mongoloved O.M. Kovalevskiy: Biografiya i nasledie]. Kazan', 2004. pp. 231–250 (in Russian).
15. *Vasil'ev V.P.* Note on oriental books in St. Petersburg University [Zapiska o vostochnykh knigakh v S.-Peterburgskom universitete] // Russian Herald [Russkiy vestnik]. 1857. Vol. 11. № 7 (in Russian).
16. *Zagoskin N.P.* History of the Imperial Kazan University [Istoriya imperatorskogo Kazanskogo universiteta]. Vol. 1. Kazan', 1902 (in Russian).

Благодарность

Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ (проекты № 23-28-10046 и № 24-28-00440) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

 Валеев Рамиль Миргасимович

доктор исторических наук, профессор Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета

 Валеева Роза Закариевна

кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Казанского инновационного университета им. В. Г. Тимирязова

 Мартынов Дмитрий Евгеньевич

доктор исторических наук, профессор Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета

Ключевые слова:

Россия, Восток, востоковедение, история востоковедения, российское академическое и университетское востоковедение, востоковеды, наследие востоковедов, путешествия на Восток.

Ramil M. Valeev, Roza Z. Valeeva, Dmitry E. Martynov

SCIENTIFIC TRAVELS OF KAZAN ORIENTALISTS TO ASIAN RUSSIA AND THE FOREIGN EAST (THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY)

The phenomenon of scientific travel and expeditions of scientists and practitioners was vividly manifested in the European and Russian oriental studies of Modern Times (18th – beginning of the 20th century) and became one of the remarkable research and cultural traditions and innovations.

The purpose of this article, without pretending to generalize coverage, is to address the events, stages, directions, results, and specifics of the travels of graduates and scientists of the Kazan Center of Oriental Studies of the first half of the 19th century.

In the first half of the 19th century, university trips to the East were dominated by rational scientific discourse, educational, educational, and scientific tasks that became an important component of Oriental studies in Kazan and in Russia as a whole. It is enough to single out the cycle of travels of Ya.O. Yartsov to Persia; I.N. Berezin and V.F. Dittel to the Near and Middle East; O.M. Kovalevsky and A.V. Popov to Central Asia; V.P. Vasiliev as part of the Beijing spiritual mission to Qing China, which are of great importance in the history of Russian and European orientalism and historical and cultural significance.

Key words: Russia, the East, Oriental studies, the History of Oriental Studies, Russian Academic and University Oriental Studies, Orientalists, the Heritage of Orientalists, Travels to the East.

Valeev Ramil Mirgasimovich – Doctor of History, Professor at the Institute of International Relations of Kazan (Volga Region) Federal University.

Valeeva Roza Zakarijevna – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Dean, Faculty of Linguistics and International Communication, Kazan Innovative University.

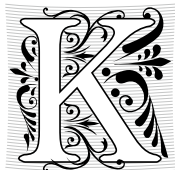
Martynov Dmitry Evgenyevich – Doctor of History, Professor at the Institute of International Relations of the Kazan (Volga Region) Federal University.

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.012

А.А. Маленкова

СЕКРЕТНЫЕ МИССИИ ЛЮБИМОВА НИКОЛАЯ ИВАНОВИЧА В ИМПЕРИЮ ЦИН В 40-х гг. XIX в.

XIX в. международное положение империи Цин сильно изменилось. Китай оказался вовлечен в колониальную борьбу западных держав за открытие новых рынков сбыта продукции. Российская империя начала осознавать важность дальневосточных территорий для своего развития. Россия и Китай благодаря расширению империй приобретают общую, пока неопределенную границу на Дальнем Востоке и в Центральной Азии.

Русско-китайские отношения в начале 1840-х гг. базировались на заключенных более века до этого Нерчинском (1689 г.), Кяхтинском (1728 г.) и Буринском (1727 г.) договорах. Очевидно, в XIX в. настало время перемен. Ведущую роль в отстаивании интересов Российской империи в отношениях с Цинской империей должны были сыграть дипломаты, которым предстояло не только узнать настроения китайских чиновников, но и увеличить влияние России в приграничных с Китаем регионах.

Со времен отправки первой Русской духовной миссии в Пекин для сохранения православной веры проживающих в Пекине албазинцев¹ в Цин-

¹ Албазинцы — потомки жителей пограничного с Китаем острога Албазин, которые после осады маньчжурскими войсками в 1685 г. были увезены в Пекин, где были зачислены в знаменные войска, получили землю для проживания и дома.

Николай Иванович Любимов. Из книги Н.И. Веселовского «Поездка Н.И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 г., под видом купца Хорошева»

ской империи регулярно бывали российские дипломаты и посланники, сопровождавшие духовных лиц. Миссия предоставила Российской империи уникальную возможность узнавать новое о Китае и изучать его.

Одним из российских дипломатов, побывавших в Цинской империи и положивших начало решению пограничных вопросов, стал Николай Иванович Любимов. История его частной жизни известна не очень хорошо, однако его служебная и практическая деятельность может быть исследована при помощи архивных документов. В 1840-х гг. Н.И. Любимов совершил две поездки в империю Цин. Первая была осуществлена в качестве пристава 12-й Русской духовной миссии в 1840–1842 гг. в Пекин, вторая — в 1845 г. под именем купца Хорошева в Чугучак и Кульджу.

У личного архива Н.И. Любимова непростая судьба. По сведениям, изложенным Н.И. Веселовским², его архив был найден на чердаке дома в 1890-х гг. в Швейцарии, где последние годы проживал Любимов, М.Б. Аничковой, вдовой российского посланника в Тегеране Николая Адриановича Аничкова³, с которым Любимов был знаком со времени обучения в Московском университете и по работе в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Веселовский, изучив архив, нашел, что его

² Николай Иванович Веселовский (1848–1918) — российский востоковед, археолог, исследователь Средней Азии. Профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского университета.

³ Николай Адрианович Аничков (1809–1892) — российский дипломат, тайный советник, посланник Российской империи в Тегеране, выпускник Московского университета // Русский биографический словарь. В 25 т. СПб.; М., 1896–1918.

документы «в историческом отношении не лишены научного интереса»⁴. Он детально ознакомился с архивом Любимова и даже издал заметку о его биографии и поездке в Чугучак и Кульджу в журнале «Живая старина» в 1908 г. вместе с несколькими документами Любимова⁵. Часть же бумаг дипломата «осела» в личном архиве Веселовского в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ) в Москве⁶ и не была опубликована. Большая часть документов Любимова хранится в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в Санкт-Петербурге⁷ в фонде Канцелярии Синода и содержит множество документов о первой поездке Н.А. Любимова в Китай. Документы из РГАЛИ дополняют фонд в Санкт-Петербурге и содержат несколько единиц хранения о первой поездке в Пекин и множество документов о второй командировке уже в западную часть империи Цин.

Официальная биография Николая Ивановича Любимова похожа на краткий послужной список и перечень наград, полученных за успешно выполненные задания. Любимов родился в 1808 г. (по другим сведениям в 1811 г.)⁸, учился в Московском университете, 21 декабря 1828 г. поступил в Азиатский департамент Министерства иностранных дел на службу. В 1829 г. стал коллежским секретарем, в 1830 г. получил должность столоначальника, в 1836 г. — начальника 2-го отделения Азиатского департамента. В 1839 г. был пожалован в коллежские советники. 8 апреля 1840 г. был выбран приставом для сопровождения новой Пекинской ду-

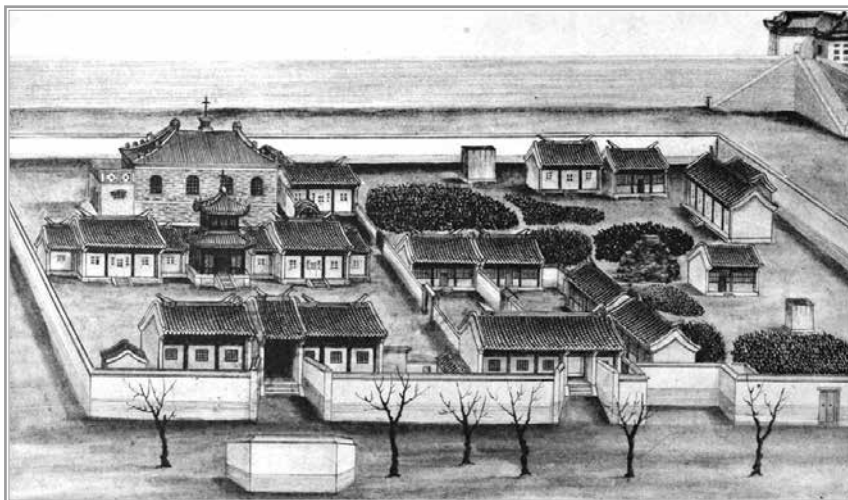
⁴ Веселовский Н.И. Поездка Н.И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 г., под видом купца Хорошева // Живая старина: периодическое издание отделения этнографии Императорского Русского географического общества. Кн. 66. 1908. С. 169–189. Кн. 67. С. 312–331.

⁵ В 1909 г. Н.И. Веселовский выпустил эти же заметку и документы отдельным изданием «Поездка Н.И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 г., под видом купца Хорошева».

⁶ Архив Веселовского разделен между Санкт-Петербургом и Москвой. В Москве огромный массив документов хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства, в Санкт-Петербурге в Институте истории материальной культуры РАН // Зайцев И.В. Тюркские и персидские рукописи и документы коллекции Н.И. Веселовского в РГАЛИ (краткий обзор) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 5 (91).

⁷ Канцелярия Синода (РГИА. Ф. 796. Оп. 448). Материалы Н.И. Любимова, сопровождавшего Пекинскую духовную миссию в 1840–1842 гг.: о колониальной политике англичан в Китае и о военных действиях между Китаем и Англией в 1840–1841 гг., состоянии пограничной части, кяхтинской торговле, Кяхтинском училище китайского языка, об албазинцах; пекинские записки, путевые журналы и записные книжки Н.И. Любимова.

⁸ В Русском биографическом словаре указан 1811 г., в биографии, написанной Н.И. Веселовским — 1808 г.

Подворье Русской духовной миссии в Пекине. Начало XIX в.

ховной миссии, откуда вернулся 18 февраля 1842 г. В апреле 1843 г. был назначен вице-директором Азиатского департамента. В 1845 г. совершил секретную поездку в Чугучак и Кульджу для сбора сведений о торговле с Западной частью Китая. За эту миссию ему был пожалован титул действительного статского советника и орден Святого Владимира 3-й степени. В 1852 г. назначен директором Азиатского департамента. С 1856 г. пожалован в тайные советники и перешел на службу в Сенат. Закончил свою жизнь в швейцарском городе Гаис 19 августа 1875 г.⁹

Архив Любимова изучался исследователями русско-китайских отношений, истории Русской духовной миссии в Пекине¹⁰. Его же личные записки и официальные отчеты изучены недостаточно хорошо. Дипломатическая деятельность Николая Ивановича Любимова вызывает особый интерес, а документы, хранящиеся в разных архивах, о его поездках в империю Цин могут раскрыть важные аспекты развития русско-китайских отношений в середине XIX в.

Первая поездка в империю Цин, как было указано в его биографии, состоялась в составе 12-й Русской духовной миссии в Пекин в качестве

⁹ Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. СПб., 1896–1918. Т. 10. 1914. С. 805.

¹⁰ Куроянаги Тиаки. Дипломатическая функция Русской духовной миссии в Пекине во время Первой опиумной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 2. С. 32–43; Малыгина О.А., Ахмадулина С.З. Донесение пристава XII Русской Духовной миссии в Пекине Н.И. Любимова о взаимодействии с китайскими чиновниками (первая половина XIX в.) // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 1. С. 76–84.

пристава в 1840 г.¹¹, вернулся в Петербург он с предыдущей миссией в 1842 г. Двенадцатая миссия состояла из целой плеяды будущих выдающихся китаеведов: начальник — Петр Андреевич Тугаринов (архимандрит Поликарп), Гурий (Карпов), Палладий (Кафаров), магистр В.П. Васильев, врач А.А. Татаринов¹², художник К.И. Корсалин¹³, И.И. Захаров¹⁴ и др.¹⁵. Пекинская духовная миссия выполняла в Цинской империи, кроме своих основных функций сохранения православного вероисповедания для албазинцев, до 1860 г. многие дипломатические функции, а также стала колыбелью российского китаеведения. Приставы стали посылаться в XVIII в., в их задачи входили подготовка, организация и сопровождение миссий. Выбирались они из сотрудников Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Пристав отвечал за приготовление транспорта, перевозил финансы, участвовал в подборе кандидатов в члены миссий, вел переговоры с китайскими чиновниками, выполнял дипломатические поручения и секретные задания. Обычно около года пристав находился в Пекине, готовил отъезд предыдущей миссии в Россию и сопровождал ее на обратном пути¹⁶.

Азиатский департамент Министерства иностранных дел кроме предписанных обязанностей приставу выдавал множество поручений и заданий. Любимов Николай Иванович получил от МИДа инструкцию

¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 22. Дело о назначении Н.И. Любимова приставом духовной миссии в Пекине.

¹² Александр Алексеевич Татаринов (1817–1886) — доктор медицины, синолог, дипломат, писатель. После возвращения из Пекина был зачислен в драгоманы при Азиатском департаменте МИД. Сопровождал миссию Е.П. Ковалевского в Кульджу для ведения переговоров о торговле. Назначен первым консулом Российской империи в Чугучаке. Позже сопровождал графа Путятина во время переговоров по Приамурью и Приморью [Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. СПб., 1896–1918. Т. 20. 1912. С. 321].

¹³ Кондратий Ильич Корсалин (1809–1883) — художник, академик пейзажной живописи Императорской Академии художеств, штатный художник 12-й Русской духовной миссии в Пекине в 1840–1844 гг.

¹⁴ Иван Ильич Захаров (1814–1885) — синолог и маньчжуровед, дипломат, профессор Санкт-Петербургского университета. Был переводчиком при миссии Е.П. Ковалевского в Пекин в 1849 г. и в Синьцзян в 1851 г. Стал первым консулом Российской империи в Кульдже. После отставки преподавал маньчжурский язык на Восточном факультете Санкт-Петербургского университета [Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869–1894. СПб., 1896. Т. 1. С. 261–262].

¹⁵ Ипатова А.С. Письма архимандрита Поликарпа (из истории Русской духовной миссии в Пекине) // Проблемы Дальнего Востока. 1991. № 2. С. 91–97.

¹⁶ Скачков П.Е. Очерки истории русского китаеведения. М., 1977. С. 181–182.

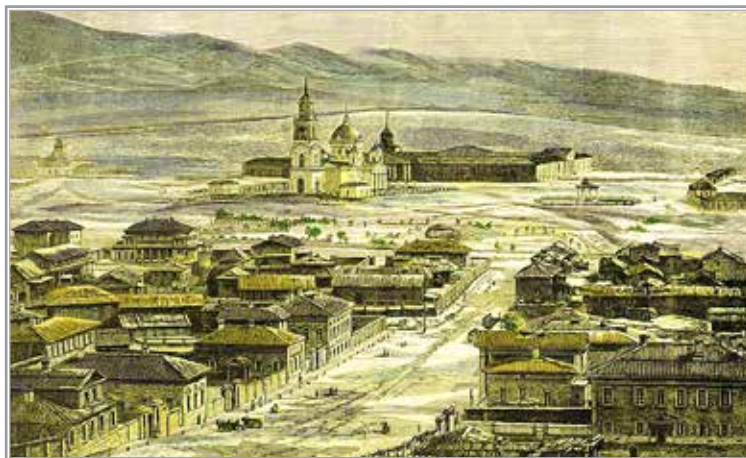
от 7 апреля 1840 г., где была детально расписана его миссия. Во время поездки Любимов вел путевые журналы, записки, памятные, записные и расходные книжки, на основе которых затем писал отчеты и донесения. По результатам поездки всего было сделано несколько донесений в Азиатский департамент: по политической части, о Пекинской духовной миссии и о сношениях наших с Китаем, о колониальной политике англичан в Китае и о военных действиях между Китаем и Англией, «Донесения о приобретении книг и образцов разных материй, о состоянии духовной миссии, о русско-китайской торговле, организации переезда миссии в Россию», «О состоянии Кяхтинского училища китайского языка», «Донесение в Азиатский департамент и ведомости о недвижимом имуществе в Пекине, принадлежащим России», «Донесение о Кяхтинской торговле», «Донесение в Азиатский департамент о границе с Китаем и о пограничной страже», «Отчет по пограничной части»¹⁷. В задачи Н.И. Любимова входили также приобретение книг на китайском и маньчжурском языках, образцов бумажных и шелковых изделий, красок для Петергофской гранильной фабрики, приобретение в Китае разных растений и семян для отправки в Россию, образцов китайских товаров, сбор сведений о китайских лаках, красках, сукнах, шелках, разных сортах дерева и других товарах, составление списков картин, жертвенных сосудов, древних монет, одежды, посуды, образцов товаров, которые духовная миссия вывезла в Россию¹⁸.

Каждый из документов, составленных Любимовым, отвечал на вопросы инструкции, которую до отъезда он получил в Министерстве иностранных дел. Н.И. Веселовский назвал Любимова «практическим ориенталистом», и его архивные документы демонстрируют, насколько квалифицированно и компетентно он работал над бумагами, которые имеют выводы и рекомендации по разным вопросам. Результаты работы Н.И. Любимова можно разделить на несколько тематик: функционирование и дальнейшая судьба Русской духовной миссии, торговля в Кяхте, обучение китайскому языку, о политике англичан в Китае, вопросы, связанные с албазинцами, привезенные книги и научные материалы, контакты с китайскими чиновниками, а также пограничный вопрос.

Начало 1840-х гг. в империи Цин — сложный исторический период, шла война с Англией, позже получившая название Первой опиумной войны (1840–1842). Именно в это время Любимов находился в Пекине.

¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 448. Д. 38; Д. 42; Д. 55; Д. 47; Д. 49; Д. 4.

¹⁸ Там же. Д. 9; Д. 41; Д. 32; Д. 33; Д. 66.

Кяхта. Начало XIX в.

Духовная миссия выполняла многие дипломатические задачи, поэтому в полномочия пристава входило огромное количество функций: разведка, лоббирование интересов России в Китае, работа с албазинцами. Российско-китайская граница оставалась неопределенной. Пограничный вопрос на Дальнем Востоке с началом противостояния Цинской империи с Англией и другими государствами стал очень важным для Российской империи. Любимов особо отмечает, что возможность свободного плавания по Амуру для России становится «потребностью», но, по его мнению, «достигнуть подобных видов, т.е. свободного плавания по Амуру мирными путями, посредством одних только переговоров, с китайцами невозможно по чрезвычайной их подозрительности и недоверчивости»¹⁹. Осознание важности Амура для Российской империи определило дальнейшие события в этом регионе. Уже в 1849–1855 гг. состоялись Амурские экспедиции Г.И. Невельского²⁰, которые доказали судоходность устья реки Амур. А уже в 1858 и 1860 гг. Приамурье и Приморье отошли к Российской империи по Айгуньскому и Пекинским договорам.

Вторая поездка в Китай Н.И. Любимова состоялась в 1845 г. и имела совсем другую организацию. Дипломат должен был под именем фрид-

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 643. Секретная инструкция Азиатского департамента Любимову Н.И. о поездке его в Чугучак и Кульджу.

²⁰ Геннадий Иванович Невельской в 1849–1855 гг. при поддержке генерал-губернатора Западной Сибири Николая Николаевича Муравьева организовал серию экспедиций по реке Амур. *Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России 1849–55 г. Приамурский и Приуссурийский край* / Под ред. В. Вахтина. СПб.: Русская скоропечатня, 1878.

Чайный рынок в Кяхте. Конец XIX в.

рихсгамского 2-й гильдии купца Николая Ивановича Хорошева вместе с переводчиком и приказчиком Костромитиновым, которому выдали паспорт на имя Фейзуллы Ибрагимова, совершить поездку в Чугучак и Кульджу²¹. У Российской империи в это время не было с Китаем соглашения о ведении торговли в Центральной Азии на западной границе. Официальная торговля между Россией и Китаем осуществлялась через Кяхту, где уже бывал Любимов. Имевший опыт долгосрочной поездки в Цинский Китай, а также занимавшийся изучением кяхтинской торговли, он был наилучшим кандидатом на такую роль. Азиатский департамент МИД выдал ему секретную инструкцию для этой поездки²², согласно которой «во время нахождения вашего за границей действовали вообще сколько возможно осторожно, имея всегда в виду, что малейший неосторожный поступок может иметь весьма неприятные последствия».

Любимову предстояло ответить на вопросы Комитета о кяхтинской торговле: насколько удобен путь от самого Китая до Чугучака и Кульджи? Какие товары интересны для торговли в этих местах? Как должна быть организована эта торговля, чтобы она не навредила кяхтинской?²³ В Москве для достоверности легенды были куплены товары для

²¹ Чугучак — историческое название города Тачэн, Кульджа — города Или. Оба населенных пункта располагаются в современном Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

²² Секретная инструкция Азиатского департамента Любимову Н.И. о поездке его в Чугучак и Кульджу. РГАЛИ. Ф.118. Оп.1. Ед.хр. 643.

²³ Извлечение из журнала бывшего в 1843 г. Комитета о Кяхтинской торговле // *Веселовский Н.И. Поездка Н.И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 г., под видом купца Хорошева* // Живая старина: периодическое издание отделения этнографии Императорского Русского географического общества. Кн. 66. 1908. С. 175.

Чугучак. 1890-е гг.

продажи в Западном Китае: ткани (мезерицкое сукно, ситец, миткаль, коленкор, плис, демикотон, холсты и др.), юфтиева кожа, ножи, замки, пуговицы, зеркала, самовары, чайники, чашки, подносы, бисерные бумажники и кошельки²⁴.

В мае 1845 г. Н.И. Любимов приехал в Семипалатинск вместе со своим назначенным помощником-переводчиком Костромитиновым. Получил там товары, купленные в Москве. Оба переоделись в азиатское платье, потому что русским купцам торговля в этом регионе была не разрешена. Поддержку им должен был оказать проживающий в Семипалатинске купец Самсонов²⁵. Из Семипалатинска они отправились в Чугучак, затем в Кульджу, а после вернулись в Семипалатинск по новому маршруту. Все привезенные товары были обменяны на чай.

Путь, пройденный Любимовым и его спутниками, был очень непрост, вместе с груженым караваном верблюдов они порой шли по степи без дорог, в жару, преодолевали перевалы, переходили горные реки, ночевали в юртах и палатках, встречали иногда враждебно настроенное местное население. Во время поездки Любимов вел путевой дневник, где описывал порой очень личные впечатления от приключений: «Я перед чаем выкупался, вода прехолодная, и быстрота речки такова, что надобно крепко держаться о камни, чтобы не снесло. Потом стали все мы пить чай; все труды забыты; радость и веселье. Подобные минуты в путешествии неоценимы и вознаграждают за все трудности. Да, без трудностей

²⁴ РГАЛИ. Ф.118. Оп.1. Ед. хр. 647. Фактуры «на купленные в Москве товары» и на чай.

²⁵ Сидор Иванович Самсонов — семипалатинский купец 1-й гильдии, широко известен по архивным документам и воспоминаниям современников.

и лишений нет жизни, нет и степных наслаждений. Люди мне нашли кучу клубники»²⁶.

В этих же дневниках он детально рассказывал и о механизме торговли в регионе, о причинах, препятствующих торговле, китайских пошлинах, местонахождении складов, происхождении китайских купцов (большинство из них были выходцами из провинции Шаньси), о популярности русских товаров, перечисляет английские товары на рынках, о местах произрастания чая (провинция Фуцзянь), которым торгуют, о ценах и даже об опиуме. Опиум, как и в других частях Китая середины XIX в., был одним из самых востребованных товаров, за который даже давали наличное серебро. В записках Любимова сохранился его разговор с местным купцом об опиуме: «Он <купец> спросил у меня, имею ли я опиум, и когда я ему сказал, что не имею, то засмеялся с видом недоверчивости и прибавил, что в Кульджу ни один купец без опиума не ездит»²⁷.

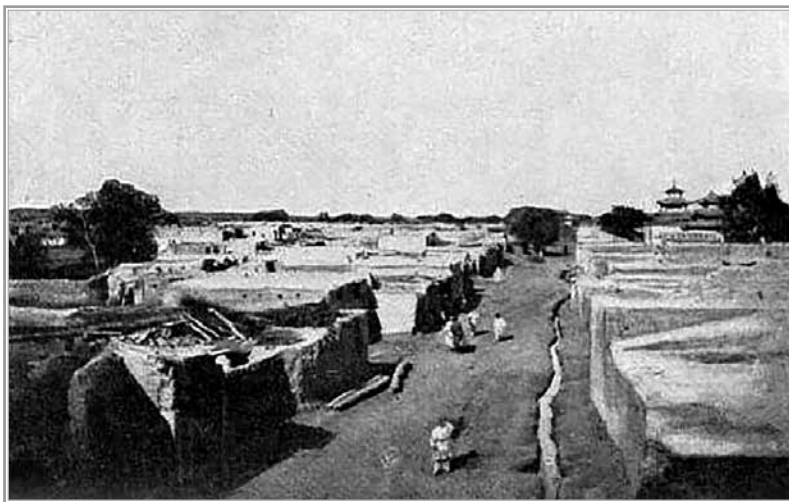
На основе этих записок он, вернувшись в Россию, составляет донесения и докладные записки генерал-губернатору Сибири, Государственному канцлеру и в Азиатский департамент МИД²⁸. Описание торговли в Чугучаке и Кульдже было лишь одной из задач поездки Н.И. Любимова. В своем путевом дневнике поездки на Восток за 1845 г. он также записывает множество географических подробностей маршрутов, их длительность, особенности отношений между местными народами и китайцами, описывает границу с Китаем, расспрашивает о пути из Центрального Китая в Синьцзян, рассказывает об общении с китайскими чиновниками. Так, во время пребывания в Чугучаке Любимов принимал амбань²⁹ Чугучакской области. В «Донесении о поездке в Чугучак и Кульджу» Любимов так описывает эту встречу: «Амбань, узнав, что прибыл русский купец из столицы, пригласил меня к себе вместе с моими приказчиками. Прием был весьма благосклонный, и я воспользовался оным, чтобы спросить, между прочим, у амбаня: могут ли на будущее время русские торговцы приезжать в Чу-

²⁶ Путевой журнал поездки на восток Н.И. Любимова. 1845 г. // *Валиханов Ч. Собрание сочинений*. Т. 4. 1985. С. 278–326.

²⁷ Путевой журнал поездки на восток Н.И. Любимова. 1845 г. // *Валиханов Ч. Собрание сочинений*. Т. 1985. С. 307.

²⁸ РГАЛИ. Ф. 118. Оп.1. Ед. хр. 651. Черновик и копия донесения Любимова Н. «О поездке в Чугучак и Кульджу»; Ед. хр. 652. Письмо директору Азиатского департамента о возвращении документов и расходов на поездку в Чугучак и Кульджу; Ед. хр. 653. Копия донесения Любимова Н.И. Государственному канцлеру о торговле России с Китаем.

²⁹ Амбань — титул высших китайских чиновников на маньчжурском языке. [Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1908. Т. 1А. С. 613].

Кульджа. 1890-е гг.

гучак не перегруженные в азиатское платье, а в русской своей одежде? Амбань отвечал: “Что торговля в Чугучаке дозволена со стороны их правительства только аньджанам, т.е. ташкентцам и кокандцам, а потому русские должны приезжать туда в азиатском наряде”. Ответ весьма странный в устах китайского начальника и доказывающий, до какой степени сами китайские чиновники желают поддерживать эту с нами торговлю при всей ее незаконности (поддерживать, разумеется, в теперешнем ее виде, получая значительные от нея выгоды); большая часть товаров, взимаемых теперь китайским начальством в пошлину, идет, как мне сказывали сами китайские купцы, в карман амбаня и таможенных чиновников»³⁰.

Поездка Н.И. Любимова в Западный Китай показала значимость установления официальных торговых отношений между двумя странами в регионе, прояснила цели и пути проведения политики Российской империи. В 1851 г. в Кульдже был подписан русско-китайский договор, который разрешал присутствие русских купцов в Синьцзяне и регламентировал торговлю между двумя странами в центральноазиатском регионе. Согласно 3-й статье этого договора, «торговля сия открывается ради взаимной дружбы двух держав, а потому с обеих сторон пошлины не брать никакой»³¹. В этом же году в Чугучаке и Кульдже появились

³⁰ Веселовский Н.И. Поездка Н.И. Любимова в Чугучак и Кульджу в 1845 г., под видом купца Хорошева // Живая старина: периодическое издание отделения этнографии Императорского Русского географического общества. Кн. 66. 1908. С. 179.

³¹ Архив внешней политики Российской империи. Ф. Трактаты. Оп. 2. 1851. Д. 877/156. Л. 1–8. Подлинник. Оpubл.: Сборник договоров России с Китаем. 1689–1881. С. 96–102; Русско-китайские отношения. 1689–1916. С. 26–29.

консульства Российской империи, которые должны были регулировать торговые отношения, улаживать споры между купцами, защищать права русских подданных в регионе³².

Деятельность Николая Ивановича Любимова в полной мере демонстрирует важность дипломатических решений и кадровых назначений. Дальнейшее изучение архивных документов практиков-ориенталистов может показать, какую роль играли официальные и секретные поездки дипломатов для последующих событий в отношениях Российской империи и стран Востока.

³² Кудрявцева Е.П. Первые российские консульства в Китае // Вестник МГИМО-Университета. 2018. 3(60). С. 59–71.

REFERENCES

1. *Ipatova A.S.* Letter of Archimandrite Polycarp (From the history of the Russian spiritual mission in Beijing) [Pis'ma arkhimandrita Polikarpa (Iz istorii Rossiyskoy dukhovnoy missii v Pekine)] // Problems of the Far East [Problemy Dal'nego Vostoka]. 1991. № 2 (in Russian).
2. *Kudryavtseva E.P.* The first Russian consulates in China [Pervye rossiyskie konsul'stva v Kitae] // Bulletin of MGIMO University [Vestnik MGIMO-Universiteta]. 2018. № 3(60). pp. 59–71 (in Russian).
3. *Skachkov P.E.* Essays on the history of Russian sinology [Ocherki istorii russkogo kitaevedeniya]. Moscow, 1977 (in Russian).
4. Travel journal of a trip to the East of N.I. Lyubimov. 1845 [Putevoy zhurnal poezdki na Vostok N.I. Lyubimova. 1845 g.] / In coll.: Collected works of Chekan Valikhanov [V sb.: Sobranie sochineniy Chekana Valikhanova]. Vol. 4. Almaty: Glavnaya redaktsiya Kazakhskoy Sovetskoy entsiklopedii, 1985. pp. 278–326 (in Russian).
5. *Veselovskiy N.I.* Trip of N.I. Lyubimov to Chuguchak and Gulja in 1845, under the guise of the merchant Khóroshev [Poezdka N.I. Lyubimova v Chuguchak i Kul'dzhu v 1845 g., pod vidom kuptsa Khórosheva] // Living Antiquity: Periodical publication of the ethnography department of the Imperial Russian Geographical Society [Zhivaya starina: Periodicheskoe izdanie otdeleniya etnografii Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva]. 1908. Vol. 66. pp. 169–189; Vol. 67. pp. 312–331 (in Russian).
6. *Zaytsev I.V.* Turkic and Persian manuscripts and documents from the collection of N.I. Veselovsky in RGALI (Brief review) [Tyurkskie i persidskie rukopisi i dokumenty kollektzii N.I. Veselovskogo v RGALI (Kratkiy obzor)] // Electronic scientific and educational magazine «History» [Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya»]. 2020. Vol. 11. № 5(91) (in Russian).

Ключевые слова:

Николай Иванович Любимов, Русская духовная миссия в Пекине, Кяхта, Азиатский департамент МИД, Чугучак, Кульджа, торговля в Западном Китае.

Anastasia A. Malenkova

SECRET MISSIONS OF LYUBIMOV NIKOLAI IVANOVICH TO THE QING EMPIRE IN THE 1840s

Russian diplomat, orientalist, director of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs Nikolai Ivanovich Lyubimov made two trips to the Qing Empire. The first trip took place in 1840–1842 to Beijing as part of the 12th Russian Orthodox mission, the second – under the name of the merchant Khoroshev to Western China in 1845. Documents from Lyubimov’s archive, stored in the Russian State Historical Archive and Russian State Archive of Literature and Art, allow us to learn about the preparation, goals, progress and results of the trips. Lyubimov made a great contribution to the development of relations between the Russian Empire and the Qing Empire. On his first trip, in addition to his duties as a mission officer, he managed to learn more about the situation in China during the First Opium War, study the border issue in detail, and write a report on trade in Kyakhta. The second trip to Kuguchak and Ghulja allowed us to obtain information about the mood of the peoples living on the border of Central Asia and China, local trade and communicate with Chinese officials. Lyubimov’s archive is a unique testimony to the work of Russian diplomats to defend Russia’s interests in Asia in the 19th century.

Key words: Nikolai Ivanovich Lyubimov, Russian Orthodox Mission in Beijing, Kyakhta, Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, Chuguchak, Ghulja, trade in Western China.

Anastasia A. Malenkova – Senior Teacher at the Department of the History of China, Institute of Asian and African Studies at Moscow Lomonosov State University.

 Маленкова Анастасия Андреевна

старший преподаватель кафедры истории Китая Института
стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.013

Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова, Р.М. Валеев

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ КАТАНОВ В СЕМИРЕЧЬЕ И СИНЬЦЗЯНЕ (1890–1891)*

Введение

В настоящем исследовании мы подводим промежуточные итоги многолетнего проекта по публикации и исследованию дневников большого тюркологического путешествия Н.Ф. Катанова (1862–1922), совершенного по территориям Хакасской тайги, Урянхайского края, Семиречья, Тарбагатая и Восточного Туркестана (Синьцзяна) в 1888–1892 гг. Это путешествие стало определяющим для карьеры тюрколога-универсала, однако в плане публикации его результатов сложилась двойственная ситуация. Объемные путевые дневники, подготовленные Н.Ф. Катановым, не публиковались при его жизни, фрагментарно оказались представлены в печати накопленные во время экспедиции фольклорно-этнографические материалы. Оперативно были опубликованы лишь небольшие по объему дневники поездки к карагасам зимой 1889/90 г., а также — сразу после окончания экспедиции — избранные письма и отчеты исследователя.

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке РНФ и Кабинета Министров РТ (проект № 23-28-10046) и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Источники, историография

Полевые дневники Н.Ф. Катанова содержали в порядке получения бытовую, географико-экономическую и прочую информацию, так и сведения лингвистического, фольклорного и этнографического характера. Оригиналы тюркских фольклорных текстов в академической транскрипции оформлялись отдельно, а в окончательный дневниковый текст заносились переводы. Большой пласт материалов, записанных в среде хакасов и тувинцев, увидел свет в 1907 г. в составе антологии В.В. Радлова «Образцы народной литературы тюркских племен». Русские переводы этих текстов неоднократно переиздавались в собраниях разного объема (в 1963, 2000, 2003–2004 гг. и др.). Тувинские дневники, полностью подготовленные автором к публикации, были описаны С.И. Вайнштейном в 1968 г., но свет увидели только в 2011 г.¹

Драматической оказалась судьба лингвистических материалов, записанных в Семиречье и Восточном Туркестане. Дневники за 1890 и 1891 гг. были полностью подготовлены Н.Ф. Катановым к публикации и переписаны набело, однако записи за 1892 г. так и остались в черновых блокнотах. Подготовленные к печати материалы по казахскому и уйгурскому языкам, в том числе в научной латинской транскрипции, так и остались неопубликованными до самой кончины исследователя в 1922 г. Благодаря Н.Н. Поппе об этих материалах стало известно в Финно-угорском институте Берлинского университета, сотрудник которого В. Банг-Кауп в 1926 г. выкупил рукописи у вдовы Н.Ф. Катанова в Казани. Для подготовки этих материалов к публикации они были переданы К. Менгесу, который выпустил их первую часть в 1933 г. Из-за того, что Менгес эмигрировал из Третьего рейха, вторая часть материалов Катанова увидела свет только в 1943 г. в Кёнигсберге тиражом 200 экз. и по понятным причинам сразу же стала библиографической редкостью². К. Менгес также опубликовал словарь к уйгурским наречиям разных оазисов, увидевший свет в Бонне в 1953 г. В 1977 г. оба тома «*Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan*»

¹ Очерки Урянхайской земли. Дневник путешествия, исполненного в 1889 году / Подг. рукописи, коммент. А.К. Кужугет. Кызыл: ТИГИ при Каб мин. РТ, 2011.

² *Poppe N. Review: Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan II. Aus dem Nachlass von N.Th. Katanov herausgegeben. Als Manuskript gedruckt. Berlin, 1943. 185 p. // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 15. No. 3/4 (Dec., 1952). P. 523–525.*

были факсимильно переизданы в Дрездене Центральным антиквариатом ГДР под одной обложкой³.

Только в 2017 г. коллектив авторов этой статьи смог опубликовать первую часть объемного издания, включающего не только комментированный текст дневников путешествия Н.Ф. Катанова из собрания Национального архива Республики Татарстан (НА РТ, ныне Государственный архив РТ), но и факсимиле авторского текста⁴.

Введение в научный оборот этих материалов позволяет по-новому переосмыслить стратегию и тактику работы Н.Ф. Катанова на территории Цинской империи, а также заново рассмотреть этапы его путешествия, лапидарно отраженные в его изданных ранее материалах. Например, в отчете Русскому географическому обществу, изданному в 1893 г. под заглавием «Среди тюркских племен»⁵, путешествию от границы через Чугучак до Урумчи и обратно в буквальном смысле посвящена одна строка.

«Письма Н.Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана»⁶ прежде всего были посвящены вопросам лингвистики (основным адресатом был наставник Катанова — В.В. Радлов), в меньшей степени — этнографии туркестанских тюрков и монголов, и также не позволяют в полной мере реконструировать подробности путешествия. Последние можно извлечь только из объемного дневника, который носил характер документа, удостоверяя, в том числе, финансовые расходы. Реконструкция хода и событийного ряда путешествия важна для понимания контекста, в котором собирались лингвистические и фольклорные материалы.

Становление Н.Ф. Катанова как тюрколога. Степная местность Изюм, из которой вел происхождение Н.Ф. Катанов, находилась близ села Аскизского (далее Аскиз), основанного около 1770–1771 гг. в связи с постройкой в устье реки Аскиз деревянной церкви святых апостолов

³ Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Валеев Р.М. Первый этап научного путешествия Н.Ф. Катанова в Восточный Туркестан (10 июля — 16 октября 1890 г.) // Тюркологические исследования. 2018. Т. 1. № 2. С. 142–143.

⁴ Наследие российской тюркологии XIX в.: «Путешествие по Сибири, Дзунгарии и Восточному Туркестану». Дневник путешествия, совершенного по поручению Императорского Русского Географического Общества в 1890 г. членом-сотрудником оною Н.Ф. Катановым / Отв. и науч. ред.: Р.М. Валеев, В.Н. Тугужекова, Д.Е. Мартынов; подг. к изд., сост., коммент., указ. Д.А. Данькиной, Р.М. Валеева, Р.З. Валеевой, Д.Е. Мартынова, Ю.А. Мартыновой, Ф.Г. Миниханова, М.С. Минеевой, В.Н. Тугужековой. Казань: Изд-во «Артифакт», 2017.

⁵ Катанов Н.Ф. Среди тюркских племен // Известия Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1893. Т. XXXIX. С. 519–541.

⁶ Катанов Н.Ф. Письма из Сибири и Восточного Туркестана / Предисл. В.В. Радлова // Записки Императорской Академии наук. 1893. Т. XXIII. С. 1–114.

34 руб. Всего на расходы получено 1.524 рублия.
 Во время десятидневного путешествия в Сибирь рас-
 ходовались на следующие предметы: 1) на покупку
 камушек, ружья, принадлежностей; 2) на утрату вещей
 ками и работам; 3) на утрату за переезды перо-
 рожки; 4) на утрату за перевозку вещей и мате-
 риалов; 5) на утрату за перевозку вещей, на-
 сев и материалов; 6) на утрату за квартиру, там
 в лагере; 7) на утрату и подарки якутским
 и тувинским. Всего расход в 28 Октября отъезду
 расходов составил 1 руб. 59 коп., то же количество до
 получения камушек, ружья и вещей, я обратил
 к нашему Консулу в г. Иркутске М. П. Шини-
 реву, который и выдал мне 200 рублия.
 В этом году проведено экспедицией до 6.000
 верств. Экспедиция во время путешествия по В. Сур-
 хестану и Сурхатин составили крайнюю линию
 между русскими, именно: пашоводителем и руководителем
 А. П. Бейтерев, проводником Карим-Казань Чина-
 мов Муллашад-беков и трое рабочих. Сагаунь
 Ашунс. охр., Сино. губ. Н. А. Катанов и Карим-
 Сивар области Сех-батир и Махир. Материалы
 пашоводителем выдавались по 50 коп., а проводни-
 ку и рабочим валив 4 руб. 30 коп. в сутки.
 Цель-сотрудник Императорского Геогра-
 фического Общества
 = Н. Ф. Катанов

с. Байтк Сивар обл.
 5 Октября 1890.

Дневник Катанова 1890 г.

Петра и Павла. Это было инициативой сагайского князя Амзора Наира, сына одного из первых хакасских правителей, принявших крещение и подданство Российской империи. С 1822 г. в селе была основана Степная дума соединенных разнородных племен, контролирующая сагайские и бельтирские роды-сеоки. В 1851 г. была возведена каменная цер-

ковь взамен сгоревшей деревянной, и с 1869 г. попечением священника Николая (Орфеева) в селе функционировало сельское училище. Оно было создано при финансовой и моральной поддержке красноярского золотопромышленника П.И. Кузнецова; он же подарил училищу книги для библиотеки⁷. Первым учителем стал Ефим Семенович Катанов — дядя Николая Федоровича, который имел удостоверение Ачинского уездного училища⁸. Экономическим и интеллектуальным центром села была «резиденция» золотопромышленной базы Кузнецовых, которой до 1890 г. управлял И. Каратанов — коми-зырянин из Красноярска⁹. Его сын Д.И. Каратанов стал известным в Красноярске художником¹⁰.

В современной историографии принято считать, что интеллектуальными интересами Николай Катанов был обязан своему дяде Ефиму, который являлся письмоводителем Степной думы, учителем, а также был награжден орденом Святой Анны III степени (1876) за обращение в православие более трех тысяч сагайцев и бельтиров. Впрочем, в 1880 г. на Е.С. Катанова был написан донос, обвинявший его в хищении около 11 тыс. рублей, после следствия он был сослан в Якутскую губернию¹¹. В 1876 г. 14-летний Н.Ф. Катанов на лодке проплыл по Абакану и Енисею около 400 км, чтобы поступить в основанную незадолго до того Красноярскую гимназию. Членом ее попечительского совета был П.И. Кузнецов, и требования для поступления в первый класс являлись минимальными. По мере укомплектования штатов учителями Катанова оказались незаурядные специалисты: археолог-сибиревед А.С. Еленев, синолог Н.И. Монастырев, член Русского географического общества А.К. Завадский-Краснопольский, который приохотил юного Николая к этнографии¹².

Именно в гимназические годы сложились характерные черты характера Н.Ф. Катанова, которые заметны и в его полевых дневниках. Постоянно испытывая нужду, он подрабатывал репетиторством, а в старших классах, будучи старше всех по возрасту, был наставником сына купца А.А. Ярилова, с которым жил на одной квартире. За это ему оплачивали учебу и ежемесячно выдавали 10 рублей на содержание себя. В воспоминаниях А. Ярилова отмечалась исключительная — до педантичности —

⁷ Чебодаева М.П., Валеев Р.М., Данькина Н.А. С берегов Аскиза до берегов Невы. Научный путь профессора Н.Ф. Катанова (1862–1922). СПб., 2023. С. 11–14.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Там же. С. 17, 26.

¹⁰ Там же. С. 19–30.

¹¹ Там же. С. 31, 33.

¹² Там же. С. 36–39.

Николай Феодоровичъ
 Катановъ,

Членъ-корреспондентъ
 Финно-Угорскаго Общества
 въ Гельсингфорсѣ,
 Этнографическаго Общества
 въ Будапештѣ
 и
 Русскаго Комитета
 для изученія
 Средней и Восточной Азии
 въ С.-Петербургѣ,
 членъ-соревнователь
 Каванскаго Уѣзднаго
 Комитета
 Почетительства
 о Народной Трезвости,
 дѣйствительный членъ
 Императорскаго
 Русскаго
 Археологическаго Общества
 и
 Императорскаго
 Русскаго
 Географическаго Общества
 въ С.-Петербургѣ,
 Императорскаго
 Общества Любителей
 Естествознанія,
 Антропологии и Этнографіи
 въ Москвѣ,
 Общества
 Археологии, Истори и Этнографіи
 Общества Любителей
 Русской Слоvesности
 въ память
 А. С. Пушкина
 въ Кавани,
 Каванскаго Губернскаго
 и
 Семинальнскаго Областнаго
 Статистическаго комитета,
 Русскаго Собранія
 въ С.-Петербургѣ,
 Каванскаго
 Временнаго Комитета
 по дѣламъ печати,
 Каванской
 Переводческой Комиссіи
 Православнаго
 Миссіонерскаго Общества
 и
 Международнаго Общества
 Наукъ и Литературъ
 въ Ливенѣ,
 почетный членъ
 Каванскаго
 Общества Трезвости
 и
 Тобольскаго
 Губернскаго Музея,
 Предсѣдатель Совѣта
 и
 Директоръ
 Каванскаго Городскаго
 Публичнаго Музея,
 Предсѣдатель
 Каванскаго Общества
 Археологій,
 Истори и Этнографіи.

Мая мѣсяца 22-го числа 1907 г.
 Г. КАЗАНЬ. Переулокъ III гимназ., д. Гурачковыхъ.

*Глубокоуважаемый
 Александръ Васильевичъ!*

*Прежде всего свидѣтельствую
 изыскайшее почтеніе Вамъ съ сем-
 ью, супругою Вашею съ дѣтками, въ-
 талью съ родителями и всему бо-
 гоще Вашему благословенному племю
 и желаю всего много много
 здравствовать и во всемъ доб-
 рой преуспѣвать. Великъ съ
 мной сердцею скорбю, что не
 могу привѣтствовать Васъ и
 побесѣдовать съ Вами лично. Охъ
 Турскіе знакомые оставили во
 многае самое приятное впечатлѣ-
 ніе, особенно же члены Вашей
 семьи, среди которыхъ я провелъ
 время самымъ приятнымъ од-
 разомъ.*

*Засиль отъ души благо-
 рю Васъ за приемы въ Казань*

9044

Письмо Н.Ф. Катанова. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки КФУ

аккуратность Н.Ф. Катанова, как в быту, так и в отношениях с людьми. Тогда же он привык фиксировать даже мелочные расходы, в которых неизменно отчитывался покровителю¹³.

Под руководством А.К. Завадского-Краснопольского началась научная деятельность Н.Ф. Катанова. Он начинал со сверки хакасских преданий, записанных В.В. Радловым и М. Кастреном. Статья Катанова «Описание шаманского бубна и костюма сагайского племени» была включена в состав

¹³ С берегов Аскиза до берегов Невы. С. 39.

«Очерков Северо-Западной Монголии» Г.Н. Потанина¹⁴. К 1882–1884 гг. относятся рукописи по этимологии, синтаксису и грамматике сагайского языка, но они так и остались неопубликованными. В дальнейшей судьбе Катанова принял большое участие миссионер В.И. Вербицкий, поддержавший его стремление к высшему образованию; к тому времени молодой ученый состоял в переписке с В.В. Радловым и Н.И. Ильминским¹⁵.

15 августа 1884 г. Николай Катанов был зачислен в Санкт-Петербургский Императорский университет по разряду арабо-персидско-турецко-татарской словесности. Он имел известные льготы как золотой медалист; однако в прошении ректору И.Е. Андреевскому указывал, что не имеет родственников, которые могли бы оказывать ему материальную помощь. В конце 1884 г. Н.Ф. Катанов добился освобождения от платы за обучение, и ему была назначена стипендия в 100 рублей в год. Это принуждало его к аскетизму и режиму жесткой экономии: Николай Федорович обедал раз в неделю по воскресеньям, занимался репетиторством и даже писал копеечные поминания на церковной паперти для неграмотных¹⁶.

Деканом Факультета восточных языков в период обучения Н.Ф. Катанова был известный китаевед В.П. Васильев. Среди преподавателей выделялись ученые мирового класса: В.Р. Розен (арабский язык), В.Д. Смирнов (османский язык), Н.И. Веселовский (история Востока, история Средней Азии), И.Н. Березин (сравнительная грамматика тюркских языков) и некоторые другие. Основные его интересы сосредоточились вокруг кафедры турецко-татарской словесности, возглавляемой И.Н. Березиным; он же преподавал восточную нумизматику. Именно И.Н. Березин оставил Катанова при кафедре профессорским стипендиатом и помогал в дальнейшем публиковать материалы, полученные во время научного путешествия в Восточную Сибирь¹⁷. Также Николай Федорович занимался на дому у академика В.В. Радлова сравнительным языкознанием и в 1886 г. бывал на вечерах у Н.М. Ядринцева, из-за чего имел проблемы с III отделением, и дал подписку «не принадлежать ни к какому тайному сообществу, не вступать и в дозволенные законом общества без специального разрешения»¹⁸.

Катанов окончил университет в 1888 г., получив на государственных испытаниях все оценки «отлично», кроме русской истории («хорошо»).

¹⁴ С берегов Аскиза до берегов Невы. С. 41.

¹⁵ Там же. С. 42.

¹⁶ Там же. С. 46.

¹⁷ Там же. С. 49, 51.

¹⁸ Там же. С. 54.

— 0150 —

Въ результатѣ обѣ разобранныя книги г. Аннинскаго спеціалисту не дадутъ ничего, а непосвященныхъ могутъ ввести въ рядъ крупныхъ заблужденій.

Н. Марръ.

322. Н. О. Катановъ. Опытъ изслѣдованія урянхайскаго языка съ указаніемъ главнѣйшихъ родственныхъ отношеній его къ другимъ языкамъ тюркскаго корня. Казань. Типолитографія Императорскаго Казанскаго Университета. 1903. XLII+1539+LX и отдѣльной брошюрой «Исправленія и дополненія» 8 стр.

Трудъ Н. О. Катанова распадается на нѣсколько отдѣловъ различной цѣнности и различнаго характера, почему мы и позволимъ себѣ прежде всего дать общій обзоръ его. На стр. 934 — 1053 даны тексты на урянхайскомъ нарѣчій (которое въ литературѣ болѣе извѣстно подъ названіемъ сойонскаго или сойотскаго) въ академической транскрипціи, снабженные русскимъ переводомъ; стр. 1 — 933 содержатъ фонетику и грамматику урянхайскаго нарѣчія, причемъ при каждомъ фонетическомъ и грамматическомъ явленіи систематически приводятся справки о соответствующихъ явленіяхъ во всѣхъ или по крайней мѣрѣ въ болѣе части извѣстныхъ автору турецкихъ нарѣчій какъ современныхъ, такъ и древнихъ. Эта часть труда снабжена огромными таблицами, которыя, надо полагать, должны способствовать наглядности и удобо-обозримости сообщаемаго авторомъ матеріала. Нѣсколько выдѣляется по содержанію § 21 (стр. 30 и слѣд.), озаглавленный «Гласные монгольскихъ словъ», въ которомъ говорится о заимствованныхъ урянхайцами монгольскихъ словахъ и ихъ измѣненіяхъ. Небольшой экскурсъ объ удареніи и метрикѣ помѣщенъ на стр. 35 — 37 (§§ 22 и 23). Стр. 1054 — 1367 заняты многочисленными указателями, которые, надо отдать имъ справедливость, дѣйствительно значительно облегчаютъ читателю пользованіе книгой, имѣющей такіе солидные размѣры. Стр. 1369 — 1524 заняты библиографическимъ указателемъ литературы объ урянхайцахъ и ихъ землѣ, который, будучи конечно не безполезенъ самъ по себѣ, не имѣетъ прямого отношенія къ избранной авторомъ темѣ. Въ предисловіи (I — XLII) Н. О. Катановъ даетъ нѣкоторыя общія свѣдѣнія о народѣ, языкъ котораго онъ изслѣдуетъ и перечисляетъ нарѣчія, привлеченныя имъ для сравненія, и пособия, которыми онъ пользовался. Наконецъ остальная часть книги занята оглавленіемъ и «исправленіями и дополненіями», которыя вмѣстѣ съ вышедшими отдѣльною брошюрою занимаютъ 22 страницы.

Рецензия П. М. Мелиоранскаго. ЗВОРАО

30 мая Советъ Императорскаго Санкт-Петербургскаго университета присудилъ ему степень кандидата словесности, одновременно удовлетворив ходатайство И.Н. Березина об оставленіи Катанова профессорским стипендиатомъ Факультета восточныхъ языков¹⁹.

¹⁹ С береговъ Аскиза до береговъ Невы. С. 57.

Путешествие Н.Ф. Катанова и содержание дневников за 1891 г.

В 1887 г. В.В. Радлов предложил новаторскую по методам проведения экспедицию в периферийные земли Российской и Цинской империй «для изучения остатков тюркских племен». Главной особенностью было то, что основную работу должен был выполнить исследователь-одиночка, происходящий из коренных народов и получивший высшее востоковедческое образование. Проект Радлова был рассмотрен на заседании этнографического отделения Русского географического общества 11 декабря 1887 г. и признан полностью соответствующим важнейшим целям общества. Кандидатура Катанова («наиболее подготовленного и более способного лица») была предложена в том же документе. Бюджет предприятия был минимальным: 1000 рублей в год из бюджета Русского географического общества, не считая дополнительных ходатайств перед Академией наук и университетом. Последнее было поддержано В.П. Васильевым. Современники отлично понимали крайнюю ограниченность доступных Катанову ресурсов. Так, Н.И. Веселовский прямо указывал, что «Н.Ф. Катанов ведет свое путешествие при таких скудных материальных средствах, при каких редко кто из ученых путешественников, вообще не избалованных в этом отношении, совершал поездки на отдаленный Восток»²⁰. Достаточно сказать, что начиная путешествие в Туву, Н.Ф. Катанов располагал 720 рублями от Академии наук и 600 рублями от Русского географического общества, за полугодичное путешествие он сумел сэкономить 188 рублей 35 копеек, которые предполагал использовать для поездки к бельтирам и карагасам в Енисейскую и Иркутскую губернии²¹.

Как было принято в географических экспедициях XIX в., инструкции и научная программа предписывались путешественнику свыше. Этими вопросами занимался И.Н. Березин, но официально программа была утверждена, когда Н.Ф. Катанов уже находился в пути: текст программы датирован 16 января 1889 г., а утверждена она была Факультетом восточных языков 28-го числа. На первое место в этом документе выносилось изучение диалектов уйгурского языка на основе сравнительно-исторического метода с первостепенным вниманием точной фонетической фиксации языкового материала. Далее кандидату Катанову предстояло изучать устную народную литературу оазисов Восточного Туркестана,

²⁰ Мартынов Д.Е. Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Восточную Сибирь и Синьцзян в 1889–1892 годах / Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова, Э.К. Хабибуллина // Новый исторический вестник. 2019. № 1 (59). С. 107–108.

²¹ Там же. С. 108–109.

Коллекция Катанова из путешествия. *Кунсткамера*

которая в те времена вообще не была известна. Фактические результаты путешествия вышли далеко за указанные в инструкции пределы²².

Выехав из Санкт-Петербурга 12 декабря 1888 г., к 19 января 1889 г. Н.Ф. Катанов через Оренбург прибыл в Красноярск. Главной стационарной базой своей экспедиции он сделал родное село Аскиз, что находилось примерно в 65 верстах (почти 70 км) от Абакана²³. Первым заданием исследователя стало путешествие в Урянхайский край (нынешнюю Туву), которое продолжалось около полугода (15 марта — 28 августа 1889 г.).

Напомним читателям канву первого этапа синьцзянского путешествия. 10 июля 1890 г. Н.Ф. Катанов в сопровождении родственника — разнорабочего И.А. Катанова и письмоводителя А.П. Бехтерева пересек границу Цинской империи, прибыв в приграничный Чугучак, где получил от русского консула М.П. Шишмарева «билет» (т.е. предписание) на проезд до Урумчи. Проводником был нанят кашгарский сарт Исмаил Садатбеков, в караван входили шесть лошадей и три телеги и погонщики казахи Юсуф Юсуфов (Бек-Батыр) и Тасыр Урумбаев. Переезд до центра округа Тарбагатай продолжался 14–16 июля, где начались первые трудности, так как маньчжурские власти, принимая Н. Катанова за шпиона, отказались пропускать его далее Урумчи. По разъяснению чугучакского погранич-

²² Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Восточную Сибирь и Синьцзян... С. 108.

²³ Там же.

ного чиновника, проездной паспорт мог быть выдан только в Пекине. 18 июля был выписан проходной лист до Урумчи, и в тот же день отряд исследователя пересек р. Аксу. После тяжелого перехода через ущелье Барлыкских гор Н.Ф. Катанов прибыл 23 июля в караул Шарызак, план которого зарисовал. Дальнейший путь проходил по пустынной местности, преимущественно населенной монгольскими родами. 3 августа начальство дорожного караула подтвердило, что не пропустят исследователя далее Урумчи. Находясь в Кур-Кара-Усу, 6–9 августа Н.Ф. Катанов общался с китайским уездным начальником, которому сообщил, что цель его путешествия — изучение уйгурских диалектов и фольклора. Исследователь произвел впечатление, и власти помогли раскрыть кражу лошади из каравана и вернули похищенное. Пережив тяжелый переход и нападение грабителей у деревни Чаньцзи, незадолго до полуночи 23 августа 1890 г. караван Н.Ф. Катанова прибыл в Урумчи²⁴.

Чиновникам уездной управы Н.Ф. Катанов представился инспектором русской пограничной торговли на дистанции между Чугучаком и Урумчи, наладил отношения с русскими фотографами и купеческими представителями, аккредитованными в городе, и с начальником русско-китайской школы, с которым вместе учился на Факультете восточных языков в Санкт-Петербурге. Был найден постоянный информатор, носитель диалекта Турфанского оазиса — профессиональный исполнитель народных песен Басит, а позднее — музыкант и певец Ахун и переписчик рукописей Седик, также турфанец. 25 сентября исследователь отправился в обратный путь, возвратившись не без приключений в Чугучак 16 октября 1890 г. Предисловие к рукописному тому путевого дневника было датировано 5 ноября²⁵.

Перейдем к реконструкции второго этапа путешествия Н.Ф. Катанова, который мы можем обозначить как «стационарный». Внешними регуляторами действий ученого являлось ожидание заграничного паспорта. Основным занятием вынужденно были этнографические и фольклористические наблюдения. Во введении к обработанной рукописи, датированном 23 сентября 1892 г., был подведен следующий итог: уйгурских (китайских сартов) сказок 24, уйгурских толкований снов 33, поверий казахских и уйгурских — 4, пословиц казахских 387, уйгурских 3. Записей на уйгурском и казахском языках об обрядах и обычаях — 24, рассказов

²⁴ Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А., Валеев Р.М. Первый этап научного путешествия Н.Ф. Катанова в Восточный Туркестан... С. 143–145.

²⁵ Там же. С. 145–147.

исторического содержания казахских и уйгурских — 15. Разнообразных памятников устной поэзии («распеваемых в большие мусульманские праздники, и стихах нищих»): казахских 158, «окиргизившихся русских сартов» 29, узбекских 35, уйгурских 142. Все эти памятники записывались в академической русской транскрипции и в русском переводе²⁶.

30 октября 1890 г. Н.Ф. Катанов надолго обосновался в пограничном селении Бахты, занимаясь вплоть до 6 февраля 1891 г. обработкой лингвистических материалов из Минусинского округа и Китайского Туркестана. Все это время исследователь снимал квартиру у некоего С.С. Суменко за 20 рублей в месяц за постой и прокормление на троих. В день 6 февраля из соображений экономии А.П. Бехтерев и О.И. Катанов были уволены и отправлены за счет Н.Ф. Катанова в Минусинск. Квартирная плата с этого дня сократилась до 10 рублей в месяц («при своем чае и сахаре»). Непрерывные дневниковые записи возобновляются с 24 февраля 1891 г.²⁷ В весенне-летний сезон 1891 г. Н.Ф. Катанов занимался стационарными исследованиями на базе в Бахтах (24 февраля — 10 мая) и в Чугучаке на китайской территории (15 мая — 10 августа)²⁸.

10 марта Н.Ф. Катанов, который продолжал готовиться к длительной поездке по уйгурским оазисам, получил послание купца Арефы Петровича Соболева, которое содержало конкретную информацию о разнообразных дорожных условиях по пути к Хами; порядок цен, качество гостиниц и протяженность дневных переездов были важны для планирования бюджета²⁹. 17 марта прибыла посылка из Томска (39 фунтов весом = 15,9 кг), в которой содержались заказы среднеазиатских купцов и китайских чиновников, а также подарки для информаторов ученого. В скрупулезно составленном списке значатся пять сортов мыла, лекарства (танин, камфора, хинин, камедь, глицерин, скипидар), термометры Реомюра, чернильный порошок, «нитки в катушках, иголки 10 родов, карандаши, ножницы, бинокли, резинки, перочинные ножик[и фабрики] Завьяловых, чернильницы и русские игральные карты»³⁰.

К подготовке большого путешествия имела отношение таблица «поверенных расстояний» между Пекином и 24 крупнейшими горо-

²⁶ Поездка в Семиречье и Тарбагатай. Дневник путешествия, совершенного в 1891 году по поручению Императорского Русского Географического Общества членом-сотрудником оною Н.Ф. Катановым // ГА РТ. Ф. 969. Оп. 1. Д. 11. Л. 2–3.

²⁷ Там же. Л. 4.

²⁸ Там же. Л. 2.

²⁹ Там же. Л. 8–9.

³⁰ Там же. Л. 13 об.–14 об.

дами Синьцзяна, округов Или и Тарбагатай, внесенная в дневник под 17 апреля. Она была составлена как на основе собственных полевых наблюдений Н.Ф. Катанова в 1890 г., так и «Географического обозрения Китайской империи» З.Л. Матусовского³¹. 24 апреля на службу был вновь нанят Юнус Джангуданов, который сопровождал в 1890 г. Н.Ф. Катанова из Урумчи до Чугучака за жалованье 12 рублей в месяц и 19 рублей 95 копеек прогонных, при условии, что он прослужит не менее восьми месяцев. 2 мая в Чугучаке в присутствии российского консула М.П. Шишмарева был нанят погонщик Фаттах, который подрядился доставить ученого в Урумчи за 16 дней с грузом 15 пудов на двух телегах, запряженных парой лошадей. Стоимость сделки составила 80 рублей, с условием, что корм лошадей и постоя в китайских гостиницах Фаттах оплачивает сам. Был определен и срок выезда³². 11 мая был закуплен провиант: шесть пудов сухарей, которых должно было хватить до самого Хами, разнообразные лакомства для угощений (варенья, сардины, сладости) и мелкие подарки («мухоморные листки», ножницы и жестяные коробки). В тот же день пришло письмо от фотографа И.Ф. Толшина, с которым Н.Ф. Катанов общался в 1890 г. в Урумчи: у него было куплено 70 фотографий, фиксирующих этнические типы маньчжуров, китайцев, уйгуров, казахов и монголов. 13 мая исследователь выехал в Чугучак, полагая, что, получив там охранный лист, сможет немедленно двинуться в путь до Хами. По первоначальному плану в Хамийском оазисе следовало провести лето, осень в Турфане, и зимой 1892 г., после исследований в Илийском округе, можно было выезжать в Россию³³.

В Чугучаке Катанов и Джангуданов остановились в доме погонщика Фаттаха, однако новости были неутешительны: начальник округа, от которого зависела скорость оформления проездных документов, был занят межеванием границ смежных территорий Тарбагатай и Кобдо. Оставалось заниматься записью фольклорных текстов, большей частью сообщаемых Юнусом и Фаттахом³⁴. Иногда это позволяло делать лингвистические наблюдения: Н.Ф. Катанов 26 мая зафиксировал в дневнике, что язык казахов округа Тарбагатай ничем не отличается от казахского языка родов Семипалатинской области³⁵. По местным меркам, Катанов щедро расплачивался с информаторами: так, 29 мая Фаттах за надиктованную

³¹ Поездка в Семиречье и Тарбагатай. Л. 17.

³² Там же. Л. 18 об.–19 об.

³³ Там же. Л. 22 об.–23 об.

³⁴ Там же. Л. 27 об.

³⁵ Там же. Л. 46 об.

Коллекция Катанова из путешествия. *Кунсткамера*

41 казахскую присказку (запись продолжалась от четырех пополудни до трех четвертей шестого) получил пару «новых глубоких резиновых ка-лош № 7 (в Бахтах 4 рубля) и 3 мухоморных листа (5 коп.)»³⁶. Подобного рода подарки упоминались регулярно и впоследствии.

Неприятные известия последовали 6 июня: консул М.П. Шишмарев уведомил, что тарбагатайский наместник категорически отказался выдавать проездные документы. Российский консул обратился в Министерство иностранных дел в Петербург и пекинское посольство, однако планы поездки срывались. Проводник Фаттах возвратил половину задатка, а сам Николай Федорович после расторжения договора предполагал «заняться собиранием памятников народного творчества сартов Китайского Туркестана»³⁷. 9 июня было возобновлено знакомство с профессиональным исполнителем Шах-Седиком, с которым Н.Ф. Катанов работал в октябре 1890 г. Шах-Седик сообщил несколько исторических песен времен восстания Якуб-бека³⁸. Позднее появились и другие знакомые информаторы, например мясник Исмаил Мухаммед-бек-оглы³⁹. Неоднократно упоминалась и женщина-акын по имени Комюс, супруга

³⁶ Поездка в Семиречье и Тарбагатай. Л. 57 об.

³⁷ Там же. Л. 68.

³⁸ Там же. Л. 68 об.

³⁹ Там же. Л. 74 об.

Фаттаха⁴⁰. 8 июля Катанов покинул его дом и переехал к Исмаилу Мухаммед-бек-оглы, «знатоку быта калмыков и нашему переводчику китайского языка». За построй у Фаттаха от 13 мая до 9 июля было выплачено 51 рубль 50 копеек, тогда как Исмаил брал по 80 копеек в сутки, «при нашем чае и наших свечах»⁴¹. Это не отменяло общения с Комюс, которая продолжала диктовать фольклорные тексты⁴². В августе основным информатором сделался сказитель Межит-ахун. Обобщая, Н.Ф. Катанов в письме В.В. Радлову от 31 октября 1891 г. сообщал, что в Чугучаке при помощи знакомых нашел нескольких информаторов из разных оазисов Синьцзяна, в живом общении с которыми усваивал особенности диалектов уйгуров и казахов⁴³.

Первая часть переписанных набело дневников лета 1891 г. завершается 20 августа — как обычно, объёмными записями прозаических фольклорных текстов, сообщаемых Межит-ахуном⁴⁴. Вторая часть, титульный лист которой датирован 1892 г. при указании места — «Санкт-Петербург», обрывается в буквальном смысле на полуслове. В этой беловой части содержатся фольклорные сообщения, записанные 22, 23, 24, 26 августа.

Завершающий этап тюркологического путешествия Н.Ф. Катанова отражен в необработанной части его дневников. Повествование начинается 6 марта 1892 г., т.е. материалы, описывающие путь от Урумчи до Хами, утрачены. Полевой дневник содержит примечательные наблюдения этнографического характера, тогда как собственно лингвистические и фольклорные материалы записывались в другом журнале⁴⁵. Успешная поездка в оазисы Хами и Турфан стала возможна благодаря усилиям дипломатического ведомства Российской империи. Еще 27 ноября 1890 г. Н.Ф. Катанов просил В.В. Радлова, который был инициатором его путешествия, похлопотать об «открытом листе», аргументируя это тем, что если именоваться купцом, это может вызвать ненужные поборы и придирки властей, а также резко увеличит бюджет экспедиции из-за

⁴⁰ Поездка в Семиречье и Тарбагатай. Л. 82–82 об.

⁴¹ Там же. Л. 108.

⁴² Там же. Л. 108 об.

⁴³ *Мартынов Д.Е.* Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Восточную Сибирь и Синьцзян в 1889–1892 годах / Д.Е. Мартынов, Ю.А. Мартынова, Э.К. Хабибуллина // Новый исторический вестник. 2019. № 1 (59). С. 115.

⁴⁴ Поездка в Семиречье и Тарбагатай. Л. 479–509 об.

⁴⁵ *Martynov D.E., Martynova Yu.A., Khabibullina E.K.* Unpublished Diaries of Scientific Travels by N.F. Katanov to Xinjiang (1891–1892) // *Bylye Gody*. 2019. Vol. 52. Is. 2. P. 800–807.

подношений китайским чиновникам⁴⁶. Столкнувшись с противодействием цинских властей в Синьцзяне, Н.Ф. Катанов обратился к консулу М.П. Шишмареву, направившему 2 июня 1891 г. в МИД телеграмму следующего содержания: «Тарбагатайский амбань не пропускает путешественника Катанова в Притяньшань без разрешения центральной власти, ссылаясь на то, что в [русско-китайских] трактатах ничего не сказано о путешественниках. Не будет ли признано возможным испросить разрешение из Пекина»⁴⁷.

5 июня 1891 г. на имя российского поверенного в делах в Пекине К.К. Клейменова пришла телеграмма из МИДа с требованием решить вопрос проездных документов для Н.Ф. Катанова. В ходе переговоров с чиновниками цинского Ведомства внешних сношений (Цзунли ямэнь) удалось добиться отправки распоряжения о пропуске Катанова в Восточный Туркестан; одновременно был выписан и отправлен открытый лист⁴⁸. Охранный лист для поездок по Синьцзяну был получен 21 марта 1892 г. через чугучакское консульство, когда Катанов уже находился в Турфане. Китайский текст его составлял 189 иероглифов⁴⁹.

1 января 1892 г. исследователь прибыл в Хамийский оазис, достигнув его через Гучэн, горные хребты и урочище Янцзи. В письмах Радлову Катанов отмечал, что его работе в Хами не мешал языковой барьер, поскольку за полгода жизни в Чугучаке он овладел местным (догучэнским) диалектом уйгурского языка, который был близок хамийскому⁵⁰. После исследований и утомительного пути через пустыню 18 марта 1892 г. Н.Ф. Катанов прибыл в Турфан, который явно вызвал его интерес: в полевых записных книжках содержится множество подробностей. 20 марта ученый был принят китайским градоначальником и, вероятно, вызвал искренний интерес, ибо приглашался и на следующий день. Николаю Федоровичу разъяснили причину внимания к нему: охранный лист на его имя прибыл из Хами ранее приезда самого ученого. 23 марта Н.Ф. Катанов был приглашен на обед, на котором присутствовали все высшие чины маньчжуро-китайской администрации уезда. Перед отъездом 4 и 5 апреля ученый вновь приглашался уездным начальником

⁴⁶ Хохлов А.Н. Поездка Н.Ф. Катанова в Северо-Западный Китай в 1890–1892 гг. и его труды по исламоведению // Архив российской китаистики. Т. II / Сост. А.И. Кобзев; отв. ред. А.Р. Вяткин. М.: Наука — Вост. лит., 2013. С. 332.

⁴⁷ Там же. С. 332.

⁴⁸ Мартынов Д.Е. Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Восточную Сибирь... С. 115.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С. 116.

для прощальных визитов⁵¹. 3 мая исследователь добрался до Кульджи (административный центр округа Или), где остановился у российского консула В.М. Успенского, непосредственно в здании дипломатической миссии. В мае 1892 г. Катанов покинул пределы Синьцзяна и прибыл в Джаркент. Рассчитав проводника, через Сергиополь ученый отправился в Минусинск, в который прибыл 15 июня, до конца октября занимаясь исследованиями тюркских народов Восточной Сибири⁵².

Заключение

Николай Федорович Катанов был командирован на окраины Российской и Цинской империй для «изучения остатков тюркских племен». Эта экспедиция была запланирована совместно Русским географическим обществом и Санкт-Петербургским университетом, однако она, вероятно, имела и политический подтекст. Почти одновременно с ней на территории Синьцзяна действовали экспедиционные отряды М.В. Певцова и братьев Г.Е. и М.Е. Грум-Гржимайло, причем маршруты последнего отряда проходили почти по тому же пути, что и у Катанова. О значимости миссии Катанова для властей свидетельствует и история с получением разрешения на проезд до оазисов Турфана и Хами. Не исключено, что выпускник Санкт-Петербургского университета Н.Ф. Катанов исполнял определенные разведывательные поручения, связанные с оценкой настроений местных жителей и их отношения к российским и цинским властям, выяснением численности российских подданных в Китае, определением проездных путей и экономической конъюнктуры в регионе.

⁵¹ Мартынов Д.Е. Научное путешествие Н.Ф. Катанова в Восточную Сибирь... С. 117.

⁵² Там же. С. 118.

REFERENCES

1. Ocherki Urjanhajskoj zemli. Dnevnik puteshestvija, ispolnennogo v 1889 godu [Essays on the Uriankhai land. Diary of a trip completed in 1889]. Kyzyl: Tuva Institute for Humanities, 2011.
2. *Poppe N.* Review: [Volkskundliche Texte aus Ost-Türkistan II. Aus dem Nachlass von N.Th. Katanov herausgegeben. Als Manuskript gedruckt. Berlin, 1943, 185 p.]. Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 15. No. 3/4 (Dec., 1952). P. 523–525.
3. *Martynov D.E., Martynova Ju.A., Valeev R.M.* Pervyj jetap nauchnogo puteshestvija N.F. Katanova v Vostochnyj Turkestan (10 ijulja – 16 oktjabrja 1890 g.) [The first stage of N.F. Katanov's scientific journey to East Turkestan (July 10 – October 16, 1890)] // Tjurkologicheskie issledovanija. 2018. T. 1. № 2. P. 141–152.
4. *Katanov N.F.* Nasledie rossijskoj tyurkologii XIX v.: «Puteshestvie po Sibiri, Dzungarii i Vostochnomu Turkestanu». Dnevnik puteshestviya, sovershennogo po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva v 1890 g. chlenom-sotrudnikom onogo N.F. Katanovym [The legacy of the Russian Turkology of the XIX century: «Journey through Siberia, Dzungaria and Eastern Turkestan». Diary of a journey made on behalf of the Imperial Russian Geographical Society in 1890 by an associate member of this N.F. Katanov] / Eds. by R.M. Valeev, V.N. Tuguzhekova, D.E. Martynov. Kazan: Publishing house «Artifact», 2017.
5. *Katanov N.F.* Sredi tyurkskih plemyon [Among the Turkic tribes]. Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshchestva. St. Petersburg: A.S. Suvorin Typography, 1893. Vol. XXXIX. P. 519–541.
6. *Katanov N.F.* Pis'ma N.F. Katanova iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana. Chitano v zasedanii istoriko-filologicheskogo otdeleniya 9-go yanvaryya 1890 goda [Letters by N.F. Katanov from Siberia and Eastern Turkestan. Articles, reads on the Session of the Historical and Philological Branch of the Imperial Academy of Science on January 9, 1890]. Supplement to the LXXIII volume by Proceedings of Emperor Academy of Sciences. St. Petersburg, 1893. 114 p.

7. *Chebodaeva M.P., Valeev R.M., Dan'kina N.A.* S beregov Askiza do beregov Nevy. Nauchnyj put' professora N.F. Katanova (1862–1922) [From the banks of Askiz to the banks of the Neva. The scientific path of Professor N.F. Katanov (1862–1922)]. SPb., 2023.
8. *Martynov D.E.* Nauchnoe puteshestvie N.F. Katanova v Vostochnuju Sibir' i Sin'czjan v 1889–1892 godah [N.F. Katanov scientific journey to Eastern Siberia and Xinjiang in 1889–1892] / D.E. Martynov, Ju.A. Martynova, Je.K. Habibullina // *Novyj istoricheskij vestnik.* 2019. № 1 (59). P. 106–124.
9. *Poezdka v Semirech'e i Tarbagataj. Dnevnik puteshestvija, sovershennogo v 1891 godu po porucheniju Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo Obshhestva chlenom-sotrudnikom onogo N.F. Katanovym* [Journey to Semirechye and Tarbagatai. Diary of a path made in 1891 on behalf of the Imperial Russian Geographical Society by its member-employee N.F. Katanov] // *State Archive of Tatarstan Republic (GA RT).* F. 969. Op. 1. D. 11. 558 l.
10. *Martynov D.E., Martynova Yu.A., Khabibullina E.K.* Unpublished Diaries of Scientific Travels by N.F. Katanov to Xinjiang (1891–1892) // *Bylye Gody.* 2019. Vol. 52. Is. 2. P. 800–807.
11. *Hoblov A.N.* *Poezdka N.F. Katanova v Severo-Zapadnyj Kitaj v 1890–1892 gg. i ego trudy po islamovedeniju* [*Khokhlov A.N.* N.F. Katanov's journey to Northwestern China in 1890–1892 and his works on Islamic studies] // *Arhiv rossijskoj kitaistiki* [Archive of Russian Sinology]. T. II // Ed. by A.I. Kobzev; co-ed. A.R. Vyatkin. Moscow: Science – Vost. lit., 2013. P. 327–355.

Ключевые слова:

История востоковедения, тюркология, исламоведение, Н.Ф. Катанов, Российская империя, Империя Цин, Синьцзян.

Dmitry E. Martynov, Yulia A. Martynova, Ramil M. Valeev

NIKOLAI FEDOROVICH KATANOV IN SEMIRECHYE AND XINJIANG (1890–1891)

The article examines field material from a previously unpublished diary of a scientific expedition to Semirechye and Eastern Turkestan 1891, organized and conducted by Nikolai Fedorovich Katanov (1862–1922). The formation of Katanov as a scientist was prepared by the sociocultural environment in his native village of Askiz, and then in the Krasnoyarsk gymnasium. While studying at St. Petersburg University, Katanov was chosen in Emperor Academy for a complex mission to study the Turkic peoples of Eastern Siberia, Semirechye and Eastern Turkestan, which he carried out alone. The main corpus of travel diaries and records of linguistic and folklore material was not published during N. Katanov's lifetime.

Key words: History of Oriental Studies, Turkology, Islamic Studies, N.F. Katanov, Russian Empire, Qing Empire, Xinjiang.

Martynov Dmitry Evgenyevich — D.Sc. (History), Professor at the Institute of International Relations of the Kazan (Volga Region) Federal University.

Yulia Aleksandrovna Martynova — Ph.D. in History, Associate Professor at the Institute of International Relations of Kazan (Volga Region) Federal University.

Valeev Ramil Mirgasimovich — D.Sc. (History), Professor at the Institute of International Relations of Kazan (Volga Region) Federal University.

 Мартынов Дмитрий Евгеньевич

доктор исторических наук, профессор Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета

 Мартынова Юлия Александровна

кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета

 Валеев Рамиль Миргасимович

доктор исторических наук, профессор Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.014

А.С. Каимова

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ НЕВСКИЙ: У ИСТОКОВ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ТАЙВАНЕВЕДЕНИЯ

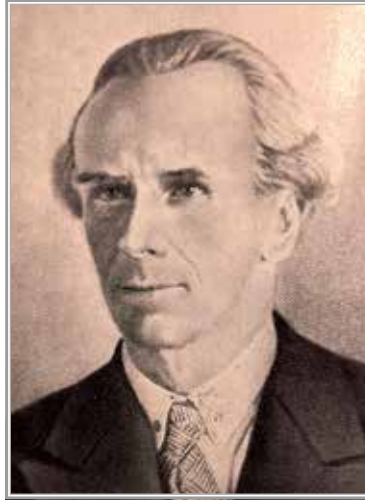

игура Николая Александровича Невского довольно широко известна не только среди отечественных востоковедов, но и за пределами России¹. В одной из школ города Рыбинска, где Николай Александрович провел свое детство, есть музей, ему посвященный².

Публикаций, посвященных ему, довольно много — особенно на русском и японском языках. Благодаря усилиям дочери Николая Александровича Елены Николаевны Невской, исследователей наследия ученого из Института востоковедения РАН (ИВ РАН) в советское время Л.Л. Громковской и Е.И. Кычанову, а также продолжателей их дела в постсоветский период В.М. Алпатову, Е.С. Бакшееву и других многие годовщины

¹ Хотя так было не всегда. Биографы Н.А. Невского отмечают, что японисты, оканчивавшие Институт восточных языков (ИВЯ, позднее Институт стран Азии и Африки (ИСАА)) в 1950–1970-х гг., даже не слышали об этом ученом // *Невская Е.Н. О родителях // На стеклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. С. 549.*

² Страница Музея Николая Александровича Невского на сайте МОУ СОШ №1 г. Рыбинска // <http://sch1.rybadm.ru/index.php/museum/cab-mus> (дата обращения: 10.09.2023)

Н.А. Невский

со дня рождения Н.А. Невского были отмечены проведением различных конференций и выходом публикаций разного объема³. В 1978 г. в серии «Русские востоковеды и путешественники», была опубликована отдельная биография Н.А. Невского наиболее объемная работа, описывающая основные направления его исследований, и организованная по географически-хронологическому принципу — с подробным описанием жизни и деятельности ученого во время его жизни в Рыбинске, Петербурге, Токио, Отару, Осаке и Ленинграде⁴. Особо следует отметить сборник «На стеклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии», подготовленный в связи со 100-летием со дня рождения Николая Александровича, куда вошли статьи исследователей наследия ученого, а также ранее не публиковавшиеся переводы его статей на японском языке, письма и полный текст его дипломной работы по китайской поэзии⁵. В 2002 г. в Рыбинске была проведена Ме-

³ Громковская Л.А., Кычанов Е.И. 70-летие со дня рождения Н.А. Невского // Народы Азии и Африки. 1962. №4. С. 245–246; Кычанов Е. [К 80-летию со дня рождения Н.А. Невского] Выдающийся востоковед // Азия и Африка сегодня. 1972. Февраль. №2. С. 49; Алексеев А. Ожившие письма. 100 лет со дня рождения Н.А. Невского // Библиотека. 1992. №5–6. С. 52–54; Бакшеев Е.С. Ученый, опередивший свое время: к 125-летию со дня рождения Н.А. Невского (1892–1937). Новые находки, публикации, исследования // Японские исследования. 2017. №4. С. 116–139.

⁴ Громковская Л.А., Кычанов Е.И. Николай Александрович Невский. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1978.

⁵ На стеклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии // Петербургское востоковедение. Вып. 8. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996. С. 240–560.

ждународная научная конференция, посвященная 110-летию со дня рождения ученого. Доклады на конференции охватывали широкий круг проблем социологического, этнологического и лингвистического характера, но каждая из секций непременно предварялась докладом, посвященным биографии или научному творчеству Николая Александровича⁶. В 2012 г., в 120-ю годовщину со дня рождения Н.А. Невского, в Институте восточных рукописей (ИВР РАН) был организован международный симпозиум «Невские чтения», по итогам которого вышел сборник «Николай Невский: жизнь и наследие», в котором содержатся как статьи, посвященные биографии ученого и его исследованиям, так и работы современных авторов, которые можно считать продолжением его научных изысканий⁷. Целью написания настоящей статьи, публикуемой в 131-ю годовщину со дня рождения Николая Александровича, является продолжение этой традиции с акцентом на тайваневедение — ту область научных интересов Н.А. Невского, которая не так часто, как другие, попадает в фокус внимания исследователей его наследия.

Обращаясь к истории как мирового, так и отечественного востоковедения, в калейдоскопе совершенно разных фигур можно (разумеется, с некоторыми условностями) выделить два типа ученых: тех, кто посвятил свою жизнь исследованию какой-то одной, пускай и широкой, темы или даже одному литературному или историческому памятнику, и тех, кто внес вклад в изучение разных, мало связанных между собой предметов. Невский Николай Александрович относится ко второму типу ученых. В работах, ему посвященных, авторы часто характеризуют его как «великого филолога»⁸, «одного из основоположников отечественного японоведения, тангутоведения, айноведения и рюкюанистики»⁹. Этот список, на наш взгляд, вполне правомерно можно было бы дополнить и тайваневедением.

Всю величину фигуры Невского в мировом востоковедении как нельзя лучше иллюстрирует обращение к нему в одном из писем со стороны его преподавателя в годы учебы на Восточном факультете Петербургского университета академика Василия Михайловича Алексеева:

⁶ Социологические, этнологические и лингвистические проблемы современности. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 110-летию ученого-востоковеда Н.А. Невского. Рыбинск: РГАТА, 2002.

⁷ Николай Невский: жизнь и наследие. Сб. статей. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.

⁸ Громковская Л.А. Великий филолог // На стеклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии. С. 243–251.

⁹ Бакшеев Е.С. Ученый, опередивший свое время: к 125-летию со дня рождения Н.А. Невского (1892–1937). Новые находки, публикации, исследования. С. 117.

«Вы — лучший из моих учеников. В Вас горит энтузиазм и свет науки. Вам принадлежит будущее. Со способностями Вы соединили редкую любовь к труду и знанию, окрашенную в идеальный колорит, бескорыстный, честный, молодой и яркий»¹⁰. Признанный авторитет в области китаеведения В.М. Алексеев в личном дневнике характеризовал своего студента как своего «двойника, только сильнее и вообще лучше»¹¹.

Николай Александрович Невский родился 1 марта (18 февраля по старому стилю) 1892 г.¹² в г. Ярославле в семье следователя Окружного суда. Рано лишившись сначала матери и отца, а затем бабушки и бабушки по материнской линии, мальчик воспитывался родной тетей по материнской линии в г. Рыбинске, где в 1900–1909 гг. обучался в классической мужской гимназии. Учился он очень успешно, как и впоследствии в университете, что подтверждается присуждением ему попечительским советом гимназии стипендии Ю.И. Смоленского¹³ и «повышенной стипендии наследника-цесаревича» в студенческие годы¹⁴. Окончив гимназию, Николай Александрович поступил в Петербургский технологический институт, но проучился там всего год, поступив на китайско-японское отделение («китайско-японский разряд») Восточного факультета Петербургского университета¹⁵.

В нашем распоряжении не так много свидетельств самого Николая Александровича о том, почему он избрал в качестве профессии востоковедение, за исключением признания, что он «с давних пор чувствовал влечение» к китайскому и японскому языкам¹⁶. Однако в биографических очерках можно встретить различные предположения на этот счет. Интерес будущего ученого к Востоку мог быть спровоцирован самим

¹⁰ Цит. по: *Алпатов В.М.* Николай Александрович Невский — японист // Николай Невский: жизнь и наследие. Сб. статей. С. 76.

¹¹ Там же.

¹² Долгое время датой рождения Н.А. Невского по новому стилю называли 2 или 3 марта, что связано с особенностями сопоставления дат по юлианскому и григорианскому календарям, но исследование В.П. Зайцева установило, что 18 февраля 1892 г. по старому стилю соответствует 1 марта по новому // *Зайцев В.П.* К вопросу о дате рождения Н.А. Невского // Николай Невский: жизнь и наследие. Сб. статей. С. 10–27.

¹³ *Кычанов Е.И.* Звучат лишь письма (Очерк об исследователях тангутской цивилизации). М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1965. С. 92.

¹⁴ *Невская Е.Н.* Невский Николай Александрович // Ленинградский мартиролог. 1937–1938: Книга памяти политических репрессий. Т. 3: ноябрь 1937 года. СПб.: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1998. С. 510.

¹⁵ Curriculum vitae (автобиография) Николая Александровича Невского. 27.10.1930 г. // *Зайцев В.П.* К вопросу о дате рождения Н.А. Невского. С. 25.

¹⁶ *Кычанов Е.И.* Звучат лишь письма. С. 94.

местом его проживания. Рыбинск — портовый город, где проводились крупные ярмарки, на которые стекались купцы не только со всей России, но и из-за границы. В частности, китайцы и японцы приезжали торговать «шелком, разной мелочью, показывали фокусы»¹⁷. Испытывая интерес к чтению и, следовательно, будучи частым гостем Рыбинской библиотеки, молодой Николай, знакомясь с имеющейся там литературой, получал первые знания о языках, истории, фольклоре различных стран и народов Востока¹⁸. В гимназии Н.А. Невский начал изучать татарский язык и даже общался с местными татарами для развития навыков устной речи. Дружил с неким Иваном Слоновым — студентом арабско-персидского отделения московского Лазаревского института восточных языков, с помощью которого выучил арабское письмо¹⁹.

Как и большинство специалистов по Восточной Азии конца XIX — первой половины XX в., Невский Николай Александрович изучал прежде всего «классический Восток», что подразумевало для студентов Восточного факультета обращение к различным аспектам культуры как Японии, так и Китая. Так, например, дипломная работа Н.А. Невского, впоследствии характеризовавшего себя как специалиста по японскому и тангутскому языкам²⁰, а также в области преподавания японского языка, была посвящена творчеству известного китайского средневекового поэта эпохи Тан (618–907) Ли Бо (701–762) и называлась «Дать двойной перевод (дословный и парафраз) пятнадцати стихотворений поэта Ли Бо, проследить в них картинность в описаниях природы, сравнить по мере надобности с другими поэтами и дать основательный разбор некоторых иностранных переводов»²¹.

¹⁷ Там же. С. 92.

¹⁸ Степкина Т.А. Роль книги и чтения в становлении личности Н.А. Невского как ученого // Социологические, этнологические и лингвистические проблемы современности. Тезисы докладов Международной научной конференции, посвященной 110-летию ученого-востоковеда Н.А. Невского. С. 92–94.

¹⁹ Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. С. 93.

²⁰ Анкета для сотрудников Академии наук СССР. Бланк, заполненный Н.А. Невским при поступлении на работу в Институт востоковедения АН СССР. 26 октября 1930 г. // Зайцев В.П. К вопросу о дате рождения Н.А. Невского. С. 20–21.

²¹ Невский Н.А. Зачетное сочинение студента четвертого курса факультета восточных языков, китайско-японского разряда Николая Александровича Невского на тему: «Дать двойной перевод (дословный и парафраз) пятнадцати стихотворений поэта Ли Бо, проследить в них картинность в описаниях природы, сравнить по мере надобности с другими поэтами и дать основательный разбор некоторых иностранных переводов» // На стеклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии. С. 437–485.

Н.А. Невский в студенческие годы

Однако новая плеяда преподавателей Восточного факультета, в числе которых был и упомянутый выше В.М. Алексеев, стремилась выработать новый подход к преподаванию, который включил бы и понимание разговорного языка и простонародной культуры изучаемой страны. Этому должны были способствовать и стажировки студентов в страны изучаемых языков. В итоге Н.А. Невский, которого во время его первой поездки в Японию в 1913 г. никто не понимал, так как, по свидетельству одного из членов персонала гостиницы, где он жил, он говорил «на языке первых сегунов»²², впоследствии прослыл как один из лучших знатоков разговорного японского языка. Из одного биографического очерка в другой переходит фраза, сказанная о нем одним из его коллег-японцев: «Речь Невского — музыка для японского уха»²³.

Во многом этому способствовало стечение обстоятельств, благодаря которому Н.А. Невский провел в Японии целых 14 лет своей жизни. В 1915 г. — в разгар Первой мировой войны — Петербургский университет сумел изыскать средства для направления своего выпускника и потенциального преподавателя в Японию «для усовершенствования знаний и приобретения необходимых навыков в разговорном языке»²⁴. В Японии к этому моменту находились и старшие коллеги Н.А. Невского О.О. Розенберг и Н.И. Конрад, занимавшиеся исследованием буддизма и роли китайской культуры в Японии соответственно. Николай Александрович же должен был посвятить себя изучению синтоизма. Как

²² Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. С. 95.

²³ Громковская Л.А. Великий филолог. С. 245.

²⁴ Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. С. 97.

пишет дочь ученого Елена, в 1916 г. он представил отчет о проделанной им работе, благодаря чему командировка была продлена еще на год²⁵.

Однако планировавшееся возвращение Николая Александровича на родину совпало с грандиозными переменами в жизни всех ее жителей, которые отсрочили его отъезд из Японии на целых 12 лет. Как пишут биографы Н.А. Невского, ссылаясь, как правило, на его биографию 1936 г., 2 года он был без постоянной работы, финансирование из университета также по понятным причинам прекратилось²⁶. Лишь в 1919 г. ему удалось получить должность преподавателя русского языка в Высшем коммерческом училище²⁷ г. Отару на острове Хоккайдо, а в 1922 г. он получил должность «иностранный профессор» в только что открывшемся Институте иностранных языков в г. Осака, где проработал вплоть до своего отъезда в СССР в 1929 г.

Преподавание Николай Александрович совмещал с активными научными изысканиями. Еще во время пребывания на Хоккайдо Н.А. Невский заинтересовался изучением айнов — коренных жителей островов Японии. Во время преподавания в Осацком институте иностранных языков он также обратился к исследованиям фольклора островов Мияко архипелага Рюкю, куда совершил три поездки в 1922, 1926 и 1928 гг.²⁸ Правда, результаты этой работы были опубликованы уже после гибели Николая Александровича благодаря исследователям его наследия²⁹. В Стране восходящего солнца Николай Александрович публиковал свои статьи на английском и японском языках³⁰, вращался в японских научных кругах, будучи известным под именем Нефусуни Никора³¹, вел переписку с известными японскими учеными, состоял в японских научных сообществах, а также читал лекции по айнскому языку и диалектам архипелага Рюкю в Университете Киото³².

²⁵ Невская Е.Н. Невский Николай Александрович. С. 510.

²⁶ Там же. С. 511.

²⁷ Там же. Е.И. Кычанов именуется это учебное заведение «Высшим коммерческим институтом» // Кычанов Е.И. Звучат лишь письма. С. 98.

²⁸ Алпатов В.М. Николай Александрович Невский — японист. С. 77–78.

²⁹ Невский Н.А. Фольклор островов Мияко. М.: Наука, 1978; *он же*. Айнский фольклор. М.: Наука, 1972.

³⁰ Переводы некоторых из них представлены в упомянутом выше сборнике «На стеклах вечности... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии».

³¹ Страница Музея Николая Александровича Невского на сайте МОУ СОШ №1 г. Рыбинска // <http://sch1.gubadm.ru/index.php/museum/cab-mus> (дата обращения: 10.09.2023)

³² Кычанов Е.И. Звучат лишь письма. С. 99.

Чтение работ Николая Александровича приводит к выводу о том, что, изучая языки и фольклор различных народов, он прежде всего стремился сохранить сведения об их образе жизни, снабжая свои очерки обширными комментариями этнографического характера. Е.И. Кычанов связывает интерес Н.А. Невского к этнографии с изучением синтоизма³³. Однако из жизнеописания Николая Александровича, составленного его дочерью, известно, что он еще в годы обучения в университете посещал лекции по этнографии известного профессора Л.Я. Штейнберга в Музее этнографии и антропологии³⁴. Изучение языков и фольклора аборигенов Тайваня лежало в этой же плоскости научных изысканий Николая Александровича — стремлении зафиксировать особенности языков и культуры малых народов, находящихся под угрозой размывания и исчезновения.

В связи с этим нельзя не признать, что тангутоведение стоит особняком среди всех областей интересов Николая Александровича, являясь наукой о народе, исчезнувшем много веков назад³⁵. Говоря о вкладе Н.А. Невского в тангутоведение, многие авторы используют довольно поэтичные и даже пафосные формулировки. Так, на сайте музея ученого в рыбинской школе говорится, что Николай Александрович «спас от забвения историю некогда могущественной цивилизации тангутов»³⁶. Е.И. Кычанов — продолжатель дела Н.А. Невского в сфере тангутских исследований — писал, что именно благодаря его трудам тангутоведение стало «подлинной наукой, самостоятельной отраслью востоковедных знаний»³⁷.

Сложно сказать, в какой именно момент Н.А. Невский заинтересовался тангутоведением. Некоторые исследователи пишут, что это произошло в 1925 г. во время его поездки в Пекин³⁸. Другие связывают этот

³³ Там же. С. 98.

³⁴ *Невская Е.Н.* Невский Николай Александрович. С. 510.

³⁵ Тангуты — народ, населявший государство Западное Ся (Си Ся), существовавшее в северных районах современного Китая в 1038–1227 гг. и захваченное монгольскими войсками Чингисхана. Тангуты обладали собственной письменностью и развитой культурой, которая, впрочем, во многом основывалась на культурных образцах соседнего Китая. В 1909 г. в ходе экспедиции отечественного исследователя П.К. Козлова в районе мертвого города Хара-Хото были обнаружены рукописи на тангутском языке, которые были вывезены в Санкт-Петербург и сегодня входят в Тангутский фонд (ТФ) ИВР РАН.

³⁶ Страница Музея Николая Александровича Невского на сайте МОУ СОШ №1 г. Рыбинска // <http://sch1.rybadm.ru/index.php/museum/cab-mus> (дата обращения: 10.09.2023)

³⁷ *Кычанов Е.И.* Звучат лишь письма. С. 89.

³⁸ *Алпатов В.М.* Николай Александрович Невский — японист. С. 78.

интерес с участием ученого в Осацком обществе востоковедов, в котором состояли и некоторые китайские историки. Вероятно, именно при содействии этого общества в 1925 г. Николай Александрович и совершил поездку в Пекин, где встретился со своим бывшим преподавателем А.И. Ивановым — одним из первых в мире исследователей тангутских рукописей, служившим тогда переводчиком в советском посольстве в Китае. Именно А.И. Иванов и передал Н.А. Невскому эти тексты³⁹. Уже в 1926 г. появляются первые работы Николая Александровича на тангутскую тематику⁴⁰.

Возможно, интерес к тангутоведению стал одной из причин возвращения Николая Александровича на родину, поскольку именно в Ленинграде хранились основные рукописи на тангутском языке⁴¹. Однако сам ученый в собственной биографии объясняет свой приезд приглашением со стороны его давних друзей — ленинградских профессоров В.М. Алексеева и Н.И. Конрада⁴², что, в общем-то, не противоречит первой версии.

Однозначно ответить на вопрос, почему Николай Александрович решил вернуться на родину лишь спустя 10 с лишним лет своего пребывания в Японии, нельзя. Объяснить этот факт его несогласием с новой политической системой в России вряд ли возможно без более тщательного анализа его архивов. В любом случае, биографы Н.А. Невского на это не указывают в публикациях как советского, так и постсоветского периода. Судя по всему, Николай Александрович действительно не очень-то интересовался общественно-политической повесткой, будучи ученым, увлеченным крайне далекими от политики этнографическими темами. Нельзя представить себе более подходящего места для исследования особенностей японского языка и фольклора различных народов, населяющих острова Японии, чем сама Страна восходящего солнца. А сопоставление дат знакомства ученого с тангутскими рукописями в 1925 г. и получения им паспорта в 1927 г. позволяет прийти к выводу, что решающим фактором, повлиявшим на решение о возвращении в СССР, стало именно смещение фокуса научных интересов.

Еще одной причиной, по которой Николай Александрович не спешил обратно в Россию, могли быть обстоятельства его личной жизни. В 1921 г. во время проживания в г. Итару на Хоккайдо ученый познакомился с Ман-

³⁹ Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. С. 101.

⁴⁰ Nevsky N. A Brief Manual of the Si-Hia Characters with Tibetan Transcriptions. Osaka, 1926.

⁴¹ Аллатов В.М. Николай Александрович Невский — японист. С. 79.

⁴² Зайцев В.П. К вопросу о дате рождения Н.А. Невского. С. 26.

Николай Александрович Невский с женой Исо Мантани и дочерью Еленой.
Ленинград, 1930-е гг.

тани Исо (Исоко, как называет ее дочь⁴³), которая помогала ему разбирать его рукописи. Девушка была неплохо образована и работала учительницей музыки, обучая игре на японском национальном инструменте бива. Их брак, начавшийся вскоре после знакомства, был зарегистрирован официально лишь в 1929 г. в советском консульстве после рождения в 1928 г. дочери Елены, которая также была зарегистрирована как советская гражданка⁴⁴. Опасения Н.А. Невского о возможной долгой разлуке с семьей были небезосновательными, так как, вернувшись в Ленинград в 1929 г., он сумел добиться разрешения на приезд жены с дочерью лишь к 1933 г.⁴⁵

Карьера Николая Александровича после возвращения на родину складывалась довольно удачно. В 1930 г. он был принят на работу в Азиатский музей Академии наук СССР, который в том же году в результате реорганизации вошел во вновь образованный Институт востоковедения АН СССР. Здесь Н.А. Невский работал «над определенными планом японскими темами (в том числе над ударной темой Японского кабинета по переводу “Нихон Гайси”), над описанием тангутских рукописей и ксилографов». Параллельно он преподавал «в качестве профессора на специальном японском секторе» в Ленинградском восточном институте (ЛВИ), где помимо занятий со студентами, вел «методологический семинар с нерусскими преподавателями японского языка (японцами

⁴³ Невская Е.Н. Невский Николай Александрович. С. 511.

⁴⁴ Громковская Л.А. Великий филолог. С. 248.

⁴⁵ Невская Е.Н. Невский Николай Александрович. С. 511.

и корейцами)» на Восточном факультете ЛГУ, а также «на II-м курсе японского разряда» Ленинградского института философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ), где читал «лекции по японской фонетике»⁴⁶.

При этом в 1930-е гг. было опубликовано не так много работ Н.А. Невского. Выход в 1936 г. довольно краткой работы под названием «Тангутская письменность и ее фонды»⁴⁷, вероятнее всего, связан с тем, что в пятилетнем плане работы Азиатского музея АН СССР на 1930–1934 гг. «обработка тангутского фонда была признана задачей перво-степенной важности»⁴⁸. А в 1935 г. на заседании группы востоковедов в ходе очередной сессии Академии наук СССР было решено «считать целесообразным полное переключение Н.А. Невского на изучение тангутского фонда ИВ (Института востоковедения)»⁴⁹. Скорее всего, отсутствие в этот период работ Николая Александровича на другие темы вызвано не угасанием его интереса к ним, а приведенной выше официальной установкой. Но, как бы то ни было, вклад Н.А. Невского в развитие мирового тангутоведения действительно сложно переоценить, что подтверждается присуждением ему посмертно в 1962 г. Ленинской премии за изданную в 1960 г. работу «Тангутская филология», которая представляет собой систематизированное собрание сохранившихся материалов ученого⁵⁰.

Любопытно, что единственной относительно объемной монографией Николая Александровича в период после его возвращения в СССР является работа по языкам племени цюу, которое представляет собой одну из аборигенных народностей Тайваня, проживающую в горах Алишань в центральной части острова⁵¹. В настоящее время племя цюу (по-китайски *цзоуцзу* 鄒族, около 6700 чел., а по данным на 1918 г. — 1755 чел.⁵²) входит в число 16 официально признанных на острове абор-

⁴⁶ Невская Е.Н. О родителях. С. 525.

⁴⁷ Невский Н.А. Тангутская письменность и ее фонды. Отдельный оттиск из Докладов группы востоковедов на сессии Академии наук СССР 20 марта 1935 г. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1936. В этот период выходили и другие статьи Николая Александровича на тангутскую тематику, напр.: Невский Н.А. О наименовании тангутского государства. Записки ИВ АН СССР. Т. II. Вып. 3. 1933; Невский Н.А. Очерк истории тангутоведения. Изв. АН СССР. 1931. №1 и др.

⁴⁸ Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. С. 107.

⁴⁹ Там же. С. 125.

⁵⁰ Невский Н.А. Тангутская филология: Исследования и словарь. В 2 кн. М.: Изд-во восточной литературы, 1960.

⁵¹ Невский Н.А. Материалы по говорам языка Цюу. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1935.

⁵² Там же. С. 4.

ригенных народностей, общая численность которых составляет около 584 тыс. человек, или 2,5% от всего населения Тайваня⁵³.

В июле–августе 1927 г. Николай Александрович провел несколько недель в горах Алишань, собирая в ходе бесед с местными жителями фольклорные материалы племени цюу, а точнее — «говора тфуя» одного из входящих в него кланов. Прибыл он сюда вместе с японским ученым Асаи Эрин, целью исследования которого были наречия одной из других аборигенных народностей Тайваня. Главным собеседником ученого был молодой человек по имени Вонг’э Ятауюнгана, которого Николай Александрович почтительно называет своим «учителем»⁵⁴. Этот юноша 18–20 лет отлично владел японским языком, поскольку прошел полный курс японской начальной школы⁵⁵, а летом 1927 г. находился в родной местности на каникулах, прибыв из г. Тайнаня, где он учился в «учительской семинарии»⁵⁶.

Довольно любопытным является вопрос, почему из всех аборигенных племен Тайваня Н.А. Невский выбрал для изучения именно народность цюу. Рифтин Б.А., предпринявший поездку в места проживания цюу в начале 1990-х гг., предполагал, что «скорее всего, потому что этот язык до того не был исследован или хотя бы удовлетворительно описан в науке»⁵⁷. Однако то же самое можно сказать практически обо всех аборигенных племенах Тайваня, которые до превращения острова в колонию Японской империи в 1895 г., будучи формально подданными китайской Империи Цин с 1683 г., объектом специальных исследований не становились. На наш взгляд, ответ может быть связан в немалой степени с соображениями безопасности. Известно, что значительная часть племен, населявших горные районы Тайваня, была настроена довольно воинственно по отношению к чужакам. А вот народность цюу, как следует из ее описания на сайте Комитета по делам аборигенных народностей Исполнительного Юаня (правительства) Китайской Республики

⁵³ Чжунхуа миньго нэйчжэнбу (Министерство внутренних дел Китайской Республики) // https://www.moi.gov.tw/News_Content.aspx?n=2&s=275835 (дата обращения: 13.09.2023).

⁵⁴ Невский Н.А. Материалы по говорам языка Цюу. С. 8–9.

⁵⁵ Введение всеобщего начального образования было одним из важнейших элементов колониального управления на Тайване, которое имело своей целью не только повышение уровня грамотности на острове и распространение японского языка, но и превращение жителей Тайваня в более лояльных подданных метрополии.

⁵⁶ Невский Н.А. Материалы по говорам языка Цюу. С. 51.

⁵⁷ Рифтин Б.А. У народа цюу. Через 64 года после Н.А. Невского // На стеклах вечно-сти... Николай Невский. Переводы, исследования, материалы к биографии. С. 551.

Ареал проживания племени цоу в горах Алишань, о. Тайвань

(Тайвань), была одним из аборигенных сообществ, которые довольно мирно восприняли приход японских колонизаторов, достаточно охотно получали образование в рамках японской образовательной системы и не были замечены в инцидентах противодействия японской колониальной администрации⁵⁸.

Книга Н.А. Невского состоит из трех частей. В предисловии автором изложены обстоятельства его пребывания на Тайване, а также дана характеристика племени цоу. Первый раздел представляет собой описание фонетической системы языка цоу с лексическими примерами, а второй — фонетическую запись 15 текстов, зафиксированных в ходе бесед с Вонгэ и его братом, а также их перевод, снабженный «фольклорными и этнографическими примечаниями», значительная часть фактического материала для которых была, по признанию самого Невского, заимствована им из книг японских исследователей Саяма Юкити и Кодзима Юма⁵⁹.

Некоторые исследователи, рецензируя работу Николая Александровича, отмечают определенные ее недостатки, а также не подтвердившиеся временем тезисы. Так, например, В.Ц. Головачев в своей монографии пишет, что хотя «в целом личные наблюдения и оценки

⁵⁸ Цзоуцзу (Народность цоу) // Юаньчжу миньцзу вэйюаньхуэй (Сайт Комитета по делам аборигенных народностей Исполнительного Юаня Китайской Республики (Тайвань)) // <https://www.cip.gov.tw/zh-tw/tribe/grid-list/AE6EE12F5F284D59D0636733C6861689/info.html?cumid=8F19BF08AE220D65> (дата обращения: 01.10.2023)

⁵⁹ Невский Н.А. Материалы по говорам языка Цоу. С. 53.

Женщина народности цоу. Тайвань, 1930-е гг.

Невского довольно точны», однако «речи об «институте рабов» выглядят сегодня историографическим курьезом, а мрачные прогнозы о вырождении Цоу, к счастью, не сбылись»⁶⁰. Действительно, при прочтении текста Николая Александровича нельзя не обратить внимания на наличие в нем идеологических клише. Ученый называет малочисленность цоу «нормальным» явлением «для подобного рода полудиких племен, обитающих в разных концах земного шара, вымирающих и выраждающихся (так в тексте. — *Прим. авт.*) под прямым и непосредственным влиянием капиталистической цивилизации»⁶¹. Он также говорит о том, что «цоу не знают еще института рабов и находятся еще в стадии первобытного коммунизма, постепенно расшатываемого китайским окружением и колониальной политикой империалистической Японии, которая исключает всякую возможность исторического прогресса племени, в этих условиях обреченного на неизбежное вырождение и вымирание»⁶². Пишет и об «эксплуатации» цоу, о их превращении в «слепые орудия японской полиции»⁶³. Бросается в глаза некоторая искусственность подобных пассажей, которые слабо соответствуют основному содержанию работы Н.А. Невского. Скорее всего, их включение в текст произошло непосредственно при публи-

⁶⁰ Головачев В.Ц. Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии XVII–XXI вв. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 35.

⁶¹ Невский Н.А. Материалы по говорам языка Цоу. С. 4.

⁶² Там же. С. 6.

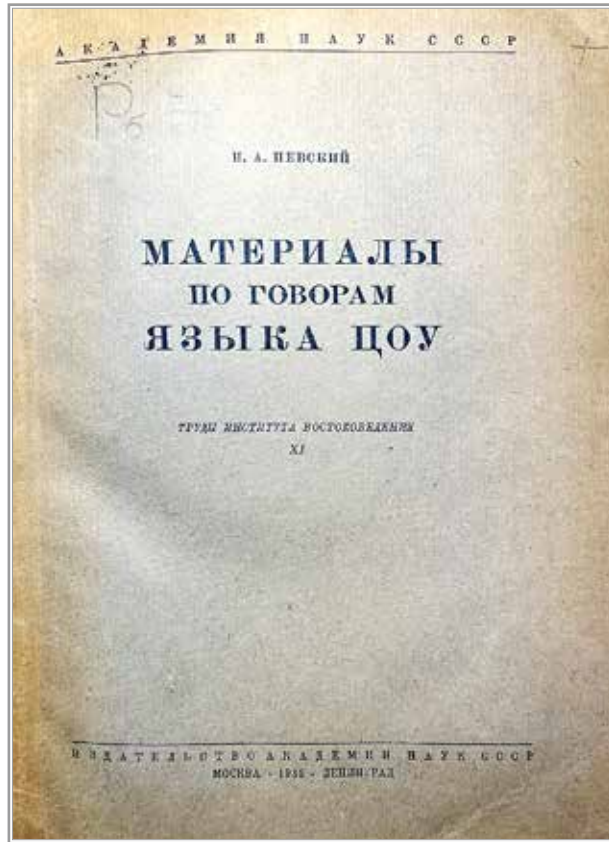
⁶³ Там же.

кации материалов в 1935 г., вероятно, по рекомендации выпускающих редакторов. Это подтверждается тем, что идеологические клише можно встретить только в предисловии к книге, в то время как в основной части подобных рассуждений уже нет.

Что же касается прогнозов Николая Александровича о «вырождении цоу», то, несмотря на то, что по официальным данным, как уже было указано выше, их численность возросла, однако частные наблюдения, в том числе Б.Л. Рифтина во время его посещения Тайваня в начале 1990-х гг., свидетельствуют, что никаких элементов бытовой жизни цоу, описанных Н.А. Невским, практически не сохранилось. Сегодня они живут уже не «в состоянии дикости», а «вполне цивилизованной жизнью». «Ремесла у цоу угасли». Б.Л. Рифтину «не удалось увидеть в домах каких-либо предметов или поделок, имеющих национальный колорит... Все цоу — христиане и регулярно посещают храмы». Б.Л. Рифтин также отмечает большое количество смешанных браков цоу с китайцами, смешанные дети от которых, живущие вне горных селений, «практически уже не знают языка цоу»⁶⁴. Является ли все это результатом конкретных действий японской и сменившей ее гоминьдановской администраций Тайваня или следствием общемировых тенденций, связанных с глобализацией, — не так важно. Но очевидно, что уже в начале XX в. эти тенденции были замечены исследователями и вызывали у них, в частности у Н.А. Невского, стремление зафиксировать и сохранить доступные им сведения.

Как бы то ни было, Николая Александровича наряду с японскими учеными, несомненно, можно считать одним из пионеров изучения аборигенных племен Тайваня. В данной связи нельзя не привести слова В.М. Алексеева в отношении его ученика, которыми он подчеркивает особенность Николая Александровича как исследователя, бравшегося за изучение тем, наиболее актуальных в соответствующий период для самих японских ученых: «... Благодаря своим исключительным научным качествам Николай Александрович вскоре выработал из себя крайне редкий для японистов-неяпонцев тип исследователя, наиболее трудно и редко стоящих на очереди этнографических и лингвистических проблем, при этом не тех, что выглядят наиболее эффектно в японологической информации для неспециалистов, но именно тех, которые занимают японских исследователей, вследствие чего обращенные именно к этой аудитории его работы чаще всего написаны на японском язы-

⁶⁴ Рифтин Б.Л. У народа цоу. Через 64 года после Н.А. Невского. С. 554.

Обложка монографии Н.А. Невского по языкам племени цоу. 1935 г.

ке, которым он овладел в совершенстве, явив всем нам пример редкого овладения стихией иностранного языка, вплоть до полного ее индивидуального претворения в родной язык»⁶⁵.

К сожалению, несмотря на уникальность сведений, представленных в работе Н.А. Невского, их нельзя считать исчерпывающими. Его работы по этнографии этой народности крайне малочисленны. Судя по всему, в Японии он опубликовать никаких материалов не успел, так как после экспедиции на Тайвань летом 1927 г. начался процесс его возвращения на родину. Однако факт выхода монографии на русском языке через 8 лет после поездки на остров свидетельствует о том, что интерес ученого к этой теме не угас. Более того, либо он сам делился, либо какими-то иными путями, но результаты его исследований распространялись не только в Советском Союзе, но и за рубежом. Так, например, в 1936 г. в одном из писем эмигрировавший после Октябрьской революции известный японист С.Г. Елисеев писал Н.А. Невскому

⁶⁵ Цит. по: Кычанов Е.И. Звучат лишь письмена. С. 100.

из США, что его работа «может служить образцом, как писать книги о говорах аборигенов»⁶⁶.

В 1981 г. вышло переиздание работы 1935 г. с добавлением составленного Николаем Александровичем рукописного словаря диалекта северных цоу. Однако, как сообщают издатели этой работы, в частности Л.А. Громковская, после тщательного изучения известных архивов ученого в ИВ РАН и в библиотеке г. Тэнри в Японии им не удалось найти других материалов по языкам цоу⁶⁷. Тем не менее, как показывают исследования ученых, даже эти материалы сохраняют ценность для современных исследователей языка и фольклора цоу. Так, Б.Л. Рифтин при сопоставлении словаря Н.А. Невского со словарями, составленными позднее тайваньскими учеными, выявил, что в них «нет значительного количества слов, зафиксированных русским ученым в 1927 г.», причем это слова, которые, судя по всему, исчезли из употребления вместе с самими предметами или обрядами, которые они называли, по мере стремительного приобщения цоу к цивилизации. Нельзя не согласиться с выводом ученого, согласно которому «словарь Н.А. Невского не перекрыт последующей работой тайваньских ученых. Он не потерял своего значения, так как зафиксировал определенную стадию развития языка цоу и может служить не только для изучения эволюции лексики этого языка, но и для понимания целого ряда этнографических деталей, так же как и для изучения, например, мифологии и верований этого народа»⁶⁸.

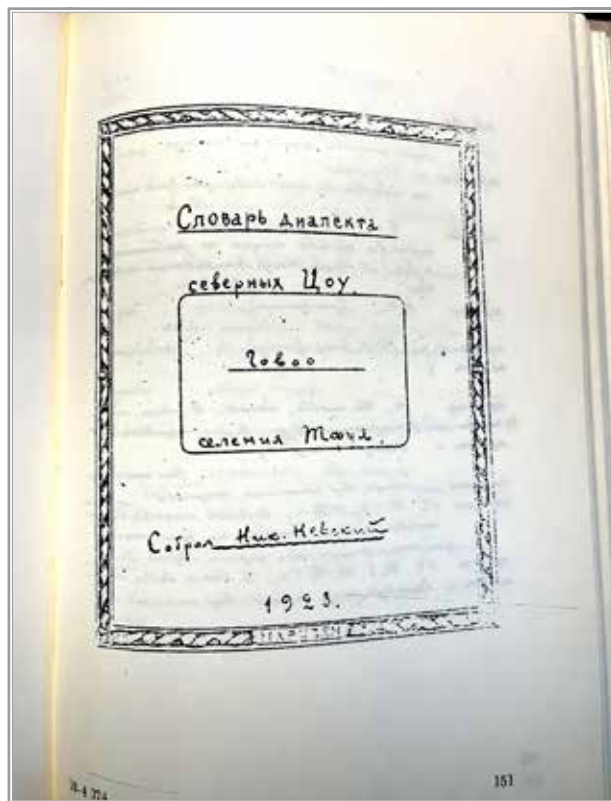
В контексте малочисленности в отечественной науке фундаментальных исследований, посвященных тайваньским аборигенам, как и работ по тайваньской истории в целом (при наличии достаточно богатой китаеведной традиции), наработки Н.А. Невского тем более не теряют своей актуальности для российского читателя. Если другие сферы интересов Н.А. Невского в российском востоковедении, по признанию биографов ученого, получили продолжение⁶⁹, то об исследовании языков аборигенных меньшинств Тайваня этого сказать нельзя. В данной связи невозможно не отметить тот факт, что чуть ли не единственная в советской историографии монография, посвященная истории Тайва-

⁶⁶ Громковская Л.А. От составителя // Невский Н.А. Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 4.

⁶⁷ Там же. С. 6.

⁶⁸ Рифтин Б.Л. У народа цоу. Через 64 года после Н.А. Невского. С. 557–558, 560.

⁶⁹ Аллатов В.М. Николай Александрович Невский — японист. С. 81.

Одна из страниц словаря из публикации 1981 г.

ня, принадлежит перу Ф.А. Тодер — студентки Н.А. Невского на Восточном факультете ЛГУ в 1930-е гг.⁷⁰

К сожалению, жизнь Николая Александровича, как и многих других выдающихся деятелей отечественной науки, оборвалась очень рано и трагично. В октябре 1937 г. он и его жена были арестованы по обвинению в шпионаже в пользу Японии, а в ноябре 1937 г. — расстреляны. Однако результаты исследований Н.А. Невского, как, можно надеяться, нам удалось продемонстрировать в данной статье, продолжают сохранять свое большое значение и будут по достоинству оценены не только нынешним, но и будущими поколениями отечественных востоковедов.

⁷⁰ Тодер Ф.А. Тайвань и его история (XIX в.). М.: Наука, 1978.

REFERENCES

1. *Alekseev A.* Writing coming alive. One hundred years since the birth of N.A. Nevsky // *Library*. 1992. Vol.5–6 [Ozhivshie pis'mena. 100 let so dnja rozhdenija N.A. Nevskogo // *Biblioteka*. 1992. №5–6]. P. 5–6.
2. *Baksheev E.S.* The scientist in advance of his time: celebrating 125 years since the birth of N.A. Nevsky (1892–1937). New findings, publications, researches // *Japanese studies*. 2017. Vol. 4 [Uchenyj, operedivshij svoe vremja: k 125-letiju so dnja rozhdenija N.A. Nevskogo (1892–1937). Novye nahodki, publikacii, issledovanija // *Japonskie issledovanija*. 2017. №4]. P. 116–139.
3. *Golovachev V.C.* Ethnopolitical history of Taiwan in the world historiography of XVIIth–XXIst centuries. [Jetnopoliticheskaia istorija Tajvanja v mirovoj istoriografii XVII–XXI vv.] MAKS Press, Moscow, 2018.
4. *Gromkovskaja L.L., Kychanov E.I.* 70 years since the birth of N.A. // *Peoples of Asia and Africa*. 1962. Vol. 4 [70-letie so dnja rozhdenija N.A. Nevskogo // *Narody Azii i Afriki*. 1962. №4]. P. 245–246.
5. *Gromkovskaja L.L., Kychanov E.I.* Nikolaj Aleksandrovich Nevskij. Nauka, Moscow, 1978.
6. *Kychanov E.* [Celebrating 80 years since the birth of N.A. Nevsky] Prominent Orientalist // *Asia and Africa Today*. 1972. February [[K 80-letiju so dnja rozhdenija N.A. Nevskogo]. Vydajushhijsja vostokoved // *Azija i Afrika segodnja*. 1972. Fevral'. №2]. P. 49.
7. *Kychanov E.I.* Writing are the only who sound (A study about the researchers of Tangut Civilisation) [Zvuchat lish' pis'mena (Ocherk ob issledovateljah tangutskoj civilizacii)]. Nauka, Moscow, 1965.
8. Ministry of Internal Affairs of Republic of China [Zhonghua minguo neizhengbu] // https://www.moi.gov.tw/News_Content.aspx?n=2&s=275835 (date of visit: 13.09.2023)
9. Museum of Nikolay Aleksandrovich Nevsky on the web-site of Rybinsk School №1 [Stranica Muzeja Nikolaja Aleksandroviča Nevskogo na sajte MOU SOSh №1 g. Rybinska] // <http://sch1.rybadm.ru/index.php/museum/cab-mus> (date of visit: 10.09.2023)

10. *Nevskaja E.N.* Nikolaj Aleksandrovich Nevskij // The Martirology of Leningrad. 1937–1938: The book of memory about the political repressions. Vol. 3: November 1937 [Nevskij Nikolaj Aleksandrovich // Leningradskij martirolog. 1937–1938: Kniga pamjati politicheskikh repressij. T. 3: nojabr' 1937 goda]. Izdatel'stvo Rossijskoj Nacional'noj Biblioteki, Saint-Petersburg, 1998. P. 510–513.
11. *Nevsky N.* A Brief Manual of the Si-Hia Characters with Tibetan Transcriptions. Osaka, 1926.
12. *Nevskij N.A.* About the name of Tangut state // The papers of The Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of sciences. II. Vol. 3. 1933 [O naimenovanii tangutskogo gosudarstva // Zapiski IV AN SSSR. T. II. Вып. 3. 1933]. P. 129–150.
13. *Nevskij N.A.* Folklore of Miyako Islands [Fol'klor ostrovov Mijako]. Nauka, Moscow. 1978.
14. *Nevskij N.A.* Folklore of the Ainu [Ajnskij fol'klor]. Nauka, Moscow, 1972.
15. *Nevskij N.A.* Materials on languages of Tsou [Materialy po govoram jazyka Cou]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow; Leningrad, 1935.
16. *Nevskij N.A.* Materials on languages of Tsou. The dictionary of the dialect of Northern Tsou [Materialy po govoram jazyka cou. Slovar' dialekta severnyh cou]. Nauka, Moscow, 1981.
17. *Nevskij N.A.* Study of history of Tangut studies // The proceedings of The USSR Academy of sciences. 1931. Vol. 1 [Ocherk istorii tangutovedenija. Izv. AN SSSR. 1931. №1]. P. 7–22.
18. *Nevskij N.A.* Tangut philology: researches and dictionary. In two volumes [Tangutskaja filologija: Issledovanija i slovar'. V 2-h kn.]. Izdatel'stvo vostochnoj literatury, Moscow, 1960.
19. *Nevskij N.A.* Tangut writings and their collections. A separate reprint of the Contributions of the orientologists group during the Session of the USSR Academy of sciences on March, 20, 1935 [Tangutskaja pis'mennost' i ee fondy. Otdel'nyj ottisk iz Dokladov grupy vostokovedov na sessii Akademii Nauk SSSR 20 marta 1935 g.]. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow; Leningrad, 1936.
20. *Nikolaj Nevsky: life and legacy: collected papers [Nikolaj Nevskij: zhizn' i nasledie: sbornik statej].* Filologicheskij fakul'tet SPbGU, Saint-Petersburg, 2013.
21. On the glass of eternity... Nikolaj Nevsky. Translations, researches, materials for the biography // Saint-Petersburg Oriental Studies. Volume 8 [Na steklah vechnosti... Nikolaj Nevskij. Perevody, issledovanija,

- materialy k biografii // Peterburgskoe vostokovedenie. Vyp. 8]. Centr «Peterburgskoe vostokovedenie», Saint-Petersburg, 1996. P. 240–560.
22. Sociological, ethnological and linguistic problems of modernity. The points of contributions of the International scientific conference, devoted to the 110th anniversary of the orientalist N.A. Nevsky [Sociologicheskie, jetnologicheskie i lingvisticheskie problemy sovremennosti. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 110-letiju uchenogo-vostokoveda N.A. Nevskogo]. RGATA, Rybinsk, 2002.
23. *Toder F.A.* Taiwan and its history in XIXth century [Tajvan' i ego istorija (XIX v.)]. Nauka, Moscow, 1978.
24. Tsou people // Council of Indigenous People of Executive Yuan of Republic of China [Zouzu // Yuanzhu minzu weiyuanhui] // <https://www.cip.gov.tw/zh-tw/tribe/grid-list/AE6EE12F5F284D59D0636733C6861689/info.html?cumid=8F19BF08AE220D65> (date of visit: 01.10.2023).

Ключевые слова:

Невский Николай Александрович, тайваневедение, племена цоу, тангутоведение.

Anna S. Kaimova

NIKOLAI A. NEVSKY: AT THE ORIGINS OF TAIWANESE STUDIES IN RUSSIA

his article, based on earlier publications, represents the biography of the famous Russian and Soviet orientalist Nikolay Aleksandrovich Nevsky (1892–1937). It also provides the analysis and author's view on Nevsky's works on the languages of the Taiwanese aboriginal people of the Tsou. Nikolay A. Nevsky is usually characterized as a specialist in such fields as Japanese studies, Tangut studies, Chinese studies, Ainu studies. The purpose of this article is to prove that he may also be one of the founders of Taiwanese Studies in Russia and that his works have not lost the actuality up to today not only for Russian-speaking readers but also for those all over the world.

Key words: Nikolay Nevsky, Taiwan Studies, Tsou people, Tangut Studies.

Anna S. Kaimova – Ph.D. in History, Associate Professor of the Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University.

 Каимова Анна Сергеевна

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Китая
Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова

DOI: 10.35549/HR.2023.2023.46.015

ФОТОАЛЬБОМ СОТРУДНИКОВ КОНСУЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ИЕРУСАЛИМЕ ИЗ СОБРАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ ИЗРАИЛЯ

о дня основания российского консульства в Иерусалиме, действовавшего с 1858 по 1914 г., 20 сентября (2 октября) 2023 г. исполнилось 165 лет. Юбилейная дата — хороший повод ознакомиться с фотоальбомом консульства, который вели его сотрудники. Источник содержит студийные

портреты дипломатического и административного персонала консульства (с 1891 г. — генерального консульства), членов их семей, а также групповые фотографии представителей «Русской Палестины» и даже любительские снимки. Обложка выполнена из зеленой кожи. Размеры альбома 21х32 см, всего в нем размещено на 23 страницах 80 черно-белых фотографий, в основном в хронологическом порядке. Первые датированы 1858 г., последние — 6 декабря 1912 г. Под фотокарточками имеются карандашные либо чернильные подписи на русском языке, содержащие сведения об изображенных на них людях и времени съемки.

«Светопись» не была для Иерусалима необычным делом уже с середины 1850-х гг., а в 1866 г. архимандрит Антонин (Капустин) устраивает в Русской духовной миссии собственную фотомастерскую. Большинство снимков альбома было создано на рубеже XIX и XX вв., когда технический прогресс сделал фотосъемку доступной и массовой. 19 страниц

Обложка фотоальбома. Надпись: «Сотрудники Российского Императорского консульства в Иерусалиме. Открыто 20 сентября 1858 года»

альбома остались пустыми, так как с началом Первой мировой войны дипломатические отношения между Россией и Турцией были прерваны, генеральное консульство в Иерусалиме было закрыто, а его имущество расхищено или приведено в негодность. Впрочем, после отъезда в 1907 г. из Иерусалима генерального консула А.Г. Яковлева его коллеги заполнили снимками лишь три страницы (на период работы Александра Гавриловича приходится 11 страниц).

Судьба фотоальбома в период британского правления в Палестине (1917–1948) нам неизвестна. Однако учитывая то обстоятельство, что и поныне в антикварных и букинистических лавках Иерусалима появляются время от времени личные вещи дипломатов царской России, можно предположить, что он попал в частную коллекцию, откуда был передан в марте 1949 г. в собрание рукописей Еврейского университета, вошедшее со временем в Национальную библиотеку Израиля (The National Library of Israel, The Pritzker Family National Photography Collection, Photograph Collection). В апреле 2023 г. генеральный директор библиотеки Орен Вайнберг любезно предоставил Посольству России в Израиле оцифрованную копию фотоальбома.

Большинство снимков пока неизвестны российскому дипломатическому и исследовательскому сообществу. Публикуем некоторые страницы фотоальбома, не вошедшие в иллюстративный материал к статье о А.Г. Яковлеве.

Ф.В. Георги

Первый состав консульства: консул В.И. Доргобужинов (1858–1860), секретарь А.К. Кривошеин (либо секретарь в 1860-х гг. Н.Ф. Гладкий, известный своим вкладом в удачное разрешение «Купольного дела»), писарь П.Д. Левитов, нештатный драгоман (переводчик) М.О. Шехашири (Шейх-Ашири), Н.С. Фаррадж — помощник драгомана

Консул Н.А. Илларионов (1876–1880), с «перерывом» на время русско-турецкой войны. Секретарь и драгоман А.Г. Яковлев (1879–1881). Кавас Дмитрий Сароглу

Н.А. Преображенский. Сверхштатный студент (Jeune de langues) посольства России в Константинополе в начале 1880-х гг. В 1882 г. пребывал в Иерусалиме на стажировке.

Черногорец Марко Джурич. Кавас консульства (1866–1889).

Консул В.А. Максимов (1889–1891 гг.). Его дочь Татьяна.

Кавас Лука и слуга консула В.Ф. Кожевникова серб Н.П. Грандович (1880-е гг.).

Драгоман Жибраил Самури (1880-е гг.)

Супруга и дочь секретаря и драгомана А.А. Ростковского.

Кавасы консульства Николай, Оди и Иван.

Г.В. Брандт. Сверхштатный студент (Jeune de langues) посольства России в Константинополе в середине 1880-х гг. В 1887 г. пребывал в Иерусалиме на стажировке.

Консул Д.Н. Бухаров (1886–1888 гг.)

На групповых фотографиях: 1. Консул Д.Н. Бухаров (1886–1888). 2. Секретарь и драгоман А.П. Беляев. 3. Сверхштатный второй секретарь Н.Н. Клементьев. 4. Драгоман М.О. Шехашири. 5. Драгоман Я.И. Хури. 6. Супруга М.О. Шехашири. 7. Сестра Н.Н. Клементьева. 8. Начальница женской школы ИППО в Назарете М.С. Савельева. 9. Кавас Иван. 10. Сторож Али. 11. Писарь Л. Давидсон. 12. Кавас Марко. 13. Кавас Дмитрий. 14. Помощник драгомана Н.С. Фаррадж. 15. Сестра Ирина. 16. Кавас Оди.

Управляющий консульством А.П. Беляев с супругой и детьми (1891 г.)

А.П. Беляев (1859–1906) — дипломат-арабист. Секретарь и драгоман консульства в Иерусалиме (1887–1891), управляющий консульством в 1891 г.

Супруга и ребенок генерального консула С.В. Арсеньева (1891–1897).

Чиновник по еврейским делам, драгоман А.С. Соломяк.

На групповой фотографии: управляющий консульством А.П. Беляев (1) с супругой (2) и сверхштатным секретарем Н.Н. Клементьевым (16) с сестрой (3). Присутствуют также драгомены консульства, кавасы и привратники, служащие и насельники подворий «Русских построек». Иерусалим (1891 г.)

Генеральный консул А.Г. Яковлев (1897–1907) с драгоманами Я.И. Хури и Я.Н. Фарраджем на приеме во французском генеральном консульстве (1/14 июля 1907 г.).

Драгоман Я.Н. Фаррадж. После 1917 г. принимал активное участие в работе эмигрантских структур в Святой земле.

Старейший драгоман (с 1858) М.О. Шехашери (1889 г.).

Драгоман Абдо Хомси (1889–1901)

Генеральный консул С.В. Арсеньев (1891–1897 гг.).

Секретарь консульства (впоследствии генконсул) А.Ф. Круглов с первой супругой и дочерью (1896 г.).

Секретарь консульства Б.Н. Евреинов (1897 г.).

Драгоман консульства А.А. Воеводский (1895 г.).

Драгоман консульства В.И. Ширков (1897 г.).

Писарь Ф.И. Хури (1897 г.).

Драгоман консульства А.А. Базилевский (1900 г.)

Драгоман Я.Н. Фаррадж.

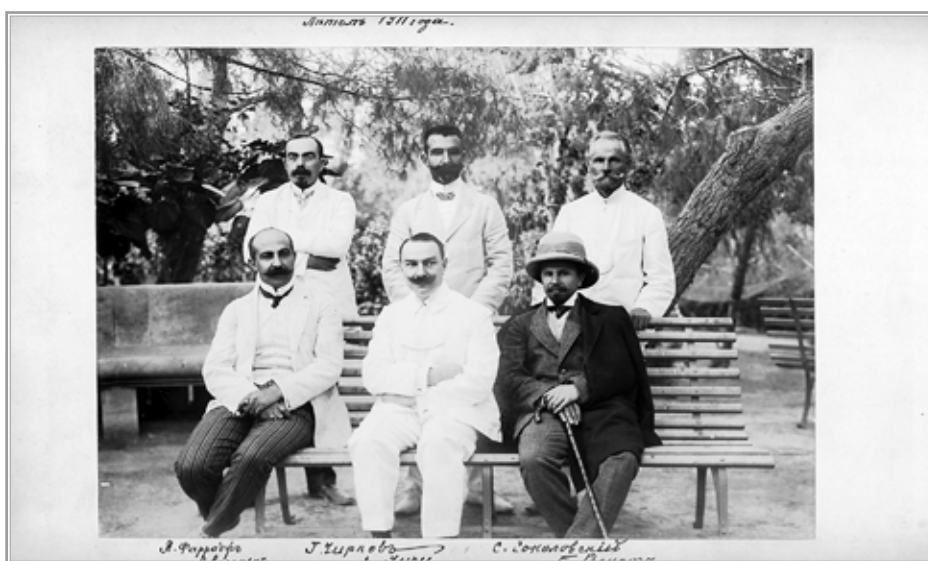
На групповой фотографии: Блаженнейший Патриарх Иерусалимский Дамиан (1), генеральный консул А.Г. Яковлев (3) с супругой (2), начальник РДМ архимандрит Леонид (Сенцов, 4), Лиля Яковлева (5), А.С. Соломяк (6), и.о. вице-консула в Яффе Л.А. Пипер (7), Я.Н. Фаррадж (8), Нина Яковлева (9), П.Ф. Петухова (10), Г.Ф. Вендт (11), диакон Иерусалимской православной церкви Порфирий (12). (30.08.1907).

Валентина (Лиля) Яковлева. «Смазанный» снимок.

Из писем А.Г. Яковлева к В.Н. Хитрово (Константинополь, 1890 г.):

«12 марта около полуночи у нас родилась дочка. Зватья она будет или Татьяна, или Цецилия. Татьяна — лучше. Цецилия — хорошее имя, но на французском или на итальянском языках. По-русски это имя несколько грубо».

«Сегодня <23 апреля> мы окрестили нашу 2-ю дочь и назвали ее Валентиною».

Сидят: Я.Н. Фаррадж, секретарь генконсульства Г.В. Чирков, драгоман генконсульства С.А. Соколовский. Стоят: А.С. Соломяк, Я.И. Хури, Г.Ф. Вендт. Лето 1911 г.

Georgi Fedor

PHOTO ALBUM OF EMPLOYEES OF THE CONSULATE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN JERUSALEM DEPOSITED IN THE NATIONAL LIBRARY OF ISRAEL

In 2023 we mark 165 years since the founding of the Russian Imperial Consulate in Jerusalem, which operated from 1858 to 1914. The anniversary date is a good occasion to get acquainted with the photo album of the Consulate deposited in the National Library of Israel, which was kept by its employees. Based on its materials, the Russian Embassy in Israel prepared an online exhibition “Faces of the Russian Imperial Consulate General in Jerusalem. To the 165th anniversary of its founding» (<https://www.yakovlev-jerusalem.ru/1858-1914>).

The source contains studio portraits of the diplomatic and administrative staff of the Consulate (since 1891 — the Consulate General), members of their families, as well as group photographs of representatives of «Russian Palestine» and even amateur photographs. Most of the photographic materials are published and described for the first time.

Key words: Russian Empire, Middle East, Holy Land, Jerusalem, The National Library of Israel, Photography, Photo Albums of the late XIX — early XX Century, Diplomacy, Consulate, Consul General.

Material prepared by: Fedor V. Georgi — First Secretary of Russian Embassy in Israel.

Материал собрал и подготовил к публикации

 Георги Федор Вадимович

Первый секретарь Посольства России в Израиле

Ключевые слова:

Российская империя, Ближний Восток, Святая земля, Иерусалим, Национальная библиотека Израиля, фотография, фотоальбомы конца XIX — начала XX в., дипломатия, консульство, генеральный консул.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в формате Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.docx»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и бóльшего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.Л. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегель) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J.* The History of USA. London, 2002. P. 14.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // *Information Support of Science. New Technologies: Collected papers* [Система экспертных оценок в информатсионном обеспечении ученыkh. Informatsionnoe obespechenie nauki // *Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.*] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1500–2000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

**Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com**

ПОДПИСКА

Оформить подписку на журнал «Исторический вестник»
можно он-лайн на сайте Почты России.

www.podpiska.pochta.ru

Наш индекс – ПА772.

**Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.**

Для заметок

Следующий номер «Исторического вестника»
посвящен истории Гражданской войны
и иностранной военной интервенции
в России (1917–1922 гг.).

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
российских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке